

А. И. КУЗНЕЦОВА
Е. А. ФЕЛИМСКИЙ
Е. В. ГРУШКИНА

Очерки
по селькупскому
языку

Издательство Московского университета 1980

ПУБЛИКАЦИИ
ОТДЕЛЕНИЯ
СТРУКТУРНОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

СЕРИЯ
МОНОГРАФИЙ

Выпуск 8

МАТЕРИАЛЫ
ПОЛЕВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Под общей редакцией
В.А. ЗВЕГИНЦЕВА

А.И. КУЗНЕЦОВА
Е.А. ХЕЛИМСКИЙ
Е.В. ГРУШКИНА

ОЧЕРКИ ПО СЕЛЬ- КУПСКОМУ ЯЗЫКУ

•
тазовский диалект
•

Том I

Издательство
Московского университета • 1980

ГІ 2 - 03 269

~~ОТТИП~~

МГУ им. Ломоносова

Филфак

ОТИП

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты: канд. филол. наук Л.А.Верковицкая,
докт. филол. наук В.А.Дыбо

© Издательство Московского университета, 1980 г.

Предлагаемая работа представляет собой опыт лексико-семантического, фонетико-фонологического, морфологического и синтаксического описания одного из малоисследованных языков Сибири — селькупского (тазовский диалект), относящегося к самодийской группе уральской языковой семьи. Она построена на основе материала лекций по самодийскому и селькупскому языкознанию, прочитанных в последние годы авторами книги в рамках спецкурса для студентов ОСиИ филологического факультета МГУ. Материалы, используемые в спецсеминарах той же тематики (селькупские тексты и словарь), подготавливаются в настоящее время к печати (том II).

В книге использованы результаты полевых исследований, проведенных в 1970–1973 и 1977 гг. экспедициями к тазовским селькупам. А.И. Кузнецова была руководителем, а прочие авторы — участниками экспедиций.

Книга содержит четыре главы, состоящие из разделов.

Отдельные части книги распределены между авторами следующим образом:

А.И. Кузнецовой принадлежат Введение, глава "Лексика и семантика" (за исключением раздела "Звукоподражательная лексика"), ряд разделов в главе "Морфология" ("Наречие", "Частицы", "Модальные слова", "Мехдметия", а также разделы "Категория совершаемости", "Морфемный состав селькупского языка. Словообразование", "Провербы" и "Прилагательное", написанные совместно с Е.А. Лалимским).

Е.А. Лалимскому принадлежат глава "Фонология", ряд разделов в главе "Морфология" (вводные замечания, "Существительное", "Глагол", "Числительное", "Местоимение", "Послелог").

Е.В. Грушкиной принадлежит глава "Синтаксис" и раздел "Сюжеты" в главе "Морфология".

Кроме того, в книгу включен раздел "Звукоподражательная лексика", написанный О.А. Казакевич.

Настоящая работа не могла бы быть создана без неоценимой помощи людей, делившихся с участниками экспедиций знанием родного для них языка. К нашему глубокому прискорбию, ныне уже нет в жи-

вых С.И.Ирикова, М.П.Киприна, А.Е.Кунина, Н.Н.Морокова, Л.Н.Орчина, Е.З.Полиной, И.З.Полина, Г.И.Сайготина — прекрасных знатоков селькупского языка, талантливых сказителей, наших терпеливых и бескорыстных учителей. Глубокой признательности авторов заслуживают также Е.П.Безруких, И.Н.Давиндук, В.Н.Ирикова, Р.И.Калина, В.Л.Кунина, А.Н.Орчин, К.И.Сайготин, В.М.Сайготина, А.С.Хозов и многие другие информанты.

Пользуемся случаем, чтобы принести искреннюю благодарность Л.А.Барковичской за предоставление своих рукописных материалов по селькупскому языку (главным образом по баиненскому говору) в период подготовки к первой экспедиции.

Авторы благодарят всех членов лингвистических экспедиций — студентов филологического факультета МГУ, принимавших непосредственное участие в сборе и первичной обработке языкового материала, а также рецензентов книги и многих коллег, ознакомившихся с настоящей работой или с отдельными ее частями в рукописи и высказавших ценные замечания и пожелания.

ВВЕДЕНИЕ

Селькупский (остяко-самоедский) язык распространен на территории Западной Сибири, в основном в междуречье Оби и Енисея. Селькупы состоят из двух основных групп — южной, обской (живут или жили ранее по Оби и ее притокам Тьму, Васигану, Кети, Парасели, Чае, Чулыму в Томской области) и северной, тазовско-туруханской (живут по реке Таз в Тюменской области и по притокам Енисея — главным образом по Турухану с Верхней и Нижней Банхой и Елогун — в Красноярском крае). Тазовские селькупы заняли современные места своего расселения сравнительно поздно, в XVII веке, продвинувшись с юга. Именно представители северной группы и называют себя селькупами (äölgur "таежный человек"). Южная группа единого самоназвания не имеет.

В дореволюционной литературе селькупы именовались остяко-самоедами. Это название, до сих пор используемое рядом зарубежных исследователей, отражает близость селькупов, с одной стороны, к самодийцам (ненцам, энцам, иганасанам, камасянцам и ныне исчезнувшим мелким племенам Саянского нагорья), с другой стороны, к хантам, которых в прошлом называли остяками (у хантов и селькупов много общего в хозяйстве, культуре и, возможно, происхождении).

В советское время за всеми селькупами закрепилось название северной, тазовско-туруханской группы.

По существующему ныне административно-территориальному делению места расселения тазовских селькупов в основном ограничены пределами Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Район выделен из состава Туруханского района Красноярского края в августе 1944 г. и состоит в настоящее время из четырех сельсоветов (Красноселькупский, Сидоровский, Верхнетазовский и Толькинский).

По данным переписи 1970 г., общая численность селькупов составляла 4300 человек, из которых к тазовским селькупам относятся около 1200 человек.

Количество селькупов в отдельных населенных пунктах Красноселькупского района, а также численное соотношение селькупов, русских и представителей других национальностей может быть

представлено следующей таблицей, составленной на основе "Списка населенных пунктов по Красноселькупскому району с количеством населения по национальностям (на I/I-1972 г.)"

Населенные пункты	Численность населения			
	Всего	Русские	Селькупы	Прочие
Красноселькупский с/с				
Красноселькуп ¹⁾	1103	517	454	232
Седельниково	29	13	14	2
Толькинский с/с				
Толька	550	159	314	77
Кикиякки	220	35	181	4
Верхнеатазовский с/с				
Ратта	299	27	180	92
Сидоровский с/с				
Сидоровск	181	23	99	59
В с е г о:	2382	774	1242	366

Красноселькупский район расположен между 62°40" и 67°10" северной широты и 79°00" и 86°18" восточной долготы. Протяженность с запада на восток - 505 км, с юга на север - 300 км. Общая площадь - более 100 тыс. км². Приблизительно 23% ее занято болотами, реками, озерами и тундрой, что не могло не сказаться на лексике селькупского языка и особенно отразилось на топонимических названиях района (см. I.4.3.). Остальная площадь покрыта лесами: в нижнем течении Таза это лесотундра с плотностью 0,3-0,4 насаждения (по составу - лиственный редколесье); среднее течение - болотно-лесная зона, а верхнее течение - таежная зона с сосновыми и кедрово-еловыми лесами.

Основными отраслями хозяйства северных селькупов были и есть охота (в нижнем течении обычно на песцов и горностаев, в среднем - на белок и песцов, в верхнем - на белок), рыболовство, оленеводство, имевшее в прошлом преимущественно транспортное значение, и клеточное звероводство, сложившееся лишь в последнее вре-

1) Кители Часельки, Матильки, Долгого переселены в Красноселькуп.

мя. Собираательство (в основном ягодный промысел) и сенокосные имеют лишь подсобное значение.

Социальная дифференциация у тазовских селькупов, в отличие от южных, была слабой. В недалеком прошлом у северных селькупов можно было проследить черты фратриального деления¹⁾. Названия генеалогических групп (подразделений, фратрий) были связаны с животными и птицами, что можно отметить сейчас в ономастике северных селькупов (особенно байшенских).

После революции в культуре и быте селькупов произошли большие изменения в сторону сближения с русской культурой. В результате увеличившихся контактов с русскими усилилась интерференция в области фонетики, наметились значительные сдвиги в области грамматики.

Помимо контактов с русским населением, селькупы взаимодействуют со своими непосредственными соседями. С севера это — ненцы, с запада — лесные ненцы бассейна р. Пур (так называемые пия или пия хасава), с юга — ханты, с востока — илимские эвенки и кеты. В Красноселькупе имеются смешанные селькупско-ненецкие, селькупско-эвенкийские, селькупско-хантыйские, селькупско-кетские и селькупско-русские семьи, в которых (за исключением последних) обычно языком бытового общения служит селькупский язык. Функцию же языка культуры и администрации во всех поселках Красноселькупского района выполняет русский язык.

В 30-е гг. была предпринята попытка создания письменности на селькупском языке (с ориентацией на тазовский диалект). Вначале была введена латинизированная графическая система, впоследствии ее заменили графикой на основе русского алфавита²⁾. В 30-50 гг. было написано несколько переведенных и заново составленных учебников для начальной селькупской школы; объединен-

1) Е.Д. Прокофьева. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия). "Сибирский этнографический сборник", I, "Труды института этнографии АН СССР". Новая серия, т. XVII, 1952, стр. 88-107.

2) Латинизированная графическая система приводится в работе Г.Н. Прокофьева "Селькупский (остяко-самоедский) язык" ("Языки и письменность народов Севера", М.-Л., ч. I, 1937, стр. 96), а графика на основе русского алфавита — в статье Е.Д. Прокофьевой "Селькупский язык" ("ЯН СССР", т. III, М., 1966, стр. 397-398).

ленные по настоящее время издания на селькупском языке, если не считать изданной для южных селькупов еще до революции "Азбука" Григоровского ("Азбука сносской гумани", 1879). Ценность этих изданий снижается из-за неточной и часто противоречивой записи, ненужного обилия южных русизмов (при наличии селькупских соответствий) и калек с русского языка. В последующие годы, в связи с ликвидацией обучения в начальных школах на селькупском языке, издание литературы на нем прекратилось. Официально числится языком младописьменным¹⁾, селькупский язык сейчас фактически остается бесписьменным.

Настоящая работа опирается на материалы, собранные экспедициями под руководством А.И.Кузнецовой, которые работали в период с 1970 по 1973 гг. включительно и в 1977 году во всех поселках Красноселькупского района Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области (Сидоровск, Красноселькуп, Ратта, Толька и Кикиакки), а также на довольно обширную лингвистическую литературу по селькупскому языку, обзор которой здесь сознательно не дается (см. таковой в работах А.И.Кузьминой "Грамматика селькупского языка" (ч. I, изд. НИУ, 1974) и Хайду (Hajdu P. The sajoeyed peoples and languages. 2nd ed., Bloomington, 1963), хотя она учитывалась при написании данной работы и на нее делались соответствующие отсылки в тексте.

Как уже отмечалось, селькупское население Красноселькупского района сосредоточено главным образом в поселках Сидоровск (Šitorofaka, Šitorofaka), Красноселькуп (Karyf masu) — здесь проживают также выходцы из ныне ликвидированного поселка Часельки (čəy1'ku), из поселков Толька (tō1'ku), Кикиакки (kikaj 3əqə) и Ратта (Ratta, ratta). В некоторых местах — главным образом, на р.Худосей (Kutaš) и Чертовом озере (čəy1'əš) — имеется полукочевое население и оседлые, но живущие изолированно от поселков хозяйства. В первых трех поселках распространен среднетазовский говор, а в трех других — верхнетазовский (верховской) говор тазовского диалекта. Различия между говорами особенно заметны на фонетическом уровне (ср.-таз. i~ в.таз. j; ср.-таз. ä-в.-таз. a, ɛ и т.д., см. 2.7)

1) См., например, Е.Д.Прокофьева. Селькупский язык. "ЯН СССР", т. III, 1966, стр. 396.

и в лексике (ор.-таз. *urkułaa* ~ в.-таз. *qō* "ухо"; ср.-таз. *ci* ~ в.-таз. *šimā* "ведро"; ор.-таз. *pesu* ~ в.-таз. *eōqut* "печь"; ор.-таз. *pūlloqa* ~ в.-таз. *pūaa* "песец" и т.д.). Для среднетазовского говора более характерно ненецкое и русское, для верхнетазовского – эвенкийское языковое влияние. Можно отметить, что в поселках, занимающих промежуточное положение, наблюдаются переходные черты, частично сближающие речь выходцев из Часельки с верхнетазовским говором, а речь жителей Тольки – со среднетазовским говором. Тем не менее граница говоров выделяется достаточно четко (в том числе и самими информантами-селькупами, обычно взаимно оценивающими другой говор как "испорченный" ненецким или эвенкийским влиянием).

В ходе работы экспедиции ее участники неоднократно встречали селькупов – выходцев с территории Красноярского края, из бассейнов Баихи (*Bajkan*), Турухана (*Turqan*) и Елогуя (*Eluq*), ныне проживающих в Красноселькупском районе или находившихся там временно. Судя по собранному при этом материалу, а также по доступным нам данным других авторов, распространение по указанным рекам диалектные формы селькупского языка могут квалифицироваться как говоры тазовского (или, употребляя более общее название, северного) диалекта (баихенский или баихенско-туруханский, елогуйский, карасинский...), более близкие верхнетазовскому, чем среднетазовскому говору.

ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА

1.1. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ СЕЛЬКУП-
СКОГО ЯЗЫКА

Лексика бесписьменного селькупского языка обладает большой ценностью как источник историко-этнографических сведений о жизни народа. Быт народа, его социальная организация и мировосприятие отражены особенно ярко в тех лексико-семантических группах слов, которые по своему характеру приближаются к терминологическим: в именах родства, календарных названиях, географических наименованиях, глаголах движения, в исконной общественно-политической лексике, во многом сейчас устаревшей; в названиях одежды и утвари; в лексико-семантических полях флоры и фауны и т.п.

Однако и остальные слои лексики в большей или меньшей степени дают сведения о жизни народа. Так, глаголы движения содержат ряд слов, означающих способ передвижения, специфичный для данного народа и данного района, — движение на челноках, лодках, нартах, причем каждый конкретный способ передвижения нередко передается особыми словами.

В семантической структуре слов, особенно многозначных, а также сложных комплексов наблюдается большое сходство между селькупским и другими самодийскими и финно-угорскими языками. То, что представляется необычным с точки зрения носителя русского языка, оказывается закономерным с точки зрения носителей самодийских и финно-угорских языков.

Многочисленные лексико-семантические изоглоссы, семантические параллели (особенно селькупско-хантыйские и селькупско-кетские) наряду со сходными признаками в области фонетики и грамматики позволяют поставить вопрос о наличии особого языкового союза в районе северо-западной Сибири.

Лексика тазовского диалекта селькупского языка неоднородна по своему составу. В ней можно выделить различные слои с точки зрения происхождения слов (исконная, заимствованная лексика), с точки зрения территориальной закрепленности (верхнетазовский и

ореднотазовский говор тазовского диалекта), с точки зрения исторической перспективы (архаическая лексика), с точки зрения стилистической окрашенности (грубо просторечная и нейтральная лексика).

З а и м с т в о в а н и я из других языков составляют немалый процент в селькупском языке. Особенно много заимствований приходит из русского языка. Прежде всего, это бытовая лексика, имеющая большой стаж функционирования в селькупском языке и полностью подчиненная законам фонетики и грамматики селькупского языка, например, раџ "пасть, ловушка", тогуџ "сторож", ратарка "награда" (из русского подарок), калмат "карман", аџуг "сарай", сундук "сундук", турга "труба" и другие.

При заимствовании часто происходит искажение слова, делающее его почти неузнаваемым (имеются в виду нерегулярные процессы, в отличие от регулярных фонетических): пџна "нужно, надо", из русского надобно (не исключена контаминация надо и нужно); солко "рубель" (русск. целковый); гуџ, гуџуџ "русский"; суруџса "одеяние"; џаска (наряду с џасок "дьячок"; рџска (или раска) "пон" (русск. батыня) и т.п.

В последнее время особенно активно заимствуется из русского языка общественно-политическая лексика, часто фонетически не переработанная селькупским языком, хотя одновременно в качестве общественно-политической терминологии используется и исконная лексика, например: џатуџ' док "царь", доџмџт "сельсовет", доџ ира "председатель", оџыт доџ "начальник", тамтур "род" (доџдоџ тамтур "Медведь род", џџмруџ тамтур "Орлиный род", доџаџ тамтур "Кураважный род", сардоџ тамтур "Глухаринный род" и т.д. I) и другие.

Широко распространено в селькупском языке калькирование целых выражений русского языка, причем калька может быть полной (пџмкытуџ' мџну "безымянный палец", џџнты рџты "Новый год") и

I) См. Е.Д. Прокофьева. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия). "Сибирский этнографический сборник", I, М.-Л., 1952, стр. 88-107. Труды института этнографии АН СССР. Новая серия, т. XVII. В настоящее время существительное тамтур более употребительно в другом своем значении - "связка чего-либо": џџтыџ тамтур "сноп", пџкур доџ тамтур "связка карточек, пачка бумаги".

частичной, когда один из элементов сочетания непосредственно заимствуется из русского языка: *härqu armija* "Красная армия"; *motot alako* "моторная лодка".

Иногда для обозначения новых предметов быта, новых понятий используются сочетания слов, в которых либо оба слова заимствованные, либо одно — заимствованное, подчинившееся законам селькупской фонетики и грамматики, а другое — селькупское: *gūsyi' tuk* "кноп" (буквально "русский червяк"), *gūsyi' mēak* "хозяйственная сумка" (буквально "русский мешок"), *sākan ūly* "блинцы" (буквально "чашки дно"), *puākan pūtyi' rō* "шомпол" (буквально "ружья внутреннее дерево").

Наконец, встречаются случаи гибридного словообразования: русский корень (основа) + селькупский суффикс, например: *koākaia* "кошечка, котенок" (суффикс уменьшительности *-ia*); *karmanu'i* "карманный", *solotai* "золотой", *puākanu'i* "ружьиный", *mutygonu'i* "мудреный, чудесный", *kurusu'i* "грузовой" (прилагательные образованы по селькупской модели, с помощью суффикса *-i*); *taskai-qo* "таскать" (параллельно существуют свои глаголы с тем же, обычно конкретизирующим значением: *ūqyltyqo* "тащить что-либо волоком, например, лодку", *tūqylqo* "перетаскивать что-либо с места на место", *mētarqo* "мешать", *šalowatttyqo* "жаловаться" (селькупский глагол *omtytttyqo*), *putamirqo* "править, исправлять", *isuttyqo* "учить" (глаголы оформлены с помощью показателя инфинитива *-qo*); *paqai-pārōqu* "нарочно".

На юге Красноселькупского района в течение длительного времени происходит контактирование между тазовскими селькупскими и ваховскими хантами. Территориальная близость и постоянное общение привели, естественно, к тому, что в тазовский диалект селькупского языка было заимствовано много хантыйских слов. Правда, порой бывает трудно определить, имеем ли мы дело с заимствованием из хантыйского или с общепрауральским лексическим слоем. Нелегко также судить о направлении заимствования, идет ли оно из хантыйского в селькупский или наоборот (в таких случаях разумнее давать просто хантыйско-селькупские лексические параллели).

Интересным является тот факт, что из хантыйского в селькупский часто заимствовались не названия реалий, а слова с более или менее абстрактным содержанием, например, хант. *keras* "вид, образ, внешность, наружность" дало в селькупском *karas* (значение то же); хант. *ino* "древний, старинный" изменилось в селькупском в *iafsa-gā* "старина"; хант. *n'ān'ān* "мягкий" перешло в селькупский в виде наречия *hāmuk* "мягко", а хант. "прямой, прямо" превратилось в

пугук "прямо".

Видимо, из хантыйского перешли в селькупский такие слова, как *puqcu* "дым", хант. *пери, и*; *ресса* "сорог", хант. *пичи*; *софсу* "нагар" и - в Красноселькупе - "куга", хант. *т'онд*, "нагар"; *исару* "круглый поплавок", хант. *домп* "наплав, крупный поплавок"; *либсу* "кушанье в виде студенистой массы из отвара рыбьей чешуи", хант. *дон'т'*; *мацуи* "узел", хант. *мучкал* и другие.

Можно привести также немало хантыйско-селькупских семантических параллелей, свидетельствующих о большой языковой близости этих двух языков (см. I.2.1 и I.3.).

На западе района селькупы контактируют с пуровскими (лесными) ненцами, а на севере - с тазовскими ненцами. В этих районах много ненецких топонимических названий (см. стр. 76). Заимствования из ненецкого языка встречаются преимущественно в обозначениях одежды (как, например, *maisa* "малица", нен. *малыца* "верхняя мужская меховая одежда, шьет мехом внутрь") или в оленеводческих терминах (сельк. *waqyta* из нен. *вангди*; сельк. *baicu* "полутодовой теленок оленя" из нен. *нялово* "теленка на втором году").

На юго-востоке тазовские селькупы соседствуют с эвенками, у которых верхояские тазовские селькупы (Ратта) заимствовали такие слова, как *kaityg* "порог в чуме", эвенк. *кудтир*; *kwala* "коврик из шкур для покрытия языка", эвенк. *кумалай*; *sisyn* "скребок для выкабливания мездры", эвенк. *чучун*; *tigartyn* "подпруга у оленя", эвенк. *тынгартун*; *kujava/kujavun* (в Красноселькупе - *kuja*) "приспособление для сбора ягод (биток)", эвенк. *гуявун*. Существительное *losuke* из эвенк. *лочоко* "седло, деревянная основа седла" вытеснило в Ратте исконное *paqean* (в Красноселькупе оно сохранилось).

В некоторых словах при заимствовании могут происходить семантические изменения. Так, эвенк. *таймй* "защипная котомка из берести" в раттовском селькупском дало *taim₂* с дополнительным значением "корыто для яколи".

В районах, близких к расселению эвенков, встречается много эвенкийских топонимов (см. I.4.3.).

В лексике тазовского диалекта селькупского языка, как мы видели, можно найти большое количество иноязычных и идиалектных слов, органически вошедших в селькупский язык настоящего времени.

Помимо слов, выделяемых в лексике современного селькупского языка с точки зрения их происхождения, можно выделить с точки зрения исторической перспективы п л а с т у с т а р е в ш и х

с л о в (архаизмов и историзмов). Одни из них известны только старикам, встречаются в сказках, а также зафиксированы в словаре Кастрена, но уже не известны средне-молодому поколению, например, *net* "ряд", *u* "куропатка" (в Красноселькупе слово считают верховским, но и в верховьях оно введено словом *kurpaška*), *ula* "подвода", *oñtys* "море, морской залив", *lūrkutea* "загадка", *tanog* (или *tanap* "станок, ям", *sonqo* "снежить" (только в таз.), *tīruŋ-qur* "мужчина", *kaš* "куница" (слово, сохранившееся в названии реки Камки); народные календарные наименования (см. I.4.2). Другие уходят из языка вместе с предметами быта, которые они обозначали, но еще сохранились в памяти средне-молодого поколения, хотя не всегда четко могут быть истолкованы, как, например, *koša*, *tīšša* и *kēsuŋko* - три вида стрел: первый - с наконечником тупым, в виде шишки ("томар"), употреблялся для боя соболя, куницы, горностая; второй - с наконечником в виде двузубой вилки (*ε ttā*); третий - с одним острым железным концом. К историзмам относятся также *qortā* "копчан для стрел", *taqa* "отказ" (палка с ножом на конце), *kašamo* "разрушенные старинные землянки"¹⁾, *lūmōt* "церковь" (буквально "небесный дом или дом Бога"). Устарели и многие термины шаманства, поскольку реально в настоящее время шаманов уже нет и они практически не шаманят (Г.Н.Прокофьев в своем дневнике 1925-1926 годов дает прекрасное описание сеанса шаманства): *qamutyrgo* "шаманить без бубна в темном чуме" в отличие от *amarygo* "шаманить с бубном, петь", *qaršun* "сарабанный палка, лопатка шамана", *niya* "бубен", *ruŋu* "человек, приносимый шаманом в жертву ради спасения другого", *qutun* "нагрудник у шамана", *ε tūŋ* "шаманский чепец" (в бакшенском диалекте, по материалам Л.А.Варковичкой, это - *gaty*) и другие.

В некоторых случаях устарело только терминологическое, связанное с шаманством, значение слова, в других же своих значениях слово широко бытует в языке, например, глагол *tarquŋgo* почти не

1) О селькупских *kašamo* "карамо" как специфической форме землянок известно очень мало. Не исключено, что у тазовских селькупов их не было вообще. См. З.П.Соколова. К вопросу о развитии обско-угорской землянки. "Ежегодник. Тименское областное управление культуры. Тименский областной краеведческий музей", 1959, вып. I, стр. 9-26.

известен в значении "нагрывать (бубен)" (*аугар тапкугат!*)¹⁾, но употребим в значении "надувать что-либо" (мяч, воздушный шарик...); существительное *аар* полусабыто в значении "сила шамана" (то есть способность шамана к шаманству), которую окружающие оценивали по его песням, но встречается в значении "физическая сила (человека)"; слово *руу* в значении "жертва" знает единицы, а *руу* "мост" — широко бытующее слово современного языка (ср. глагол *руулутоо* "сделать мост").

В целом с точки зрения исторической перспективы необходимо констатировать относительно хорошую сохранность старой лексики, зафиксированной Кастреном в XIX веке (при сравнительно больших фонетических изменениях), у тазовских селькупов, живущих на окраине области расселения селькупов в Сибири. Благодаря хорошей консервации лексический материал, собранный в тазовском диалекте селькупского языка, приобретает особую ценность.

Наконец, лексический состав селькупского языка можно рассматривать и с точки зрения стилистической окрашенности слов, большая часть которых употребляется нейтрально, а меньшая — как просторечная, грубая лексика, часто даже нецензурная. Устаревшую сейчас шаманскую лексику с этой точки зрения, видимо, следовало бы считать аналогом высокой, "книжной" лексики других языков. В селькупском языке есть слова, относящиеся к нейтральной по окрашенности лексике, но имеющие отдельные значения, используемые как грубо просторечная лексика, например, *сагу* "болотце" (см. I.4.3.) и — ругательство в обращении к человеку; *русаллака* "трутовик на березе" и — ругательство (в связи с этим для обозначения трутовиков используется и эвфемизм *ауялаллака*); *лозу* и *күзу* (верховское слово) — слова-проклятия (*лозу*, кроме того, означает "дух", "черт"); *эйу* "маг" и неприличное слово; *кома* "стрела (томар)" и ругательство в сочетании *lattar set кома*.

1) Е.Д.Прокофьева считает, что здесь речь должна идти о глаголе, производном от *таут* "лето", и все сочетание следует переводить буквально "сделай бубен летним" (См. "Костям селькупского (остяко-самоедского) шамана" в "Сборнике музея антропологии и этнографии", 1949, т. XI, стр. 353). Е.Д.Прокофьева и Л.А.Варковичная приводят примеры отдельных шаманизмов из других диалектов селькупского языка, как, например, *сэгу* "кровь" вместо обычного *кеш*, *эёэ* "человек" вместо общеупотребительного "плевок", *ёруги* "дух" вместо *лозу* и другие.

Выделенные нами лексические пласты селькупского языка, причудливо сплетаясь, образуют единое целое — богатый лексический запас языка, отражающий во всей своей совокупности специфику жизни и мировосприятия селькупского народа и его связи с другими народами.

1.2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

1.2.1. ПОЛИСЕМИЯ

Явление полисемии свойственно в большей или меньшей степени всем языкам мира. Встречается оно и в селькупском языке, причем можно наметить некоторые черты, сближающие полисемантическую структуру отдельного слова селькупского языка с другими самодийскими и финно-угорскими языками и отличающие ее от семантической структуры слов индо-европейских языков, например, русского. Это объясняется тем, что в разных языках (и особенно в языках различных генетических семей) "обозначение одних и тех же предметов или явлений может производиться на основе различных признаков, принятых в качестве основных, наиболее типичных" (Тереженко. 1959, стр.42)¹⁾, что часто диктуется условиями жизни народа, особенностями его мировосприятия.

Одним из интереснейших случаев полисемии в селькупском языке является существительное *сёлу* "день", "свет" и "солнце".

В значении "день" *сёлу* вошло в одно из старинных названий ноября месяца: *qörtu sely iräty* "месяц коротких дней" (само название календаря у селькупов *сёлытуй' накуг*, буквально "дней запись"). Сочетание *сёлыт senty* означает "полдень", то есть дня середина; *täi sely* "вчера" (при *täly* "завтра"), *тар сёлу* "сегодня", *сёлыт кунту* (*исуаа*) "в течение дня (работал)"; *qēlyi' sely* (*qēlyi' äöiqmuyt selytu* "День рыбака"); *сёлуаа ріаа* "днем и ночью"; *сёлуаа tōtāa* (*tōtyk*) "сутки" ("день полностью"). Сочетание *вома сёлыту* соответствует русскому "хорошая погода": *тер тоqtaltumра сёлытуаак* "Он идет по погоде" (соответственно погоде, буквально "по дню").

В рукописных материалах (в основном баинженских) *І.А.Варкович* "солнце" передается через *сёлыту*, а "день" и "свет" (солн-

1) Выходные данные работ, указанных в скобках, см. на стр. 408.

Третье значение *сәлу* "свет, освещение" и то, что является источником света, например, лампа: *сәлу қәтүмра* "лампа светит" (буквально "свет светит"). Чаще встречается *сәлүту қәтүмра* "солнце светит" (ср. нен. ирий' для "свет луны"). В некоторых производных глаголах и отглагольных существительных также отражается третье значение "свет (солнца)": *сәлүғә* "родить", то есть произвести на свет (ср. *сәлүрүтүл сәлүту* "день рождения"; *сәлүрүтүл* *пәкуг* "метрика"; *сәлүрәә тәғәну тер ила йимәләғун* "с рождения он живет в поселке"; *қәтәғун сәлүрүл йә* "недоношенный ребенок" /буквально "заранее рожденный ребенок"/ и другие); *сәлүлсүғә* "то светить, то скрываться (о солнце)", *сәлүлсүғә* "отсвечиваться", *сәлүмүғә* "светить(ся)" (*сәлүмрәт!* "посвети (безразлично чем)!").

Тот же набор значений, который мы видим у селькупского *сәлу*, отмечается в ряде других самодийских и финно-угорских языков, например, в ненецком *йя* "день" и "свет", в манси *хотал* "день" и "солнце", в эрзянском *чи* "день" и "солнце".

Сходство семантической структуры многозначного слова в самодийских и финно-угорских языках можно проследить не только на примере *сәлу*, но и на ряде других полисемантических слов, имеющих параллельное смысловое строение, например, в селькупском и ненецком, селькупском и хантыйском языках.

Так, селькупское *қору* означает 1) "покровная ткань живого организма", то есть а) "шкура животного": *йтән қору* "оленья шкура", *йтән ытуп қору* "шкура с передних ног оленя"; б) "кожа": *ментүт қору* "кожа лица", *шунүтү қору* "кожа пальца", *торүтү қору* "кожа с ног (в том числе - с лап птиц)"; в) "кора (дерева)": *қәт қору* "кора березы"; г) "слой чего-либо, кожура": *һәғү қоруту* "внутренний слой березы", *қорут тука* "очистки"; 2) "оболочка, обтягивающая, покрывающая что-либо снаружи": *мәт қору* "покрытие чума" (ср. также: *пәкуг қору* "бумага для писания", включая тетради, блокноты, буквально "кожа для письма"). Точно так же ненецкое *хоба* имеет значения: 1) "шкура (животного)", 2) кора (дерева); 3) "кожура", "скорлупа", 4) "верхний слой земли" и 5) "морка (например, хлеба)".

света по принципу кибла (по направлению от человека), по солнечной ориентации (по положению солнца) и полярной (по звездам) у тазовских селькупов нет.

Параллелизм наблюдается также между селькупским йку и ненецким пыа, которые означают 1) "нос животного и человека" (впрочем, в селькупском "нос человека" обычно yntai'); 2) "хвост птицы"; 3) "передняя часть какого-либо предмета": alakot йку "нос лодки" (нен. нано' пыа); 4) "конец, край чего-либо: tōn йку "конец озера", marcup йку "мыс на острове" (нен. саа' пыа "конец мыса"). Ср. мансийское нёл 1) "нос", 2) "хвост", 3) "мыс"; хантыйское н'эл 1) "нос", 2) "хвост", 3) "носик (защипки)".

Немало семантических параллелей, являющихся, вероятно, результатом контактирования языков, можно обнаружить в селькупском и хантыйском языках¹⁾, как например, сельк. korty и хант. валя, сельк. wetty и хант. н'ауэи или лөк, сельк. qaty и хант. кө-ну и другие.

Сельк. korty имеет значение 1) "кровать" (i'jai' korty "детская кровать", kortyn tapku "спинка кровати", буквально "загиб кровати") и 2) "место, где что-то находилось": m'tyt korty "чума место", то есть оставшийся след от снятого чума; mat kortam "мое место"; qajqo mat kortaqak i'mtysanty "зачем на моем месте сидел?". Ср. хант. валя "койка, кровать, нары" и "место, где что-либо находилось или обычно находится". Сельк. wetty означает 1) "дорога" и 2) "след" (на земле, на снегу, например, qaqlyt wetty "след от нарта", но не на воде). След от лодки или водоплавающей птицы будет äenty: alakot äenty, i'pat äenty. Аналогичная картина наблюдается в хантыйском н'ауэи "тропа" и "след", лөк "дорога" и "след".

Обращает на себя внимание существительное qaty, которое означает "ноготь", "коготь" и "копыто". Производные от qaty глаголы также многозначны, например, qatytqo "чесать, парить" и "чистить рыбу". В хантыйском мы видим то же самое: көңү "ноготь" и "коготь" (ср. манс. көс "коготь и ноготь", нган. kətu "ноготь и коготь" и другие).

Ср. также:

Селькупские слова и их значения		Хантыйские слова и их значения	
сэру	1) "лист", 2) "табак"	дывет	1) "лист", 2) "табак"
эйтты	1) "крапива", 2) "конопли"	поляи	1) "крапива", 2) "конопли"

1) Хантыйские параллели даны по книге Н.И.Терешкина "Очерки диалектов хантыйского языка", ч. I. Ваховский диалект. М.-Л., 1961. Хантыйско-русский словарь, стр. 126-201.

kuty 1) "черенок", "древо", "стер-
хень"
2) "голениец"

вэj 1) "черенок", "древко"
2) "голениец". Впрочем,
у Н.И. Терешкина в
словаре даны две
омонимичные формы:
вэj I и вэj II

эйгур 1) "животное", 2) "птица"

вэjэ 1) "животное", 2) "насе-
комое"

Многозначные глаголы также могут иметь сходную структуру в сель-
купском и хантыйском языках:

паqquiqe 1) "тянуть (сети)",
2) "курить"

тáйтá 1) "тащить, тянуть",
2) "курить"

раqquiqe 1) "мыть", 2) "стирать",
3) "сморгаться"

поста 1) "мыть", 2) "сти-
рать (ся)", 3) "сморгать-
ся"

тóquityqe 1) "читать", 2) "считать"

лэцэта 1) "читать", 2) "счи-
тать"

кукуqo 1) "хотеть", 2) "любить"

лэцэ, ата 1) "хотеть", 2) "лю-
бить"

В селькупском языке полисемия развита особенно сильно именно
у глаголов, причем чаще всего она выступает в виде двусмысленности:
pinqe 1) "положить", 2) "произвести арифметическое действие сложе-
ния"; ларуqo 1) "трепетать, биться (о рыбе)", 2) "дергать (при
нарывах большое место)"; тэркумэйтqo 1) "рассохнуться, дать щель",
2) "стать в позу с разведенными коленями, сдвинув пятки вместе";
э́ггуqo 1) "вязать (шапку, кофту...)", 2) "повязать (например, пла-
ток на голову)", 3) "привязать (например, собак на привязи, связать,
соединить вместе". Причастная форма э́ггуруй¹ имеет значения
1) "вязаная (вещь)" и 2) "связанные вместе" (собаки): ántu э́ггу-
руй¹ (ср. э́ггу¹ "связка чего-либо, окладка (на одежде)").

Немало полисемантических слов в группе глаголов движения.

Все приведенные случаи полисемии в селькупском языке были ус-
тановлены методом дистрибуции, то есть благодаря учету сочетаемо-
сти (или несочетаемости) каждого конкретного слова с другими слова-
ми. Таким способом можно выявить различные смысловые оттенки сло-
ва. Однако нередко бывает так, что дистрибуция слова не помогает
определять значения, а семантическое содержание слова с точки зре-
ния соотношения с реальной действительностью, с понятием и с точки
зрения другого языка, например, русского, включает в себя (услов-

но) несколько смыслов, различия между которыми заложены в действительности. В этом случае речь может идти о синкретизме значений. Именно такие синкретичные значения свойственны в большой степени селькупскому языку¹⁾. Этот синкретизм значений проявляется в группе имен родства и в цветowych прилагательных.

В русском языке ядро поля цветowych прилагательных составляет семь прилагательных, обозначающих основные цвета спектра, в английском — шесть, а в селькупском их только три, что напоминает классификацию цветов спектра в языках шона (Южная Родезия) и басаса (Либерия)²⁾. У селькупов для описания той непрерывной цветовой гаммы, которая существует в природе, имеются прилагательные *bāqy* (и красный, и оранжевый, и фиолетовый), *raty1'* (и желтый, и зеленый, и синий) и *noḡa1'* (у Эрдеи — *bōḡa1'* и синий, и голубой, а иногда и зеленый). *raty1'* и *noḡa1'*, которое употребляется редко, пересекаются в области зеленых и синих тонов, причем *raty1'* фактически вытесняет *noḡa1'* совсем, перекрывая его значения. В сочетании с *oly raty1'* означает также "рыжий" — "рыжая голова". Селькупы обозначают смешанные цвета посредством суффикса *-l5qy* (*bāqyl5qy* "красноватый") или путем прибавления слова *qār* или *qāryk* "немного": *qār raty1'* "полу-синий, полу-зеленый, ср. *qāryk wəgy* "ни белый, ни черный" (информанты указывают на желтый-коричневый тон); *qāry1'* — так говорят о белом с черным хлебе. Соотношение синкретичных значений прилагательных селькупского языка *bāq-*

1) Точно так же будет наблюдаться синкретизм и в русском языке с точки зрения какого-либо другого языка, например, ненецкого. Так, можно говорить о синкретизме значений в русском слове олень, которому в ненецком языке, помимо общего названия тн, соответствует множество других наименований, характеризующих оленя по какому-либо одному признаку: марей "не поддающийся дрессировке олень", менаруй "недрессированный кастрированный красивый олень старше 1,5-2-х лет, являющийся вожаком стада", илебць (н) "дикий олень" (общее название), халангад "олень, который ест рыбу", ниненгад "олень, который ест хлеб", непзаминдя, нудахм "передовой олень в упряжке", пелей "все олени в упряжке (кроме передового)", сидельсь "двухгодовалый олень" и другие (см. Н.М. Терещенко 1959, стр. 28-29).

2) См. Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. ИЛМ., 1959, стр. 35.

чу, patyf, norai' с прилагательными цвета некоторых других, произвольно взятых, языков можно показать в таблице¹⁾, отражающей основные названия цветов спектра (см. стр. 25).

1) Несколько дополнительных к таблице замечаний можно сделать по поводу немецкого, эвенкийского и чукотского языков.

В ненецком языке употребление скираха в качестве обозначения голубого и фиолетового тонов не является общепринятым и не зафиксировано в ненецко-русском словаре Н.М.Терещенко 1965 г., как и нумлаха в значении "голубой". По Кастрену, падыраха означает синий цвет, а по Миддендорфу - зеленый. У А.А.Дукина-Горкавича (1910, Тобольск) скираха - зеленый и синий одновременно. Синей - заимствование из русского языка (См. Ф.Н.Шемакин. К проблеме словесных и чувственных обобщений (на материале названий цвета в ненецком и селькупском языках). "Известия АН РСФСР", вып. II3, 1960, стр. 49-61; Н.М.Терещенко. Указ. соч., стр. 46). Названия цвета в ненецком языке собирались также в полевых условиях, в селах Красное и Нельмин Нос Ненецкого национального округа летом 1969 г.

В эвенкийском языке наименование для желтого и оранжевого цветов (сингама) нечетко отдифференцировано от названия серого цвета - игдэма, которое обозначает и желтый, и серый цвета. В современном литературном языке начинает дифференцироваться наименование для синего цвета - диктаме, которое в "Эвенкийско-русском словаре" Г.М.Василевич (М., 1958) объясняется так же как "серо-синий" (цвет голубики). Промежуточные цвета в таблице не отмечаются, как, например, чулсарин "голубовато-зеленый, светлoзеленый" (См. В.Д.Любимова. К проблеме словесных и чувственных обобщений (на материале названий цвета в эвенкийском языке). "Известия АН РСФСР", вып. II3, 1960, стр. 62-71).

Пропуск двух названий цвета в языке манси означает, с одной стороны, отсутствие в словарях фиолетового цвета, с другой стороны, передачу оранжевого через сложное сочетание: восьрам-выгырхарпа, буквально желто-красноватый (См. А.Н.Баладин и М.П.Вахрушева. Мансийско-русский словарь. Учпедгиз, Л., 1958; И.Ромбандеева. Русско-мансийский словарь, 1954).

В отношении обозначений фиолетового цвета в чукотском языке существуют разные мнения: по Адиквисту, это иччелгыкен. По Глутагину, синий и фиолетовый могут быть названы нъааггепаралит. По словам В.Г.Богораза, "если показать зеленый и желтый вместе, то чукчи различают их, но вообще они употребляют один

Я з ы к и	П р и л а г а т е л ь н ы е ц в е т а						
Русский	красный	оранжевый	желтый	зеленый	голубой	синий	фиолетовый
Английский	red	orange	yellow	green	blue		purple
Селькупский	ńärqy		patyl'		noräl'		ńärqy
Ненецкий	н я р ь я н а		тасехэй	пăдараха и џамдăлаха	с е н р а х а нумлаха синей		
Мансийский	выгыр	—	восьрам	нярпум-оспа	а т ы р х а р и		—
Эвенкийский	хулама хуларин	с я н г а м а		чулама чулбама	чулама ч у т у м а		
Чукотский	н и ч е л г ы н е н		н у в т ы ч и р р а к э н		йыпэралын		нычел-гыкен
			л е л е л п э р а л ы н				
Шона	cips ^{wuka}		cicena		citema		cips ^{wuka}
Басса	zīza			hui			

Вероятно, селькупский язык в недалеком будущем может перейти от системы трех прилагательных, существующих для передачи основных цветов спектра, к двухэлементной системе. *patyɪ'* — отыменное прилагательное от существительного *pat(y)* "желчь", которая, как известно, у хищников бывает желтая, а у травоядных животных — зеленая (ср. значения производных от *pat* слов: с одной стороны, *pətyɪ'arəbqyɪ'* "желчный", *patəɪqə* "обезжелчить (рыбу)"; с другой стороны, *patyk taɣumɣə* "пожелтеть", *patumtyqə* "одеваться желтым"). Происхождение прилагательного *porəɪ'* неизвестно.

Помимо трех перечисленных прилагательных в селькупском языке есть особые обозначения для белого и черного цветов — *azɣy*¹⁾ и *zəqy*.

К группе цветowych прилагательных примыкают прилагательные, передающие названия мастей и цвет волос человека, но синкретизма здесь, как правило, уже нет: *zəqy ɔptyɪ'* "бронет", *həqy ɔptyɪ'* "рыжеволосый", как и *patyɪ' ɔly* (буквально "рыжая голова"), *azɣy ɔptyɪ'* "блондин" и "седоволосый", *zəq(q)ur* "черномазый, смуглый".

Для названий мастей используются прилагательные *pekyɪ'* "пестрый" (о всех животных — пятнистый; об одежде); *toqarəɪ'* "пестрый" (о животных, но об олене редко; обычно об олене так говорят в Тольке; к одежде не применяется); *pekyɪ'* "цветистый, узорчатый" (о ткани: от полисемантического *pekyɪ* "узор, рисунок" и "письмо"), реже "пестрый" (о животных) и другие.

Как показал анализ значений ряда полисемантических слов селькупского языка, связи между разными значениями одного слова с точки зрения носителя русского языка нередко представляются необычными (как, например, в слове *kuty* "черенок" и "голенщик"), реже совпадают (например, *ɔky* "нос" — человека и лодки). Напротив, с точки зрения представителя самодийских и многих финно-

термин для обоих цветов и в разговоре всегда смешивают эти два цвета" (В.Г. Богораз. Чукчи. Соцэкгиз, Л., 1934, стр. 22. См. также Ф.Н. Шемякин. К проблеме словесных и чувственных обобщений (на материале названий цвета в чукотском языке). "Известия АН РСФСР", вып. III, 1960, стр. 72-75).

- 1) В указанной статье Ф.Н. Шемякина ставится знак равенства между *azɣy* "белый" и *zəqy* "снег" (стр. 57), что для тазовского диалекта селькупского языка неправильно.

угорских языков эти связи вполне закономерны, повторяются от языка к языку. Полисемия выступает чаще всего в виде двусмысленности. Многосмысленных слов особенно много среди глаголов. Кроме полисемии есть случаи синкретизма, как в группе имен родства или цветочных прилагательных.

1.2.2. АНТОНИМИЯ

В разделе, посвященном полисемии, речь шла о словах, имеющих различные значения. Изредка в селькупском языке встречаются слова, имеющие, на первый взгляд, не только различные, но и противоположные значения. Однако определение значения в рамках языка — эталона, каковым в данном случае является русский язык, требует большой осторожности. Так, например, может показаться, что прилагательное *pirqu* имеет различные, даже противоположные значения: "высокий" (*pirqu qa* "высокая береза") и "глубокий". На самом деле, значение можно сформулировать таким образом, что антонимия исчезает: *pirqu* "большого размера в вертикальном направлении". Точно также вместо того, чтобы определять значение *qamtuqo* как "вливать" и "выливать", лучше определять его просто как "лить" и т.п. Можно привести аналогичные случаи для ненецкого языка: значение слова *и́пчяда* разумнее определять не как 1) "горький", 2) "пересоленный", 3) "кислый" и 4) "сладкий", как поступает Н.М.Терещенко (1959, стр.43), а как "сильный в проявлении своих вкусовых качеств"; значение существительного *мал* можно определить как "край, крайняя точка чего-либо", а не как 1) "начало чего-либо", 2) "конец" (Терещенко 1959, стр.43). Ср. хант. *кы́нэ* "крепкий (пахучий, едкий, горький, кислый)", как и определяет значение этого слова Н.И.Терещенко (1961, стр.150). Таким образом, противопоставления значений в одном слове в селькупском языке обычно не наблюдается, но явление антонимии между различными словами представлено достаточно широко.

Примером примитивной антонимии могут служить прилагательные с противоположными значениями, придаваемые слову, с одной стороны, суффиксом обладания *-ыуу1'*, который означает полноту качества, его наличие, с другой стороны, суффиксом необладания *-кыты1'*, означающим отсутствие качества: *огуыуу1'* "сильный" — *оγκыты1'* "слабый", *эа́нсыуу1'* "очень сильный, могучий" — *эа́нкыты1'* "бессильный", *тэ́нуэууу1'* "умный" — *тэ́нкукыты1'* "глупый", *то́русыуу1'* "с ногами" — *то́рукыты1'* "безногий", *қо́сыуу1'* "обладающий ушами"

(например, *сиру qōsumu¹* 'лоша "длинноухий заяц", то есть обладающий длинными ушами заяц) - *qōkytu¹* "безухий" и "глухой" и т.п.

Противопоставляться могут также прилагательные на -i¹ и прилагательные с суффиксом -kytu¹, например, *tamu¹* "грязный" и *tamkytu¹* "чистый".

Однако для лексикологии наибольший интерес представляют разнокорневые антонимы, которых больше всего в селькупском языке отмечается среди прилагательных, например, *сиру - qāmuṣā* "длинный" - "короткий", *weṛqu - кура* "большой" - "малый", "старший" - "младший", *kātykā - tōtyk* "левый" - "правый", *āntu - mātāi¹* "новый" - "старый", *zoma - qōsty¹* "хороший" - "плохой", *zettur - āṛru* "тяжелый" - "легкий", *āyūtyu¹ - rātyūtyu¹¹* - "сладкий" - "горький", *śēlymrytu¹ - lyryky¹* "светлый" - "темный" (возможно противопоставление *śēlymrytu¹ - rāmyky¹* "светлый, яркий" - "тусклый").

Встречается антонимия и среди других частей речи: *ūku - śīru* "начало" - "конец", *āṛqo - tantyqo* "войти" - "выйти", *panīṣqo - āyūlyqo* "слезть, спуститься" - "влезть, подняться", *catkyā - īamuk* "быстро" - "медленно" (*Alako catkyā (īamuk) qazsa* "Лодка быстро (медленно) ехала". *īamuk*, кроме того, имеет значение "тихо, спокойно", в котором оно не антонимично наречию *catkyā: īamuk āṛa* "Тихо").

Многозначные слова в разных своих значениях могут противопоставляться нескольким различным словам, образуя сложные системы противопоставлений. Так, возможна антонимическая тройка, где одному какому-либо слову противостоят три разных:

		<i>owuqy¹</i>	"холодный" (о дне, вещах, жидкостях), "морозный"
	горячий,	<i>qāby¹</i>	"морозный" (о дне, погоде)
<i>pōtry¹</i>	жаркий,	<i>qantury¹</i>	"холодный" (о вещах, воде)
	теплый	<i>qanmury¹</i>	и "замерзший" (о человеке, руках, предметах на морозе)
		<i>qantēmy¹</i>	

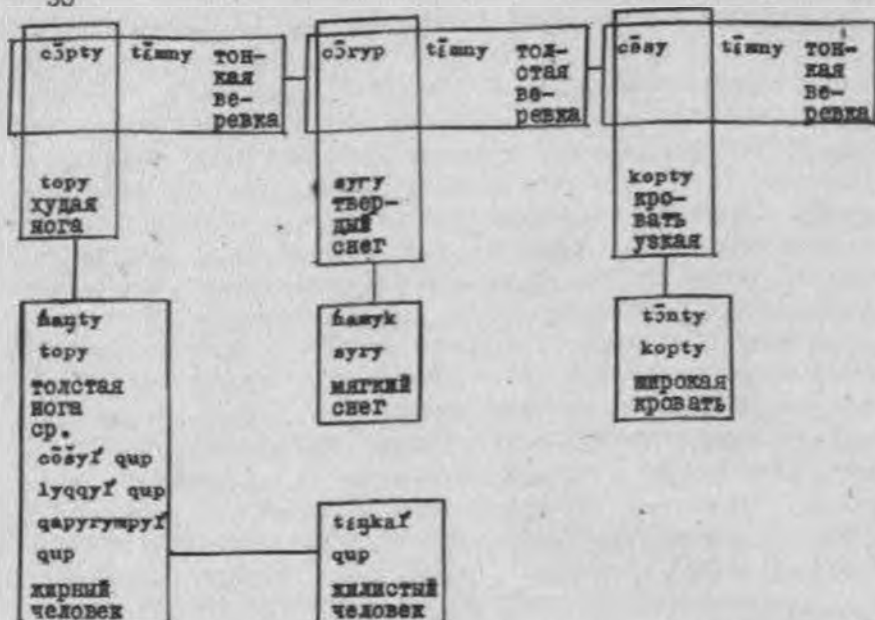
1) Адъективизированное причастие *rātyūtyu¹*, образованное от глагола *rātyūqo* (глаголы на -byqo имеют четко выраженное значение вкуса и запаха) и связанное, как и прилагательное *raty¹*, с существительным *rat* "желчь", означает, таким образом, "имеющий вкус желчи, то есть горький".

Возможны и более сложные антонимические соотношения.

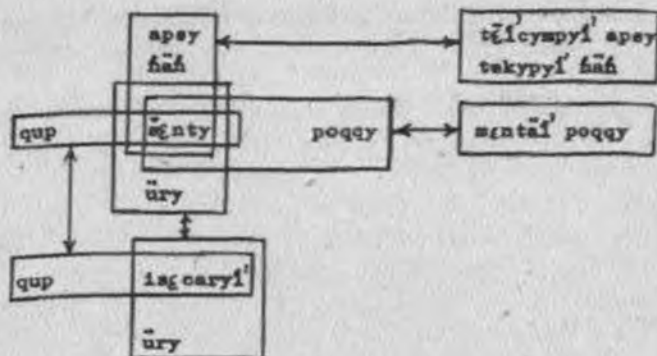
Например, прилагательное сѣгур "толстый (о предметах)" антонимично прилагательному сѣрту "тонкий (о предметах)": сѣрту тѣшу, сѣрту ѳрту - сѣгур тѣшу "тонкая веревка (волос)" - "толстая веревка, канат". Но сѣгур в сочетании с аугу "снег" (равноценно выражению *ṣagal' augu*) означает "твердый, крепкий, не проваливающийся" (оног). В этом значении прилагательное сѣгур антонимично прилагательному бамук (бамук аугу "мягкий снег, проваливающийся"). В свою очередь сѣрту имеет значение "тощий, худой, тонкий" (о человеке, животном, частях тела): сѣрту тору "тонкие, худые ноги". В этом значении сѣрту антонимично прилагательному барту (барту тору, барту қир "толстые ноги, толстый человек"), которое синонимично с прилагательными сѣйу', *lyqqu'*, *qarugumrai'* "толстый, жирный" (сѣйу' может быть отнесено также к арсу "пища", чего нельзя сказать о *lyqqu'* и о причастии от глагола *qarugumruqo* "толстеть, жиреть"). Сѣйу' и *qarugumru'* "толстый, жирный" могут в известном смысле противостоять прилагательному тѣкал' "хилый": тѣкал' ʒтә "хилый олень".

Наконец, можно упомянуть еще об одной семантической связи для рассматриваемых прилагательных: сѣрту в значении "тонкий" (о предметах) синонимично прилагательному сѣзу, которое, таким образом, тоже антонимично прилагательному сѣгур как и сѣрту. Помимо значения "тонкий", сѣзу имеет значение "узкий"¹⁾ (сѣзу корту "узкая кровать"). В этом значении сѣзу антонимично прилагательному тѣнту "широкий" (тѣнту корту "широкая кровать"). Все сказанное можно представить в схеме, которую легко дополнить, учтя еще некоторые значения анализируемых прилагательных:

1) Тот же набор значений существует в хантыйском *ṣan't'* "тонкий" и "узкий".

В интересные антонимические отношения вступает слово *энту* "новый", у которого можно выделить значения: 1) "впервые созданный или сделанный, недавно появившийся или возникший" (*энту қау*, *роқу* "новые карты, невод"; *энту бату* "новые рога, то есть молодые рога оленя"); 2) "относящийся к новому времени, современный" (*энту агу* "новый закон"); 3) "незнакомый, малоизвестный"; "новенький", ранее здесь не живший, не служивший" (о человеке: *энту қыу* "новые люди"); 4) "свежий" (о продуктах: *энту арау* "свежая пища") (Ср. хант. *жәлэ* "новый" и "свежий" /о продуктах/). В первом значении слову *энту* противопоставлено прилагательное *мэнта'* (*мэнта' роқу* "старые сети"), во втором и третьем — *иссагу'* (*иссагу' қыу* "старинные люди", *иссагу' агу* "прежний закон"), а в четвертом — *тэисуру'* "огнивший, протухший" (*тэисуру' арау* "протухшая пища") или *текуру'* "засохший, черствый" (*текуру' баа* "черствый хлеб" в противоположность *энту баа* "свежий хлеб"). Возникает сложная сеть отношений слова *энту* с перечисленными прилагательными селькупского языка (в свою очередь связанными с какими-то другими прилагательными), что можно показать на следующей схеме:

1.2.3. СИНОНИМИЯ

Между словами селькупского языка возможны не только отношения антонимии, но и отношения синонимии. Случаев абсолютных синонимов в пределах только тазовского диалекта практически нет, но часто встречается относительная синонимия, при которой слова помимо одного или нескольких сходных общих значений имеют еще специфические значения. При этом складываются два наиболее распространенных типа отношений между синонимичными словами.

I. У обоих (всех) слов помимо общего (общих) значения есть и свои специфические значения, то есть между словами существуют отношения пересечения.

II. У одного из синонимичных слов своих особых значений нет, а имеются только общие с другим словом значения. В свою очередь этот другой член ряда обладает и специфическими значениями. Между такими словами возникает отношения включения: семантика одного слова полностью поглощается кругом значений другого слова (других слов). Подобных случаев синонимии немало среди глагольной части лексики (см., например, I.4.4.).

При установлении синонимичности слов приходится ориентироваться не только на сочетание слов с другими словами, но и на общее понятие, ими передаваемое. При помощи способа идентификации значения Шарля Балли¹⁾ отыскивается общая часть значений — семан-

I. Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, § 108-109.

тическая доминанта, благодаря которой можно говорить о синонимичных парах, тройках, рядах слов и которая слегка варьируется от слова к слову.

Например, ряд $\text{pinqo} - \text{potqo} - \text{ipai'suqo} - \text{aqa'iqo}$ имеет общую семантическую доминанту "класть, положить", наиболее полно представленную глаголом pinqo , но каждый член ряда имеет свои конкретизаторы (слова, которыми он управляет), благодаря чему и варьируется семантическая доминанта: pinqo - "положить (вообще)" (другое значение - "производить арифметическое действие сложения"); potqo означает только "положить (пиду в котел для готовки), засыпать (чай в чайник)"; ipai'suqo имеет значение "положить что-либо под голову, в изголовье, ложась спать" (от ipai "подушка"), aqa'iqo "положить куда-либо что-либо, сунув наспех (в карман, в ящик), закидав с силой внутрь".

Аналогичный ряд $\text{tokkalqo}, \text{tokkaltuqo}$ "одеть кого-либо, надеть что-либо (обувь, шапку, одежду); насадить топор на топорнице, наконечник на стрелу" - aergo "одеть кого-либо, надеть что-либо из одежды" - ikantuqo "надеть что-либо на голову (шапку, платок)" (употребляется главным образом в верхнетазовском говоре) - poruntuqo "надеть рукавицы" - ettant'uqo "надеть, насадить наконечник на стрелу, наложить стрелу на тетиву". Наиболее общее значение, как видим, - у глагола tokkaltuqo , который поглощает четыре остальных глагола. Глагол ikantuqo , как и poruntuqo , полностью входит в значение глагола aergo , а этот последний всегда может быть заменен глаголом tokkaltuqo (но не наоборот). Глаголы ettant'uqo , с одной стороны, и aergo , poruntuqo и ikantuqo , с другой, не связаны дистрибуционно между собой.

Сравнимая глаголы $\text{qattuqo} - \text{motqo} - \text{tapuqo} (\text{tapp'ilqo}) - \text{kipp'iqo}$ и tap'altuqo , можно выделить общую семантическую доминанту "бить, ударять" и частные значения каждого члена ряда, видоизменяющие эту доминанту: qattuqo - "бить, ударять по любому предмету или живому существу любым способом (кулаком, ладонью, молотком, палкой...)"; tap'altuqo "взлепнуть, слегка постучать по кому-чему-либо (рукой, палкой)".

Глаголы $\text{vurkuqo} - \text{loqo} - \text{tottuqo} - \text{matqum'itruqo}$ и даже bituqo имеют общее значение "стоять", идентифицируемое глаголом vurkuqo "стоять (о живых существах, реже о дереве)". Глагол loqo означает "стоять, будучи воткнутым (о палке, песте и о дереве: p'o loqna)"; tottuqo "стоять, не будучи укрепленным (о предме-

тах, движимом имуществе)"; *matqumitruqo* "стоять, быть воткнутым" (о человеке – оскорбительно, в смысле "Что торчишь?"). Наконец, *šatruqo* значит тоже "стоять (о чуме, доме, поселении)", хотя обычно *šatruqo* – это "сидеть".

Интереснейшие отношения наблюдаются в группе слов с семантической доминантой "охотиться, промышлять какого-либо зверя, дичь". Общими словами являются *šūgušqo* и *šūguqo* (второе, впрочем, имеет странное исключение – охотиться на всех зверей, кроме белки, но чаще – на крупных. Оно же имеет территориальное ограничение – преимущественно употребляется в среднетазовском говоре). Однако общее значение этих двух глаголов конкретизируется несколькими десятками однозначных отыменных глаголов, имеющих формант *-š-* и означающих каждый "охотиться на конкретного зверя или птицу" (подобное лексико-грамматическое поле характерно и для ненецкого языка¹⁾). Например: *loqasqo* "охотиться на лис" (от *loqa* "лиса"); *tārāšqo* "охотиться на белок" (от *tārāk* "белка"); *qorqušqo* "охотиться на медведя" (*qorqu* "медведь"); *kuqušqo* "охотиться на горностаев" (*kuqu* "горностаев"); *šerkušqo* "охотиться на глухарей" (*šerku* "глухарь"); *šīrašqo* "охотиться на уток" (*šīra* "утка"); *tōkašqo* "охотиться на гусей" (*tōka* "гусь"); *šomašqo* "охотиться на зайцев" (*šoma* "заяц"); *alqušqo* "охотиться на турпанов" (*alqu* "турпан"); *antatrušqo* "охотиться на ондатр" (*antatru* "ондатра"); *kuqrašqo* "охотиться на куропаток" (*kuqraška* "куропатка"); *pūlloqasqo* "охотиться на песцов" (*pūlloqa* "песец", буквально "небесная лисица". В верховьях употребляется другое название песца – *pūša*, откуда и глагол *pūšašqo*) и другие.

Каждое из перечисленных слов синонимично глаголам *šūgušqo* и *šūguqo* и создает вместе с ними трехчленный синонимический ряд (пучок) с двумя постоянными и одним переменным членом²⁾:

1) Н.М.Терещенко. В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык. Л., Учпедгиз, 1959, стр.31.

2) Образования на *-šqo* (суффикс *-š-* означает "совершать действие, направленное на добычу или получение чего-либо") являются продуктивными и регулярными. Они возможны не только от существительных, означающих промысловых зверей и птиц (*qettuty1' šūgyt*), но и от слов, не означающих предмета специальной охоты, например, *šīsyka-šqo* "ловить птичек", *tama-šqo* "ловить мушкетер". Широко употребимы глаголы этого типа и от названий ягод

sürgəqə-mınuŋqə sürgəqə-mınuŋqə sürgəqə-mınuŋqə sürgəqə-mınuŋqə
 V V V V
 tārāsqə loqasqə kuŋuŋsqə tokaŋsqə

Не менее характерна синонимия и для имен существительных и прилагательных.

Существительные *so - su - tettu* объединяются общим значением "земля, почва", но два первые слова означают также "глина", а *tettu*, как более широкое по смыслу, еще и "страна, край". В сочетаниях *saluŋu' tettu*, *sika' tettu* и *ratšai' tettu tettu* означает не просто "место", а даже "лес": "прозрачный, светлый лес", "темный лес" и "совсем темный лес".

Существительные *masu - šot - tšə - šaqas (šəqqu)* означают "лес" (*šot* самостоятельно не употребляется, встречается только местные падежи - *šöttu*, *šötqun*), причем каждое слово по-своему варьирует эту семантическую доминанту: *masu* "яр с лесом, высское место у реки, поросшее лесом, и просто "лес" (у Эрдеи также "тундра"); *šot* "лес любой"; *tšə* "тайга"; *šaqas (šəqqu)* "чаща, черное лесье, густолесье".

Синонимичны прилагательные со значением "сильный" *oŋuŋu'* и *šəŋuŋu'* от существительных *oŋur* "физическая сила" и *šəp* "мощь, шаманская сила" (устаревшее)¹⁾. Однако *oŋuŋu'* это не только "сильный в физическом отношении (о живых существах)", но и "мощный, имеющий много лошадиных сил (о механизмах, машинах)", а *šəŋuŋu'* означает еще и "могучий (о стране, об армии)".

и других даров леса, которые "промышляют", собирают в данном районе, заготавливая на зиму: *toruŋuŋqə* (параллельно существует и глагол *toruŋqə*) "собирать ягоды", *šətuŋuŋqə* "заготавливать шипши", *təquŋuŋqə* "собирать дикий лук" (который варят и жарят), *tətuŋuŋqə* "собирать бересту", *šəttuŋuŋqə* "собирать коноплю" и т.п. Ср. также: *imaŋqə* "свататься", *igaŋqə* "бегать за мужиками", *qəluŋuŋqə* "ловить рыбу, рыбачить вообще в отличие от более частного *tətuŋuŋqə* "ловить карася", *nuŋuŋuŋqə* "ловить рыбу в проруби (обычно налима)".

1) *šəp*, по свидетельству Е.Д.Прокофьевой, означало "силу" шамана, "готовность шамана к получению следующих шаманских атрибутов"; эта "сила" (*šəp*), называемая также *nuŋuŋ* *šətku* "бубна-штер", оценивалась окружающими по песням шамана. См. Е.Д.Прокофьева, Костом селькупского шамана. В книге: "Сборник музея антропологии и этнографии" М., 1949, т. XI, стр. 338, 340.

Большой интерес с точки зрения синонимии представляет собой поле наименований игральных карт, в котором каждый член поля, за исключением цифровых карт, входит в свой синонимический ряд. Отсюда поле в целом – совокупность нескольких, практически не пересекающихся синонимических рядов, объединяемых в одну семантическую систему общим понятием, передаваемым членами поля, – все они карточные термины. Правда, создается впечатление, что каждое новое наименование той или иной карты – плод изощренной сиюминутной фантазии играющих; вне системы карточных наименований члены ряда не имеют ничего общего между собой. Такие квази-синонимы окказиональны, хотя бывают известны не только их создателю.

Следует добавить, что многие из основных (не окказиональных) наименований карточных мастей и "картиночных" карт не являются общетазовскими: одни характерны только для верховского говора (Ратти), другие – только для Красноселькупского, например: трефы в Красноселькупском называются *pija* (буквально "фелин"), а в Ратте – *кура saju* (буквально "малый глаз"); бубны и черви в Красноселькупском – соответственно *okka* и *muika* (буквально "черемуха"); в Ратте – *soora* и *qatu* (буквально "ноготь, коготь"); ср. также названия валаета (Красноселькуп – *kesu*, означавшее в прошлом, судя по данным Кастрена, "пленный, раб", Ратта – *siiaq*, буквально "сирота"), короля (Красноселькуп – *iga*, буквально "старик" и "муж", Ратта – *merqu pāntu*, буквально "большое брюхо"). Пики, туз и дама обозначаются одинаково в среднетазовском и верхнетазовском говорах, а именно: *kulā* (буквально "ворон"), *tus* (из русского) и *ima* (буквально "женщина, жена").

Помимо перечисленных основных наименований, в селькупском языке имеются синонимичные названия карточных мастей и "картиночных" карт, обычно окказиональные. Так, пики могут быть названы *saquira* ("черный старик"), трефы – *kegā* ("ворона") или *ettā* ("рогулька, развилка стрелы"), бубны – *ūraī kote* ("подушка"). "Картиночные" карты (валет, король, дама, а также туз) тоже имеют по несколько наименований, например, валет – *muhtyt kōt pōi'ija* ("шестнадцатилетний парень") и *iraī taryi'ūkytu sāyka* ("безбородый"); король – *qok* ("начальник, царь"), туз – *oly* ("голова") и *merqu saju* ("большой глаз")¹, дама – *кура ima* ("малая женщина") и *pātak* ("девочка").

1) Внутренняя форма этого карточного названия, как и названия треф *кура saju*, напоминает хантыйское *печисэм* "бубны" (в картах), что буквально означает "глаз сороги" (ср. *muhtyt saju* "шестерка").

Благодаря развернутой сети синонимов, поров окказиональных, наименования карт, находящиеся на периферии словарного состава селькупского языка, оказываются втянутыми в общую семантическую систему языка.

Таким образом, отдельные слова в селькупском языке имеют сложную семантическую структуру (полисемантизм в одних случаях, синкретизм в других). Слова могут входить в одинаковые или сходные сочетания, создавая замисловатую сеть смысловых отношений между словами: здесь и пересечение семантики нескольких разных слов, и включение семантики одного слова в семантику другого. Нередко при сходной дистрибуции возникает не синонимические ряды разного рода, а антонимические отношения между словами.

Анализируя лексику селькупского языка, можно говорить о семантической структуре, свойственной не только отдельным словам, но и целым группам слов, связанным каким-либо общим значением или понятием, иначе — отдельным лексико-семантическим полем. К описанию некоторых из них мы и переходим в следующем разделе этой главы.

1.3. СЛОЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ В СЕЛЬКУП- СКОМ ЯЗЫКЕ

По словам У.Вейнрейха, в любом языке "семантическое описание нельзя считать полным до тех пор, пока каждая идиома, безразлично-сложное слово, словосочетание или малопродуктивная "квазитрансформация", — не будет отнесена к соответствующей семантической парадигме наряду с простыми словами и продуктивными трансформациями (свободными синтаксическими конструкциями)"¹. Отсюда следует, что на уровне семантического анализа отдельных слов необходимо рассматривать не только простые слова, но и сложные комплексы, имеющие семантическое единство, выводимое (иногда невыводимое) из составляющих его частей. Давно ставшее тривиальным утверждение о том, что "то, что в одном языке представляется единой простой идеей, в другом языке может характеризоваться целой серией отдель-

1) У.Вейнрейх. О семантической структуре языка. "Новое в лингвистике", вып. 7, 1970, стр. 213.

ных фонетических групп¹⁾, то есть неким сложным комплексом, как нельзя лучше прослеживается на материале селькупского языка при сопоставлении многочисленных сложных комплексов с соответствующими им по смыслу простыми словами русского языка.

Сложные единицы, о которых идет речь в данном разделе, можно интерпретировать по-разному — как сложные слова и как сочетания слов, обладающие идиоматичностью. Подобные комплексы встречаются в большом количестве, например, в английском языке (типа *stone wall*, *speech-sound*). В свое время А.И.Смирницкий называл их "особым типом сложных слов", "нестойкими сложными словами, легко распадающимися и превращающимися в словосочетания"²⁾. А.И.Смирницкий дал подробную классификацию сложных единиц на основе морфолого-синтаксических свойств³⁾, учитывая также их написание (последнее невозможно сделать для бесписьменного селькупского языка). Однако общие признаки цельнооформленности слова, обычно предлагаемые для индоевропейских языков (семантическое единство комплекса, его идиоматичность; невозможность вставления между первым и вторым компонентами другого слова или каких-либо морфем; изменение всего комплекса как единого целого; невозможность перестановки компонентов местами без изменения смысла; единство ударения и некоторые другие фонетические свойства), не годятся для большинства финно-угорских и самодийских языков⁴⁾, в кото-

1) Ф.Боас. "Руководство по языкам американских индейцев". Цитируется по книге: В.А.Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч.П. Учпедгиз, М., 1960, стр. II 6.

2) А.И.Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1957, стр. I 34.

3) Т.ж., стр. I 35-I 37.

4) См., например: В.И.Алатырев. Сложные слова с противоположениями по значению составными частями. "Ученые записки Карело-финского университета", серия "Исторические и филологические науки", 1947, т.П, вып. I. Он же. Определительные сложные слова. "Советское финно-угроведение", Петрозаводск, 1949, вып. V, стр. 33-46; Д.В.Будрых. Историческая морфология финского языка. М.-Л., 1966, стр. 150-157; Г.Н.Макаров. К вопросу об ограничении сложных слов от словосочетаний. "Прибалтийско-финское языкознание", Петрозаводск, 1968, вып. I 2, стр. 25-48 и другие.

рых формальная целостность нарушается тем, что первый компонент может оформляться лично-притяжательным суффиксом; что между компонентами существует отношение соположения; что перестановка компонентов меняет в равной мере смысл и сложного слова, и словосочетания, и т.п. В последнее время все чаще утверждается, что сложные слова отличаются от словосочетаний лишь на основании семантического признака; намечается тенденция трактовать образования, в которых семантическая¹⁾ спаянность относительно мало заметна, как словосочетания, в отличие от сложных слов, для которых характерна идиоматичность, высокая степень семантического единства всего комплекса.

Исходя из критерия идиоматичности и "фонетической спаянности", под которой здесь понимается наличие в сложном комплексе усеченной формы какой-либо основы для первого компонента, порою трудно восстанавливаемой и незначимой, можно говорить о собственно сложных словах применительно лишь к незначительному числу сложных единиц, например: *apəɔi'* "пищевод" (видимо, из *apəu* "пища" + *ɔi'* "горло"); *ciikəəu* "колокольчик" (из *ciik'* /Ср. *ciikəu* "звенеть"/ + *kəəu* "железо"); *iirəgu* "молодость" (из *iləgu* "жить" + *rəgu* "период"); *qəgrəu* "нож для производства посуды" (из *qəgu'* "согнутий" + *rəu* "нож"); *tinəly* "туша" (из *tittu* "облако" + *əly* "голова"); *təmqur* "купец" (из *təmuqə* "купить" + *qur* "человек"); *wəgqur* "взрослый" (*wəgəu* "большой" + *qur* "человек").

В подобных сложных соединениях происходит, как правило, семантическое выветривание обоих компонентов. При этом в отношении второго компонента нередко говорят о превращении его в своего рода суффиксальный элемент. Такая участь постигла, например, вторые компоненты сложных комплексов *qur* "человек", *əly* "голова", *rə* "дерево", *lak-* "куча", подвергшиеся столь сильному "семантическому выветриванию", при котором возникает, говоря словами Вейнрейха, "смысловая почти-пустота". Это дало основание некоторым самодиатам (Климова²⁾) считать *qur* и *rə* полусуффиксами со значением "действующего лица" (для *qur*) и "предметности" (для *rə*).

1) Г.Н.Макаров. Указ. соч., стр.48

2) Л.Б.Климова. Существование "кум" и "по" в селькупском языке и их соответствия в ненецком языке. "ПАС", Томск, 1969, стр.82-83.

Иногда в селькупском языке встречаются параллельно две сложных формы — с усеченным и полным первым компонентом, которые можно назвать нестойкими сложными словами: *ṣtor* (из *ṣp* "рот" + *tōr* "край") "губа" и *ṣktor* и даже *ṣktytor*; *ollaka* (из *oly* + *laka* и *olyilaka*¹) "череп"; *olqur* (из *oly* + *qur*), *olyqur* и *olytqur* "начальник"; *ṣunkōṣu* (из *ṣunu* + *kōṣu*) и *ṣunytḱōṣu* "кольцо" и т.д.

Среди сложных комплексов селькупского языка, помимо собственно сложных слов, можно отметить множество словосочетаний, обладающих разными степенями спаянности в единое целое. Первый компонент встречается а) в форме *Nom.*, б) в форме *Gen.*, в) в виде прилагательного на *-i'*; в ряде случаев первый компонент не является постоянным: возможно варьирование первого компонента, употребляющегося то в форме *Nom.*, то в форме *Gen.*, то в форме прилагательного на *-i'*, а изредка, как уже отмечалось, и в усеченной форме.

Подавляющее большинство сложных комплексов — словосочетаний (разной степени устойчивости) в качестве второго компонента имеет существительное, реже прилагательное (например, *amālōṣyɪ'* "худой, тощий" (из *ama* "голод" + *lōṣy* "черт"), *ṣimrōṣtyɪ'* "длинноволосый" (из *ṣimru* "длинный" + *ōṣtyɪ'* — "волосный"), *pōḱur* (*ḱkḱur*) *ḱurtyɪ'* "трех(одно)слойный" и другие); еще реже — глагол: *ōṣtyt satta* (буквально "волос+грызет") "кузнечик" (в последнем примере весь комплекс выполняет функцию, типичную для имени существительного, в связи с чем его, видимо, можно считать сложным словом, а не словосочетанием).

Рассмотрим подробнее сложные комплексы, вероятнее всего — словосочетания, из которых имеется только одна единственная фор-

1) В сочетаниях прилагательного на *-i'* с существительным, начинающимся с *l*, в прилагательном происходит обычно утрата мягкости конечного согласного; *oly laka* вместо *olyɪ laka* и т.д. На это обратил еще внимание Г.Н. Прокофьев в своей "Селькупской грамматике" (1935, стр. 115). Видимо, фонетические изменения характерны для слов, полученных в результате сложения основ. Нечто подобное есть и в ненецком языке: *сыра'сэв* [сыранзэв] "снежинка", *ту'пэ* [тумбэ] "камень", *я'тэр* [янди́р] "вселенная" (вместо *тасэра* восстанавливается назальный с последующим озвончением глухого согласного).

ма для первого компонента. В разных случаях эта форма может быть различной.

1) Первый компонент - форма существительного в Nom. Sg. Между компонентами возникают атрибутивные отношения типа *tatpu-gura*, например: *arzu lōzu* "черт, поедавший душу человека" (буквально *arzu* "еда" + *lōzu* "черт"); *ūt āira* "чернядь" (порода уток) (буквально *ūt* "вода" + *āira* "утка"); *sūryk ija* "птенец" (буквально *sūgur* "птица" + *ija* "ребенок"); *qara torug* "клевка" (буквально *qara* "журавль" + *torug* "ягода"). Формы типа *oly ija*, *olyt ija* "вожатый" (буквально *oly* "голова" + *ija* "ребенок") можно рассматривать как комплексы, имеющие в качестве первого компонента фонетически варьирующуюся основу Nom., а не Nom. и Gen. При этом первый элемент как бы конверсируется (что в целом не свойственно селькупскому языку), начиная выполнять функцию прилагательного: *oly ija* "главный ребенок, то есть вожатый", *oly qur* "главный человек, то есть начальник" и т.д. Аналогичная ситуация (так называемое соположение, типичное для финно-угорских языков) наблюдается в ряде топонимов (см. I.4.3.) и (часто) в названиях месяцев (см. I.4.2.). Во многих комплексах этого типа, а не только в соединениях с *oly*, можно допустить, что первый компонент стоит не в Nom., а в Gen. и семантика всего комплекса легко выводима из его частей: *qoqun/t rity* (*mōt*) "берлога" (буквально "медведя гнездо, дом"); *utun/t oly* "кость руки" (буквально "руки голова"), *larun/t oly* "лопасть" (буквально "весла голова") и другие.

2) Первый компонент - форма на *-i'*, то есть прилагательное или причастие: *āōi'qur* "селькуп" ("таежный человек"); *oi'i' mōt* "землянка" ("глиняный дом"); *kēzu'i' rü* "руда" ("железный камень"); *kēzu'i' būtu* "осока" ("железная трава"); *kēzu'i' tīmpu* "провода" ("железная веревка"); *ōtai' tūra* "овод" ("оленья муха"); *ūtu'i' tuk* "пиявка" ("водяной червь"); *tifturyi' alako* "самолет" ("летающая лодка"); *nūi' marku* "грозовая туча" ("небесный остров"); *nūi' loqa* "песец" ("небесная лиса"). Такая форма, как *nūi' loqa*, может быть истолкована и как "небесная лиса" и как "неба лиса" с *ll < nl* (ср. *ollaka* или *olyllaka* "череп"). Эта группа сложных единиц напоминает сложные комплексы, обладающие идиоматичностью, построенные по типу *karmadnāga* (в терминах древне-индийских грамматиков). Аналогичные примеры: *ūtu'i' mōt* "мозоль" ("водяной дом"); *qōi' mōt* "сельсовет, райком" ("началь-

нический дом"); *tomruy' ēty* "приказ" ("сказанное слово"); *njmyi' nekuy* "документ - паспорт, метрика, удостоверение личности" ("именная бумага"); *pūtyi' pō* "шопол" ("нутряное" дерево, палка); *parkutyi' qur* "доярка" ("дойный человек") и другие.

3) Наконец, изредка в качестве первого компонента сложного комплекса выступает непроизводное прилагательное: *kāqy kury* "колонок", буквально "красный горноста́й"; *tānty tī* "косая самень", ("широкий размах рук"); *tānturo* "столик в чуме". Если вместо *tānty* в последнем примере употребляется форма прилагательного на -i', то семантическое единство комплекса нарушается и *tāntyi' pō* (обычно в сочетании *waqy tāntyi' pō*) означает "доска большой ширины". Комплексы такого типа можно трактовать как идиоматические словосочетания.

В сложных комплексах селькупского языка, обладающих семантическим единством и некоторыми признаками цельнософормленности (например, невозможность вставления между компонентами другого слова), первый компонент, как уже отмечалось, далеко не всегда является постоянным. Он может варьироваться, выступать то в форме Nom., то в форме прилагательного на -i', то в форме Gen.

Чаще всего встречаются сложные комплексы, в которых первый член имеет две формы: Nom. и на -i' или Gen. и на -i', например, *cīcykat (cīcykaī') toruy* "земляника" ("птица" + "ягода", "птичья ягода"); *tū (tūī') saju¹* "искра" ("огонь" + "глаз", "огненный глаз") и *tūa saju* (из *tūt saju*); *mykat (mykaī') pū* "ушко (игольное)" ("иглы камень", "игольный камень"); *tīššat (tīššai')* *qortā* "колчан" ("стрелы мешок", "стрельный мешок").

В селькупском языке существует также многочисленная группа сложных единиц, в которых первый компонент может иметь все три формы: *tīmy (tīmyt, tīmyi')* *laka* "челюсть" ("зуб" + "куча"); *(sa)yn, sajuī'* *kēsu* "очки" ("глаз" + "железо"); *nekuy (nekuyt, nekuyi')* *laka* "книга" (устаревшее наименование).

В трехэлементных сложных комплексах изменение доступен обычно

- 1) Возможна иная трактовка данной единицы: *-saju-* в селькупском языке означает единичность предметов, выступая в качестве суффикса. Тогда *tūssaju* - "огнишка". Ср. *ayusaju* "снежинка", (или "снег" - "глаз"), *pūšsaju* "градинка" ("каменный глаз"), *ayuntātsaju* "капля дождя" ("дождь" - "глаз") и т.п.

лишь первый компонент, в то время как второй почти всегда остается оформленным как прилагательное на -i' (или причастие): 5tān (5tāi') auyyūi' aūgur "волк" ("олени поедающий зверь"); 5tā (5tān) auyi' qyt "ягель" ("олением съедаемый мох"); qumyūi' (qumyt) wentyūi' (редко wenty) aūgur "сова" ("птица с человеческим лицом"); cūn ūkyūi' kīssy "прижка" ("пожа переднее железо"); tētty utyūi' poqqu "сеть-сороковка" ("четыре+ручной"+"сеть"). Ср., однако, utyt aīssy wesy "мускул (руки)" (буквально "пульс"+"мясо").

Рассмотрение и сравнение "нестойких сложных слов" селькупского языка, легко превращающихся в словосочетания, и словосочетаний, обладающих значительной устойчивостью, идиоматичностью, порою переходящих в сложные слова, демонстрирует нечеткость границ между этими понятиями и позволяет говорить о сложных комплексах селькупского языка в целом.

Семантическая мотивированность сложных комплексов различна. В большей части рассматриваемых сложных комплексов семантическая мотивация прозрачна: многие сложные единицы образованы на базе буквальных значений слов с помощью легко воспринимаемой метафоры. С этой точки зрения, ориентируясь на различного рода метафоричность, можно выделить несколько классов сложных комплексов.

Наиболее распространены антропоморфические метафоры, когда в качестве одного из компонентов сложных соединений используются слова, имеющие отношение к человеку, типа: sajyttaq "ресница" (буквально "глаза шерсть"), sajuūkīssy "очки" ("глазное железо"), rēssy olu "головка пима" (без голенища), yntāi' moqur "переносица" ("нос" + "спина"), utyt aīssy "пульс" ("руки сердце"), pōe aōi' "деревянный ошейник оленя" (из pōt aōi' "дерева горло"), sajyt tōru "нижнее веко" ("глаза основание"); ср. приведенные выше olul-laka, utyū olu, larū olu, olut īja, olut qur, aōi'qur, tū saju, torūy wenty "подъем ноги" ("ноги лицо") и многие другие. Большинство сложных комплексов с антропоморфической мотивированностью относится к названиям частей человеческого тела или к названиям частей, деталей предметов.

В качестве самостоятельного (небольшого) класса можно выделить сложные единицы, мотивированные орнитологически или анималистически. Много случаев такого рода встречается среди наименований растений и ягод: qarāt torūy "клеква" ("журавля ягода"), cīssyūai' torūy "земляника" ("птичья ягода"), 5tān auyi' qyt "ягель" ("олением съедаемый мох").

Названия некоторых животных и насекомых мотивированы через названия других животных или насекомых: *ṣtaī' amuguī' sūgur* "волк" ("олена поедающий зверь"; во времена Кастрена было другое наименование для волка, изредка и с трудом вспоминаемое в настоящее время в Ратте — *sūruhā*); *ṣtaī' tūrā* "овод" ("оленья муха").

Среди прочих метафор одним из широко распространенных в языках мира видов являются метафоры, использующие образы солнца, света. Так, для обозначения частей света в селькупском языке используется *oēly* (см. I.2.I.): *oēlynty ratyrmo* "запад", *oēlyt ūlyī' pēlāk* "ит".

Интересно, что внутренняя форма, мотивация подобных сложных комплексов часто является одинаковой для ряда финно-угорских и самодийских языков (см. таблица на стр. 43-44).

Таким образом, рассмотрение на уровне отдельных слов сложных комплексов позволяет: 1) выделить несколько типов сложных комплексов, которые условно можно отнести либо к сложным словам, либо к словосочетаниям, ориентируясь на морфологическую форму первого компонента и степень семантической спаянности компонентов всего комплекса; 2) установить сходство семантической и морфологической мотивированности этих комплексов в ряде финно-угорских и самодийских языков; 3) определить основные семантические сферы, в которых встречаются сложные комплексы, — названия частей человеческого тела, названия животных и ягод, наименования деталей, частей предметов; 4) признать в качестве основной, если не единственной, функции первого элемента атрибутивную функцию; 5) отметить начавшееся "семантическое выветривание" ряда вторых компонентов, превращающихся постепенно в лексически незначимые (суффиксондные) элементы языка.

Языки Значения	Селькуп- ский	Ненецкий	Хантый- ский	Мансий- ский	Коми-зы- рянский
"Веко"	<i>sa ju qanuk</i> глаз-бе- рег	<i>oav' var</i> глаз-бе- рег		самбер глаз-край	син-лап глаз-ви- сящее
"Зрачок"	<i>sa jyt pū</i> глаза-ка- мень			самахътао глаз-ка- мень	

"Кольцо"	munkʲəy палец-желе- зо	худа* еся рука-желе- зо	вау лоу металл- круг и лу, вау наперсток- металл	чунькити палец- окуж- ность
"Ноздря"	untai' mū нос-дыра	пыя си нос-дыра	н*ел пульт нос-дыра	ныр розь нос-ды- ра
"Очки"	sajy' kəy глазное железо	сэв* пэ /сидер*/ глаз- стекло	сэмвау глаз-ме- талл	самкер глаз-же- лезо
"Пароход"	tū' alako огненная лодка	ту нано огонь- лодка		наин, хап огненная лодка
"Прово- лока"	kəy' tšəy железная веревка	еся* енте- мя железное сооруже- ние из протяну- тых пред- метов		кер ква- лыг же- лезо-до- рога, кер тан желе- зо-нити из хил
"Пульс"	utyt ai'cy руки сердце		кот сэм руки сердце	
"Ресница"	sajyt tar ¹⁾ глаза, шерсть (во- лос)	сэв* тар" глаз- шерсть		сампун глаз- шерсть
"Самолет"	tšit'gy' alako летающая лодка	тиртя нано летающая лодка		тов лын, хап крылатая лодка
"Слеза"	sajyn ut глаз-вода	сэв* и" глаза вода	сэм јанх глаз-вода	самбит глаз-вода
"Церковь"	nū' mōt неба (бога) дом, чум	хэхэ* мя" дух, покр- витель-дом, чум	торамкат бог (икона, природа, погода)-дом	ялпн, кол святой дом
"Челюсть"	šəy' 2) рот-кость		енял лəу кость	синва глаз- вода

1) Ср. в саами: šalšəksam "глаз-волос"

2) Данная форма, практически с трудом разложимая, употребляется чаще чем tšəy' alako, зафиксированная в свое время Г.Н. Прокофьевым. В эрзянском языке "челюсть" пей ловака (или пей пакар), буквально "зуб + кость".

1.4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЛЕЙ СЛОВ

1.4.1. ВИДЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Для более полного знакомства с семантической структурой любого языка необходимо знание не только семантики отдельного слова, но и семантики целых групп слов, так или иначе связанных по смыслу друг с другом. Неоднократно делались и делаются попытки установить типы отношений между единицами словаря. Примерами таких отношений могут быть отношения рода - вида (птица - зяблик, синица, скворец...), целого - части (тело - рука, нога, голова, туловище...), органа - его функции (глаза - смотреть, мигать, щуриться...; вместо глаголов могут быть использованы отглагольные существительные) и т.п. Каждое слово может попасть сразу в несколько семантических классов, объединенных тем или иным типом отношений. Наиболее распространенным семантическим классом является класс слов, объединенных в одно целое отношениями рода - вида или части - целого. Эти классы слов обычно называют лексическими или лексико-семантическими полями. Подобных полей много и в селькупском языке, например, поле флоры, фауны, календарных названий, географических названий и другие. Все они строятся по типу род - вид, как и микрополя внутри больших полей, например, полей растений и животных:

qēly	"рыба"	pō	"дерево" ¹⁾	topyr	"ягода"
qēqur	осетр	hulqy	пихта	keryntā	черника
qēaa	окунь	tūmy	лиственница	kaptā	черная смородина
qenty	чебак	qūt	ель	palqak	морошка
lapa	язь	pī	осина	hāqy topyr	брусника

- 1) В отличие от поля "деревья" поле "травы, цветы" представлено меньшим числом единиц, как и силу относительной бедности цветов в лесотундре, так и в связи с тем, что цветы и травы не имеют прямого отношения к практической деятельности и быту селькупов: letyk "хвощ", пуница (болотная трава), hūty "травы", kē-yū' hūty "осока", tōqyl "саранка", yurqy "цветок" (всякий), qyt "мох" (есть несколько видов его).

picca	кука	tytyk	кедр	äittopyr	водяника
cuqyr	пикьян	äiçygarõ	ольха	qarat topyr	кликва (журавлиная ягода)
tüty	карась	ñika	черемуха (дерево)	ciçuka' topyr	земляника (птичья ягода) ¹⁾
pcca	сорог	cõ	сосна	koty' topyr	голубика (земная ягода)
ñüby	налим	qa	береза	cem	черемуха (ягода)
sügyr	"животное (зверь или птица)"				
kexa	ворона			homa	заяц
kula	ворон			qorqy	медведь
señky	глухарь			äta	олень
äira	утка			paqy	лось
pja	филин			si	соболь
ciñky	лесель			loqa	лиса
tymta	дятел			äygynty	россомаха
äaqala	кукушка			tapak	белка
qai'yk	чайка			äp'ak	бурундук
qolqak	сойга			kury	горностай
qäyga	кедровка			kanak	собака
ñaqy	гагара			tõt	выдра
liñry	орел			ñaqy kury	колонок
qaga	журавль			tama	мышь
pyñry	ст-риж, ласточка			nulloqa	песец
tamañca	мышелов			äta' amury' sügyr	волк

В пределах последнего поля (наименования птиц и зверей) отдельные слова, члены поля, сами могут выступать как родовое понятие по отношению к более частным названиям, например, äira "утка" (вообще), а ее разновидностями будут ciñkocy "шилохвость", pöcy "свиязь", kuitak "гоголь", paka "чирок", si "кряк", siqy "гусь", äyja "луток", üt äira "хохлатая черныш" (водяная утка), ci'af toka "казарка" (буквально "сиротский гусь") и другие.

1) Ср. в хантыйском языке: морэк, "морозка", п'т'ки морэк, "кня-леника" (воробушкина морозка), қоту морэк, "малина" (мартышкина морозка).

В приведенных полях, составленных по принципу видо-родовых отношений, все члены, как правило, однозначны. Но в других аналогичных лексических полях, например, в поле глаголов движения, очень многие слова полисемантичны. Между ними возникает разного рода синонимические или антонимические связи. Все слова оказываются тесно спаянными в одну сложную семантическую систему.

Иногда холофразис в селькупском языке отсутствует. Такова группа слов, обозначающих насекомых:

tūra	муха	kyta	муравей	l̄ntyḡā	бабочка, мотыль
p̄l̄uqa	комар	unt̄y	вошь	tuk	гусеница, червь, бу- нашка
h̄im̄yḡā	мошка	turā	гнида	h̄ēḡy	дождевой червяк

Здесь много названий, являющихся сочетаниями слов или сложными словами, например, ūt̄y, ūtyí tuk "пиявка", ḡūyí tuk "клоп", aerynt̄āí tuk "дождевой червь" (калька с русского), ōt̄āí tūra "овод" (оленья муха), k̄ēyí tura "стрекоза", ōrt̄yí zat̄t̄ynt̄yí tuk "жук-стригун" (волос разрывающая букашка). В качестве родового названия энтомологического поля некоторые информанты (однако это не подтверждается другими носителями языка) называют tuk или s̄yḡur (хотя s̄yḡur имеет значения "птица" и "зверь", обозначение этим же словом и "насекомое" не противоречит набору значений в некоторых финно-угорских языках, например, в хантыйском, где vaj̄y "животное" и "насекомое").

Отношением целое и его части связаны слова поля "нarti и их детали", "чум и его части", "человеческое тело и его органы" и многие другие.

Названия частей человеческого тела представляют собой развернутую систему, в которой целое (keru "тело") подчиняет себе части: oly "голова", uty "рука", toru "нога", keru "туловище, торс" (помимо значения "тело"), p̄ty "внутренности". В свою очередь каждое из названий частей тела может выступать как целое в отношении многих других частей и органов человеческого тела. Так, toru выступает как целое по отношению к существительным k̄es̄ "диколотка" (и "оустан"), lak̄yn "пятка", torun wenty "подъем (ноги)", torun oly "ступня", m̄ny "палец" (в свою очередь m̄ny целое по отношению к q̄aty "ноготь") и т.п.

Существительные āl̄cy "сердце", ruk̄ā "легкие", kal̄raḡ "почка", m̄ty "печенка", syí m̄ty "желудок" (человека; у птиц - кошмак, ср. В.-таз. ar̄ȳj kota), p̄ityḡā "селезенка",

арәй' (су) "пищевод"¹⁾; кәту "кишки" и другие - части целого рүту "внутренности". Отдельные члены поля имеют по несколько значений, например, рү "testiculus" и "камень", нәнту "желудок" (точнее, "живот и грудь вместе"; то есть "перед") и "крень" - середина ствола наклоненных под углом к земле деревьев, отличающаяся наибольшей твердостью и упругостью.

Аналогичные отношения (см. стр. 50) наблюдаются для слова, помещаемого в вершине дерева, и слова, стоящего в конце его ветвей (некоторые из названий опущены)²⁾.

Все упомянутые типы понятийно-смысловых отношений слов возможны лишь в пределах лексико-семантических полей, объединяющих слова какой-либо одной части речи. Однако в языке допустимы и другие группировки слов - не только по признаку сходства семантики, но и с учетом грамматического и даже фонетического сходства (такой максимально общий грамматический признак, как отнесение слов к одной части речи, не имеется в виду).

Лексико-грамматическими полями можно считать группы семантически сходных слов, 1) объединенных в грамматическом плане какой-либо общей граммемой (классическим является пример Г.Ипсена названий металлов в латини, оформленных средним родом; ср. названия деревьев во французском языке, которые имеют мужской род, поскольку слово arbre в романских языках мужского рода; в латини эти названия, наоборот, женского рода, так как arbor "дерево" - женского рода), и 2) обладающих какой-либо общей словообразовательной приметой, например, слова со значением "промышлять, охотиться на определенную птицу или зверя", являющиеся все глаголами на -әҫә (см. 3.8); глаголы со

- 1) По поводу этого слова существует много народных этимологий. Сами информанты объясняют арәй'су как "ведро, котел для пищи" (арәу' сә), возводят к сочетаниям арәу+әй'суҫә, то есть расценивают как то место, куда "пища падает" (арәу әй'сә), или арәу+әй', то есть "пищевое горло". Форма, в которой слово встречается в Ратте (арәу әй'), указывает на справедливость последнего: отсюда (с гаплогогией) ср.-таз. арәй' (су).
- 2) ӱркүлә (по происхождению - герундий от глагола ӱркүлҫә "слушать") вытеснило в ср.-таз. говоре әҫә, которое встречается в настоящее время лишь в верх.-таз. говоре.

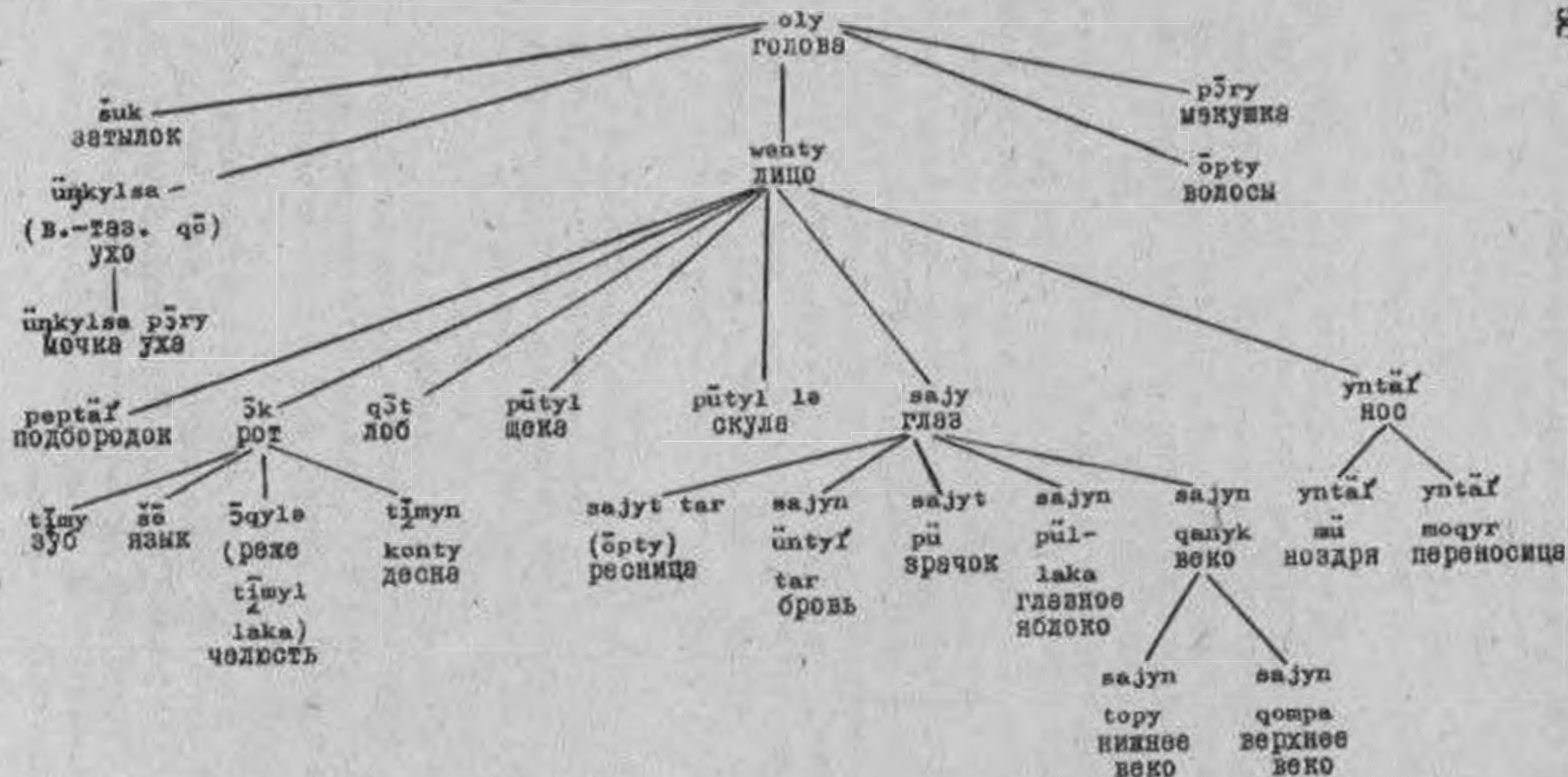
значением "издавать запах с суффиксом -бу-, типа весубуго "пахнуть мясом", qēlyбуго "пахнуть рыбой", или глаголы на -кы-лумго со значением "линить что-либо": utyкылумго "линить рука"; olyкылумго "линить головы" и "перестать соображать"; шпукылумго "линить пальца", ogyкылумго "обессилеть (линить-ся силы)" и другие.

Кроме того, могут встречаться 3) группы слов, состоящие из нескольких словообразовательных гнезд, образованных от синонимичных, то есть семантически сходных, корней. Такого вида лексико-грамматическое поле, состоящее из нескольких словообразовательных гнезд с синонимичными корнями, образуют, например, слова, группирующиеся вокруг синонимов oгуа "сила" и ʒаа "сила", причем производные могут далеко отойти в семантическом отношении от значения, передаваемого корнем (фразеология не учитывается). Общим моментом для всех слов этого поля в области семантики является идея хватания и понятие силы, а в области морфологии — наличие слов двух словообразовательных гнезд. Одно гнездо связано с корневым словом oгуа "сила"; сюда входят: oгаа "сильно, очень", oгаууи' "сильный", ogytyi' "слабый", oгуаго "расти", oгуаго "стараться", oгуакылумго "обессилеть, устать" и некоторые другие. Ко второму гнезду относятся ʒаа "сила" и его производные ʒааууи' "могучий, очень сильный" и ʒаакыtyi' "очень слабый". Вместе эти гнезда образуют одно лексико-грамматическое поле.

Лексико-синтаксические поля в языке могут быть представлены пучком, например, предикативных синтагм с центром в каком-либо одном имени, денотату которого присущи те или другие типичные действия, состояния: kanak "собака" — шūтыго "лаять", ʒattyго "кусаться"; ʒау "глаз" — шанпумруго "смотреть", гурсартумруго "мигать" и т.п.

Наконец, в языках могут встречаться лексико-фонетические (фоносемантические) группы слов, объединенных сходством фонетических моделей и семантики. Такова, например, звукоподражательная лексика селькупского языка.

Подробный анализ отдельных, произвольно взятых видов лексических полей селькупского языка дается в следующих разделах настоящей главы, где рассматриваются четыре лексико-семантических группы слов (календарные названия, географические термины, глаголы движения, имена родства) и одна лексико-фонетическая группа (звукоподражательная лексика).

1.4.2. КАЛЕНДАРНЫЕ НАЗВАНИЯ

Большой интерес с точки зрения этнолингвистики и типологии представляет лексическое поле календарных названий в селькупском языке. В состав календарных названий входят три стандартные единицы летоисчисления: сутки, год и месяц, из которых в настоящем разделе рассматриваются лишь наименования месяцев. Месяц, в отличие от дня и года, установление которых происходит на основе видимого движения Земли вокруг Солнца, — условная единица. Выделение ее вызвало большие затруднения у всех народов¹⁾. Для измерения времени почти все народы на земле пользовались фазами Луны.²⁾ Как говорили в древности, *luna regit menses* "Луна правит месяцами". Не случайно во многих языках слово, обозначающее "календарный месяц", связано с названием Луны, как, например, русск. *месяц*, сельк. *iräty*, нен. *ирй* и другие. Однако лунный месяц — неудобное средство измерения времени, поскольку

1) См. Э. Бикерман. Хронология древнего мира. М., "Наука", 1975.

2) Таков, в частности, мусульманский календарь, содержащий обычно по 13 месяцев. Хотя мусульманский месяц в принципе и начинается с появлением новой Луны, начало месяца поста (рамадана) определялось в Турции путем отсчета времени от последней наблюдавшейся новой Луны.

3) Длительность лунного месяца колеблется от 29,26 до 29,80 суток. Земля совершает полный оборот вокруг Солнца за 365 $\frac{1}{4}$ дня (365 дней 5 часов 48 минут и почти 46 секунд). Поэтому солнечный год длиннее 12 лунных месяцев примерно на 11 дней ($29 \frac{1}{2} \times 12 = 354$) и короче 13 лунных месяцев почти на 18 дней. В обоих случаях возникает необходимость приспособить счисление месяцев по Луне к смене времен года, то есть практически к солнечному году. С этой целью уже в древности применялся способ дополнения (интеркаляции) календаря для согласования его с солнечным годом, причем прибавляться могли как отдельные дни к тому или иному месяцу, так и целые месяцы к году (например, греки вставляли дополнительный месяц через каждый год; у шумерийцев существовал обычай вставлять (по указу властей) добавочные месяцы нерегулярно, чтобы подгонять традиционный месяц катвы ячменя ко времени уборки урожая; сицилийцы устраняли случайные несоответствия путем сокращения, а иногда, наоборот, удлинения месяца на один-два дня и т.д.

смену времен года и, следовательно, ритм человеческой жизни определяет не Луна, а Солнце. Согласование лунных месяцев с солнечным годом — сложная проблема¹⁾, которую, впрочем, многие народы (особенно первобытные), по сути дела игнорировали: им было безразлично, какое количество лунных месяцев прошло между двумя регулярно повторяющимися событиями (листопадами, отелами, оленными гонами, прилетами птиц, урожаями и проч.), но важно было зафиксировать в каком-либо названии отрезок времени, охватывающий это событие. Отсюда естественно, что у многих народов названия месяцев носят следы связи с природными или хозяйственными явлениями. Такого рода связь как раз и существует в самодийском календаре²⁾ — у селькупов, энцев, ненцев и итанасак.

Лексическое поле календарных названий занимает особое место среди других лексических групп селькупского языка. Специфика этой группы слов связана прежде всего с тем, что сами названия устарели, хотя в них практически нет архаичных слов. Они известны представителям только старшего поколения, да и то наполовину стерлись в их памяти, будучи вписанными на практике латинскими названиями, приведенными из русского языка. Иными словами, изменилась сама система счисления времени у селькупов. Старинные календарные названия в селькупском языке являются в основном сочетаниями слов, а не отдельными словами. Внутренняя мотивировка многих календарных наименований оказалась одинаковой для самодийских языков вообще.

1) См. Э.Бикерман. Хронология древнего мира. М., "Наука", 1975.

2) См., например: М.Я.Бармич. Лексика канинского говора ненецкого языка. АКД, Л., 1969; И.Г.Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, ч.П; А.П.Дульзон. Названия месяцев года у селькупов Кети как исторический источник. "XIII научная конференция ТГУ", Томск, 1953; А.И.Кузьмина. К этимологии названий месяцев, сторон света, звезд и созвездий в селькупском языке. "Языки и топонимия", Томск, 1977, вып. 4, стр.77-85; Л.В.Хомич. Материалы по народным знаниям ненцев. "Социальная организация и культура народов Севера", М., 1974, стр. 234-237 и другие.

Единого способа называния месяцев в селькупском языке нет, что вполне типично для большинства языков мира, однако некоторое единообразие можно усмотреть в том, что почти все календарные названия мотивированы какими-то природными явлениями. В этих названиях отразились явления природы, животный мир, в меньшей мере — хозяйственная деятельность населения (шитье рукавиц, заготовка на зиму продуктов...), но в них не встречается ни одного названия, связанного с именами святых, богов, государственных деятелей, как это наблюдается, например, в греко-латинском календаре (Januarius "январь" назван по имени двуликого бога Януса, Martius "март" — по имени бога Марса, Majus "май" — по имени богини Майи, матери бога Меркурия, Junius "июнь" — по имени супруга Юпитера богини Юноны, Julius "июль" — по имени Цезаря, Augustus "август" — по имени императора Августа) или эстонском (Jürikuu Дрьев месяц, "апрель"; Jaanikuu месяц Яна, "июнь"; Miklikuу месяц Михаила, "сентябрь"). Точно также в селькупском нет названий, связанных с названиями обрядов, праздников (ср. эстонский Paastakuу месяц Пасхи, "март"; Joulukuу месяц рождества, "декабрь"; др.-греч. ἑμῆρσις "брачный месяц" — 7-ой месяц аттического календаря, соответствующий второй половине января и первой половине февраля, др.-перс. bāgaγādiš "месяц праздничных подношений" (по другому толкованию — месяц поклонения богу Митре), āciγādiya "месяц поклонения огню" и т.п.). Нет в селькупском календаре и числовых наименований, особенно широко распространенных в языках мира (см., например, лат. September седьмой месяц, October восьмой, November девятый, December десятый; албанский язык аналогично: shtatör, tetör, nëntör, dhjetör; ср. также тувинские названия месяцев, где этот способ называния месяцев — единственный). Наконец, в селькупском календаре не получили никакого отражения и названия небесных тел, в отличие, например, от македонского календаря, где представлен только данный способ наименования месяцев — по созвездиям (ср. также названия месяцев в Авесте tištryehe "месяц звезды Сириус").

Старинные календарные названия селькупов несут большую информационную нагрузку (как и топонимические названия — см. I.4.3).

Начало года в старой селькупской системе счисления времени, основанной на периодических явлениях природы, ведется с октября,

возможно, со дня после дня осеннего равноденствия.¹⁾

В самодийских языках деление года на месяцы, то есть отрезки времени определенной (и не всегда одинаковой!) длины, называемые по каким-либо характерным признакам и приметам, не совпадает с делениями в европейских языках. Так, например, в ненецком языке²⁾ носиндалава ирий "месяц охоты на песцов" по времени ра-

1) С.И.Селешников в книге "История календаря и хронология" (М., "Наука", 1971) указывает на то, что начало года народы определяли по-разному, но всегда от какого-нибудь заметного природного явления. Так, "у древних египтян новый год начинался со времени начала разлива Нила. На некоторых островах Индийского океана начало года определялось по муссонам - устойчивым ветрам, дувшим летом с океана на материк, а зимой - с материка на океан. У жителей островов Самоа год начинался с массового хода местной рыбы палоло" (стр.17). У обских селькупов, по данным А.П.Дульзона (см.Томскую картотеку, С-1, 1952), точкой отсчета служит, видимо, май - время отела оленей.

2) Все названия месяцев, на которые будут даваться отсылки в тексте, устанавливались по словарям соответствующих языков. Для многих языков народов СССР, как и для селькупского языка, народные календарные названия сейчас устарели и в словарях не фиксируются. Им на смену пришли заимствованные через русский латинские названия. Это обстоятельство затрудняет типологический анализ календарных наименований. К счастью, "Ненецко-русский словарь" Н.М.Терещенко (М., 1965) дает около 20 народных названий месяцев, позволяющих проводить сравнение ненецкого языка с селькупским. Ср. также анализ названий месяцев у некоторых других народов, например, у эскимосов и эвэнков: Г.А.Меновников. Этимология названий месяцев у азиатских эскимосов. "Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР", Л., 1968; В.А.Туголуков. Следопыты верхом на оленях. М., "Наука", 1969, стр.91-93. Помимо названий месяцев, отражающих характер традиционных занятий и образ жизни эвэнков, В.А.Туголуков приводит названия месяцев "по голове и рукам", что удивительно напоминает "вруцелето" - термин, применявшийся в православных церковных календарях (не исключено, вопреки мнению В.А.Туголукова, что этот способ называния месяцев у эвэнков появился в связи с распространением в их среде христианства).

вен отрезку, находящемуся где-то с середины ноября до середины декабря; этому же периоду соответствует селькупское название *perut q̄q̄al' iräty* "месяц большого пальца рукавицы"; селькупское *piccat tyryl' iräty* "месяц щучьей икры" совпадает с периодом середины мая (ближе к концу) – середина июня и т.д. Такое расхождение в системах счисления времени индо-европейских и самодийских языков ведет к тому, что, с одной стороны, каждому из русских названий месяцев соответствует по два селькупских названия, приходящихся на первую и вторую половины месяца; с другой стороны, каждое селькупское название может быть переведено сразу двумя русскими наименованиями. Это обстоятельство обычно смущает информантов,¹⁾ затрудняющихся дать адекватный перевод селькупского календарного названия на русский язык. Отсюда – колебания при установлении соответствующего месяца русского и селькупского: например, месяц "май" десять человек перевели как *piccat tyryl' iräty*, а один как *tōkal' iräty*; "апрель" восемь человек идентифицировали как *tōkal' iräty* "гусиный месяц", а двое как *limpy iräty*; "март" девять человек охарактеризовали как *limpy iräty* "орлиный месяц", а один – *keru iräty* "вороний месяц", который большинством признан за "февраль", и т.д. Контрольный опрос информантов (перевод с селькупского на русский) дал ту же картину: *tōkal' iräty* восемь человек определили как "апрель", два – как "май"; *limpy iräty* девять человек признали как "март", два как "апрель", один как "февраль"; для *keru iräty* шесть человек установили соответствие с "февралем", двое – с "мартом" и т.п.

Косвенной проверкой правильности собранных материалов может служить сравнение с данными Кастрена (Castrén 1855, стр. 252-253). На первый взгляд кажется, что все названия месяцев сильно изменились, однако внимательное рассмотрение показывает закономерность всех происшедших сдвигов: у Кастрена *tabegedil-ireäd* "август", в наших материалах *s̄rukutyi' iräty* "сентябрь"; у Кастрена *tumbetšle-ireäd* "сентябрь", сейчас *tettur arsa iräty* "октябрь".

- 1) За время четырех экспедиций во всех пунктах работы (Сидоровское, Красноселькуп, Ратта, Толька) удалось найти только 12 человек, более или менее полностью помнивших старшие календарные названия селькупов. У большинства же представителей среднего и молодого поколения имеются лишь отрывочные знания о старой системе счисления времени.

АНАЛОГИЧНО:

kāptetšl-ireād	"октябрь"	qōpty cēly irāty	"ноябрь";
kakal ireād	"ноябрь"	poryt qōqal' irāty	"декабрь";
kōtondel-ireād	"декабрь"	ket contyī' irāty	"январь";
kuera-ireād	"январь"	kery irāty	"февраль";
limbi-ireād	"февраль"	limpy irāty	"март";
kuelet-tiril-ireād	"апрель"	qōlyt tyryī' irāty	"май";
ūtel-kušel-ireād	"май"	ūtty kettī' irāty	"июнь";
kuetel-ireād	"июнь"	(wəqay) kettī irāty	"июль";
wuenjel-ireād	"июль"	wentyī' irāty	"август"

Из данных сопоставлений четко видно, что произошел сдвиг на один месяц (единственным исключением является месяц, называемый *taɣyt sūryī' irāty*, соответствующий, по словам наших информантов, "августу", в то время как у Кастрена *taɣet-suri-ireād* "март"). Это можно объяснить расхождением нового стиля с так называемым старым стилем, который был характерен для эпохи Кастрена, и возможным различием в ориентации на первую половину месяца, а не на вторую, как это делалось сейчас. Однако в настоящее время вся календарная система тазовских селькупов (как, впрочем, и остальных самодийцев) полностью устарела, заменилась русской системой счисления, а селькупские наименования – русскими календарными названиями.

Селькупская система календарных названий включала более 30 наименований, так как для каждого периода времени могла быть не одна, а несколько характерных примет. Так, "май" месяц назывался не только *pišsat tyryī' irāty* "месяц щушей икры", но и *lapat (qōlyt) tyryī' irāty* "месяц изевой (рыбьей) икры"; "ноябрь" – это не только *qōgyn jmtū' šīcyryī' irāty* "месяц отпадения рогов оленей-самцов", но и *tārāssyī' irāty* "обелкования месяц", *šoka irāty* "сучий месяц"; "август" – это *wenty irāty* "нелмын месяц" ("нелма играет на перекатах", по объяснению информантов) и *taɣyt sūryī' irāty* "месяц летних животных"; "апрель" – *tōkal' irāty* и *špāk irāty* "бурундучий месяц"; "октябрь" – *tettyp arsa irāty* и *ket syry pīnty irāty* "месяц, когда ложится (на землю) зимний снег"; "сентябрь" – не только *sbruktyī' irāty* "безлистый месяц", но и *rōssōry šīcyryī' irāty* "месяц листопада", и *qōgūmtu tekurgusa irāty* "месяц, когда олени-быки чистят рога", и т.д. Во времена Кастрена могли быть и другие дублирующие наименования; так, кроме *sbruktyī' irāty* для "сентября" у Кастрена

отмечается название *sumpetele-ireäd*, то есть "месяц длинного дня", а ноябрь не только *kakal ireät*, но и *kalan ireäd* "месяц ясака" и т.п. Больше всего названий (четыре) существовало для "июля": *werqu kasty iräty* (основное название, судя по количеству ответов информантов) "месяц больших заготовок"; *kämyräi iräty* "месяц мошки"; *werqu iräty* "большой месяц"; *tarui' contyi' iräty* "месяц середины лета" (ср. январь - *ciqutu' qänyu' iräty* "месяц снегопада и мороза" - основное название; *ket contyi' iräty* "месяц середины зимы"; новообразование *äntu rön iräty* "нового года месяц").

Подавляющее большинство названий прозрачно по своей мотивированности. В пояснении, возможно, нуждаются лишь "октябрь" и "декабрь". "Октябрь" - "месяц, съевший землю" (*tattur araa iräty*), то есть земля окончательно покрывается снегом, снег "съедает" землю. "Декабрь" - "месяц большого пальца рукавицы". Здесь сами информанты давали различные толкования: 1) в декабре ночи так длинные, что из-за быстро наступающей темноты едва удается связать большой палец на рукавице; 2) по той же причине короткого дня можно использовать при вязании пряжу толщиной в большой палец.

Среди всех названий месяцев большинство связано с фауной, что свойственно не только селькупскому, но и многим другим языкам. В календарных названиях упоминаются не только млекопитающие, птицы, рыбы, насекомые, типичные для того или иного отрезка времени (гусиный, орлиный, вороний, комариный... месяцы), но и закрепляются в названиях наиболее характерные события из жизни животных: отпадение рогов у оленей, чистка рогов, гон оленей, стел, нерест рыб. Широко распространена орнитологическая мотивация календарных названий, указывающая на время прилета птиц, например, орлиный месяц, гусиный, вороний. Есть названия, в которых отразились явления природы - листопад, промерзание земли и появление снежного покрова на ней, длительность дня, сильно сокращающаяся в зимние месяцы, мороз и т.д. Некоторые селькупские названия такого типа имеют параллели по многим языкам мира, как, например, сельк. *рәссэру 3i'cyru' iräty* "месяц падающих листьев (сентябрь)" и балто-слав. названия: польск. *listopad*, чеш. *listopad*, с.-х. листопад, лит. *lapkritis*, бел. *лістапад*, укр. листопад "ноябрь" (ср.: др.-русс. и ст.-сл. листопадъ "октябрь" ст.-укр. надоліст "ноябрь"). Часто встречается в языках разных

генетических групп "вороний месяц" (сельк. *kəru iräty* "февраль"). Так, у индейцев Северной Америки, судя по таким произведениям, как "Жизнь в лесах" Сетона-Томпсона или "Садно и ее бобры" Серой Совы, тоже есть "вороний месяц" - "февраль"; в ненецком языке "вороний месяц" *вэриэ' ирий*; в удмуртском - *куака толэзь*, в древнем коми-вырянском - *рака*. В двух последних языках он соответствует, правда, не "февралю", как в селькупском и ненецком, а "марту". Любопытен следующий факт: в русских рукописях начала XVII века встречается название "марта" *вороной*, но только в районах русско-пермских языковых контактов, то есть оно является калькой с пермских наименований.

Между календарными названиями самодийских языков наблюдается особенно большая близость. Это сходство наименований видно для следующих месяцев (иногда с расхождениями в датировках): сельк. (таз.) *līmpu iräty* "орлиный месяц" (март) - сельк. (обск.) *лѣмбѣкет иррет* (январь) - нен. *лѣмбэ' ирий* (январь) - эн. (бай) *iibi d'irī* (апрель); сельк. (таз.) *pīluqa' iräty* "комариный месяц" (июнь) - нен. *нѣняц' ирий* (июль) - эн. (бай) *пепог d'irī* (июль) - эн. (маду) *пепого irio* (июль); сельк. (таз.) *tōka' iräty* "гусиный месяц" (апрель) - нган. *l'ertu kit'eda* (август); сельк. (таз.) *sōrukut' iräty* и *rōsōru žīsuru' iräty* "безлистный (падающих листьев) месяц" (сентябрь) - сельк. (обск.) *табѣт пѣнгѣл' иррет* (октябрь) - нен. *вэба' ирий* и *вэба' ха'ам ирий* (сентябрь) - эн. (бай) *d'ebewēde d'irī* (сентябрь) и т.п.

Есть совпадения и другого характера - не буквальные, а по способу мотивированности названий, например, "август" в сельк. (таз.) *wentu iräty* "нелѣнѣн месяц", а в нен. *лѣв' халя' ирий* "месяц омуля (морской рыбы)"; "июль" (одно из нескольких наименований) в сельк. (таз.) *hīmugā' iräty* "месяц мошки"; а в нен. (правда, это соответствует приблизительно "августу") - *пѣлѣ' ирий* "месяц оводов" и проч.

Даже сам термин, обозначающий рассматриваемый отрезок времени (месяц - *iräty*), имеет сходства по многим языкам. Так, в дневнике Г.Н.Прокофьева 1925-1926 гг. (Янов Стан), выписки из которого были любезно предоставлены нам Л.А.Варковицкой, его ученицей, есть интересное замечание, касающееся терминов *iräty* в селькупском языке и *ирий* в ненецком: "В остяко-самоедском месяце *irät*, старик - *ira*, в енисейском месяце *k'um*, а старик

к'уба, в кратком месяц Ири, а старик Ири. Вопрос осложняется тем, что у енисейцев и остяко-самоедов есть сказки, в которых месяц считается сестрой солнца. К этому можно добавить, что в хантыйском языке (ваховский диалект) ики I "старик, дед, старший брат отца или матери"; а ики II - "луна".

Внимательное прочтение календарных названий в селькупском языке знакомит нас, таким образом, с жизнью этого народа, с его "видением мира"; позволяет найти общие черты, связывающие различные самодийские языки в одну языковую общность.

1.4.3. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Лексическое поле слов - географических терминов в селькупском языке, содержащее около 100 единиц, распадается на ряд микрополей, каждое из которых в свою очередь состоит из еще более мелких микрогрупп слов. Структуру поля географических терминов можно представить в виде следующего дерева (цифры соответствуют порядку рассмотрения микрополей в тексте):

Географические термины

I. Термины, относящиеся к названиям водных объектов

Названия самих водоемов

Названия постоянных водоемов

Названия незамкнутых водоемов (реки)

II. Термины, относящиеся к названиям урочищ и населенных пунктов

Названия водной поверхности, характеристика течения воды

Названия сезонных водоемов

Названия замкнутых водоемов (озера, болота)

Как можно заметить, слова разных микрополей и микрогрупп не связаны друг с другом семантически, то есть не имеют общих значений. Кроме того, отнесение многих терминов в ту или иную группу весьма условно, особенно, если географический термин неоднозначен: такие термины, как, например: *šotta*, *tjcy*, *untu* и другие легко перемещаются из группы в группу.

Внутри каждого микрополя слова объединены в одно целое обычно по принципу родо-видовых отношений.

По своему объему микрополя неравноценны. Подавляющее большинство географических терминов составляют гидроимены — наименования водных объектов, что определяется условиями жизни народа (в Красноселькупском районе вода покрывает 23% всей площади).

Самой значительной в этом микрополе по количеству членов микрогруппой является группа слов, обозначающая разные виды рек: ку, qolty, kika(ka), c3r(yk), k3ty, 33tta, t3mu, woty.

Ку — общее название реки, а kika "маленькая речка"; иногда "ручеек" (встречается и уменьшительное от kika — kika'ka). qolty — "большая река", обычно текущая в море, основная река соответствующего района. В Красноселькупском районе это t3a-qolty — р.Таз. Аналогично R3r(yt) qolty — р.Пур, R3i'-saa (река — 33ay'i) qolty ("каменная морская", то есть в море текущая река) — р.Енисей. В Красноселькупе и Ратте Енисей называют также ай3y'i qolty "Русская река". Обь в Красноселькупе зовут Kora-qolty ("Извилистая река"), а в Ратте — kaqqu'i qolty (kaqqu "глина", то есть "глинистая река"). У Кастрена kol3 — и Енисей (Таз, Карасино, Баха, Елогуй), и Обь (Думпокольский диалект)¹⁾. К этой группе терминов примыкают c3r "приток" (другое значение не связано с терминологическим — "развилка, разветвление /например, у дерева/"); k3ty "небольшая река, перемежающаяся озерами (часто берущая начало из озера или болота), в которую заходит хировать или нереститься рыба, отсюда "нерестная речка"²⁾; 33tta "новое выпрямленное русло у меандра" в отличие от 3tyrwa "волоок, перешеек в излучине (меандре)", где обычно происходит перетаскивание волоком лодок и где нового русла так и не образуется. Существительное t3mu обозначает "протока, рукав реки". В южных районах расселения селькупов в этом значении употребляется ацц.

- 1) А.С.Кривошекова-Гантман в статье "К вопросу о западносибирском компоненте в топонимии Прикамья" сопоставляет сельк. колд3 "большая река" с гидронимом Колва (В книге: "Происхождение аборигенов Сибири и их языков", Томск, 1973, стр.130).
- 2) Для нерестилища существует особое слово — r3twa, имеющее и другое значение — "ток (глухаринный или тетеревиный)".

Вторую группу водных апеллятивов составляет лимнологические и тельмографические названия замкнутых водных объектов — озер и болот. Тельмографические термины (названия болот) часто относят к названиям урочищ, однако в настоящем очерке они рассматриваются как гидронимы.

Озера обозначаются существительным $t\bar{o}/t\bar{u}$ (общее название) и $\bar{y}qqu$. $T\bar{o}$ и $t\bar{u}$ чаще служат для обозначения больших по размерам озер с гладкой водной поверхностью, не зарастающей травой и водорослями (хосирей, то есть зарастающее с берега озеро, называется $t\bar{a}kuru\bar{i} t\bar{o}$, буквально "высыхающее озеро"). По данным (более чем столетней давности!) М.А.Кастрена (Castrén 1855, стр. 279), у тазовских селькупов, живущих как в среднем, так и в верхнем течении р.Таз (а также у байшенских и карасинских), слово, означающее "озеро", выступало только в форме $t\bar{u}$ ¹). Однако в настоящее время у тазовских селькупов $t\bar{o}$ встречается чаще, чем $t\bar{u}$, которое сохранилось главным образом в речи старшего поколения и преимущественно в верхне-тазовском говоре.

Для проточных озер меньшего размера, часто удлинненной формы, используется гидроним $\bar{y}qqu$, реже $aqqu$ (устаревшая форма). $\bar{y}qqu$ означает также "старица", наряду с $m\bar{e}nt\bar{a}i qo\bar{i}ty$. По заключению Э.Г.Беккер, основанному на анализе картографического материала, "гидронимы на -акко (акка) сосредоточены в ареале названий озер на -ту", что в случае тазовских селькупов не так: с наименованиями на - $t\bar{u}$ соседствуют названия на - $\bar{y}qqu$ и, наоборот, рядом с названиями на - $t\bar{o}$ на карте находится название на - $aqqu$. Происходит это, видимо, в силу того, что процесс смешения попарно двух наименований ($t\bar{o}$ и $t\bar{u}$, с одной стороны, и $\bar{y}qqu$ и $aqqu$, с другой) начался достаточно давно (судя по топографическим картам 40-х г., он шел уже полным ходом). В настоящее же время оба варианта произношения сосуществуют в обоих словах, хотя $t\bar{u}$ и

1) Данное обстоятельство позволило Э.Г.Беккер сделать спорный вывод о том, что "появление на картах в бассейнах рек Тым (Томская область) и Таз (Красноярский край. По последнему административному делению это Тименская область) названий озер на то может говорить о миграции части кетских и обских селькупов на северо-восток". Э.Г.Беккер. О некоторых селькупских географических терминах. "Местные географические термины. Вопросы географии", № 81 М., "Мысль", 1970, стр.172.

аауу следует признать менее частотными и, следовательно, устаревшими формами. Кроме того, форма тй характерна для верховского говора.

Для небольшого озера, часто размером с луку, используются сочетания йтуй' тарва и йтуй' сауу. Существительное сауу означает не только "озерко", но и "болото" или "лощина с водой" (в верховском говоре). Сочетания йтуй' тарва и йтуй' лааа означают также незатянутую болотистыми растениями чистую воду.

В словаре Эрдейи зафиксировано существительное сауу, которое условно можно отнести в эту же микрогруппу. В настоящее время сѣуу означает "залив" (не обязательно моря), но в сказках, однако, сѣуу, сѣнтус употребляется в значении "море": сѣут тѣ чеппа "За море отправился". Само же "море" обозначается русским заимствованием - мога.

В селькупском языке широко представлена тельмографическая терминология. Для названий болот у тазовских селькупов существует несколько слов, среди которых родовыми названиями (болото вообще) в Красноселькупе выступают йумра, а в Ратте - ээг (наоборот, в Ратте первое означает "трясина", а в Красноселькупе второе - "слегка заболоченный берег"). Термином багу означает "тундра", а в верховском говоре - "болото". Встречаются и словосочетания типа йурай' тетту, йоруй' тетту "заболоченная земля" и другие. Различные тельмографические термины соответствуют разным видам болот низинного типа, имеющим в качестве основных семантических составляющих либо "зыбкость, неустойчивость" (йор "зыбун", тѣгу "родник" и "трясина, обычно не замерзающая зимой"), либо "топкость", "проваливаемость", "засасываемость" (могга(ру)¹⁾ "топь", йура "вязкое место в болоте, где легко утонуть"), либо просто признак "сырость", "влажность" (кату "болото на месте старого русла, образовавшееся после того, как появилось не связанное со старым новое, выпрямленное русло, так называемое йотта).

Обилие заболоченных пространств в районах, заселенных селькупам, привело к появлению ряда слов, часто передаваемых на русский лишь описательно и отражающих не только постоянно покрытые водой географические объекты, но и временные, летом пересы-

1) У Л.А.Варковицкой могга "топкое болото, талое место в озере благодаря быстрому течению".

такие водоемы (как незамкнутые, так и замкнутые). Эти названия можно выделить в третью группу водных апеллятивов — сезонных. Здесь часто встречается термин *qalay* "залив на реке, в русле притока, где вода бывает обычно весной, в половодье" (местный русский термин — калтус); *kur* (Ратта — *šluk*) "местность с низкорослым лесом и кустарником, затопляемая полностью в паводок"; *tīcu* "узкое место, перемычка (в том числе между озерами), часто пересыхающая летом, перешеек (в ущелье)"; *untū* "овраг с ручьями (весной)" и "сухое песчаное русло (летом)", а также "речка, восстанавливавшаяся после дождя". В карасинском и тимском диалектах "ручей, восстанавливающийся после дождя" обозначается как унджа, унджа. Близко к *untū* по значению существительное *poru* "место стока паводковых вод, летом пересыхающие канавы и овраги" (есть *poruša* — уменьшительное от *poru*).

Наконец, можно выделить четвертую группу слов, относящихся к первому семантическому микрополю гидронимов; они не соответствуют ни текущим, ни замкнутым, ни сезонным водным объектам, а содержат ту или иную характеристику самой воды или указывают на характер ее течения: *štur* и *tēru* "живун, ключ, родник"; *šempu* "полынь" (другое значение, не связанное с географическими понятиями, — "не заросшее место"); *rōgā* "омут" и "заводь" (это же слово встречается в наименовании созвездий — *qīšqāi' rōgā*); *šūqut* "тихое место у берега"; *qəqqu* "лунки, прорубь во льду для подледного лова"; *kūqu*, у Эрдейи *koŋi* "быстрина, стремнина" (ср. *paŋuŋta* и *kūquŋ koŋa* "водоворот", то есть крути в быстрине); *koŋa*, *koŋa* "изгиб реки, меандра" (ср. *māt*, который означает "участок суши, находящийся внутри меандра, ограниченный излучиной реки" и "волок") и т.п.

Следует назвать также сочетание *kut rōgu* "верховья реки" и противоположное ему существительное *šk* "устье"; например, *nōttan šk* "устье р. Ратти".¹⁾ В значении "устье" употребляется и существительное *šōi* "горло": *qoltut šōi'* или *qolsōi'* "устье р. Таз".

Микрополе, содержащее географические термины, которые относятся к названиям населенных пунктов и урочищ, значительно меньше по количеству своих членов, чем микрополе гидронимов. В оэлькупском языке сравнительно мало

1) *šk* — полисемантическое слово, означающее также "рот, отверстие, клев"; ср. сочетание *mōttan šk* "вход в чум, дверь".

специальных слов для обозначения различных типов населенных пунктов: *šimaia* "деревня", *qätty* "поселение" (любое) и некоторые другие.

Большее количество слов существует для обозначения урочищ. Урочище — местность, выделяющаяся среди окружающего ландшафта естественными границами и признаками, а также то, что служит естественной границей, природной межей (овраг, гора). В группу названий урочищ (среди них немало оронимов) входят такие существительные, как *šipa* "гряды, полоса, обычно поросшая лесом, среди болота" — *masu i šipa*; *oi'qan* "болотистая местность с редколесьем, лесотундра"; *šaqas* или *šaqqr'i laka* "густолесье" (в том же значении употребляется сочетание *toqšai' masu*); *šarpu* "ложбина"; *qə* "яр, гора"; *šoq* "мыс"; *šiktynolu* (со стяжением *šiktynolu* или просто *šikty* "ночка, холм"; *košras* "бутор"; *šakka* "бутор с лесом" (у Л.А.Барковичной *šakka* "травянистый холм"), *koral* "углубление, ямка" (*šūryt koral* "углубление в песке"), *šūt*, *šicy* (см. о них выше), *maty* (*təttyn maty*) "обрыв, расщелина" (в земле) и многие другие.

Среди географических терминов встречаются полисемантические слова, причем одни из них (*šk*, *šəuru*, *šgr*) имеют значения как относящиеся к географии, так и не имеющие отношения к этой области, а у других все значения остаются в области географической терминологии. К числу последних относятся существительные *qolty*, *šarku*, *masu*. Существительное *šarku* означает не только "остров", то есть участок суши, окруженный водой, но и "участок, выделяющийся чем-либо среди остальной местности"¹⁾. То же самое

1) Такая связь значений, имеющаяся у существительного *šarku* ("остров" и "участок суши"), характерна не только для селкупской, но и для славянской географической терминологии, где существительное остров может иметь, помимо общелитературного значения, значение "возвышенное сухое место среди леса"; "урочище"; "место среди болота, поросшее лесом"; "участок леса среди безлесного пространства" и т.п. (см. Г.П.Бондарук. Местные географические термины и диалектология. "Вопросы географии", №1, М., "Мысль", 1970, стр.129; Н.И.Толстой. К проблеме изучения славянских местных географических терминов. Там же, стр.51).

можно сказать о существительном *масу* "лес", которое иногда означает "яр (гора), поросший лесом", то есть "гора" (ср. аналогичный переход значений в сербохорватском: *гора* "гора" и "лес"; в болгарском *гора* — только "лес").

Географические термины во всех языках обычно в большей или меньшей степени находят свое отражение в топонимике. Однако в топонимических наименованиях Красноселькупского района Тименской области участвует далеко не все номенклатурные названия¹⁾, а только их третья часть.

Процесс перехода географического термина (нарицательного существительного) в топоним (собственное имя)²⁾ в селькупском языке очень редок (в отличие, например, от славянских, тюркских и других языков, где часто встречаются названия типа село Верх, село Лог, деревня Бугри, озеро Озеро, болото Болото, урочище Роша и проч.³⁾). Этот процесс отмечен едва ли не для единственного термина *qolty*. В Красноселькупском районе *qolty* употребляется

1) Список топонимов был нам любезно предоставлен картографом, старшим редактором Тименской экспедиции № 167, А.П.Ивановым, с которым авторы познакомились в полевых условиях и совместно провели уточнение транскрипций терминов и их переводов. Пользуемся случаем принести А.П.Иванову нашу искреннюю благодарность. К сожалению, в ряде случаев мы не смогли установить точную этимологию топонима (если он не был известен информантам). Например, название, стоящее на карте, Кэльки можно интерпретировать как *qäi'ku* "Березовая река", как *kei'ku* "Зимняя река", как *qei'ku* "Река с яром", как *käi'ku* "Река с плесом" или даже "Линная река" (ср. также разночтения для Кэкильто, Кэль-Катий и другие). В этих случаях после названия ставится (?).

2) Обратный процесс — переход топонима в нарицательный географический термин типа "черемушки" — в селькупском языке не наблюдается совсем.

3) Г.В.Корнилов. О типах топонимов в агглютинативных языках. ВЯ, 1967, №1, стр. 121-122; В.А.Мучкевич. Местные географические термины в топонимии Белоруссии. "Вопросы географии", № 81, М., "Мысль", 1970, стр. 131; В.И.Тагунова. Об изменениях географических терминов. Там же, стр. 158; Г.П.Смолицкая. Географический термин корь/кэрэк. Там же, стр. 148.

как собственное название р.Таз (наряду с другими указанными наименованиями). В поселке Толька есть протока под названием *min-tai' qolty*, то есть Старый Таз (старое русло р.Таза; ср. *qoltyi' qeqqu* "луна (для подледного лова рыбы) в р.Таз"). По свидетельству Э.Г.Беккер¹⁾ васыганские, тымские и кетские селькупы употребляют Колты как собственное имя для р.Обь. Все остальные географические термины используются только в качестве одного из компонентов сложных топонимических наименований.

Некоторые топонимы повторяются, но не в пределах той же микротерритории. Совпадающие топонимы составляет около 7% всех топонимов. Так, название *Yrquy'i-tō* "Щекуровое озеро" встречается в Красноселькупском районе четыре раза; наименования *haryi'-tō* "Тундровое озеро" и *tōquyui'-ku* "Река саранки (сибирской лилии)" встречается по три раза каждое. Основная масса совпадений — парные названия. В топонимах Красноселькупского района отражается стремление местных жителей как можно однозначнее описать местонахождение того или иного объекта, используя приметы, известные и говорящему, и слушающему. Типичным является название *кура-kyt-qanuyi'-hagu* "Прибрежная тундра около Малой реки" (буквально Малой-река береговая тундра), которое представляет собой сочетание из нескольких нарицательных слов. Подавляющее большинство топонимов имеет такое происхождение.

Географические наименования несут большую информационную нагрузку.²⁾ С одной стороны, во всей своей совокупности они дают прекрасную географическую характеристику района, отражая его ландшафт: особенности рельефа, вод, почвенного и растительного покрова и животного мира. С другой стороны, географические наименования свидетельствуют об образе жизни народа, характеризуют район этнографически, даже сообщают некоторые ориентиры, важные при кочевании.

1) Э.Г.Беккер. О некоторых селькупских географических терминах "Вопросы географии", № 81, М., "Мысль", 1970, стр.174.

2) Об информационной роли топонимов см. Н.В.Подольская. Какую информационную роль несет топоним. "Принципы топонимики", М., 1964, стр. 97; В.Н.Попова. Информационная роль местных географических терминов в составе топонимов. "Вопросы географии", № 81, М., "Мысль", 1970, стр. 179-184.

В Красноселькупском районе обнаружено около 650 топонимов, причем географических терминов среди них только приблизительно 30. Из общего числа топонимов 85% приходится на гидронимы.

Особенно широко представлены в Красноселькупском районе гидронимы, 1) отражающие его ф а у н у. Многие названия рек, озер, болот содержат преимущественно наименования рыб, реже — птиц и зверей¹⁾, причем типичным является использование одного и того же наименования для различных водных объектов (реки, озера, болота, протоки...): q̄l̄ȳi'-tō(ky) "Рыбное озеро (река), t̄ȳt̄ȳi'-tō "Карасевое озеро", p̄i'ssai'-tō (ky, ȳq̄q̄y) "Щучье озеро (река); k̄ūb̄ȳi'-tō (ky, k̄ik̄ā) "Налимье озеро" (река, ручей), катати, одно из самых крупных в районе; p̄i'ssai'-ky "Сорожья река"; q̄ant̄ȳi'-ky (k̄ik̄ā) "Чебаковая река" (речка), где водится рыба семейства карповых: лещ, елец, плотва; ȳi't̄ȳi'-ky "Сырьковая река"; q̄s̄ai'-ȳq̄q̄y "Окуновое озеро"; ȳk̄ȳj̄ai'-k̄ik̄ā "Нирковая речка"; ȳr̄q̄ȳi'-s̄er (tō, t̄ū, s̄r̄) "Шекурово (Чирковое) болото (озеро, приток)" и т.п. Преобладание ихтиологических названий не случайно — в Красноселькупском районе встречается 22 сорта промысловых рыб, из названий которых больше половины нашло отражение в гидронимах. Во многих гидронимах отражена орнитологическая фауна района: s̄i'r̄k̄ȳi'-tō (k̄ik̄ā, ȳary) "Лебединое озеро (речка, тундра); s̄i'r̄k̄ȳi'-p̄i't̄ȳi'-tū "Озеро с лебединым гнездованьем"; k̄ūl̄ai'-Lak̄ai'-k̄ik̄ā "Ручей, около которого много воронов"; ȳi'rai'-ky (t̄ū, ȳary, ср. marky) "Утиная река" (озеро, тундра; остров), s̄ar̄k̄ȳi'-k̄ik̄ā "Глухаринная речка"; s̄āq̄q̄ȳi'-Al̄q̄ȳi'-tū "Озеро черного турпана"; ср. также: k̄ōm̄ai'-t̄ākȳt̄ȳi'-ky "Заячья сухая река"; ȳt̄ai'tō "Оленье озеро"; ȳt̄ai'-mark̄ȳi'-t̄ū "Протока Оленьего острова"; Loq̄at'-p̄i't̄ȳi'-k̄ik̄ā "Речка с лисьей норой"; toṛb̄ai'-k̄ik̄ā "Телячий ручей"; p̄āq̄q̄ȳi'-tū "Лосиное озеро"; w̄er̄q̄ȳi'-s̄i'i'-ky "Большая соболиная река"; k̄aṣ'-ky "Река сибирской кунницы" (каṣ ныне не известное название для кунницы), t̄ar̄ak'-k̄ik̄ā "Белчий ручей" и т.д.

1) Названия, в основу которых положены апеллятивы, обозначающие различных животных, птиц и рыб, характерны также для финно-угорской и славянской топонимии. См. А.К.Матвеев. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований. ВЯ, 1972, № 3, стр.80.

2) Встречаются также флористические гидронимы, типа *tūmyi'-tū* (*kikā*) "Лиственничное озеро" (речка), *qūtyi'-kikā* "Еловая речка"; *ŋaŋqyī'-cōŋ* "Тальниковый приток"; *кура-ŋai'-ku* "Малая река с кустарником"; *торугуи'-масуи'-kikā* "Речка ягодного леса"; *kētykā-qai'-масу-kikā* "Левая речка березового леса"; *tōt-somyi'* (?) - *kēty* "Правая черемуховая речка с нерестилищем"; *tōqy-lyi'-ku* "Река саранки" и т.п.

3) По многочисленным гидронимам можно, как в зеркале, увидеть ландшафт, топографию Красноселькупского района. Район изрезан множеством озер и рек. В верхнем и среднем течении реки неширокие и извилистые, с высокими берегами, песчаными ярами и песчаными косами, с быстрым и мелководным течением, с многочисленными завалами, засоренные валежником и камнями, плохо проходимые; в среднем течении рек появляются острова, а русла разбиваются на отдельные протоки. Озера (по пойме р.Таза и его притоков) небольшие, мелкие, с заболоченными берегами, а по водоразделам в котловинах более глубокие; часто встречаются системы соединенных озер. Эта картина четко вырисовывается из таких названий, как *kōŋai'-ku* "Песчаная река"; *kētykā-ūtyŋ-moi'-ku* "Река с перетаском на левом берегу"; *oiŋan-kikā* "Речка с редколесьем на болоте"; *rūŋai'-ku* "Галечниковая река"; *rūŋā-kikā* "Каменистая речка"; *sāqas-ku* "Река непроходимой чащи"; *qe-ku* "Река с крутояром"; *šōttaŋ'-ku* "Река с выпрямленным руслом"; *sōi'-rōŋyī'-ku* "Река с глиной в верховье"; *cōŋyī'-ku* "Морская река"; *rōŋai'-kētyi'-ku* "Река с заводами и нерестилищем"; *kūryi'-tēmy* (*kikā*, *попу*) "Протока (ручей, овраг) с быстриной"; *ŋaryi'-tō* "Тундровое озеро"; *sāqyūi'-tū* "Озеро в непроходимой чаще"; *tēgyi'-šqy* "Зыбучее озеро" (озеро с ключом); *cōŋy-tū* "Узкое озеро"; *kēi'-katy* "Болото на месте старого русла с плесом" (?), *šattu-Untyī'-kēi'* "Плес между двумя оврагами"; *ŋaryi'-tēgyi'-tō* "Озеро в узком месте тундры"; *tōi'-cōŋyī'-tō* "Озеро, ответившееся от озера"; *tēgyūmyi'-tō* "Озеро с обилием перешейков"; *tēkytyi'-kyi'-Unty* "Высходящей реки овраг".

4) Многие гидронимы отражают быт народа, служат ориентирами при кочевании: *qēttyi'-tō* "Озеро постоянного поселения"; *ŋōtyi'-tū* (*ку*) "Озеро (река) с чумом"; *Lattar-kikā* "Покойничья речка"; *Sasat-ku* "Сашина река" (то есть река, на которой жил некий Саха; сейчас в этом месте стоит чум другого человека, но название укоренилось, стало общепринятым и даже проникло на

карты), qaqiyi-wettyi-tū "Озеро с нартовой дорогой"; rāiyi-kīkī "Речка с русским (бревенчатым) домом" и т.п.

Таким образом, гидронимы исследованного района несут большую информационную нагрузку, давая сведения о ландшафте района, его флоре и фауне, о быте населения.

Лексический состав гидронимов очень разнообразен. Основные водные аппеллятивы, судя по исходам¹⁾ их названий, распределяются следующим образом:

Исходы гидронимов	Количество гидронимов в % (в убывающем порядке)
tō "озеро"	25,5% ²⁾
ky "река"	24%
kīkī "речка"	20%
baŋy "тундра; болото"	7%
tēmy "проток"	6%
cōŋ(yk) "приток"	4%
ṣaqy "озеро"	3,5%
leg ³⁾ "болото"	3%
kēty "нерестная речка"	1,5%
прочие (katy, kōi, noŋy, ŋuŋ, ṣk, unty)	5,5%

Как видно из приведенной таблицы, 55,5% (без учета строки "прочие") приходится на "текущие" гидронимы, 29% - на замкнутые проточные и 10% - на замкнутые безоточные (болота).

- 1) Исходы топонимов иногда называют также отглагольным словом или индикатором - см. В.Н.Попова. Указ. соч., стр. 180.
- 2) Из этого числа 1,5% приходится на гидронимы, в которых исходное tō (но не tū!) употребляется во множественном числе: tōkaŋtōŋmy "Тусинные озера"; sŋŋkūtōŋmy "Озера у Соболиной реки"; untytōŋmy "Озера с речкой, имеющей пересыхающее русло" (ср. ūtuxmoŋtōŋlaka "Озера с перетаском").
- 3) Интересно, что lūmā "болото" в исходе наименований не встречается: lūmāŋ tō(tū), lūmāŋ kīkī "Болотистое озеро, болотистая речка".

Определяющие слова в гидронимах относятся к разным лексическим группам. С семантической точки зрения основная их масса (около 70%) содержит в своем абсолютном начале или середине слова, относящиеся к биоботанической сфере или к топографической характеристике района. Последние, как правило, имеют по два и более определяющих слов типа *kētykā-kuṛa-ūtymōi-ku* "Левая малая река с перетаском"; *qēquī-ḥaṛyī-tō* "Тундровое озеро с бором".

Гидронимы содержат также в своем составе прилагательные размера и прилагательные, указывающие на форму объекта. (более 7%). Чаще других встречаются прилагательные *wēṛqu* "большой" и *kuṛa* "малый" обычно в сочетании с другими словами: *wēṛqu sīi-ku* "Большая Соболиная река"; *wēṛqu iratky* "Большая Стариковая река"; *wēṛqu rūṛmāiky* "Большая река с перестылищем"; *wēṛqu ḥaṛyī-ku* "Большая Тундровая река"; *wēṛqu ku* "Большая река"; *wēṛqu tīmy* "Большая Протока" (всего около 20 названий); *kuṛa cōṛ* "Малый приток"; *kuṛa sīi-ku* "Малая Соболиная река"; *kuṛa tīmy* "Малая протока"; *kuṛa cōṛtū* "Озеро с малым притоком" и т.д. (более 30 названий). Изредка возможны прилагательные *cōṛu* "узкий"; *contyī'* "средний"; *cūṣṛu* "длинный"; *rūṛyī'* "круглый"; *tōntu* "широкий": *cōṛu tū*, *cōṛu tīmy* (*kēty*), *contyī' tū*, *cūṣṛu tō* (*ser*), *tōntyī'* *kīkā* (ср. урочище *Pīṛqu masy* "Высокий яр", *rūṛyī'* *ser* "Круглое болото").

Около 5% составляют названия, в которых определяющими словами являются притяжательные прилагательные или существительные в Gen., означающие принадлежность данного апеллятива какому-либо лицу (реальному или мифическому): *Imai' tīmy* "Иенская протока"; *Iratky* "Стариковая (старика) река"; *ṣaṣatky* "Самина река"; *Pīṣasoq-masy-ku* "Река у леса с дедушкиным мысом" (?) (буквально "дедушка-мыс-лес-река").

Цветовые прилагательные в составе гидронимов не характерны для селькупского языка (менее 2%), хотя в других языках (славянских, тюркских¹⁾) они встречаются очень часто. Возможно, это до некоторой степени связано с тем, что группа цветковых прилагательных в селькупском языке сравнительно, например, с русским языком, вообще бедна. Из всех цветковых прилагательных в географиче-

1) А.В.Суперанская. Терминологичны ли цветные названия рек? "Вопросы географии", № 84, М., "Мысль", 1970, стр.120-127.

ческих названиях отмечены только *segu* "белый" и *ŋaŋu* "черный" и один случай с *ŋaŋu* "красный": *ŋaŋu-ŋtuŋi'-qoŋtu* "Река Черной воды" (Ангара? Один из правых притоков Енисея), *segu masu* "Белый лес", *ŋaŋu to* "Красное озеро".

Гидронимы, в составе которых встречается числительные, единичны: *ŋəkuŋ oŋr* "Три притока", *ŋittu ŋaŋu* "Две тундры", *seŋi-su ŋtuŋmoŋ to* "Озеро с семью перетасками".

Оценочные прилагательные в качестве определяющих слов в гидронимах довольно редки: *qoŋtuŋi' kika* "Плохая речка", *ŋoma pə-ŋuŋi' kika* "Хорошая верховская речка", *ŋantai' oŋtuŋi'ku* "Старая Чо-селька" (река, текущая в залив), *ŋəŋukaŋi' kika* "Тихая речка" (?), *qəŋraŋuŋi' to* "Тощее озеро" (озеро, где водится тощая рыба) и др.

В селькупской топонимической системе наблюдается процесс смысловых сдвигов, когда гидронимический термин *ku* "река" оказывается вдруг примененным к озеру, болоту и даже урочищу, а орографический используется для обозначения какого-либо водного объекта¹⁾. В 50 случаях, то есть приблизительно у 8%, имеется несоответствие термина географическим реалиям, например, *kaŋtuŋi'ku ŋaŋu* "Густолесье у Катармыльки" на самом деле-река; *kuŋaŋu seŋ* "Болото у Малого калтуса" - ручей; *kuŋaŋu qəŋu* "Малый калтус" - река; *kuŋai' ku* "Воронья река" - озеро, *taŋkuŋi' ŋaŋuŋi' oŋr* "Нижний тальниковый приток" - урочище, *ŋaŋuŋi' masu* "Тундровый яр" - поселок и т.п.

Все сказанное о гидронимах справедливо и в отношении топонимов вообще. Среди всех исследованных топонимов названия населенных пунктов, островов, урочищ и т.п. составляют только около 15%, что свидетельствует о малой заселенности данного района, с одной стороны, и о важности и обилии воды в жизни населения, с другой стороны.

1) Это явление смыслового сдвига отмечается и в специальной литературе: см. Е.М.Поспелов. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии севера. "Вопросы географии", № 81, М., "Мысль", 1970, стр. 96-105; Г.П.Бондарук. Местные географические термины и диалектология. Там же, стр. 129.

В исходе названий такого рода встречаются следующие:

Исход топонима	Количество топонимов в % (в убывающем порядке)
масу "лес"	38
marku "остров"	29
сигу "песчаная отмель"	14
-laka (суффикс)	9
mit "волок"	5
ааqqу "чаща"	3
прочие (ааq "миса; qolty "река")	2

Индикатор -laka, означающий единичность чего-либо (в противоположность му), используется обычно для названий поселений или урочищ: ityllaka "чум", sollaka "сосна", qallaka "возвышенность" (или "яр"). Как видно из таблицы, в исходе топонимов преобладают термины масу (Nagui' масу "Тундровый лес", P3gui' масу "Верховской лес", okutyi' масу "Бессильный лес", Irat масу "Стариковый лес", Jtugui' масу "Лес у живунов", I3gui' масу "Чертов лес" или лес, где приносятся жертвы идолам, по объяснению аборигенов), marku (Sipai' marku "Утиный остров", tollaka-marku "Остров с одним озером", k3gui' marku "Русский остров") и сигу (P3l-laka сигу "Песчаная отмель с галькой", k3gui' m3tyi' сигу "Отмель с русским домом", k3-tykai'-t3mu-сигу "Отмель у левой протоки" и другие). Масу и marku могут иметь и другие значения, например, P3i' marku "Деревянный остров", то есть заторы из дерева в русле реки, Nagui' marku "Тальниковый остров", то есть заросли тальника.

Значительный интерес, помимо смыслового содержания географической номенклатуры, представляет структура топонимов.

Среди них менее 1% — однословные топонимы (обычно гидронимы), где ку "река" превратилось в формант -ку (информанты, в отличие от показаний карты, обычно четко произносят ку): t3iku "Озерная река", P3qyiku "Перевальная река" (ср. глагол P3qytyqo, P3qy3qo "переваливать через водораздел"), c3guiku "Заливная река" и т.п. Иногда такой однословный топоним возникает за счет фонетического изменения — отпадения части основы — первого из двух элементов сочетания и слияния оставшейся части со вторым словом: qalkora (местность возле Тольки) из qoltyt kora "Изду-

чина Таза" (ср. *maknolui' kika* из *maknup-olui' kika* "Речка около кочек, напоминающих головы").

Остальные топонимы - словосочетания, имеющие определенную структуру, свой своеобразный "синтаксис". Наиболее распространено образование топонимов по модели: определяющее (одно или несколько) + определяемое. 81% всех географических наименований от общего числа зафиксированных имеют структуру: одно определяющее слово + определяемое (индикатор, стержневое слово), 12,5% - структуру с двумя определяющими при одном стержневом слове, 5% - с тремя определяющими и 0,5% - с четырьмя определяющими, типа *кура-si'i-ku'i-rõryi'-tũ* "Озеро в верховьях Малой Соболиной реки". Подавляющее большинство определяющих элементов (то есть элементов, стоящих не в исходе топонима) является адъективными формами на *-i'* или прилагательными без всякого форманта (*a'i'* "соболиный", *takku'i'* "нижний", *ru'i'* "каменный", *кура* "малый", *wegcu* "большой"; встречаются также параллельные названия типа *ãarqutõ* и *ãarqutõ* "Красное озеро"); реке - существительными в Gen. (*кура-кут-rõryi'-tũ* "Озеро в верховьях Малой реки", *Iratty* "Стариковая река", буквально "старика река"). В некоторых топонимах, состоящих из двух и более основ, части соединяются без какого-либо дополнительного оформления¹⁾. Если употребляется два существительных в Nom., то первое из них обычно выполняет функцию определения (*Amna ñary* "Голодная тундра", буквально "голод-тундра"; *seritũ* "Болотистое озеро", буквально "болото-озеро"; *lumarã kika* (есть и река *lumarã'i' kika*) "Болотистая речка", буквально "болото-речка"; *tãrak kika* "Беличья речка", буквально "белка-речка"), но может также быть дополнением или обстоятельством, особенно в случае с тремя - четырьмя существительными в Nom., например, *iicat-soq-masy-ku* "Река с яром у дедушкина мыса" (?), буквально "дедушка-мыс-яр-река"; *imatõ ñary* "Тундра около Кенского озера", буквально "женщина-озеро-тундра"; *ñary-marqu* "Река с яром, поросшим лесом, в тундре", буквально "тундра-яр с лесом-река" и другие.

1) Аналогичная картина наблюдается в тюркских языках. См. М.В. Лабзина. О тюркских названиях озер Челябинской области. "Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии", Пермь, 1972, стр. 264-268. Ср. также способы оформления определений в селькупском языке вообще.

При анализе топонимов с точки зрения их структуры в глаза бросаются несколько особенностей.

1) Можно отметить параллелизм (симметричность) в структуре наименований (реки малые и большие, левые и правые, верхние и нижние). Образование гидронимов с этими определениями идет исключительно слева направо, то есть прилагательные *werqu* "большой", кура "малый", *kētykă* "левый", *tēt*, *tētyk* "правый" (река *takkyi'* "нижний" и *hēnnāi'* "верхний") прибавляются к топониму, уже состоящему из нескольких слов, только слева. При этом полного параллелизма в употреблении прилагательных нет. Так, кура встречается чаще, чем *werqu*, хотя немало и параллельных наименований. Обычно есть соответствующий топоним и без этих прилагательных, например: *Sīiky* - Кура *Sīiky* - *werqu Sīiky* "Соболиные реки"; *Iratky* - Кура *Iratky* - *werqu Iratky* "Стариковые реки"; *haryiky* - Кура *haryiky* - *werqu haryiky* "Тундровые реки"; *Syry wentyi' kika* - Кура *Syry wentyi' kika* - *werqu Syry wentyi' kika* "Снежные нельманы речки". Точно так же левых речек (*kētykă*) больше, чем правых (*tēt*, *tētyk*), а верхних (*hēnnāi'*) больше, чем нижних (*takkyi'*). *kētykă*, *tēt* никогда не бывают после *werqu* - кура, а всегда перед ними. Возникают длинные цепочки слов:

Кура *ūturmōiky* - *kētykă ūturmōiky*
ūturmōiky — *werqu ūturmōiky* - *tēt werqu ūturmōiky* — "Перетасковные реки"

Одновременно может быть и просто *kētykă ūturmōiky*. Ср.: *pūi' jatyiky* - Кура *pūi' jatyiky* - *tēt кура pūi' jatyiky* "Реки с каменными отрогами" (?). Аналогичную картину дают гидронимы с *hēnnāi'* - *takkyi'*, которые обязательно прибавляются к топониму только слева: *haryi' cōr* - *takkyi' haryi' cōr* "Нижний тальниковый приток" (ср. просто *hēnnāi' kika* - *takkyi' kika*).

2) Очень многие топонимы строятся по принципу нанизывания (или разворачивания топонима), то есть путем прибавления к уже существующему топониму нового индикатора справа, при этом исход топонима иногда начинает оформляться как имя прилагательное. Получаются цепочки типа (*ciṛkyitō*) → ((*ciṛkyitō*) *poru*) или (*amna hary*) → ((*amna haryi'*) *ky*), первое из которых можно переводить как "Паводковый сток Лебединого озера" (или "Паводковый сток Чинкыльто"), второе — как "Река Голодной тундры" (или "Река, протекающая по Амнаньяри). Таких пар и даже троек образующихся друг от друга топонимов очень много, например:

- ((kōraŋ-kuŋ) ŋary "Тундра около Коральки" (Песчаной реки);
 ((tēkytŋŋ-kuŋ) ŋary "Тундра с высыхающей рекой";
 ((kura cōr) tō) "Озеро Малого притока";
 ((līmpu Pityŋtū) kŋkā) "Речка у озера Лимпытитыльту" (где гнез-
 дятся орлы);
 ((līsa Soq masu) ku) "Река с яром у дедушкина мыса";
 ((Imatō) ŋary) "Тундра у Имато" (Хенского озера);
 ((Irat kuŋ) ((Irat kuŋ) tō) "Озеро у Стариковой реки"
 ((Irat kuŋ) ((Irat kuŋ) tēmu) "Протока Стариковой реки";
 (Pēsaŋku) --- ((Pēsaŋ kuŋ) ŋary "Тундра около Печальки" (реки Со-
 рожьей)
 ((Pēsaŋku) sēg) "Болото около Сорожьей реки"

3) При образовании топонима путем развертывания имеющегося исходного наименования возможна вставка перед новым исходом ка-кого-либо слова (чаще всего прилагательного *rōkyŋ*), нередко оз-начавшего притоки второго-четвертого порядка, то есть приток притока, например: *qēlyŋ kŋkā* → *qēlyŋ kŋkā rōkyŋ sēqquŋlaka* "Густолесье в верховьях рыбной речки"; *qanuyŋku* → *qanuyŋku rō-kyŋtō* "Озеро в верховьях березняковой реки".

Вставка *rōkyŋ* возможна и без дальнейшего развертывания то-понима: *Imattŋ kŋkā* → *Imattŋ rōkyŋ kŋkā* "Верховская речка у Иматту (Хенского озера)".

Итак, образование на основе имеющихся топонимов новых наз-ваний может идти слева направо (для гидронимов, имеющих симмет-ричные названия) или справа налево для топонимов, получаемых пу-тем развертывания и появления нового исхода.

Селькупские топонимы в Красноселькупском районе соседствуют с русскими, ненецкими и эвенкийскими географическими названиями.

Русских названий — более 40, например: Александрово озеро, река Парусовая, реки Большая и Малая Блудная, приток Березовый, урочище Парусовая Тундра, остров Питомниковый, урочище Песок По-линский, Карсавинский Песок,¹⁾ остров Церковенский (недалеко от Красноселькупа, где находилась церковь — *naŋm̄st*, буквально "Не-бесный дом"); урочище Заячий Материк, остров Усть-Парусовый и другие. Некоторые гидронимы в данном районе имеют селькупских двойников: озера Гусиные, Чащобное, Среднее, речка Ершовая и

1) От фамилий, распространенных у селькупов: Полин (энецкого происхождения), Карсавин.

соответственно $tōka'i' tō'ku$, $saqqyitō$, $contyktō$ и $ni'gāi' kika$. Дублирные названия одного и того же объекта, представляющие собой разноязычные корреляты, не редкость для многоязычного Красноселькупского района.¹⁾

Иногда в обследованном районе встречается гибридные наименования - русское название контаминируется с селькупским географическим термином (или другим селькупским определяющим словом), причем часто русское слово оформляется по законам селькупской фонетики: $kāyū'i' mōtyū'ku$ "С русским чумом река", $saatky$ "Сашина река", $po'ta'ku$ "Почтовая река". Названия неселькупские, но хорошо известные в Красноселькупе, по происхождению обычно бывают без типичного топоформанта $-ku(ka)$ или $tō(tū)$. Это такие названия, как, например, $ēlyq'$ и $ēlyū'ku$ - Елогуй, $pa'kpa$ - Баиха,²⁾ $targan$ - Турухан, $kutaā'$ - Худосей, vaq (хантизированное произношение. Собственно селькупский вариант - $vaq(q)ai'ku$) - Вах и другие.

Ненецкие названия сосредоточены в основном на западе, на границе с пуровскими (лесными) ненцами. Здесь типичным исходом наименований является яха "река", реке ви "тундра": Ханавэй-яха "Ястребинная река", Ято-яха "Гусиная река", Сямб-яха "болотистая река", Нэро-яха "река чаши", Харв-лабта-ви "Тундра с лиственницами в низине" (буквально "лиственница - низина-тундра") (всего более 20 названий). Иногда встречаются смешанные ненецко-селькупские наименования: Веярмо-тамы "Протока, где вода смешана с кровью", Веярмольки "Река с кровавой водой", $ānpā'i'$ веярмольки "Верхняя река, где кровь смешана с водой"...

1) См. А.К.Матвеев. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований. ВЯ, 1972, № 3, стр.80-81. Возможно, в ряде случаев имеет место топонимическое калькирование. Ср. И.А.Воробьева. К вопросу о топонимических кальках. "Языки и топонимия", Томск, 1976, стр. 178-183; З.Г.Беккер. Селькупские топонимы Западной Сибири. Канд.дисс., Томск, 1965.

2) Отсюда происходит название "баихенские" селькупы, которые в документах начала XIX века именовались "баихинские". По свидетельству В.И.Васильева (К проблеме этногенеза северосаамодийских народов. Сб. "Социальная организация и культура народов Севера", М., "Наука", 1974, стр.158-159, сноска 94), на реке Баиха до прихода туда селькупов жили инцы рода Бай, давшие свое имя реке ("река Баев").

На востоке Красноселькупского района немало эвенкийских наименований (более 10) типа: урочище Абанда "Лиственное" (?), река Пангушей (иля).

Таким образом, лексическое поле географических терминов нашло свое яркое отражение в топонимах Красноселькупского района, несущих большую информационную нагрузку. Правда, в образовании селькупской топонимики участвует далеко не все географические термины, а только их третья часть, причем активно участвует среди этой трети меньше половины и, в основном, — гидронимы. Тем не менее подавляющее большинство слов рассмотренного лексического поля относится к активному и широко употребительному слову лексики современного селькупского языка.

1.4.4. ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ

Семантический анализ глагольной части лексики селькупского языка представляет большие трудности по сравнению с анализом имен. В свою очередь среди глаголов одной из самых трудных для анализа групп является лексико-семантическая группа глаголов движения, как по причине своего большого объема (большого количества своих членов), так и в силу своей семантической сложности (наличие значительного числа семантических составляющих — среда, в которой происходит движение, направление движения, способ передвижения, характер движения, его скорость и другие).

Количество глаголов движения обычно бывает велико в самых разных языках. Так, их несколько сотен (учитывая приставочные глаголы) в русском языке, более 200 — в английском, около 150 — в коми-зырянском и т.д. В селькупском языке группа глаголов движения содержит более 100 членов (многочисленные совершенности учитываются только в том случае, если они различаются существенным образом семантически).

Центром группы селькупских глаголов движения в пространстве является глагол *qeqo*. В семантике глагола *qeqo* не содержится ни семантического компонента "направление движения" (в отличие от *tūqo* "прийти", *āeqo* "войти", *tantūqo* "выйти" и других), ни "среда, в которой происходит движения" (в отличие от глагола *pātūqo* "плыть по течению, не гребя" и других), ни компонентов "способ движения" (как в глаголах *antāqo* "плыть на ветке, челноке", *qaqluttūqo* "ехать на нартах", *tōtqo* "ходить на лыжах") или "характер движения", как в глаголах *qortūqo* "скакать, бе-

Два следующих значения приводятся в словаре Эрдейи, но примеров (недвусмысленно толкуемых) нет. В полевых условиях эти значения не подтвердились.

6) "Приблизиться, подойти, придти"; что обычно передается через глагол *tũqo*.

7) "Бегать". Обычно используются в этом смысле глаголы *rak-tuqo*, *qalqo*, *qertyqo* или *kuralqo* и их производные.

У *qenqo* имеются смысловые пересечения более чем с 20 глаголами из рассматриваемых 100 (то есть пересечений более 20%). Ниже приводится таблица, отражающая сходные значения ряда глаголов движения с глаголом *qenqo*. Значения сопоставляемых глаголов, не совпадающие со значениями глагола - доминанты, в таблицу не включены, но их наличие у соответствующего глагола и количество указано в последнем столбце. Плюс, взятые в скобки (+), означают, что данное значение отмечается в словаре Эрдейи, но не подтверждено в полевых условиях.

В приведенной таблице особый интерес вызывает глаголы *antarqo*, встречающийся, правда, только в верховском говоре (Гатта), и *qaqlyttuqo*, которые находятся в отношении включения с глаголом *qenqo*. Их семантика поглощается глаголом *qenqo*, который может означать и то, что передают глаголы *antarqo* и *qaqlyttuqo*, и многое другое, а *antarqo* и *qaqlyttuqo* никаких иных значений, кроме "двигаться на *anty* "ветке" и "двигаться на *qaqly* "нартах" не имеет (ср. *tõtqo* "ходить на лыжах").

Подобный тип семантической связи у глаголов движения в селькупском языке весьма распространен (напротив, в русском он встречается чрезвычайно редко, например, у глагола идти и устаревших грясти и шестьвовать).

Анализ семантических составляющих селькупских глаголов движения вскрывает их существенное отличие от семантических компонентов в аналогичных словах русского языка. Если для русских глаголов движения в первую очередь характерно уточнение среды, в которой происходит движение, способа и характера движения, а также однонаправленность - разнонаправленность и однократность - многократность движения (последняя черта отличает их от глаголов движения многих других языков, например, германских), то для селькупских глаголов максимально существенным является компонент "общая направленность движения (в основном приближение и удаление), ориентация в пространстве". Этот признак свойственен и многим дру-

Глаголы движе- ния	Значения глаголов							Коли- чест- во дру- гих зна- че- ний, от- сут- ству- ющих у qenqo
	От- прав- лять- ся	Дви- гаться по земле с по- мощью ног	Дви- гаться по поль- зуюсь тран- спор- том	Дви- гаться ся (о тран- спор- те)	Уда- лить- ся (лю- бим спо- со- бом)	При- йти, при- быть	Бе- гать	
qenqo	+	+	+	+	+	(+)	(+)	
antargqo			+					
iccyqo(iccyrgqo)	+					+		I
koraqo	+		+					I
kuralqo		+			+		+	
kūryqo ¹⁾				+				
kuttargqo	+	+					(+)	
qaqltytqo			+					
qālqo	+	+					+	
qāltyrqo ²⁾		+					+	I
qoptyrqo							+	
qonišqo(qoīšqo, qōšqo)		+	+					I
paktyqo							+	2
wāšyqo(wāššīqo)					+			3

1) Kūryqo также означает "нести течением, ветром (в озере, реке)" и относится не только к различным видам водного транспорта (например, Anty kūryrū "Лодку несет", буквально "лодка течением несется, то есть плывет"), но и к предметам, как в следующем примере из Г.Н.Прокофьева: Ninnāny takky isy cōlynyā lattaryt lēr nanniryk kūryrūty "Сверху каждый день кости покойников так сильно несет" (Прокофьев 1935, стр. 103). В словаре Эрдаи приводится глагол kuryqo со значением "бежать", которое в Красноселькупском районе не подтвердилось, зато широко употребима форма kurytqo "шагать, идти".

2) Глаголы qāltyr(y)qo и tōtqo, tōtyrqo передают передвижение

тим языкам, в которых существуют специальные слова для обозначения движения приближения, удаления, кругового движения и проч. Например, в латышском языке глагол *nakt* значит "двигаться по направлению к автору речи, действительному или воображаемому", в отличие от глагола *iet*, означающего "двигаться вообще" (но не "приближаться"). Аналогичные отношения существуют в немецком, английском, французском языках в парах слов: *kommen - gehen*, *come - go*, *venir - aller* (ср. селькупские *tūqo - qenqo*, нен. тоо-мина). В русском языке оба смысла передаются глаголом идти; а смысловую нагрузку указания на направленность движения несут или приставки (убежать, прибежать), или предлоги (бежать к кому-либо, от кого-либо).

Глаголы, ориентированные в пространстве, составляют в селькупском языке около 20% от всех рассмотренных глаголов. Это, например, глагол *tulyŋqo* "достичь границы чего-либо, какого-либо предела, уровня" (и "приблизиться"; "увидеть" у Эрдейи): *saŋkuŋ muntŋ tulyŋŋa* "К пастям дошел он" (Прокофьев 1935, стр. 87); *ukkyr contōqyt lattaryŋ maktontŋ tulyŋŋa* "Вдруг кладбища достиг он" (Там же, стр. 104). Впрочем, в настоящее время в смысле "достичь какого-либо предела" чаще используются глаголы *tūqo* и *tūŋŋuqo* "прийти, приехать": *Ter tūŋy tamyt tetty, tūntŋ utyryŋuty* "Он дрехал до этого места, там остановил (нарти)"; *tem catkysā tūntŋ* "Он сразу пришел"; *šittymtāl aj na tūntŋ* "Опять вторично пришел!"; *Mat tūŋak pit* "Я пришел ночью"; *štālā tūŋak* "Я на олене приехал"; *Mat qaqlyŋā tūŋak* "Я на нарте приехал"; *tūŋ alako tūntŋ* "Пароход пришел"; *Takkuŋy ukkyr antŋ tūntŋ* "Снизу одна ветка приплыла"; *ukōt tūŋak man, šērylaŋ šlā tūŋa tem* "Сначала пришел я, немного погодя он" (ср.: *antōqynŋ ūt kūny tūŋa* "В ветку нашу вода откуда пришла?" Прокофьев 1935, стр. 104).

Значение "войти внутрь" передается глаголом *šērqo*: *mōttŋ šērnŋy* "В чум вошел"; *Mat šērlāk, pūt tan šērlāŋyk!* "Я войду, потом ты входи!" *Ter tūŋy man mōpnŋy tetty, mōttŋ saŋka šēgātŋ* "Он дошел до моего дома, (а) в дом не вошел".

на лыжах: *toŋsŋŋ qāŋtŋyŋqo* "бежать на лыжах"; *tōtqo (tōtyŋqo) toŋsŋŋ* "ходить на лыжах".

Глаголы *patqo*, *patqylqo* означает "проникнуть вовнутрь чего-либо, залезть, забраться во что-либо (так, чтобы не было видно)": *sēlytu patty* "солнце зашло" (ср. *ūtty patqylqo* "утонуть", буквально "в воду залезть")¹⁾

Антонимичными глаголам *šerqo*, *patqo* являются глаголы *taryqo*, *tantyqo* "выйти, выходить", *putylmātqo* "выйти быстро откуда-нибудь, выскочить, вылезти из чего-либо": *Lōayt nāia ponā tary* "Чертova дочка на улицу вышла"; *tī tarēntak ponā* "Сейчас выйду на улицу"; *Ter tarrēay tēnty aj tū tūaa* "Он вышел оттуда и пришел сюда"; *mītquny ponā tantyaa* "Из дома на улицу вышел"; *mītquny putylmātqo* "Из дома выскочить".

К этим глаголам по смыслу примыкает глагол *kunyo* "сбежать откуда-нибудь": *Ter kunāja, toruā qemny* "Он сбежал, пешком пошел".

Несколько глаголов означает круговые движения. Это глаголы *koīfaltqo* "повернуть"(ся), *koīartqo*, *koīalwqo* и *koraltqo* "обойти кругом, окружить, сделав круг": *mītur koīfaltqo* "обойти чум"; *qenāa puryqyk*, а *pūt koīfaltāt toccētēlā* "Иди прямо, а потом поверни вон туда"; *qēttyr koīaltymraty rūgū koīak* "Поселок обошел кругом"; *āirān koīartymra* "Стороной обходит" (ср. *koīlūmātqo* "повернуть, свернуть": *Ter koīlūmtra kātykā rēlāktu* "Он свернул налево"). У глагола *koīartqo* возможно переносное значение "подлизываться, обхаживать кого-либо": *Tem māiim koīartymraty* "Она меня обхаживает"; ср. *nātār koīartqo* "заводить знакомство" (буквально "девушку обхаживать, ходить вокруг девушки").

Глагол *pūqo* обозначает "переправиться через что-либо, переехать", "перейти": *pūtāltāa alakowā!* "Переправь на лодке!" *Ter pūaa tēnty* "Он переправился с той стороны"; *Ter pūay tōi rēlāktu* "Он перебрался на ту сторону (реки)".

Глаголы *ranīqo*, *raiēqo*, *raīsurqo*, *qurtyqo* передают движение вниз. Обычно *ranīqo* и *raiēqo* означает только "спускаться вниз (о различных субъектах)", а *qurtyqo*, кроме того, и "свалиться", например: *Pōmyn illā ranīāā!* "По дереву вниз спустись!" *Kagā ranīāā ūty!* "Вниз спустись к воде!"

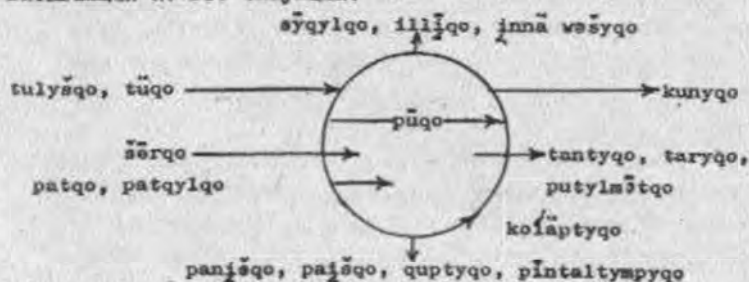
¹⁾Наличие в селькупском языке синонимичного сочетания *ūtty qyqo* "утонуть" (буквально "в воду умереть") позволяет предполагать, что *ūtty* - преверб (см. 3.7.3), а не компонент фразеологизма.

Оба глагола (*qurtyqo* и *paniġqo*) могут иметь одинаковые дeтeрминативы, например, *tūf alako* "самолет"; но обычно *qurtyqo* относится к летающим субъектам и означает, таким образом, "опуститься, то есть слететь" (*lāntyrā illā qurta* "бабочка вниз слетела", *kūlā qurta* "Ворона слетела"), а *paniġqo*, как можно было видеть из приведенных примеров, применимо и к человеку и означает, следовательно, также "спуститься, слезть". Если *qurtyqo* сочетается с существительным *qur* "человек", то он означает "быть в состоянии падения, падать, валиться" (ср. глагол *pīntaltympyqo* "спускаться, планируя (в том числе на посадку)": *tūf alako pīntaltymra* "самолет приземляется").

Наоборот, глаголы *āyqylqo* и *wēyqo* означают "подниматься вверх"; в том числе о самолете (ср. также *innā illiġqo* "взлететь": *Kuasa innā āyqylā!* "Ну-ка, лезь вверх! *Ħmyn innā āyqylā!* "Из воды (вверх) вылезай!" *Ter āyqyira ħqyntu* "Он залез наверх"; *Ter āyqyira mītan ħntu* "Он влез на чердак (верх дома)"; *tūf alako āyqyira* "Самолет поднимается" и даже *qēly āyqyltanta* "Рыба поднимается вверх по течению". В то же время *innā illiġqo* и *innā wēyġqo* означают "вверх подняться, взлететь (о птицах, самолетах)".

Кроме перечисленных глаголов есть такие, часть значений которых ориентирована в пространстве, например, *qenqo*, *kuralqo*, *raktyqo*, имеющие среди прочих и значение "удалиться, убежать, отбежать".

Компоненты "направления движения" в селькупском языке, представленные в рассмотренных глаголах движения, можно отразить в следующей схеме, не учитывающей, впрочем, субъекта движения и охватывающей не все ситуации:

Отдельным ситуациям, как видно из схемы, соответствует не один, а несколько глаголов движения, часто различающихся дистрибуционно, как, например, $i\dot{i}\dot{i}\dot{i}qo$ и $\dot{e}\dot{u}q\dot{i}qo$. Во всех глаголах, отраженных на данной схеме (и в некоторых других, не попавших в нее, например, глаголы $\dot{o}\dot{w}uq\dot{o}$ "идти наперерез", $\dot{m}\dot{i}ntuqo$ "миновать кого-что-либо", "перегнать", $\dot{m}\dot{i}tuqo$ "догнать, приблизиться"), направление движения осмысливается как неотъемлемый признак самого движения.

Наличие ориентированных в пространстве глаголов движения¹⁾ и глаголов, соответствующих перемещению в пространстве с помощью строго определенного вида транспорта ($\dot{a}ntaqo$, $qaqlyttuqo$, $\dot{t}\dot{o}tqo$), почти полная несочетаемость глаголов движения с абстрактными существительными и с существительными, обозначающими предметы, не способные сами совершать движение, — характернейшие черты центральной группы лексико-семантического поля глаголов движения селькупского языка.

В пределах большого лексико-семантического поля глаголов движения можно выделить несколько микрополей, обозначающих движение разного типа: движения колебательные, движения вращательные, движения по прямой. В свою очередь последний класс в зависимости от того, в какой среде происходит движение (в воде, воздухе, на земле) или каков субъект движения (люди, животные, транспорт, жидкости, части тела и т.п.), подразделяется на меньшие классы, обычно частично пересекающиеся, но иногда и вполне четко обособленные друг от друга.

Для характеристики всех этих микрополей существенны следующие два обстоятельства.

1) Непосредственная связь между микрополями, то есть наличие общих значений между отдельными членами разных подгрупп, существует далеко не всегда. Например, микрополе слов, передающих движение жидкостей ($\dot{k}\dot{e}muqo$ "кровоточить", $\dot{k}\dot{i}du\dot{l}tu\dot{m}ruqo$ "течь"

1) Глаголы движения, ориентированные в пространстве, характерны и для других самодийских языков, например, ненецкого, где встречаются такие глаголы, как хэсь "уйти"; тось "прийти"; тось "войти"; тар-ча(сь), "выйти"; тэва(сь) "дойти"; сирхале(сь) "обойти"; мада(сь) "перейти"; ха"ма(сь) "сойти" и другие (ср. минзэ "идти вообще").

/qolty oraā kīḡyultymra "Таз быстро течет"/, qāḡymruqo и са-
румруqo "капать" / ūt qāḡymra "Вода капает"/), не связано ни с
каким другим микрополем глаголов движения. Подгруппа глаголов,
означающих колебательные движения (типа kukuqo "качаться"), так-
же не связана с основной массой глаголов, передающих передвиже-
ние людей и транспорта в пространстве. Микрополе глаголов, озна-
чающих движение по воде, не имеет никаких прямых точек пересече-
ния, если не считать глагола общего движения qenqo, с глаголами
движения по воздуху: с одной стороны, это такие глаголы, как an-
tarqo "плыть на ветке", ūrqo "плавать" (natāre и navigare);
ūqylytqo "плавать" (natāre), qomruqo "стоять на плаву, держат-
ся на одном месте с якорем, плыть на одном месте - против тече-
ния, - не двигаясь (о человеке, рыбах, лодках)"; rḡntuqo "плыть
по течению, не гребя, спускаться вниз по течению"; tītyqo
"плыть против течения, подниматься вверх по течению"; kīḡyqo
"нести течением, ветром (по реке, на озере)"; rūqo "переплыть,
переехать на другой берег", ūltyḡaltuqo "переправиться через ре-
ку (о животных или о человеке, сидящем на животном)" и другие.
С другой стороны, это глаголы tīḡtyrqo, tīḡruqo "летать (о пти-
цах, самолетах, разлетающихся по ветру предметах)"; wēḡyqo, wēḡ-
ḡḡqo "взлетать, подниматься в воздух", ūḡaltuqo "удаляться (по воздуху)";
īlīḡqo (обычно с īna) "взлететь"; rīntuqo "парить", планиро-
вать (по воздуху) и "перемещаться по воздуху (о предметах, несущихся по воздуху благодаря толчку извне)"; nḡḡaltuḡruqo "парить"
(о птицах, например, īḡru nḡḡaltuḡra), "спикировать (о само-
лете)" и другие.

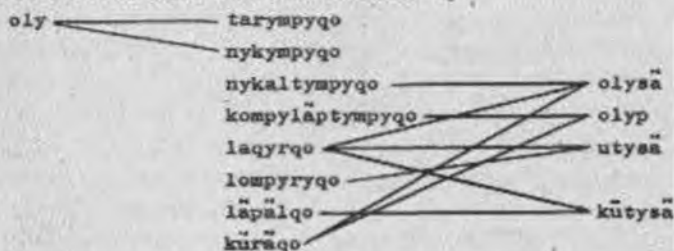
Если же микрополя имеют какие-то точки пересечения, то есть
бывают связаны между собой в одну систему с помощью общих значе-
ний, то, как правило, таких общих значений оказывается мало; та-
ким образом, связь между отдельными микрополями получается до-
вольно слабая. Так, группа слов с общим значением "двигаться по
воздуху (о птицах, самолетах и некоторых летающих предметах)"
имеет пересечение с группой глаголов движения по земле благодаря
общему лексико-семантическому варианту "двигаться (по воздуху),
удаляясь", наблюдаемому у глаголов qenqo и wēḡyqo, wēḡḡḡqo:
zīḡur qenra и zīḡur wēḡḡḡra "птица улетела" (оба примера соот-
ветствуют одной и той же ситуации - отлету птицы).

2) Относительно слабой является не только связанность различ-
ных микрополей в одну общую систему, но и спаянность членов друг

с другим внутри каждого микрополя (по сравнению, например, с русским языком), чему способствуют следующие два обстоятельства: а) полисемантических глаголов в селькупском языке среди глаголов движения сравнительно мало и б) количество самих значений у полисемантических глаголов относительно невелико. В общей сложности в рассматриваемой группе глаголов движения в селькупском языке имеется более 70 разных значений, распределяемых на 100 глаголов. Около 58% значений не повторяется, то есть они присущи какому-либо одному глаголу движения. Среди 100 глаголов приблизительно 60 (то есть 60%) однозначны. С другой стороны, самый многозначный глагол *qeqo* имеет, как мы видели, только семь лексико-семантических вариантов, в то время как в русском языке среди бесприставочных глаголов движения почти нет однозначных глаголов, а самих значений может быть гораздо больше десяти - у глагола *идти* их несколько десятков, то есть сочетаемость глаголов движения в русском языке значительно шире, чем в селькупском языке. Оба эти фактора указывают на слабое, сравнительно, например, с русским языком, развитие синонимических отношений в данной лексической группе слов селькупского языка, хотя в целом синонимия в глаголах движения развита более, чем в какой-либо другой группе слов этого языка.

В микрополе селькупских глаголов, передающих движение различных частей тела (человека и животных), общими окружениями для глаголов *taɣumɾo*, *nykumɾo*, *nykaltumɾo*, *komɾulärtumɾo*, *laɣuɾo*, *lomɾumɾo*, *lärälɾo* и *küŋäqo* является сочетание с существительными *oly* "голова", *uty* "рука" и *küty* "крыло". При этом в одних случаях *oly* и *uty* являются детерминативами, стоящими в Nom., в других случаях - управляемыми словами, стоящими в Acc. или Instr. Так, в сочетании с *oly* возможны глаголы *taɣumɾo* (*oly taɣumɾa* "голова трясется") и *nykumɾo* (*oly nykumɾu;sr.* *nykumɾuty'oly* "трясущаяся голова"). С другой стороны, глаголы *nykaltumɾo*, *laɣuɾo* и *küŋäqo* управляют существительным *oly*, которое стоит в Instr.: *olyŋä nykaltumɾo* "головой кивать", *olyntyŋä laɣuɾo* (*küŋäqo*) "качать (кивать) своей головой". Интересно, что *küŋäqo* может управлять существительным *oly* двойно: *olyŋä küŋäqo* и *olur küŋäqo* (значение не изменяется). Глагол *komɾulärtumɾo* в сочетании с *olur* (Acc.) означает не только "качать головой", как это дано в словаре Эрдейи, но и "вертеть, крутить головой". В то же время *laɣuɾo* употребляется с су-

существительным *uty*, означая "махать" (*utysā laqurāty*). С тем же существительным, а также с существительным *kūty* соединяется *lomrugyqo*, означая "махать", точнее "делать взмахи (крыльями или руками, как крыльями)". Глагол *lāpālqo* в сочетании *kūtyntysā lāpālā* значит "махая (крыльями)". Таким образом, при помощи общих детерминативов (в данном случае трех) оказываются связанными глаголы *kompylāptumyqo*, *nykumyqo*, *nykaltumyqo*, *tarumyqo*, *laqurqo*, *lomrugyqo*, *lāpālqo*, *kūgāqo*:

Одни из перечисленных глаголов имеют только указанную дистрибуцию (например, *lomrugyqo*), дистрибуция других шире. Так, возможны сочетания *qamrīlā kūgāqo* "махать платком", *anty kompylāptumyra* "ветка крутится, качается на волне", *qur tarumyra* "человек дрожит (от холода), трясется (в лихорадке)". Это последнее значение встречается также у глагола *lyumyqo*, употребляемого обычно, как и остальные из рассмотренных глаголов, в форме 3 Sg.: *lyumyra* "дрожит мелкой дрожью". Анализ семантической системы глаголов движения показывает, что эта группа слов является одной из самых семантически сложных лексических систем селькупского языка.

В сочетаемости глаголов движения с различными существительными в селькупском языке есть определенная специфика сравнительно с русским языком, а именно: в русском языке глаголы движения очень свободно и широко сочетаются с абстрактными существительными, например, возможны сочетания время идет, течет, а также ползет, летит, бежит, при которых возникает некоторые дополнительные смысловые оттенки; мысли текут (бегут) быстро; разговоры идут о чем-то; весна идет ("приближается"), спектакль идет, работа идет (хорошо, плохо, медленно...) и другие. Возможны также сочетания русских глаголов движения с существительными, обозначающими

начальными предметами, которые сами не способны двигаться: вляня идет (кому-то); часы (механизм) идут или ходят и т.п. В селькупском языке ничего подобного не наблюдается совсем или встречается с большими ограничениями. Так, русской фразе Весна пришла соответствует ŭttuty ɣaɣa (но не tuaal), то есть "Весна настала". Вместо дождь идет - а́га "дождит" (agyn̄tā "дождь"), например, ɣaɣa s̄ɔɣuɣa ága "Днем и ночью идет дождь". Аналогично: l̄iɣqantymra (l̄iɣqan "дождь со снегом") "Идет дождь со снегом" (ср. также нен. сарёмзэ от сарё "дождь" (сарёбтыр̄ "дождит"; о мелком дожде, идущем временами); коми-зырян. зэрэ "дождь идет" (зэр "дождь"); манс. раквун̄кве (раках, ра́вах) от ракв "дождь" и т.д.). В глазах селькупов движение, способность двигаться является признаком оживленности, на основании этого признака селькупы делают различие между живым и мертвым. "И ветер жив, и солнце живо, и звезды живы - все они движутся", - записывает Г.Н. Прокофьев в дневнике 1925-1926 гг. мнение своих учеников из Янова Стана. Может быть, это восприятие мира является косвенной причиной практической несоединимости существительных, означающих недвижимые предметы, с глаголами движения.

1.4.5. ТЕРМИНЫ РОДСТВА И СВОЙСТВА

Селькупская терминология родства имеет исключительно классификационный характер, в то время как среди терминов свойства встречаются и описательные термины¹⁾.

Термины родства и свойства довольно широко представлены в словаре Кастрена - около 25 для тазовского диалекта и более 10, не считая фонетических вариантов, для других диалектов селькупского языка.

Система имен родства и свойства современного селькупского языка (тазовский диалект) содержит около 30 терминов. Некоторые из них, например, производные на -ku (esuku, l̄jaku, p̄l̄aku) и

1) Сосуществование классификационной и описательной терминологии родства отмечается у ненцев и ижигиров, в отличие от энцев и нганасан, терминологические системы родства которых имеют лишь классификационный характер. См. Д.Б. Симченко. Терминология родства ненцев, энцев, нганасан и ижигиров. "Социальная организация и культура народов Севера", М., "Наука", 1974, стр. 270-291.

составные типы *imɣiaɪ* *ima*, *qenira*, а также несколько простых слов, например, *ɣilanta*, отсутствуют в словаре Кастрена.

В отдельных терминах родства и свойства за прошедшие 100 с лишним лет наблюдаются семантические сдвиги. Так, ара́ "отец, папа" употребляется сейчас в случае, когда речь идет о собственном родителе, о родителях собеседника или отце того, о ком разговаривают, то есть ара́ используется в конкретной ситуации; о более отдаленных лицах говорят *əəy*. Судя по словарю Кастрена, ара́ в XIX веке означало "отец!" (только звательная форма) (ср. ара́ II "старшая сестра"; другая форма, приводимая Кастреном для этого значения, — *orpe*). Точно так же *iɪsa* не употребляется в настоящее время в смысле "Бог"; а для *iɪŋa* Кастрен, помимо значений родственных, отмечает и значение "Бог". Существительное *nama* (в тазовском диалекте, но не в нарымском!) означало, по Кастрену, только "старшая сестра"; тогда как в настоящий период *ŋaɪŋa* это и "сестра (вообще)"; и "младшая сестра отца" в отличие от *ŋa* "младшая сестра матери"; которое у Кастрена определяется как "тетя" без уточнения возраста и отношения к материнской или отцовской линии.

Термины некровного родства (отчим, мачеха, падчерица, пасынок) образуются морфологическим способом, путем прибавления к основе соответствующих терминов кровного родства суффикса *-ku*¹⁾; *əəyaku* и реже *araku* "отчим"; *amaku* "мачеха"; *iɪaku* "пасынок" и *naɪaku* "падчерица". У Кастрена приводится лишь форма *amaku* "мачеха"; от *ame* "мать".

Термины родства и свойства неоднократно служили в мировой лингвистической литературе объектом компонентного анализа. На материале этой группы оказалось довольно легко выявить общий набор семантических составляющих.

В свое время А.Кребер²⁾ предложил 8 признаков, по которым пары слов в системе имен родства могут быть противопоставлены друг другу: 1) принадлежность к определенному поколению (относительно ego), 2) характер родственной связи (связь по прямой ли-

1) Подобный морфологический способ образования терминов родства (наличие так называемых форм замещения) характерен и для тунгусо-маньчжурских языков. См. В.И.Цинциус. Алтайские термины родства и проблема их этимологии. "Проблема общности алтайских языков". Л., "Наука", 1971, стр. 127-138.

2) A.Kroeber. *Classificatory Systems of Relationship. "The Nature of Culture"*, Chicago, 1952.

нии или побочная), 3) возраст внутри одного поколения, 4) пол родственника, 5) кровное родство или свойство, 6) пол *Ego*, 7) пол лица, которое является одновременно родственником *Ego* и другого лица, 8) живой или мертвый родственник. Из этих признаков для характеристики селькупских терминов родства и свойства применимы первые шесть, причем в ряде терминов отдельные признаки могут нейтрализоваться, становиться нерелевантными, например, противопоставляемые по § 4 *iísa* "дед" и *imúia* "бабушка" образуют оппозицию по § I с *ketsan* "внук" и "внучка", в котором компонент пола нерелевантен.

Всегда релевантным признаком терминов родства является признак принадлежности к определенному поколению. По этому признаку в селькупском языке выделяются слова, означающие (по отношению к *Ego*) а) родителей, б) детей, в) предков, то есть всех тех, кто старше или по возрасту равен родителям, и г) потомков, то есть поколение моложе детей.

"Родственники, старше отца и матери" - *iísa* и *imúia*. Термин *iísa* означает "дед, прадед, братья деда, старший брат отца и матери"; *iísa* используется и для передачи отношений свойства: это - "старший брат мужа, свекор" и т.д. Соответственно *imúia* "бабушка, прабабушка, сестры бабки, старшая сестра отца и матери; старшая невестка, старшая сестра мужа (старшая золовка)" и т.д. В этих двух терминах мы видим наибольший синкретизм значений, причем признак кровного родства или свойства оказывается нерелевантным.

Наоборот, словом *ketsan* селькуп называет родственника из поколения моложе его детей, как по прямой, так и по побочной линии родства, - "внук, внучка, правнук, правнучка, младший племянник и младшая племянница" (буквально *ketsan* - "то, что подлежит выращиванию", от *kétuqo* "выращивать" и суффикса - *san*). Отношения между *iísa*, *imúia* и *ketsan* не полностью симметризованы, так как 1) *ketsan* не используется для обозначения отношений свойства, 2) в *ketsan* нейтрализованы компоненты "пол объекта" и "прямая или побочная родственная связь". *ketsan* в значении "младший племянник или племянница" оказывается противопоставленным существительному *õña* "младшая тета по матери" и *ããña* "младшая тета по отцу".¹⁾

1) Оба существительных имеют и другие значения, не противопоставляемые *ketsan*: *õña* "жена старшего брата" в отличие от *ãña* "жена младшего брата", *ããña* "сестра (родная)".

Родственники поколения родителей обозначаются через ара/эзу (мужской пол) и ама/эму (женский пол). В связи с терминами эзу и эму интересно указать на следующий этнографический факт. Существует правило, по которому запрещается обращаться по имени к человеку, который старше говорящего, но моложе его родителей. Такого человека называют отцом (матерью) старшего из его детей: Šo-gan эзу, Rišman эму (аналогичная ситуация существует в алтайских языках). Названия родственников, принадлежащих поколению детей, включают слова ija "сын" (и ребенок вообще), nāia "дочь", tīmha "брат" (ср. кура tīmha "младший брат", wəgu tīmha "старший брат") и "младший дядя по отцу", hēhha "сестра" и "младшая тетя по отцу". Параллельно со словами tīmha и tīruha (ср. отмечаемое Кастреном tibema) в верховском говоре тазовского диалекта употребляется сора (у Кастрена тора "старший брат"), а в соответствии с hēhha "сестра" — hīrka. В Красноселькупе сора известно лишь как "верховское слово", так же как и hīrka.

Таким образом, термины родства наиболее четко подразделяются по поколениям (по отношению к ego):

	ketaan	
Ija	-	nāia
ара/эзу	-	ама/эму
iīsa	-	iayia

На эту систему противопоставлений накладывается система противопоставлений по возрасту внутри поколения. Признак возраста внутри одного поколения является, как правило, релевантным для финно-угорских и самодийских языков, но не индоевропейских¹⁾. Впрочем, в селькупском языке возраст внутри одного поколения отмечается только в пределах поколения родителей, но не детей. По данным Кастрена, правда, не в тазовском диалекте, возраст внутри одного поколения играл существенную роль и для поколения детей, так, в Нат-Думпокольском диалекте различались ianē "старший брат", koiia "младший брат"; в камасинском wuha "старший брат", awja "младший брат" и т.д.

1) Этот признак характерен и для тунгусской системы родства.

См. "Общественный строй у народов Северной Сибири (XVI-XIX вв.)". М., "Наука", 1970, стр. 220.

В настоящее время в тазовском диалекте селькупского языка четкие возрастные противопоставления наблюдаются лишь по материнской линии. Так, "младшая тетя по матери (сестра матери)" - *бба*, а "старшая сестра матери" - *имуяа*; "младший брат матери" - *тита*, а "старший брат матери" - *и́са*. По отцовской линии столь четкой и полной симметрии нет: "старшая сестра отца" - *имуяа*, "младшая сестра отца" - *ббба*, как и просто "сестра"; "старший брат отца" - *и́са*, "младший брат отца" - *ти́ба* (сора), как и просто "брат".

Особый интерес представляет существительное *тита* "младший брат матери", которому противопоставляется форма *кеса* - "племянники от старшей сестры". Это противопоставление носит реликтовый характер, не симметрично: для обозначения аналогичных отношений по мужской линии специальных терминов нет, используется пара *кет-сап* "младшие племянники" и *ти́ба*, сора "младший брат отца" или просто "брат"¹⁾.

Среди 13 терминов свойства в значении трех нейтрализовано противопоставление кровного родства и свойства; все три термина относятся к старшим свойственникам: *и́са*, *имуяа* и *бба*. Значения остальных терминов свойства передают только свойственные, но не родственные отношения.

Для обозначения младших свойственников по женской линии употребляются существительные *у́лента* и *а́мпа*. Более широкий круг свойственников, иногда и не младших, охватывается термином *а́мпа*. Это и "жены двух братьев" (то, что в некоторых русских говорах до сих пор называют древним русским словом - ятровки), и "жена младшего сына" (младшая невестка), и "жена младшего брата". Именно в этом последнем случае *а́мпа* противопоставляется существительному *бба* "жена старшего брата" (*бба* означает также "старшая сестра мужа или жены").

- 1) Этот факт можно трактовать двояко. 1) Возможно, подобное противопоставление существовало и по мужской линии, но исчезло в силу особенностей социальной организации селькупов. 2) Не исключено, что в силу историко-этнографических причин, по которым нередко именно младший брат матери в случае гибели настоящего отца выполняет обязанности последнего, этот вид родственных отношений отмечается особо. Правда, данный этнографический факт для селькупов не установлен.

Существительное *yǝnta* (реже *yǝta*) означает тоже только младших свойственников, но, в отличие от *ǎntǎ*, где промежуточным лицом являются родственники (брат, сын), *yǝnta* означает свойственников с промежуточным лицом — свойственником (муж, жена). Существительное *yǝnta* — это "младшая племянница по свойству", "младшая сестра мужа" (золовка), "младшая сестра жени" (своученица).

Учитывая дифференциальные признаки этих слов, можно попытаться по-иному сформулировать их значения, без обращения к традиционным определениям. Так, *ǎntǎ* "младшая свойственница, промежуточным лицом между которой и *ǎgo* является родственник" (иначе говоря: "свойственница по младшему родственнику"); *yǝnta* "младшая свойственница, промежуточным лицом между которой и *ǎgo* является свойственник".

Аналогичную картину представляют собой термины, которые означают свойство по мужской линии: *kǝntǎ*, *qǝnyuk* и *mǝqqu* (ср. рассмотренные выше *ǎntǎ*, *ǎntǎ* и *yǝnta*). *Kǝntǎ* — "муж старшей сестры" (зять) и "старший брат жены" (шурин). В первом из этих значений *kǝntǎ* противопоставляется существительному *qǝnyuk* по признаку возраста промежуточного родственника и по тому, является ли промежуточное лицо родственником или свойственником (пол неважен). В этом случае *qǝnyuk* означает "муж младшей сестры" и "муж дочери, зять". Во втором своем значении *kǝntǎ* противопоставляется существительному *mǝqqu*, означающему "младший брат мужа" (деверь), "младший брат жены" (шурин). Иначе говоря, *qǝnyuk* — "младший свойственник, промежуточным лицом между которым и *ǎgo* является родственник, то есть это свойственник от младшего родственника", а *mǝqqu* — "младший свойственник, промежуточным лицом между которым и *ǎgo* выступает младший свойственник".

К терминам свойства относятся также полисемантические *iga* ("муж", "мужчина", "старик" и "король" /в картах/) и *ima* ("жена", "женщина" и "дама" /в картах/) и описательные (составные) термины свойства для обозначения тестя, тещи, свекра и свекрови. Так, *qǝnira* "тесть" (реже — "свекор"), *ima'ima* "теща", реже "свекровь". Свекор и свекровь чаще передаются через *ǝnyu'iga*, *ǝnyu'ima* или *i'isa*, *ima'ia*. Родители женившихся детей в отношении друг к другу называются *ama'nyuqǝq* и *ara'nyuqǝq* (оба термина означают также "родители /собственные/").

Наконец, для обозначения свояков используется существительное *ǎely* "муж кениной сестры, мужа сестер между собой" (ср. женский эквивалент — *ǎntǎ*).

Таким образом, и в терминах свойства превалирующим является признак поколения и возраста внутри поколения промежуточного лица: *iŋsa*, *iŋuŋa*, *keŋŋa*, *ŋa* - всегда только старшие свойственники (свойственники от старших промежуточных лиц); *qəpuk*, *məqqu*, *uŋŋta* и *äŋŋa*, за исключением последнего, - всегда только младшие свойственники (свойственники от младших промежуточных лиц), а *ŋely* и в одном из своих значений *äŋŋa* обычно нейтральны по отношению к этому признаку.

Дополнительно к признакам, выделенным А.Кребером, в терминах свойства для селькупского языка оказался релевантным еще один, новый признак - родственные или свойственные отношения существуют для промежуточного лица между *keo* и другим свойственником.

В целом лексико-семантическая группа имен родства и свойства в селькупском языке представляет строгую систему, члены которой противопоставляются по признакам поколения, пола, возраста внутри поколения, характера родственной связи и кровного родства или свойства (как для определяемых терминов, так и для промежуточных лиц). Последние признаки часто в том или ином члене системы могут нейтрализоваться, за счет чего система не всегда является полностью симметричной¹⁾.

1.4.6. ЗВУКОПОДРАКАТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА

Звукоподракательную лексику в селькупском языке можно рассматривать как особое поле.

Звукоподракательные слова входят в более широкий лексико-семантический класс изобразительных слов, то есть слов, с большой степенью конкретности и образности передающих слуховые, зрительные, осязательные, моторные, обонятельные и вкусовые представления об окружающем мире и обладающих тремя признаками: 1) аномальностью; 2) единообразием; 3) наличием черт звукового символизма (звук или группа звуков сами по себе уже сигнализируют о наличии какого-то значения или оттенка значения). Именно наличие

1) К семантической группе терминов родства и свойства примыкают так называемые формы обладания и необладания, образуемые с помощью суффиксов *-yuyi'* и *-kytyi'*: *irakytyi' ima* "вдова" и "старая дева"; *imakytyi'* "холостой"; *imasuyi'* "женатый"; *iŋakytyi'* "бездетный"; *iŋasuyi'* "имеющий детей" (ср. *ŋaqquyuyi'*, *iŋasuyi'* "беременная").

черт звукового символизма, то есть максимальная, по сравнению с прочими словами языка, степень реализации существующей в языке тенденции к фонетической мотивированности является специфической особенностью изобразительных слов.

Из наличия фонетической мотивированности вытекает повышенная экспрессивность изобразительных слов.¹⁾ Внутри изобразительной лексики выделяются отдельные группы слов, объединенных общей семантикой, своеобразные микрополя, каждое из которых обладает свойствами всего класса изобразительных слов и, возможно, некоторыми дополнительными, только ему присущими свойствами. Рассматриваемое нами поле звукоподражательной лексики является одним из таких микрополей.²⁾

Ряд звукоподражательных слов наряду со звучанием передает некоторый зрительный или осязательный образ: в пределах изобразительной лексики между отдельными микрополями нет четких границ, например: *уку зуһуһрәә* "не сопи!" и *тукуйәйәһу зуһуһрәәтүт* "черви кишмя кишат"; *рә рәһуһра* "дрова (сырые) шипят" и *ләһу рәһуһра* "мои кости болят, ноют".

Звукоподражательные слова широко употребляются в фольклоре и в речи информантов, хорошо владеющих языком. В речи молодежи, плохо знающей язык, встречаются только звукоподражания с наиболее общим значением ("кричать", "плакать", "пищать", "стучать").

Специфику поля звукоподражательной лексики составляет фонетическая мотивированность входящих в это поле слов, точнее, их корней. Поэтому целесообразно при описании данного поля в качестве исходных элементов рассматривать именно корни звукоподражательных слов.

1) На основании данных широкой серии психолингвистических экспериментов В.В.Левинский делает следующее заключение: "Слова с максимальным соответствием между лексическим значением слова и его фонетической мотивированностью обязательно должны обладать повышенной экспрессивностью". В.В.Левинский. Семантика и фонетика. Черновицы, 1973, стр.59.

2) Наряду с полем звукоподражательных слов, в пределах изобразительной лексики можно выделить микрополя цветосветовых представлений, различных ощущений, непоступательных движений и т.д.

Для тазовского диалекта зафиксировано около 300 звукоподражательных корней. По значению их можно разделить на три группы: 1) корни - подражания крикам животных и птиц; 2) корни, передающие различные звучания окружающего мира; 3) корни, описывающие звуковые физиологические процессы, производимые горлом, ртом и носом человека.

В корнях первой и второй групп преобладает акустическая мотивированность, в то время как для третьей группы более характерна артикуляторная мотивированность. Деление это, однако, не абсолютно.

Звукоподражательные корни в селькупском языке строятся по одной из следующих фонетических моделей: 1) *cvc*, 2) *cvcc*, 3) *vc*, 4) *cv*. Две последние модели редки. Гласный в каждой модели может быть как долгим, так и кратким, например: *tyr* "о треске" (*ty-qumruqo*); *kīq* "о скрипе" (*kī-qumruqo*); *ruīq* "о бульканье" (*ruī-qumruqo*); *āāq* "о пронзительном крике, верещании" (*āā-qumruqo*); *ūā* "о гудении" (*ū-qumruqo*); *ru* "дуть" (*ru-qo*).

Для селькупского языка в целом является аномальным наличие звукоподражательных корней с начальным /г/. Часть из них - заимствования из хантыйского языка. Ср.: сельк. *gaq* "о звоне колокольчика" (*ga-qumruqo*), хант. *роңқысалта* "звонить, звенеть (о колокольчике)"; сельк. *guq* "о рычании" (*gu-qumruqo*), хант. *рыката* "рычать".

Некоторые корни с начальным /г/ имеют дублиеты с начальным /л/. при этом формы с начальным /г/ более характерны для среднетазовского говора, с начальным /л/ - для верхнетазовского говора: *guq* "о глухом звоне, громоухании, гудении" (*gu-qumruqo*), *luq* "о звоне большого колокола, отдаленном громоухании, о все" (*lu-qumruqo*).

В рамках звукоподражательной лексики заимствованные корни с начальным /г/ не воспринимаются как аномальные. Они вошли в систему звукоподражательных корней селькупского языка и получили в ней дальнейшее развитие. По образцу заимствований возникают новые звукоподражательные корни с начальным /х/: сельк. *gaq* - *goq* - *guq* < хант. *роңқы*.

В речи звукоподражательные корни могут функционировать грамматически неоформленно или оформляться как глаголы (реже как существительные и прилагательные).

I.4.6.I. Неоформленные звукоподражания¹⁾

Грамматически неоформленное употребление отмечено далеко не для всех звукоподражательных корней, однако для большей части их следует признать такое употребление потенциально возможным. Исключение в этом отношении составляют корни с наиболее общим значением и наименьшей степенью экспрессивности (lapkuŋqo "кричать"; qattuŋqo "стукнуть, ударить"; tutuŋqo "жевать" и т.д.), находящиеся как бы на периферии поля. Степень экспрессивности неоформленного звукоподражательного корня выше, чем у соответствующего звукоподражательного глагола или существительного.

Неоформленные звукоподражательные корни часто встречаются в виде повтора: lap-lap-lap - ʒta turaŋ lapsumra amuriā "Шлеп-шлеп-шлеп - олень муху съел, шлепая губами"; qur lap-lap-lap-lap-lapsumruā tura "Человек пришел (по грязи в дождливую погоду) шлеп-шлеп-шлеп - шлепает"; kat-kat woguntā m̄tup būqur katalal-tura "Тук-тук дождь по чуму стучит" (нюк чума заставляет стучать).

- 1) Неоформленные звукоподражательные корни, наряду с прочими неоформленными изобразительными корнями, часто выделяют в особую часть речи. Это характерно прежде всего для африканистов (см.: Б.В.Хурковский. Идеофоны: сопоставительный анализ. М., "Наука", 1968; D.Fivaz. Some Aspects of the Ideophones in Zulu. "Hartford Studies in Linguistics", 1963; W.J.Samarin. Perspective on African Ideophones. "African Studies", vol. XXIV, 1965), но также при описании тюркских и некоторых других языков (Л.Н.Харитонов. Неизменяемые слова якутского языка. Якутск, 1943; М.Худайкулиев. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962; С.Кудайбергенов. Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, 1957; В.А.Аврорин. Грамматика нанайского языка, т.П, М.-Л., 1961; В.З.Панфилов. Грамматика нивхского языка. Взаимоотношение языка и мышления. М.1971).

Наряду с этим, в литературе встречается отнесение неоформленных изобразительных корней к междометиям (Н.К.Дмитриев. К изучению турецкой мимологии. - Сб.: Н.К.Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962), либо к наречиям (Г.А.Пак. Изобразительные слова в корейском языке. АКД. Л., 1958).

равля", kggg-kggg-kggg "о крике серой утки", qā - qā - qā "о крике гуся").

Корни эти, являясь аномальными в отношении прочих звукоподражательных корней, представляют собой их периферию; они употребляются только неоформленно.

В предложении неоформленные звукоподражания обычно являются обстоятельством, определяя звукоподражательную глагольную форму, часто (но не всегда) имеющую тот же корень. Примеры: qam porruṣṣuṣṣa amuṣṣa: lər-lər-lər lərṣṣa "Человек быстро (хлопая) ест: хап-хап-хап - шлепаёт (губами)"; Kanaṣa lāq-lāq-lāq lāqṣṣa "Собака повизгивает"; Tōmtā palṣṣa palṣṣ-palṣṣ "Дятлушка пригает на одном месте - шлеп-шлеп"; Šaqaṣa masōqyt kukta: kuk-ku, kuk-ku "Кукушка в лесу кукует - ку-ку, ку-ку"; Šettyṣṣyt kūf rūṣṣaṣṣyt kūṣṣa kuk: kō - kō. Nupu šuṣṣuṣṣa: šuq - šuq "Весной на току поёт (воет) тетерев-самец. Потом "чукает" (то есть издает звук "чук")".

Подражания крикам животных и птиц часто употребляются также в качестве прямой речи после глагола laṣṣuṣṣo "кричать": Lōṣu laṣṣuṣṣa: "nāṣṣaṣṣ! - ḡāq-ḡāq-ḡāq", aṣ city qāṣṣa, aṣ laṣṣuṣṣa: "nāṣṣaṣṣ! - ḡāq-ḡāq-ḡāq" "Медведь кричит: "девочка-а! р-р-р", и по ведру ударяет, и кричит: "девочка-а! р-р-р", qaṣṣik laṣṣuṣṣa: "qallāq-lāq-lāq-lāq" "Чайка кричит"; Cīṣuṣṣa laṣṣuṣṣa: "kik-kik, kik-kik" "Маленькая птичка кричит: "пи-пи-пи".

1.4.6.2. Звукоподражательные глаголы, существительные и прилагательные

Наиболее обычной формой функционирования селькупских звукоподражательных корней являются звукоподражательные глаголы. Примеры: Mat naṣṣak oḡā tuṣṣuṣṣa: lṣak, olā qurṣṣa "Я так сильно гребанул /веслом/ - только забурило"; Mat rūt cattuṣṣar, ūṣuṣṣa aṣṣuṣṣa, olā qurṣṣuṣṣa "Я камень кинул, он в воду упал - только плеск раздался".

Корень звукоподражательного глагола может быть усложнен суффиксальными элементами -yṣ- или -uṣ-, не отождествляемыми ни с одним именным или глагольным суффиксом селькупского языка. Оба суффиксальных элемента подчеркивают длительность передаваемого корнем звучания. При этом -uṣ- отражает появление в передаваемом звучании прерывистости, расчлененности: reṣ "о отуке,

треске, шелканье" (paquɣuɣo) - paɣuɣ "о длительном треске, брентании" (paɣuɣuɣuɣo); qoɣ "о разговоре; (в.-таз.) о гудении, жужжании" (qoɣuɣuɣo) - qoɣuɣ "о брентании, громыхании" (qoɣuɣuɣuɣo); zuɣ "о писке, шипении сырых дров в печи; о свисте воздуха" (zuɣuɣuɣo) - zuɣuɣ "о писке, шипении сырых дров в печи" (zuɣuɣuɣuɣo); siɣ "о свисте" (siɣuɣuɣo) - siɣuɣ "о свисте" (siɣuɣuɣuɣo) - siɣuɣ "о писке, чириканье птичек, о потрескивании огня" (siɣuɣuɣuɣo).

Для ряда корней зафиксирован только усложненный вариант: kasuɣ "о бряканье, треске" (kasuɣuɣuɣo); qauɣuɣ "о громыхании" (qauɣuɣuɣuɣo); auɣuɣ "о неразборчивой, нечленораздельной речи, о бормотании, ворчании" (auɣuɣuɣuɣo); zuɣuɣ "о шопоте" (zuɣuɣuɣuɣo); muɣuɣ "о бормотании" (muɣuɣuɣuɣo).

Звукоподражательные глаголы без видовых суффиксов встречаются весьма редко: siɣuɣo "стонать"; toɣuɣo "блевать"; tuɣuɣo "жевать".

Наиболее употребительной является форма дуративной совершенности (суффикс -ap- (-uɣp-), см. 3.2.5.3.): paɣuɣuɣo "стучать, трещать, шелкать"; gaɣuɣuɣo "звенеть"; muɣuɣuɣo "бормотать, бурчать, ворчать". В тех редких случаях, когда форма дуративной совершенности для звукоподражательного глагола не зафиксирована, ее замещают формы с суффиксами -ā- либо -ɣ-/ -uɣ-, в значение которых также входит указание на длительность (см. 3.2.5.14): laɣkuɣo "кричать"; luɣuɣo "звенеть вдали; вить". Суффиксы -ap- и -ā- являются взаимоисключающими, то есть от одного и того же корня не может быть образована как форма с -ap-, так и форма с -ā-, а лишь одна из них.

На втором месте по употребительности в звукоподражательных глаголах после суффикса -ap- стоит антонимичный ему перфективизирующий суффикс -mā-, ср.: gaɣuɣuɣo "звенеть"; gaɣuɣmātoɣo "прозвенеть; звякнуть".

В целом звукоподражательные глаголы отличаются высокой продуктивностью при образовании различных видов-совершенностных форм.

Характерной для звукоподражательных глаголов является форма, образуемая с помощью суффикса -t-, со значением прерывистости звучания, передаваемого глагольным корнем¹⁾. Форма эта регулярно

1) Данное образование свойственно в принципе всем изобразитель-

соңса аёу "большой кулик" (соң-соң-соң "о крике большого кулика"); кукта "кукушка" (ку-ку "о крике кукушки"); сїсука "синица; маленькая птичка" (т'ї-т'ї-т'ї-т'ї "о крике синицы").

Звукоподражательные прилагательные довольно редки: кїкаї кома "свистящая стрела /для спускания уток/" (< кома кїкуара "отрела свистит"); сїҫа рō "скрипучее дерево" (< рō сїҫатра "дерево скрипит").

1.4.6.3. Связь звука и значения в селькупских звукоподражательных корнях

1.4.6.3.1. Акустическая мотивированность

Звукоподражательные корни акустически мотивированы, то есть в их фонемном составе находят отражение некоторые акустические (точнее, психоакустические) характеристики передаваемых ими звучаний. Классификация звучаний окружающего мира с указанием их характеристик, важных с точки зрения языкового звукоподражания, была предложена С.В.Ворониным.¹⁾ Приводим краткое ее изложение.

Звучания окружающего мира можно подразделить на мгновенные, или удары (стук, щелканье), и немгновенные, или континуанты (шум воды, гудение). Удары могут быть единичными (звук падения небольшого предмета) либо повторяющимися, то есть составлять серии ударов (стук капель дождя по крыше, треск мотора). Между ударами и континуантами стоит так называемые фреквентативы, которые можно представить как прерывистый континуант либо как быструю серию ударов, в которой каждый удар не ощущается обособленно, но и нет полного слияния последовательности ударов в единое звучание (журчание, урчание). В свою очередь, континуанты делятся на тоновые (вой, гудение, визг) и шумовые (шелест, шум воды), в зависимости от того, что в них преобладает, элементы тона или шума. Различают резонаторный тон, возникающий при вибрации резонатора, вызванной ударом (звон колокола) и нерезонаторный, не связанный с предшествующим ударом (вой, гудение). Всякое звучание либо относится к одному из названных классов, либо представляет собой

1) С.В.Воронин. Английские ономаины (Типы и строение). Канд. дисс., ЛГУ, 1969.

комбинации звучаний этих классов¹⁾. Кроме того, всякое звучание можно охарактеризовать как 1) высокое или низкое; 2) громкое или тихое.

Отражение этих характеристик в фонемном составе звукоподражательных корней представлено в таблицах I и 2.

Прокомментируем эти таблицы.

I. Г л а с н ы е. В звукоподражательных корнях акустико-имитативную нагрузку несут следующие противопоставления гласных: 1) долгие-краткие; 2) гласные переднего ряда (высокие) - гласные заднего ряда (низкие); 3) гласные нижнего подъема (открытые) - гласные верхнего подъема (закрытые).

1) Звукоподражательные корни с обязательным долгим гласным передают длительные тоновые звучания (тоновые континуанты - вой, гудение, писк). Именно долгий гласный несет в этих корнях основную звукоизобразительную нагрузку, отражая как длительность (в долготе), так и тоновой характер звучания-денотата (гласные представляют собой звучания класса тонов). Семантическая валентность согласных (конечный согласный корня зачастую взрывной) при этом минимальна. Примеры: kīq "о пiske" (kīquwuro); kōt "о вое" (kōtuwuro); rāq "о пронзительном крике, визге; о скрежете" (rāquwuro).

Факультативный долгий гласный встречается в корнях, передающих длительные звучания различных классов (тоновые и (тоно-) шумовые континуанты - гудение, хуление, шум ветра; фреквентативы - хурчание; серии ударов - треск, дробный стук). Все эти корни имеют вариант с кратким гласным. Примеры: ŷu/ya "о гудении, вое; о нитье" (ŷuwuro); ŷōg/ŷog "о хурчании воды" (ŷōguwuro); pēt/pet "о треске, дробном стуке" (pētuwuro). Здесь долгий гласный возникает как указание на длительность передаваемых звучаний. Качество звучаний передается при этом согласными, они же зачастую содержат и дополнительную информацию о длительности, что объясняет факультативность долготы гласных в корнях данной группы.

2) Высота гласного в звукоподражательных корнях отражает высоту передаваемых звучаний окружающей действительности. Высокие гласные переднего ряда мы находим при передаче высоких звучаний

1) Следует помнить, однако, о некоторой условности деления звучаний на классы и о зыбкости границ между классами.

[illegible]

тельных корнях. Акустическая мотивированность

Д А У Т				С О Н О Р Н Ы Й	
нйй	Фрикативный			г	ш, н, ң, л, ҕ
нйй	Простой	Сложный			
кә, қә, әқ, сқ	а, ә	лә	гә		
треск хруст gakə плеск, хлопанье guqə, ti:əq, ɬisq	стук, по- трескива- ние щелканье хлопанье kaə, ləc, rəə, kəə <u>шум</u> шум воды шипение kəə, rəə	бурле- ние плеск хло- панье ralə	плеск Rəɬ хруст, шурша- ние kaɬ	<u>Серия ударов</u> дробный стук, треск tʉr, kaɾ <u>Фреквентатив</u> звук разгора- ющегося пла- мени, урчание, хрип qʉr, ruɾ <u>Прерывистый</u> <u>тон</u> скрип cɪr	<u>Удар (или серия</u> <u>ударов) + тон</u> (резонаторный) звон qon, ɢay, luɳ, cɪɻ <u>Тон (+ шум)</u> гудение, пение, жуж- жание qʉɻ, ruɻ, luɻ, qum, konɳ, lal <u>Фреквентатив</u> журчание noɻ, kuɻ
-	-	-	-	<u>Т О Н</u> (прерывистый) плач, стон cɪɻ, qoɻ	вой lɪm, lɪl
-	-	-	-	<u>Фреквентатив</u> журчание, звук трепещу- щих крыльев ʃor, ʃur	<u>Шум + тон</u> шум ветра ʃon, ʃun, ʃum <u>Фреквентатив</u> журчание ʃal <u>Удар + тон</u> звон cɪɻ
-	-	-	-	-	-

Типы звучаний	Простые						Сложные	
	Удары		Фреквентативы (быстрые серии ударов)	Континуанты			Удар + тон	Удар + шум, прерывистый шум
	единич- ные	серии		тоно- вые	тоно- шумовые	шумовые		
Примеры звучаний	стук, щелканье	бульканье треск	звук разгора- ющегося пламени, журчание	вой, писк, свист скрип	шум ветра, жужжание	шелест, шуршание, шипение, шум воды	звон	плеск, хруст, шлепанье
Типы (модели) звукопо- дающих корней, пе- редающих соответствующие звучания	Ccm V Cвзр		Cфр Vr	C V C	Cфр V Cсон (≠r)	Cфр V Cвзр	Ccm V Cсон (≠r)	Ccm V Cвзр Cфр
	Ccm V Cсон Cвзр (≠r)		(C V Cсон) (≠r)	C V CC		Cфр V Cафр	(Cфр V Cсон) (≠r)	Ccm V Cфр Cвзр
	r V Cвзр			Ccm V Cсон (≠r)		Ccm V Cфр	Ccm V Cсон Cвзр (≠r)	Ccm V Cсплaн Cвзр
	Ccm Vr					Cфр V CC		Ccm V Cафр Cфр V Cсплaн Cвзр

Примечание. Плавн - плавный; афр - аффриката; см - смычный;
фр - фриктивный; взр - взрывной; сон - сонорный; C - произволь-
ный согласный; V - краткий гласный; $\bar{V}$ - долгий гласный.

(свист, скрип, писк, визг), низкие гласные заднего ряда - при передаче низких звучаний (вой, гудение). Ср.: kík, kīq "о писке"; kik "о свисте" - qīq "о вое ветра; qīt "о скрипе" - qōt "о вое".

3) Степень открытости гласного передает степень интенсивности звучаний-денотатов. Наиболее интенсивным (громким) звучаниям соответствуют в корнях широкие гласные /a/, /ā/. Узкие гласные встречаются зачастую при передаче менее интенсивных (тихих) звучаний. Ср.: kāq "о пронзительном визге, верещании" - kīq "о писке"; gaq "о звоне" - guq "о глухом звоне"; qaḡ "о громянии, скрежете" - quḡ "о гудении, жужжании"; kaš "о стуке, шелканье" - keš "о тихом стуке, шелканье".

II. С о г л а с н ы е. С точки зрения отражения различных акустических характеристик передаваемых звучаний в звукоподражательных корнях с кратким или факультативным долгим гласным в анлауте наиболее релевантно противопоставление фрикативных согласных смычным. В простом ауслaute (корни типа cvc) более важным является противопоставление шумных сонорным. Противопоставление фрикативных шумным смычным в этой позиции выражено слабее. В ряде случаев их чередование не сопровождается изменением семантики корня. В группе сонорных вибрант противопоставлен всем прочим фонемам. В сложном ауслaute (cvcc) фрикативные довольно четко противопоставляются шумным смычным и вибрант - всем прочим согласным.

Рассмотрим семантические соответствия этих противопоставлений.

В с о г л а с н ы х а н л а у т а могут отражаться либо некоторые акустические характеристики начальной фазы (передаваемого) звучания, либо характеристики всего передаваемого звучания в целом.

Корни с начальными фрикативными /š/, /h/ передают звучания, представляющие собой шумовые континуанты (шипение, шум воды, глухой свист), либо содержащие шум в качестве основного элемента (журчание воды, шум ветра).¹⁾ Примеры: šuq/šūq "о глухом свисте, шипении, о сопении, шмыганье носом" (šūqumruqo); āāq/āāq "о

1) Лишь в семантике одного корня с начальным фрикативным отсутствует указание на шум: aīf "о тихом звоне" (aīfumruqo).

шуршании, шёбуршании, потрескивании" (^сšəqumruqo); šəq/šəq/šəq "о шуме, завывании ветра" (^сšəqumruqo, šəqumruqo); siŋq "о шипении; о сопении; о хрипе" (^сsiŋqumruqo); šəŋq "о шипении масла, налитого на раскаленную сковороду, сырых дров в печи" (^сšəŋqumruqo).

Большинство корней с начальным фрикативным допускает вариант с долгим гласным как дополнительное указание на длительность звучания. Ср. корни с начальным фрикативным с корнями, где в анлауте выступает нефрикативный согласный: šur "о журчании" — тур "о треске"; ruŋ "о жужжании, гудении"; šur "о шуме, завывании ветра" — руш, аур "о гудении, жужжании"; šur "о глухом свисте, шипении, сопении, шмыгании носом" — руш "о рычании, хрипе, хреканье".

В противоположность корням с начальным фрикативным, большинство корней с начальным смычным передает звучания, начинающиеся с удара (или серии ударов), который может сопровождаться тоном, шумом и т.д., что находит отражение в конечном согласном или группе согласных корня¹⁾.

Начальные смычные могут чередоваться, не влияя на семантику корня: ruŋ/ (в.-таз.) ruŋ "о глухом звоне" (^сruŋumruqo, ruŋumruqo); ruŋ/let "о треске, стуке" (^сruŋumruqo, letumruqo); kas/ /leŋ "о стуке, громохании" (^сkasumruqo, leŋumruqo).

Начальный /r/ всегда соответствует серии ударов в передаваемом звучании, в то время как прочие смычные могут передавать как серию ударов, так и единичные удары.

С о г л а с н ы е а у с л а у т а отражают либо некоторые акустические характеристики конечной фазы передаваемого звучания, либо характеристики всего звучания в целом.

- 1) При этом зафиксировано несколько корней с начальным смычным, передающих звучания, в которых ударный компонент отсутствует: ruŋ "о жужжании, гудении" (^сruŋumruqo); ruŋ "о жужжании, гудении" (^сruŋumruqo); kas "о шуме воды" (^сkasumruqo). Это, по-видимому, является следствием того, что в селькупских акустико-имитативных корнях на согласные ауслаута в большинстве случаев падает большая звукоизобразительная нагрузка, чем на согласные анлаута, вплоть до того, что изобразительность анлаута может сводиться к нулю (исключение составляет фрикативный анлаут).

В простом ауслауте наиболее четко прослеживается противопоставление шумных согласных сонорным.

Среди шумных наибольшей семантической определенностью обладают взрывные. Корни с конечным взрывным передают обычно резко обрывающиеся звучания (или звучания, состоящие из отдельных резко обрывающихся импульсов). При начальном /t/ это серия ударов: гор "о хлопанье крыльев" (горутруго). При прочих начальных смичных это удары или серии ударов. Серийность в этом случае передается на уровне неоформленных корней повтором (pet - pet - pet "о треске мотора"), а в глаголах - суффиксом дуративной совершенности -мр-, а также иногда факультативным удлинением гласного корня. Единичность удара, как уже отмечалось, подчеркивается в глаголах суффиксом -м̃t-.¹⁾

Взрывной в ауслауте корня с начальным фрикативным часто (но не всегда) передает резкий обрыв шума в звучании-денотате или указывает на наличие, наряду с шумовым, ударного компонента: ѓуq "о шмыганье носом, харканье" (ѓуqуlутруго).

Аффриката /с/ в простом ауслауте по функции не отличается от взрывных. Корни с конечной аффрикатой при начальном смичном также передают удары или серии ударов: рес "о треске" (ресутруго).

Корни с фрикативным в ауслауте иногда, подобно корням с начальным фрикативным, передают шумовые континуанты: kãṣ/kãṣ "о шуме текущей воды" (kãṣутруго "течь").

Однако чаще корни с конечным фрикативным при начальном смичном передают удары или серии ударов (стук, треск, щелканье). В семантике некоторых из этих корней можно найти указание на наличие шумового призвука при ударе: kəṣ/kəṣ "о стуке, щелканье" (kəṣутруго, kəṣутруго), рəṣ "о щелканье, треске; о шлепанье; также: о шипении (мокрых досок при горении); о тараторении, болтовне" (рəṣутруго).

Корни с сонорными в ауслауте отражают длительные звучания без резкого обрыва.

- 1) Корни с начальным /r/, оформленные суффиксом -м̃t-, передают не единичные удары, а краткую серию импульсов: raqqum̃tgo "протрещать (кратко) и затихнуть".

Корни с конечным /г/ передают обычно длительные прерывистые звучания. Это могут быть серии ударов, фреквентативы или тоновые континуанты с элементами фреквентативности: kar "о мелком дробном стуке" (karumruqo); qur "о звуке, с которым разгорается огонь; об урчании в животе; о журчании; о рычании" (qurumruqo); rug "о звуке, с которым разгорается огонь; о жужжании; о гудении" (rugumruqo); žur "о шуме ветра; о журчании воды" (žurumruqo).

Роль вибранта в передаче фреквентативов и близких им звучаний неоднократно отмечалась при описании звукоподражательных слов самых различных языков.¹⁾ Интересно, что в языках, для фонологической системы которых вибрант не характерен, он может появляться в изобразительных, и в частности, в звукоподражательных корнях.²⁾

Корни с конечными назальными и /l/, /l'/ передают длительные без резкого обрыва звучания с преобладанием на всем протяжении или, по крайней мере, в конечной фазе тонового компонента.³⁾ Это могут быть тоновые континуанты (гудение, вой), тоно-шумовые континуанты (жужжание) или удары с последующим резонаторным тоном (звон); gad "о звоне колокольчика" (gadumruqo); ruq, quq "о гудении, жужжании, звоне" (rudumruqo, ququmruqo); ciq, siq "о звоне" (ciqumruqo, siqumruqo), lul/liq "о вое" (lulimruqo).

Использование назальных и /l/, /l'/ при передаче такого рода звучаний мотивировано тем, что в самих сонантах тоновой компо-

1) См.: C. Stumpf, *Consonanz und Dissonanz. Beiträge zur Akustik und Musikwissenschaft*. 1. Hf., Leipzig, 1898, стр. 272 и далее.

2) Такую картину мы находим, например, в зулу, где вибрант встречается, помимо заимствований, лишь в 10 звукоподражательных идеофонах, передающих звучания класса фреквентативов. См.: О.А. Казакевич. О связи между структурой звукоподражательных идеофонов зулу и передаваемых ими звучаний. Сб. "Восточное языкознание", М., "Наука", 1976, стр. 16.

3) Исключение составляет три корня, семантика которых совпадает с семантикой корней с конечным /г/: žal "о журчании воды" (žalumruqo); poq "о журчании" (poqa "ручей"); kiq "о журчании" (kiqumruqo).

нент преобладает над шумовым.

Конечный сонант факультативно может удваиваться. Удвоение подчеркивает длительность передаваемого звучания: *kup, kupp* "о гудении"; *ciŋ, ciŋŋ* "о звоне". Кроме того, зафиксировано три случая сочетания в конце корня назальных разного места образования: *quŋp, quŋp, quŋp* "о глухом звуке, гуле, отдающемся от земли, когда где-то бежит лошадь или человек с тяжелой поступью" (*quŋpquŋpquŋp, quŋpquŋpquŋp, quŋpquŋpquŋp*).

В сложном ауслауте, помимо противопоставления сонорных согласных несонорным, внутри последних большую семантическую нагрузку несет противопоставление взрывных фрикативным.

В ауслауте звукоподражательных корней возможны следующие сочетания согласных: 1) назальный + взрывной, 2) плавный + взрывной, 3) фрикативный (аффриката) + взрывной, 4) взрывной + фрикативный (аффриката), 5) плавный + фрикативный (аффриката).

Корни, оканчивающиеся на сочетание назального со взрывным, передают удар или серию ударов с последующим резонаторным тоном: *qomp* "о громохании" (*qompuŋquŋpquŋp*); *tēŋk* "об отраженном звуке (эхо); о звоне" (*tēŋka, tēŋkquŋpquŋp*).

Корни с сочетанием плавного со взрывным при начальном смычном также зачастую передают удары или серии ударов, например: *paŋq* "о бульканье" (*paŋquŋpquŋp*); *kāŋq* "о треске, хрусте сухих веток под ногами" (*kāŋquŋpquŋp*). В этих корнях основная акустико-имитативная нагрузка лежит на взрывных исхода. Если наличие /r/ можно проинтерпретировать как отражение прерывистости, фреквентативности передаваемого звучания, то /ŋ/ в приведенных корнях не несет звукоизобразительной нагрузки.

Однако в ряде корней на -ŋq- звукоизобразительная нагрузка переносится со взрывного на плавный. Такие корни передают звучания, основным компонентом которых является тон: *piŋq* "о звоне комаров; о пiske" (*piŋquŋpquŋp*); *ciŋq* "о скрипе" (*ciŋquŋpquŋp*); *vaŋq* "о скрипе, скрежете" (*vaŋquŋpquŋp*).

Сочетание плавного со взрывным на конце корней с начальным фрикативным указывает на наличие в звучании-денотате резкого обрыва шума или на прерывистость этого шума: *šaiŋq* "о шелесте листьев, хрусте сучьев под ногами" (*šaiŋquŋpquŋp*); *šorq* "о шипении воды, попавшей на раскаленную печь, масла на сковороде; о шипении сырых дров в огне; о шуме воды при кипении" (*šorquŋpquŋp*). Иногда в семантике таких корней можно найти указание на на-

личие тона (резко обрывающегося) в звучании-денотате: $\text{a}^{\text{h}}\text{i}^{\text{h}}\text{q}$ "о брэнчании погремушки; также о шуршании травы под ногами" ($\text{a}^{\text{h}}\text{i}^{\text{h}}\text{qumruqo}$).

Корни с сочетанием "фрикативный (аффриката) + взрывной" в ауслауте (в анлауте всегда смычный) передают звучания, имеющие ударную и шумовую компоненту: удар отражается в конечном взрывном, шум — в фрикративном (или аффрикате, точнее, ее фрикративном элементе): $\text{i}^{\text{h}}\text{isq}$ "о хлопанье, плеске" ($\text{i}^{\text{h}}\text{isqumruqo}$); $\text{io}^{\text{h}}\text{q}$ "о хлопанье, плеске" ($\text{io}^{\text{h}}\text{qumruqo}$).

В сочетании "взрывной + фрикративный (аффриката)" (в анлауте всегда смычный) основную акустико-имитативную нагрузку несет взрывной. Корни с таким ауслаутом передают удары или серии ударов: $\text{gak}^{\text{h}}\text{q}$ "о треске, брэнчании, о тиканье часов" ($\text{gak}^{\text{h}}\text{qumruqo}$); $\text{guq}^{\text{h}}\text{q}$ 1) "о хрусте сучьев под ногами"; 2) "о бульканье, бурлении при сильном кипении, о плеске"; 3) "о треске, возникающем при ударах по пустому внутри дереву" ($\text{guq}^{\text{h}}\text{qumruqo}$). Возможно, q^{h} отражает наличие некоторого шумового послелударного призвуча. В группе корней с исходом на $-\text{ra}/-\text{r}^{\text{h}}\text{a}/-\text{re}$ мы, наряду с акустической имитацией удара посредством взрывного согласного, наблюдаем элементы артикуляторной мотивированности: $\text{p}^{\text{h}}\text{ara}$ "о чавканье; о шлепанье босыми ногами" ($\text{p}^{\text{h}}\text{arumruqo}$); $\text{p}^{\text{h}}\text{ars}$ "о чавканье; о шлепанье по земле босыми ногами" ($\text{p}^{\text{h}}\text{arsumruqo}$); $\text{lar}^{\text{h}}\text{a}$ "о шлепанье крыльями по воде" ($\text{lar}^{\text{h}}\text{arumruqo}$); $\text{lar}^{\text{h}}\text{re}$ "о чавканье; о шлепанье по земле (о человека, лягушке); о звуке падения мягкого и мокрого" ($\text{lar}^{\text{h}}\text{sumruqo}$, $\text{lar}^{\text{h}}\text{sum}^{\text{h}}\text{ruqo}$); lara "о хлопанье крыльями по земле" (larumruqo).

У природного звучания чавканья (например, глины) (и близких к нему шлепанья, звука пощечины) есть артикуляторный аналог — чавканье, чмоканье человека. Роль губных при передаче чмоканья и шлепанья отмечалась неоднократно¹⁾. В то же время, С.В.Воронин, рассматривая английские звукоподражательные корни, передающие чавканье, делает следующее наблюдение: "Наиболее частое при чавканье нерезкое отрывание языка от неба (и постепенное образование щели) после смычной стадии "сосущего" движения языка, с силой прижатого к небу, обуславливает выбор аффрикаты (как фонемы

1) Например, в книге: А.М.Газов-Гинзберг. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней). М., 1965, стр.36,37,57.

со смычнощелевой артикуляцией) в соответствующих звукоизображениях¹⁾. В рассматриваемых селькупских корнях мы имеем и губную, и смычнощелевую артикуляцию, то есть сочетание взрывного губного с фрикативным (или африкатой).

Корни с сочетанием "плавный + фрикативный (африката)" в ауслауте (в анлауте всегда смычный) передают звучания, имеющие более или менее четко выраженный шумовой компонент: *karə* "о шуршании, шепуршании, о звуке скребущейся мыши" (*karəymruqo*), *palc* "о бурлении воды во время разлива, о сильном кипении; о болтовне" (*palcymruqo*).

Африката в составе сложного ауслаута функционирует подобно фрикативным и может с ними чередоваться. В то же время, в анлауте и простом ауслауте функция африкаты совпадает с функцией взрывных. Подобная бифункциональность африкаты объясняется ее двойственной природой: наличием в ней как смычного, так и фрикативного компонента.

/l / и /l' / в ауслауте передают звучания, возникающие в результате движения жидкости (бульканье, бурление, плеск). Таким образом, можно предположить, что плавные /l /, /l' / отражают плавное движение жидкости, тем более что /l / в подобной функции выступает и в звукоподражательных словах других языков.²⁾

Интересно, что в родственном энецком языке картина связи звука и значения в системе акустической имитации весьма отлична

1) С.В.Воронин. Звукоизображения щелкающих и дентальных артикуляций и некоторые акустические онематопы. "Исследования по английской филологии", вып.4, ЛГУ, 1971, стр.45-46.

2) По поводу использования /l / в английских онематопях, передающих звучания, возникающие при движении жидкости, С.В.Воронин пишет: "По-видимому, в первую очередь, именно с "текущим" характером /l / связано частое использование этой фонемы в составе обозначений различных состояний тока воды... "текущее" /l / передает сам "текущий" характер процесса, то есть собственно ток, движение воды". С.В.Воронин. Инстанты как класс английских акустических онематопов. "Английская филология. Научные труды Краснодарского государственного университета", вып. 214, Краснодар, 1976, стр.14.

от селькупской из-за наличия в фонологической системе энечного языка противопоставления согласных по глухости - звонкости.

1.4.6.3.2. Артикуляторная мотивированность

Артикуляторная мотивированность свойственна в основном звукоподражательным корням, передающим звуковые физиологические процессы, производимые горлом, ртом и носом человека. В фонемном составе этих корней находят отражение элементы артикуляции описываемых ими процессов. С.В.Воронин¹⁾ дает следующую классификацию процессов по месту их протекания:

А. Носовые процессы. Собственно носовые: втягивание носом воздуха. Носогорловые: храп; фырканье.

Б. Ротовые процессы. Ротоносовые: посвистывание; чихание; бормотание; мяленье. Собственно ротовые: плевание; болтание; чмоканье (смакование); цоканье; щелканье; чавканье. Ротогорловые: дуновение (ртом); вздох; дыхание с присвистом; вой; плач; громкий крик; оранье; рев; смех. Рото-носо-ротовые: кусание; зевота; ворчание; стон; хныканье; хихиканье.

В. Горловые процессы. Горлоносовые: сдавленность горла. Горлоротовые: глотанье. Собственно горловые: икота; кашель; возврат проглоченного; хрип.

Кроме того, процессы различаются по участию в их протекании (артикуляции) различных органов полости рта (губ, языка, зубов и т.д.), по степени открытости рта.

Приведем примеры селькупских звукоподражательных корней, передающих процессы каждого из названных классов.

Носовые процессы: *суһ* "о сопении, дыхании с присвистом (о человеке, собаке)" (*суһуһуһу*); *туп* "о нхении" (*тупаһуһу*); *сур* "о втягивании носом воздуха; о дыхании с присвистом, о выныкивании чего-либо" (*суратуһуһу*).

Носо-горловые процессы: *гуһ* "о храпе; о рычании, хрюканье" (*гуһуһуһу*); *һуһ* "о фырканье, шмыганье носом" (*һуһуһу*).

Ротовые процессы: *әһс* "о плевании" (*әһсуһуһу*); *пәһс* "о чавканье" (*пәһсуһуһу*).

Рото-носовые процессы: *миһс* "о бормотании, ворчании" (*миһсуһуһу*); *миһуһ* "о лепете" (*миһуһуһу*).

1) С.В.Воронин. Английские ономотопы (типы и строение). Канд. дисс., ЛГУ, 1969, ч.П, §49.

Ротогортловые процессы: pū "дуть" (pūqo); iank "о крике" (iankuāqo); pis "о смехе" (pisuāqo).

Рото-носо-гортловые процессы: sat "о кусании" (sattēqo); tut "о хавании" (tutyqo); ɔk "о зевоте" (ɔduwuyqo); hīr "о стоге" (hīryqo); hīsyg "о хныканье; о хихиканье" (hīsyguwuyqo).

Гортловые процессы: fīq, hīq "об икоте" (fīquqo, hīquwuyqo); qot "о кашле"; (qotarqo); oq "о рвотных спазмах в гортле" (oqut-qo); qaqa "о харканье, рыгании" (qaqqaqo); paq "о хрипе в гортле" (paquwuyqo).

Горло-носовые процессы: quq "об удушье" (ququwūtqo "задохнуться"); nykk "подавиться (мясом, костью)" (nykkwūtqo).

Горло-ротовые процессы: pōl "о глотании" (pōlyqo).

Следует отметить, что в звукоподражательных корнях данной группы наряду с артикуляторной имеет место и акустическая мотивированность.

Если при акустической имитации основная семантическая нагрузка лежит на противопоставлении согласных по способу образования, то для артикулярной имитации наибольшее значение имеет противопоставление согласных по месту образования. Функциональная нагрузка согласных при акустической имитации зависит часто от их места в корне. Для артикуляторной имитации место согласного в корне не меняет его функции. Отсюда вытекает, что при артикуляторной имитации невозможно установить связь отдельных типов процессов с определенными структурными типами звукоподражательных корней, как это сделано для акустической имитации. Мы можем лишь определить звукоизобразительные функции отдельных типов фонем. Они показаны в таблице № 3.

Если мы сравним селькупскую артикуляторно-имитативную систему с артикуляторно-имитативной системой энецкого языка, то найдем гораздо больший параллелизм, чем в системах акустической имитации этих языков. Объясняется это тем, что основное отличие энецкой фонологической системы от селькупской — противопоставление согласных по звонкости-глухости — не играет роли при артикуляторной имитации.

Широко известен тезис о размытости фонетического облика звукоподражательных корней. Однако колебания в фонемном составе звукоподражательного корня возможны лишь до определенного предела, пока не затрагивается какой-либо дифференциальный признак, существенный для передачи соответствующего звучания.

Изобразительные функции фонем селькупских звукоподражательных корней в системе артикуляторной имитации

Типы фонем	Имитируемые элементы артикуляции передаваемых процессов	Примеры процессов	Примеры звукоподражательных корней
<u>Гласные</u>			
Широкие (а, ä, ɔ)	Широко открытый рот	Крик, рев, зевота, харканье, хохот	laŋk, ɛäŋq, ʒŋk, qaqq, laq
Узкие (i, u, ü)	Закранный рот или малая степень раскрытия рта	Икота, хныканье, бормотание, свист, жевание	ʃiq, ɬisʏŋ, muntʏŋ, kük, sʲic, tut
Долгие	Длительность	Зевота, рвота	ʒŋk, töt
ЛабIALIZED- зованные (u, ü, o, ɔ)	Участие губ	Свист, разговор, плевание, чмоканье губами	kük, ʃul, qoŋ, sös, cuq
<u>Согласные</u>			
Губные (p, m)	Участие губ	Речь, дуновение ртом, еда	ʃul, ɬurs, pü, ɬʏp
Дентальные (передне- язычные) (t, s, n)	Участие зубов	Жевание, кусание, еда с чавканьем	tut, ɛat, nãŋc
	Участие передней части языка	Плевание	sös, töt
Велярный и увулярный (k, q)	Горловая артикуляция или горловой элемент артикуляции	Кашель, икота, харканье, рвота, хрип, фырканье, крик, хохот, рев	qot, ɬik, qaqq, oq, ɬʏŋq, ɬʏq, laŋk, laq, kãŋ
Носовые (m, n, ɲ)	Носовой элемент артикуляции	Бормотание, зевота, хныканье, хныканье, сопение	ʃulʏŋ, ʒŋk, ɬisʏŋ, ɬʏŋ
Латеральный (l)	Участие всего языка	Речь, глотание	ʃul, palš, lal, pöl
Аффриката, Взрывно- фрикативные	Смешанно-целая артикуляция	Чмоканье, чавканье	cuq, nãŋc

Примеры:

kūl — lūl — iūl

"о все"

let — pet — peq

"о стуке, треске"

q̄aq — paq — l̄aq
 kak vac

"о громком пронзительном крике, о верещании"

puṭ — tuṭ — quṭ
 qum — kum
 qum kum
 qum — kun(n)

"о гудении, жужжании"

Таким образом, можно говорить об устойчивости звукоподражательных корней к изменениям, затрагивающим существенные для звукоподражания дифференциальные признаки входящих в эти корни фонем. В частности, звукоподражательные корни бывают весьма устойчивы к действию фонетических законов.

Отличительной чертой рассмотренного поля звукоподражательной лексики является фонетическая мотивированность корней слов, составляющих это поле. Эта мотивированность может быть акустической или артикуляторной. Связь звука и значения осуществляется при этом не на уровне отдельных фонем, а на уровне типов фонем или дифференциальных признаков, иными словами, с определенным типом звучания коррелирует не отдельная фонема языка, а определенный признак, свойственный ряду фонем. При акустической имитации важны не только дифференциальные признаки фонем, входящих в звукоподражательный корень, но и порядок следования этих признаков, то есть порядок следования фонем в корне. Здесь мы можем говорить о моделированном звукоподражании. В отличие от этого артикуляторная имитация не моделирована.

ФОНОЛОГИЯ

2.0. В практической транскрипции, выработанной на основе теоретического (по опубликованным ранее работам) и полевого ознакомления с селькупским языком, мы использовали более чем 120 звукообозначений (около 70 для согласных и более 50 для гласных), позволяющих с известной точностью передать звучание селькупской речи¹⁾. Разумеется, эта транскрипция — как и любая другая, даже в несколько раз более детализированная — является в определенном смысле абстракцией, оставляющей без внимания слабые фонетические различия в пределах широкого спектра звуков, возможных в селькупской речи. Она, однако, удобна с той точки зрения, что позволяет зафиксировать, по-видимому, все фонологически релевантные различия, равно как и индивидуальные особенности произношения.

Как показывает фонологический анализ, в звуках, обозначаемых данной транскрипцией, реализуются аллофоны 41 фонемы; таким образом, многие фонемы имеют по несколько аллофонов каждая. При этом практически удобно выделить один основной аллофон каждой фонемы (транскрипционным знаком для которого фонемы, как правило,

1) В большинстве случаев были применены знаки финно-угорской транскрипции — ФУТ (см., например: В.И.Лыткин. О единой научной транскрипции звуков финно-угорских языков. М.-Л., 1960). Основными отличиями от того варианта ФУТ, который изложен в указанной работе В.И.Лыткина, являются: а) обозначение гласных среднего ряда знаками *y* и *e* (вместо *i* и *e*); б) обозначение открытого *o* знаком *o* (вместо *o*); в) обозначение ударности знаком *˙* над гласным (вместо *˙* после гласного). Эти отклонения допущены из соображений удобства как записи в полевых условиях, так и технического оформления книги. Фонетическое значение ряда нетривиальных транскрипционных символов (как принадлежащих ФУТ, так и дополняющих или модифицирующих ее) пояснено в тех местах данной главы, где они использованы.

и обозначаются¹⁾ и неосновные аллофоны, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции и/или свободного варьирования с основным. Основными естественно считать аллофоны, выступающие в сильной позиции; в частности, для согласных в селькупском языке сильной является позиция в начале фонетического слова перед гласным переднего ряда²⁾, а для гласных — позиция в первом слоге фонетического слова (при этом мы абстрагируемся, как и в практической транскрипции, от незначительных различий, обусловленных качеством соседних звуков, ударностью/безударностью и открытостью/закрытостью слога). При наличии свободного варьирования в какой-либо из указанных сильных позиций основным аллофоном признается преобладающий по частоте вариант. Разумеется, кроме указанных позиций, основные аллофоны употребляются и в ряде других (всду, где не выступают обязательные комбинаторные варианты соответствующих фонем).

Подчеркнем, что запись селькупских слов как в этой, так и в других главах книги дана (если не оговорено противное) в фонематической транскрипции, с опусканием косых скобок, то есть в обработанном и унифицированном виде по сравнению с исходной полевой записью в фонетической транскрипции.

В двух следующих ниже таблицах отражены звуки, в которых реализуются основные аллофоны селькупских фонем.

- 1) В порядке исключения для фонем, основными аллофонами которых являются $\acute{c}$, $\acute{s}$ и $\acute{o}$ используются обозначения /c/, /s/ и /o/ соответственно. При цитировании материала из данной книги в работах, применяющих ФУТ, допустимо (и даже желательно) восстановление в этих случаях опущенных диакритических знаков, равно как и замена у, е на $\acute{u}$, $\acute{e}$.
- 2) У фонемы /q/, которая не встречается в такой позиции, основной (и единственный) аллофон реализуется как веларный носовой согласный ɢ.

Место образования Способ образования	Лабials- ные	Денталь- ные	Пала- тальные	Велярные	Увуляр- ные
Смычные	p	t		k	q
Аффрикаты			tʃ dʒ		
Фрикативные		s	ʃ		
Носовые	m	n	ɲ	ŋ	
Латеральные		l	ɭ		
Вибранты		r			
Глайды	w		j		

ВОКАЛИЗМ

Ряд Подъем	Передний		Средний	Задний	
	НелабIALIZED- ные		НелабIALIZED- ные	ЛабIALIZED- ные	
	Напря- женные	Ненапря- женные		Напря- женные	Ненапря- женные
Верхний	i ī	ɪ ɨ	ɯ ʉ	u ū	ɤ ɥ
Средний	e ē	ɛ ɜ	ø œ	ə ɐ	o ɔ
Нижний		ä ǣ		a ǣ	

2.1. ФОНЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

2.1.1. Противопоставленность согласных фонем по месту образования

По способу образования выделяются пять групп согласных фонем, внутри каждой из которых фонемы противопоставлены по месту образования:

1. Смычные	/p/	/t/	/k/	/q/
2. Фрикативные		/s/	/ʃ/	
3. Носовые	/m/	/n/	/ɲ/	/ŋ/

4. Латеральные

/l/

/ɭ/

5. Глайды

/w/

/ɣ/

Фонематичность противопоставлений согласных по месту образования внутри перечисленных групп видна из примеров:

1. /p/ : /t/ torqu "одежда" : torqu "сосуд"
 /p/ : /k/ kuɾa "малый" : kuɾa "хочет"
 /p/ : /q/ pɛɣu "верх" : qɛɣu "промежуток"
 /t/ : /k/ kanat "собаки" : kanak "собака"
 /t/ : /q/ toru "нога" : qoru "шкура"
 /k/ : /q/ kutu "древко, голенище" : qutu "болезнь"
2. /s/ : /ʃ/ sɔttu "обмажь глиной" : ʃɔttu "продырявь"
3. /m/ : /n/ mɛntu "мера" : nɛntu "орыхо"
 /m/ : /h/ meɪtuqo "сделать" : heɪtuqo "вспотеть"
 /m/ : /ɳ/ ɛntu "рот" : ɛɳtu "лезвие"
 /n/ : /h/ naɣu "чурка" : haɣu "тундра"
 /n/ : /ɳ/ ɛn "рта" : ɛɳ "рот"
 /h/ : /ɳ/ laɪku "мельканье" : laɳku "крик"
4. /l/ : /ɭ/ pɛtyl "щека" : pɛtyɭ "внутренний"
5. /w/ : /ɣ/ tɪɰwa "пестрая птичка" : tɪɰɣa "(он) сел (в какой-либо вид транспорта)"

2.1.2. Противопоставленность согласных фонем по способу образования

Можно выделить четыре группы согласных фонем, внутри каждой из которых фонемы противопоставлены по способу образования:

1. Лабиальные /p/ /m/ /w/
2. Дентальные /t/ /n/ /l/ /ɭ/ /r/
3. Палатальные /c/ /ɟ/ /ɲ/ /ɣ/ /j/
4. Велярные /k/ /q/

Нижеследующие примеры демонстрируют фонематичность противопоставлений согласных по способу образования:

1. /p/ : /m/ pɔ "дерево" : mɔ "сук, ветка"
 /p/ : /w/ pɛntu "в бородавку" : wɛntu "лицо"
 /m/ : /w/ tɪɰwu "зуб" : tɪɰwa "пестрая птичка"

Противопоставление /m/ : /w/ несет очень слабую функциональную нагрузку. Фонема /w/, обладающая наименьшей среди согласных фонем частотностью (см. 2.5.2), встречается преимущественно в на-

чале слова¹⁾ перед /ə/, фонема /m/ в такой позиции не встречается. Это создает предпосылки нейтрализации противопоставления /w/ : /m/ в пользу /m/ во всех позициях, то есть исключения /w/ из системы фонем. Подобная нейтрализация полностью осуществлена в байшенском говоре (Castrén 1854, 90) и в верхнетазовском говоре (см. 2.7). В среднетазовском говоре фонема /w/ отсутствует полностью лишь в небольшой части диалектов; во многих других наблюдается свободное чередование w//m в словах с этимологическим w: wenty//menty "лицо", tīwa//tīma "пестрая птичка" и т.д. Чередование не распространяется на слова с этимологическим m: masu (не wasy!) "лес" и т.п.

2. /t/ : /n/ : /p/ : /l/ : /r/ rōty "год" : rōzy "самый" : rōly "моего дерева" : rōly "твое дерево" : rōgy "лабаз"
3. /c/ : /ā/ cīqun "в ведре" : āīqun "в пене"
 /c/ : /h/ cary "звук" : hary "тундра"
 /c/ : /y/ car "едва, только" : har "друг друга"
 /c/ : /j/ caryk "звучно" : jaryk "другой"
 /ā/ : /h/ hēā(po) "шиповник" : hēā "злоба"
 /ā/ : /y/ taquē "лыжи, подбитые камисом" : taquj "летний"
 /ā/ : /j/ kēāyū "половинный" : kējū "дыхательный"
 /h/ : /y/ āōb "пуп" : āōl "лесной"
 /h/ : /j/ keby "суп" : kējy "дыхание"
 /y/ : /j/ qal (roqay) "рубаха" : qaj "что"
4. /k/ : /ŋ/ laka "штука, кусок" : laza "язы"

Противопоставление согласных по способу образования, в отличие от их противопоставления по месту образования, не всегда релевантно фонологически. Решающим моментом в противопоставлении /o/ и смычных /p/, /t/, /k/, /q/ (ср. conty "середина" : penty "камис" : tonty "запруда" : konty "корень" : qonta "спит") является палатальность, а не аффрикация — на это указывает наличие у /c/ аллофона t', свободно варьирующегося с t ([t']onty "середина"). Дентальный смычный t и дентальный фрикативный a — аллофоны разных фонем. В то же время лабиальные p и f, велярные k и x, увулярные q и χ попарно не противопоставлены фонологически.

1) В других позициях эта фонема представлена в ряде ономотопетических и заимствованных слов.

ки, будучи аллофонами фонем /p/, /k/ и /q/ соответственно. Все увулярные согласные (смычные q, ɣ, ʁ, фрикативные χ, ʁ, носовой ɣ, вибрانت ʁ) являются аллофонами одной фонемы /q/.

2.1.3. Противопоставленность гласных фонем по ряду

Хотя гласные селькупского языка распределяются по трем рядам (переднему, среднему и заднему), фонологической значимостью обладает лишь противопоставление переднего и непереднего (среднего + заднего) ряда. В противопоставлении среднерядных и заднерядных гласных решающую роль играет не признак ряда, а лабиализация.

Корреляция по ряду охватывает все гласные фонемы. Часть коррелятивных пар при этом асимметрична, поскольку фонеме одного ряда противопоставляются сразу две фонемы другого ряда (напряженная и ненапряженная).

1. /ä/ : /a/ ɬärqy "ива" : ɬärqy "красный"
2. /ä/ : /ā/ kotäqyn "мешку" : kotäqyn "в мешке"
3. /ö/ : /o/ pötpyl' "теплый" : potpyl' "сложенный (в котел)"
4. /ö/ : /ō/ , /ɔ/ qō "бок" : qō "ухо" , qō "глист"
5. /ū/ : /u/ ūnty "дуга" : untu "вошь"
6. /ū/ : /ū/ tū "слой" : tū "перо"
7. /e/ , /ɛ/ : /ə/ ketu "кишка" : ketu "(его) зима"
- lɛm "столлик (в чуме)" : lɛm "кость (Acc. Sg.)"
8. /ē/ , /ē/ : /ō/ cēly "день" : cēly "узкий"
- tēqyn "в гное" : tēqyn "в бровне"
9. /i/ , /ɪ/ : /y/ mir "цена" : myr "передняя часть ступни"
- tɪr "надставной борт" : tɪr "икра (рыбья)"
10. /i/ , /ɪ/ : /y/ ityqo "брат" : ūtyqo "висеть"
- tɪ "сейчас" : tū "суда"

2.1.4. Противопоставленность гласных фонем по подъему

Распределение гласных фонем по степени подъема спинки языка неравномерно. Имеется 10 гласных верхнего и 11 – среднего подъема, но только четыре гласных нижнего подъема. Это определяется отсутствием лабиализованных гласных фонем нижнего подъема и нерелевантностью для гласных этого подъема признака напряженности.

Противопоставленность гласных нижнего и среднего подъемов,

сходных по признакам ряда и лабиализации, видна из следующих минимальных и частично-минимальных пар:

1. /a:/ /o/ tap "этот" : tɔp "он"
2. /ā/ /ō/ āta "виднеется" : ōta "кричит (об олене)"
3. /ā/ /o/, /ɛ/ bādu "хлебный" : bɔdu "злой"
4. /ā/ /ō/, /ɛ/ pāly "бедро" : pɔly "напарник, товарищ"
5. /ā/ /ō/, /ɛ/ sārūkytyl "не имеющий мусора" : sɔrūkytyl "не-мощный"
6. /ā/ /ō/, /ɛ/ tāly "завтра" : tɔly "твой гной"

Значительно больше имеется коррелятивных пар, включающих гласные среднего и верхнего подъёмов:

1. /o/ /u/ porqu "одежда" : purqu "дым"
2. /ō/ /ū/ tō "озеро" : tū "за (что-л.)" : tū "перо"
3. /o/ /y/ sɔgu "белый" : sɔgu "снег"
4. /ō/ /ȳ/ kē "излишек" : kȳ "удача, счастье"
5. /ō/ /ū/ tō "береста" : tū "огонь"
6. /ō/ /ū/ sōmyn "по сосне" : sūmyn "по поясу"
7. /o/ /i/ mɛltuqo "сделать" : miltuqo "дать"
8. /ō/ /ī/ sērgo "войти" : sīrgo "вспениться"
9. /ɛ/ /i/ tɛltuqo "погрузить" : tītūqo "уташить"
10. /ɛ/ /ī/ tē "вы" : tī "сажень"

2.1.5. Противопоставленность гласных фонем по лабиализации

Противопоставление лабиализованных и нелабиализованных гласных охватывает почти всю вокалическую систему (за исключением фонем нижнего подъема).

1. /o/ /o/ qok "начальник" : qɔk "бор"
2. /ō/ /ō/ qōly "твое ухо" : qōly "твой глист" : qōly "рыба"
3. /u/ /y/ untu "вошь" : untu "лук (оружие)"
4. /ū/ /ȳ/ sūrgy "зверь, птица" : sūrgy "корова"
5. /ō/ /o/, /ɛ/ kōt "IO" : kɛt "ведь"
6. /ō/ /ō/, /ɛ/ tōltumra "валается" : tōltumra "загружен"
7. /ō/ /ō/, /ɛ/ cōly "твоя сосна" : cōly "день"
8. /ō/ /ō/, /ɛ/ tōqun "в бересте" : tōqun "в гное"
9. /ū/ /i/, /ɛ/ pū "камень" : pī "ночь"
10. /ū/ /i/, /ɛ/ tūrgy "посох, лыжная палка" : tūrgy "шест чума возле двери"

8. / $\bar{u}$ / : / $\bar{i}$ /, / $\bar{i}$ / $\bar{u}$ ty "вечер" : $\bar{i}$ ty "возьми"
 $\bar{u}$ "слой" : $\bar{i}$ "сажень"

2.1.6. Напряженные и ненапряженные гласные

Противопоставление по напряженности охватывает только пять пар гласных фонем:

напряженные	/ $\bar{a}$ /	/ $\bar{o}$ /	/ $\bar{i}$ /	/ $\bar{e}$ /	/ $\bar{y}$ /
ненапряженные	/ a /	/ o /	/ i /	/ e /	/ y /

Артикуляционно это противопоставление выражается в более интенсивной работе органов, участвующих в произнесении напряженных гласных. Так, при произнесении $\bar{a}$, $\bar{o}$, $\bar{i}$, $\bar{e}$ наблюдается заметное напряжение мышц спинки языка, отсутствующее при артикуляции a , o , i , e ; звук $\bar{o}$ по сравнению с o артикулируется со значительно более сильным выдвиганием губ вперед. Неинтенсивность работы органов речи при произнесении ненапряженных гласных имеет следствием несколько "размытый" характер их артикуляции и сдвиг в направлении среднего ряда по сравнению с напряженными гласными. Так, на слух $\bar{a}$ воспринимается как звук, промежуточный между a , $\bar{a}$ и $\bar{o}$; $\bar{i}$ - как нечто среднее между i и y ; $\bar{e}$ - как несколько сдвинутый вниз и вперед e .

Фонематичность противопоставления по напряженности может быть показана на следующих примерах:

1. / $\bar{a}$ / : / a / $\bar{a}$ lty "семь" : a lty "разнообразный"
 $\bar{a}$ erka "мерка для пороха" : a erka "ветер дует"
2. / $\bar{o}$ / : / o / $\bar{o}$ rkety "ястреб" : o rkety "вотки (иглолку)"
 (в.-таз.) $\bar{m}$ oqo "для нас" (Transl.) : m oqo "сделать"
3. / $\bar{i}$ / : / i / $\bar{i}$ nty "в ведро" : i nty "тетива"
 (в.-таз.) $\bar{p}$ nty "в ночь" : p nty "положи"
4. / $\bar{i}$ / : / i / $\bar{q}$ ort $\bar{i}$ nty "(его) холощенных оленей" : q ort i nty
 "он погрузился, оказывается"
 $\bar{c}$ imyn "по ведру" : c imyn "черемухи" (Gen. Sg.)
5. / $\bar{o}$ / : / o / $\bar{r}$ gy "лабаз" : r gy "верх"
 $\bar{a}$ nt $\bar{o}$ myt "по мере" : a nt $\bar{o}$ myt "мы измерили"

Противопоставление / $\bar{o}$ / : / o / наблюдается в самых разнообразных позициях и несет высокую функциональную нагрузку. Иначе обстоит дело с противопоставлением по напряженности передних гласных, смысловоразличительная способность которого используется в языке очень слабо.

В частности, для некоторых позиций приходится констатировать фонологическую нейтрализацию напряженных и ненапряженных гласных фонем. Связано это с наличием ряда позиционных ограничений на их употребление. В среднетазовском говоре эти ограничения несколько сильнее, чем в верхнетазовском, где, судя по всему, сохраняется чуть более архаичное состояние. Это позволяет предполагать, что развитие системы вокализма в среднетазовском говоре происходит в направлении дефонологизации противопоставления передних гласных по напряженности путем превращения напряженных и ненапряженных гласных фонем в дополнительно определенные аллофоны.

Для противопоставлений /e/ /ɛ/, /ə/ /ĕ/ сильной позицией является положение после р, с, ш, ѝ, м, ђ в первом слоге, где встречаются все эти фонемы. В первом слоге в анлауте и после т, п, л, г употребляются только /ɛ/ и /ĕ/, а после к и ч — только /ə/ и /ə̃/; сочетания ч, п, в, ј ни с одной из рассматриваемых фонем в исконной лексике не встречаются.

В первых слогах встречаются, как правило, только /ɛ/ и /ĕ/ (/ə/ и /ə̃/ лишь в нескольких словосложениях и заимствованных словах: *istamětyl* "какой попало", *istaməla* "как попало", *sojčkěty* "ястреб", *kazeta ~ gazeta* "газета").

Сильными позициями для противопоставлений /i/ /ĭ/, /I/ /Ĭ/ являются положение после к и а в первом слоге, анлаут и положение в одном из первых слогов. В этих позициях встречаются и напряженные, и ненапряженные фонемы (правда, /Ĭ/ в анлауте не засвидетельствована). Кроме того, все четыре рассматриваемых фонемы встречаются в первом слоге после лалатальных с, ѝ, ђ, ч; однако в такой позиции не могут употребляться у и ѱ, что дает основания для сомнений в вопросе о том, какие фонемы представлены в данном случае аллофонами $\dot{i}$ и $\dot{I}$ — фонемы /i/ и /I/ или фонемы /y/ и /ɤ/.

В первом слоге после т, ч, п, л из четырех рассматриваемых фонем употребляются только /i/ и /I/, а после н, г, ј, в — ни одна из них. После м и р (в первом слоге) в среднетазовском говоре встречаются только /i/ и /I/. В верхнетазовском говоре, однако, имеется различие между словами на *ni-*, *pi-* и словами на

mi-, pi-. Ср.:

и.-таз.	ср.-таз.	
mina, mintyj	mina, mintyl'	"острый"
miqa	miqo	"дать"
mir	mir	"цена"
miruqa	miruqo	"равновать"
mity	mity	"вроде, будто"
pi	gi	"ночь"
picca	picca	"щука"
piqa	piqo	"созреть, свариться"
pirna	pirna	"крест"
piyuqa	piyuqo	"смеяться"
pija	pija	"филин"
pinqa	pinqo	"положить"
pirha	pirha	"школа"

К сожалению, формы верхнетазовского говора (фонетически, вероятно, более архаичные) удалось зафиксировать не для всех слов, начинающихся в среднетазовском говоре на mi- или pi-.

2.1.7. Противопоставленность гласных фонем по долготе

Корреляция по долготе охватывает 12 пар гласных фонем. В нее не входит лишь фонема /ɔ/ ввиду отсутствия в языке соответствующей краткой фонемы. Фонематичность долготных противопоставлений видна из примеров:

1. /o:/ /ō/ tonty "запруда" : tōnty "в озеро"
2. /u:/ /ū/ kury "горноста́й" : kūry "грань"
3. /e:/ /ē/ etyqo "ждать" : ētyqo "кричать (об олене)"
4. /y:/ /ȳ/ syry "снег" : sȳry "корова"
5. /ä:/ /ā/ ää побудительная частица : āä (~ääqy) "черный"
6. /ö:/ /ō/ tōkam "мой клин" : tōkam "гусь" (Acc.Sg.)
7. /ū:/ /ū/ ūtyl' "водный" : ūtyl' "вечерний"
8. /ä:/ /ē/ äely "свояк" : äely "твой язык"
9. /c:/ /Ĺ/ tety "место между подбородком и горлом" : tēty "(его) гной"
10. /i:/ /ī/ äity "сырок (рыба)" : äīty "(его) пеня"
11. /ĭ:/ /Ī/ tĭrtyqo "сделать надставной борт" : tĭrtyqo "наполнить"
12. /a:/ /ā/ kotan "кремена" : kotān (~kotāqyn) "на кряке"

Противопоставление долгих и кратких гласных одного качества используется в морфологии: при слогоизменении и словообразовании может иметь место удлинение или сокращение гласных, например: *tōt* "выдра" — *Gen. Sg. tōtyn, āēqo* "войти" — *āēkīqo* "войти (уже, быстро)". С другой стороны, широко распространены дублетные формы, различающиеся долготой гласных одного качества, например: *qāsūn, qāsūn* "полос", *qōrtu, qōrtu* "кастрированный олень"; в речи отдельных информантов, особенно при аллегривом произношении, могут иметь место сокращения долгот. Тем не менее, различение долгих и кратких гласных является бесспорным фактом фонологии тазовского диалекта. Так же обстоит, по-видимому, дело и в других селькупских диалектах.

2.2. НЕФОНОМАТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ. АЛЛОФОНЫ ФОНЕМ

2.2.1. Некоторые правила дополнительного распределения аллофонов согласных фонем

Полузвонкие (точнее, слабые глухие) согласные *b, b', d, ʒ, ɖ, ɠ, ɠ', ɟ, ɟ', ɣ, ɣ', ɥ, ɥ', ɷ, ɷ'* встречаются в интервокальном положении, после сонантов и перед латеральными. В указанных позициях они находятся в отношении свободного варьирования с глухими согласными (соответственно с *p, p', t, t', k, k', ʔ, ʔ', q, q', q'*), а в положении после сонантов свободно варьируются также и с соответствующими звонкими. В ряде других позиций, где встречаются глухие согласные (например, в начале и в конце фонетического слова, в соседстве с шумным согласным), полувзвонкие отсутствуют. Следовательно, полувзвонкие согласные представляют собой свободно-комбинаторные варианты соответствующих глухих согласных.

Звонкие согласные *b, d, ʒ, ɖ, ɠ, ɠ', ɟ, ɟ', ɣ, ɣ', ɥ, ɥ', ɷ, ɷ'* встречается только в положении после сонантов, находясь в отношении свободного варьирования с соответствующими полувзвонкими и глухими. В других позициях указанные звонкие не встречаются. Таким образом, они также представляют собой свободно-комбинаторные варианты глухих.

Звонкие фригивативные *x, x', ʒ, ʒ'* отмечены лишь в интервокальном положении и являются свободно-комбинаторными вариантами глухих (*x, x', ʒ, ʒ'* соответственно).

Таким образом, противопоставление глухих, полувзвонких и звонких согласных имеется в селькупском языке лишь на фонети-

ческом уровне, а на уровне фонем отсутствует.

Не обладают фонологической самостоятельностью и имплозивные смычные p^c , t^c , k^c , q^c . Они встречаются только в конце слова или в положении перед другим смычным, и при этом находятся в отношении свободного варьирования со смычными полной артикуляции (p , t , k , q соответственно).

Многие палатализованные (сильно или слабо) согласные дополнительно распределены с соответствующими им непалатализованными согласными. Наличие и степень палатализации зависит от качества последующего гласного. Так, сильно палатализованные β , ξ , ζ , ζ , f встречаются перед напряженными передними гласными e , i и, несколько реже, перед $\ddot{a}$, $\ddot{o}$, $\ddot{u}$ (с различными степенями долготы). Слабо палатализованные p' , b' , k' , g' , m' , $ŋ'$ встречаются в тех же позициях (чаще перед $\ddot{a}$, $\ddot{o}$, $\ddot{u}$, реже перед e , i), а иногда и перед ненапряженными передними гласными e , i . Непалатализованные p , b , β , k , g , ζ , m , $ŋ$ обычно предшествуют гласным заднего и среднего ряда, а также ненапряженным передним гласным; они же употребляются в конце слова и перед согласным. При этом в тех случаях, когда перечисленные согласные с разной степенью палатализации встречаются в одной позиции (например, β и p' - перед $\ddot{a}$, m' и m - перед i), они не контрастируют между собой, а выступают как свободные варианты.

Несколько иной характер имеет распределение в парах $t - t'$, $s - s'$, $n - n'$, $v - v'$: слабо палатализованные согласные встречаются перед e , i , $\ddot{a}$, $\ddot{o}$, $\ddot{u}$ (с различными степенями долготы), непалатализованные согласные - в остальных случаях (в качестве свободных вариантов они употребляются и в позиции палатализации).

В отличие от перечисленных выше палатализованных согласных, согласные ζ , ξ , ζ , t' , β , $\ddot{a}$, $\ddot{a}$, $\ddot{a}$, ξ , ξ , ξ , $ŋ'$ употребительны в самых различных позициях, и их появление с качеством последующего гласного не связано.

2.2.2. Аллофоны согласных фонем

Фонема $/p/$ представлена аллофонами p (основной), b , β , p' , b' , p^c (в указанных выше позициях), f (в положении перед фрикативными), v (звонкий билабиальный фрикативный, в положении перед латеральными).

сипу $[\xi\beta m\ddot{u}, \xi\beta m\ddot{u}, \xi\beta m\ddot{u}]$ "длинный"
 қору $[\zeta\beta\ddot{u}, \zeta\beta\ddot{u}]$ "шкура"

- pin [pín, p'in] "ночь"
 pirqu [p'ɛrɔʏ, p'ɛrɔʏ] "живот"
 lymra [lɛmɐ'a, lɛmɐ'a, lɛmɐ'a, lɛmɐ'a] "солото"
 apty [ɛp'ɛtɥ, ɛp'ɛtɥ] "запах"
 uply [ɛwɛɥ, ɛwɛɥ] "твое пастбище"
 cɔrsu [ɛɔrsɥ, ɛɔrsɥ] "роженъ, вертел"

Фонема /t/ имеет аллофоны t (основной), d , d , t' , t^c (в указанных выше позициях), t^s (перед a), t^h (перед $ɛ$, $ə$).

- kuntakty [kuntɛktɥ, kuntɛktɥ, kuntɛktɥ] "вдаль"
 mɔta [mɔta, mɔta] "дверь"
 tũ [t'ũ, tũ] "огонь"
 ɛt [ɛt', ɛt] "вода"

- kɛtsan [kɛt'san, kɛtsan] "внук"
 ratɛa [rɛt'ɛa, rɛtɛa] "заросли"

Фонема /k/ представлена аллофонами k (основной), g , g , k' , g' , g' , k^c (в указанных выше позициях), x (перед фрикативными).

- ɔŋky [ɔŋgɥ, ɔŋgɥ, ɔŋkɥ] "сон (состояние)"
 ɛky [ɛgɥ, ɛkɥ] "передняя выступающая часть"
 kety [kɛdɥ, k'ɛdɥ, kɛtɥ, k'ɛtɥ] "кишка"
 kɛfɛy [k'ɛfɛɥ, kɛfɛɥ] "запор"
 ɛɛkɛty [ɛɛkɛdɥ, ɛɛk'ɛdɥ, ɛɛkɛdɥ, ɛɛk'ɛdɥ] "коршун"
 ɛɛkty [ɛɛk'ɛtɥ, ɛɛkɥ] "важенка"
 ɛɛkɛa [ɛɛkɛa, ɛɛkɛa] "затылком"

Фонема /q/ по сравнению с другими согласными фонемами характеризуется наибольшим "рассеянием" аллофонов. Помимо основного аллофона q и свободно-комбинаторных вариантов $ɔ$, $ɔ$, q , к ней относятся аллофоны $ɛ$ (увулярный носовой – перед носовым, а также после носового в том случае, когда следующий слог содержит сочетание носового со смычным), $ɛ$ (увулярный одноударный вибрانت – свободно варьируется с q , $ɔ$, $ɔ$, но встречается преимущественно в срединной позиции в словах, содержащих плавные согласные), $χ$ (увулярный фрикативный – перед фрикативными). Таким образом, фонема q имеет аллофоны четырех различных способов образования (смычные, фрикативные, носовые, вибранты); общим для всех этих аллофонов признаком является лишь принадлежность к увулярному ряду.

- ɛɛqɥ [ɛɛgɥ, ɛɛgɥ, ɛɛqɥ] "одежда"
 lɛqa [lɛgɛa, lɛqa] "лиса"
 ɛɛq [ɛɛq', ɛɛq] "мис"

soqmyt [sɔhmyt] "наш мыс"
 qəŋqyntɔ [qəŋhɥndɔ] "чтобы си ушел"
 qaqlɥ [qʌRʌɥ, qʌqʌɥ] "нарты"
 aqayl [ʌχsɥl, ʌqasɥl] "триб"

Кроме того, в идиолектах встречаются особые способы произношения увулярных смычных - с придыханием (q^h , $ɟ^h$, $ʒ^h$) и с лабиализацией (лабиовувулярные q^w , $ɟ^w$, $ʒ^w$). Можно отметить также, что некоторые носители языка (преимущественно те селькупы, родным языком которых является русский) склонны к фрикативному произношению увулярных (то есть к замене q на $χ$, $ɟ$ на $ʒ$ и $ʒ$ на $ʒ$).

qyt [qyt, *qʰyt, *qʷyt, *χyt] ¹⁾ "мох"
 alqy [ʌʌɟɥ, *ʌʌɟʰɥ, *ʌʌɟʷɥ, *ʌʌɟɥ] "утка-турпан"

Фонема /c/ имеет аллофоны $\dot{c}$ (основной), $\dot{c}^h$ и $\dot{c}^w$ (в указанных выше позициях). Кроме того, в некоторых идиолектах наблюдается употребление вместо $\dot{c}$, $\dot{c}^h$, $\dot{c}^w$ соответственно t' , $\dot{t}$ и $\dot{t}^w$ или свободное варьирование аффрикат и палатальных смычных.

ci [ci, *t'i] "ведро"
 tolcɥ [tɔlcɥ, tɔlcɥʰ, tɔlcɥʷ, *tɔlcɥʰ, *tɔlcɥʷ, tɔlcɥʰ] "лыжи"
 kesa [kɛsa, kɛsa, *kɛsa, *kɛt'a] "племянник"

Фонема /s/ представлена аллофонами s , s^h и s^w (об их распределении см. выше).

sɪty [s'ɪtɥ, s'ɪtɥ] "вес"
 lɔay [ʌʌsɥ, ʌʌsɥ] "черт"

Фонема /ɕ/ имеет аллофоны $\dot{ɕ}$ (основной) и $\dot{ɕ}^h$ (в указанной выше позиции). В индивидуальном произношении $\dot{ɕ}$ может заменяться (регулярно или в порядке свободного варьирования) на $\dot{ɕ}^h$ или на $\dot{ɕ}^w$, а $\dot{ɕ}^h$ - на $\dot{ɕ}^w$ или на $\dot{ɕ}$.

tɪpɔɔ [t'ɪpɔɔ, *t'ɪpɔɔʰ, *t'ɪpɔɔʷ] "приди"
 rɪsɔɔ [rɪsɔɔ, rɪsɔɔʰ, *rɪsɔɔʰ, *rɪsɔɔʷ, *rɪsɔɔʰ, *rɪsɔɔʷ] "русский"

Фонема /ɲ/ представлена аллофонами $\dot{ɲ}$ (основной), $\dot{ɲ}^h$ и $\dot{ɲ}^w$ (в позициях, описанных выше), а (перед латеральными).²⁾

1) Крестиком (+) здесь и далее помечаются относительно редкие идиолектные варианты.

2) Таким образом, согласный $\dot{ɲ}$, встречающийся только перед латеральными, способен репрезентировать две различные фонемы: /ɲ/ и /ɲʰ/. В первом случае он свободно варьируется с $\dot{ɲ}^h$, во втором - с $\dot{ɲ}^w$.

měty [mēdŭ, m'ēdŭ] "сделаѣ"

qatamīja [qadām'īja, qadāmīja] "что случилось?"

kemly [kēdāŭ, kēmāŭ] "твоя кровь"

Фонема /n/ имеет аллофоны n и n' (последний встречается довольно редко).

nīnyqa [nēny'qa, n'ēny'qa] "комар"

Фонема /h/ всегда представлена аллофоном h.

hēlcyha [hēlcy'ha] "пахнет потом"

Фонема /ɲ/ обычно имеет единственный аллофон ɲ; в некоторых диалектах в положении перед латеральным выступает также веларный звонкий фриктивный ɣ. В начале слова фонема /ɲ/ не встречается.

ɲɔɲyɲɔ [ɲɔɲy'ɲɔ] "росомаха"

əɔɲyɲiə [əɔɲy'ɲiə, *əɔɲy'ɲiə] "заостря"

Фонема /l/ представлена свободно-комбинаторными вариантами l и l', первый из которых встречается преимущественно перед непередевыми гласными, а второй — в остальных позициях. В части диалектов, однако, чуть палатализованный ("среднеевропейский") l является единственным аллофоном этой фонемы.

mɔdāl [mɔdāl, mɔdāl'] "спина"

lɔ [lɔ, *lɔ] "кость"

Фонема /u/ имеет единственный аллофон u.

kɔlɔl' [kɔlɔl'] "колесный"

Фонема /r/ имеет аллофоны r (основной), r' и f (в указанных выше позициях).

rɛmɔkɔ [r'ɛmɔkɔ, rɛmɔkɔ] "сумрачный"

rɔgā [rɔfā, rɔg'ā] "омут"

У последнего слова, а также у других слов с сочетанием /rā/ встречается фонетический вариант с заменой признака переднеязычности у гласного на признак палатализации у предшествующего согласного ([rɔfā]). Благодаря отсутствию палатального вибранта как самостоятельной фонемы фонетические сегменты [rā] и [fā] оказываются в фонологическом отношении идентичными (= /rā/).

Фонема /v/ представлена свободными вариантами v (более обычен) и v' (последний имеет свободно-комбинаторный вариант v').

vɛntɔ [vɛndŭ, *vɛndŭ] "лицо"

vāl' [vāl', *vāl', *v'āl'] "прутик"

Фонема /j/ представлена аллофонами j (перед гласными) и j'

(перед согласными и в конце слова)¹⁾

jaɣyk [jaɣɣyk] "другой"

qaɣ [qaɣɣ] "что?"

2.2.3. Аллофоны гласных фонем

Гласные фонемы /a/, /o/, /u/, /e/, /ä/, /ö/, /ü/, /ə/, /ɛ/, /i/, /ɨ/ имеют по одному аллофону каждая (соответственно а, о, у и т.д.), например:

asaltuɣra [aɣäɣäɣuɣra] "зажжен"

tüqo [t'üqo] "прийти"

Долгие гласные фонемы /ä/, /ü/, /ë/, /y/, /ä/, /ö/ реализуются как собственно долгие (ä, ü, ë и т.д.) или как полудолгие (ä, ä, ä и т.д.), то есть представлены двумя аллофонами каждая. Долгие и полудолгие гласные находятся в отношении свободного варьирования, причем последние встречаются чаще при аллегровом темпе речи. Примеры:

qäly [qäly, qäly] "рыба"

tüɣamɣ [t'üɣamɣ, t'üɣamɣ] "по мухе"

Системы аллофонов у восьми остальных гласных фонем обладают некоторыми специфическими особенностями.

Фонема /y/ представлена в первом слове аллофоном у, который не встречается в непервых слогах и тем самым является дополнительно распределенным по отношению к сверхкратким гласным $\check{y}$, $\check{ö}$, $\check{ü}$, $\check{ə}$, которые встречаются только в непервых слогах. Сами сверхкраткие гласные распределены следующим образом: $\check{y}$ и довольно редкий $\check{ö}$ появляются не после палатальных согласных, $\check{ü}$ и более редкий $\check{ə}$ - после палатальных согласных. По частоте среди сверхкратких гласных преобладает $\check{y}$. Учитывая, что у и $\check{y}$ распределены дополнительно и обладают акустико-артикуляционной близостью, мы рассматриваем у, $\check{y}$ ($\check{ö}$), $\check{ü}$ ($\check{ə}$) как комбинаторные аллофоны одной фонемы /y/. В этом отношении мы следуем Г.Н.Прокофьеву, который одинаково обозначал посредством буквы $\check{y}$ и обычный, и редуцированный (сверхкраткий) у-образные гласные (Прокофьев 1935, 20-21).

1) Неслоговой ä может представлять собой также вторую часть дифтонга, выступающего в качестве аллофона долгой гласной (см. 2.2.3).

аугу [əʏ̯, *əʏ̯] "снег"

косу́ху [kɔ̯sɔ̯ʏ̯, kɔ̯sɔ̯ʏ̯] "суставный"

Фонема /ɔ̯/ обладает той особенностью, что для нее в большей мере, нежели для других фонем, характерно идиолектное варьирование ее основного аллофона — в пределах от слабо лабиализованного заднего гласного нижнего подъема ə до лабиализованного заднего гласного среднего подъема o (чаще всего, однако, встречается ненапряженный ɔ).

ʏmɔ̯mʏt [ʏmɔ̯mʏt, ʏmɔ̯mʏt, *ʏmɔ̯mʏt, *ʏmɔ̯mʏt, *ʏmɔ̯mʏt, *ʏmɔ̯mʏt] "мы сидим"

Фонема /ɔ̯/ представлена рядом свободно варьирующихся (по идиолектам или в пределах одного идиолекта) долгих, полудолгих, дифтонгических и дифтонгоидных аллофонов: ɔ̯ , ɔ̯ , ɔ̯ , ɔ̯ , ɔ̯ , ɔ̯ , ɔ̯ . Наиболее часты, по-видимому, ɔ̯ и ɔ̯ . Аллофоны, включающие и-образный компонент, встречаются преимущественно в открытых слогах.

ɔ̯ptʏ [ɔ̯ptʏ, ɔ̯ptʏ, *ɔ̯ptʏ, *ɔ̯ptʏ] "волосы"

mɔ̯ [mɔ̯, mɔ̯, mɔ̯, mɔ̯, *mɔ̯] "сук"

Более закрытый характер основного аллофона этой фонемы по сравнению с аллофоном соответствующей краткой /o/ связан с наличием в системе фонемы /ɔ̯/ (при отсутствии /o/). Можно отметить, что открытое произношение /ɔ̯/ (то есть ɔ̯ , ɔ̯) свойственно в основном тем идиолектам, где /ɔ̯/ реализуется как ɔ̯ , ɔ̯ .

Фонемы /u̯/, /e̯/, /i̯/ имеют, наряду с долгими и полудолгими, также дифтонгические аллофоны — u̯ , e̯ , i̯ соответственно. Последние встречаются преимущественно в открытых слогах.

su̯ [su̯, su̯, su̯] "змея"

mɔ̯ar [mɔ̯ar, mɔ̯ar, mɔ̯ar] "я сделал"

pɪ̯ [pɪ̯, pɪ̯, *pɪ̯] "осиновый"

Фонемы /ē/ и /ī/ также представлены долгими, полудолгими и дифтонгическими аллофонами. Однако распределение аллофонов является дополнительным: дифтонги e̯ и i̯ (с кратким первым компонентом) встречаются только в непрерывных слогах.

tē [tē, tē] "вы"

nɪ̯taty [nɪ̯taty, nɪ̯taty] "поцелуй"

amɪ̯qo [amɪ̯qo, amɪ̯qo] "съесть"

ytɪ̯qo [ytɪ̯qo, ytɪ̯qo] "повеситься"

Имеется ряд фактов, косвенно свидетельствующих о правомерности отнесения дифтонгов e̯ и i̯ к фонемам /ē/ и /ī/ соответственно (а не трактовки их, например, как бифонемных сочетаний e̯ и i̯). Так, можно отметить, что глагольные основы на

εἰ- и iἰ- ведут себя морфологически как основы на гласный, а не как основы на согласный (ср. tu-мра "пришел", amai-мра "съел", utti-мра "повесился", но qet-ра "убил"). Характерно также, что глагол ḡpa [ḡpa] "есть, является", становясь вторым компонентом сложного фонетического слова, меняет свой долгий гласный на дифтонг: som(a) ḡpa [somḡpa]. "хорош".

2.3. УДАРЕНИЕ

В рамках этой книги нам представляется целесообразным уделить особое внимание акцентологической проблематике, которая лишь в минимальной степени затрагивалась в имеющихся описаниях самодийских языков.

Ударение в селькупском языке, которое может падать на любой из слогов слова и даже на несколько слогов одновременно, в ряде случаев выступает как смыслоразличительное средство (ср. oḡkaḡ-qo "растоптать" — ccaḡkaḡ-qo "топнуть"). Фонологический фактор играет ведущую роль в постановке ударения (чаще всего оно стоит на последнем долгом гласном или на гласном первого слога). Однако в ряде случаев наблюдается зависимость места ударения от морфемного состава слова (морфологическая обусловленность), а в формах 2 3s. императива глаголов выбор места ударения является свободным (обусловленность традицией).

В настоящей главе ударение рассматривается последовательно в отношении качества, позиции в слове и характера обусловленности.

2.3.1. Качественные особенности ударных гласных

С точки зрения фонетики, то есть в качественном отношении, селькупское ударение следует, по-видимому, определить как динамически-тоновое. Ударный гласный (единственный или один из нескольких в слове) отличается от безударных более отчетливым звучанием, что обусловлено более мощным потоком выдыхаемого при его произнесении воздуха. Одновременно наблюдается некоторое повышение на ударном гласном тонального контура слова.¹⁾

1) Фонологически значимых и не связанных с ударением тональных оппозиций в селькупском языке, по-видимому, нет.

Долготные различия между ударными и безударными гласными незначительны. В связи с этим возможны долгие гласные в безударном положении (kēráty "подгони"), а под ударением – краткие гласные и даже сверхкраткий гласный у (ktyktyf "безрукий").

2.3.2. Место ударения в слове

В позиционном отношении селькупское ударение характеризуется отсутствием фиксированного места относительно начала или конца слова. Оно может падать на гласный почти любого из слогов многосложного слова. Возможны многоударные (чаще всего двуударные) слова, а также слова, произносимые – в определенной синтаксической позиции – вообще без ударения¹⁾. В следующем списке показаны возможные акцентуационные модели для слов длиной от одного до четырех слогов (ударный слог обозначается ' , безударный – -):

'	ké	"зима"
' -	abry	"белый"
- '	kypé	"мажонький"
- -	týlě	"поближе сюда"
' - -	ámurna	"ест"
- ' -	masbnty	"в лес"
- - '	kanamí	"наша собака"
- - -	qóktyf	"глухой"
- ' -	wbrqylě	"побольше"
- - -	innánlě	"повыше"
' - - -	qbíscymraty	"нашел"
- ' - -	konáltymo	"рассказать"
- - ' -	ilyázmyt	"мы жили"
- - - '	pínakyaé	"великан!"
- - - -	íkbfscymra	"бывает"
' - ' -	ábáfywstgo	"рассердиться"
' - - '	qbmkytlě	"немного в сторону берега"
- ' - -	aqqéfktyf	"безвозмездной"
- - ' -	masbntylě	"немного в сторону леса"
-	pit	"ночи" (Gen.) В pit sbnty "полночь"

Акцентуационная модель (- - ' -), а также модели, включающие

1) Таким образом, для селькупского языка ударение не выполняет функции граничного сигнала слова (как в ряде других, в том числе уральских, языков).

три и более ударных слогов или состоящие из нескольких безударных слогов, не встречаются или являются крайне редкими (выступая в качестве вариантов более распространенных моделей).

Особо следует отметить явление двуударности. Имеющиеся данные не позволяют считать, что в двуударных словах одно из ударений является основным, а второе - дополнительным, поскольку динамические и тональные характеристики обоих ударных гласных весьма близки. По своей акцентуационной модели двуударное слово практически не отличается от произносимой без паузы последовательности из двух слов, каждое из которых имеет одно ударение: ср. *áá-áyaŋtqo* "рассердиться" и *ááááam ástqo* "бить сестру" - во втором случае, в отличие от первого, единство акцентуационной модели может быть разрушено паузой. В селькупском языке двуударными могут быть и слова с небольшим количеством слогов, вплоть до двух. В последнем случае (например, в слове *tŷlŷ* "поблизе сюда") гласные в слове акцентологически не противопоставлены. Трактовка их именно как ударных опирается, во-первых, на качественные признаки этих гласных - интенсивность, наличие повышения тона - и, во-вторых, на аналогию со словами большей длины в слогах.

Отметим, что во всех случаях два ударных гласных одного слова разделены морфемным швом: двуударные корни и аффиксы не встречаются. Особо типична двуударность при наличии суффикса, присоединенного чисто агглютинативным способом: *qôkŷtuŷ* "глухой" (*qô* "ухо" + *-kytuŷ* каритивный суффикс), *masôntyŷ(qŷ)* "немного в сторону леса" (*masônty* "в лес" + *-ŷqŷ* или *-ŷ* суффикс со значением ослабленной степени). Такие примеры наталкивают на мысль, что по крайней мере в части случаев двуударность происходит из сращения двух самостоятельно ударных в прошлом частей.

Редко встречающиеся случаи многоударности можно рассматривать как наложение двуударных компонентов: *ôrkŷlymkôŷumra* "несколько раз терять силу", ср. *ôrkŷlymqo* "обессилеть" и *ôrkôŷumra* "бывает".

2.3.3. Правила акцентуации

Как уже указывалось, место ударения в конкретной словоформе обычно имеет двойственную, фонетико-морфологическую обусловленность.

Для формулировки акцентуационных правил необходимо разграничить три рода аффиксов.

I. При наличии в слове аффиксов только первого рода (равно как и при отсутствии аффиксов вообще) правило, обуславливающее место ударения, имеет чисто фонетическую природу: ударение стоит на ближайшем к концу слова долгом гласном, а при отсутствии в первых слогах долгих гласных — на первом слоге (фонетическое правило акцентуации).

К числу аффиксов первого рода, в частности, относятся:

- аффиксы, состоящие из одного согласного (-n, -m, -t, -r-, -l и т.д.);
- односложные аффиксы, содержащие гласный у (-nuk, -qun, -tyl, -шру-, -кку- и т.д.);
- большинство аффиксов падежных, числовых, предикативных, посесивных — у имени, аффиксов времен и наклонений, лица и числа — у глагола, а также многие аффиксы отглагольных имен, причастий, деепричастий, инфинитива.

Примеры акцентуированных словоформ:

а) ¹obntu "середина", ¹aqqu "черный", ¹uquntу "россомаха", ¹aqqa¹ "вожжа", ¹kur¹ "маховый" (безаффиксальные словоформы).
Исключением из общего правила является сохранение места ударения в части сравнительно новых заимствований из русского языка: ¹ukkr "утар", ¹sarkba "совхоз"; ср. перемещение ударения на первый слог в таких заимствованиях, как ¹kkrman "карман", ¹pilla "пила";

б) ¹qbmyn "человека" (Gen.), ¹qbmyn "человека" (Acc.), ¹qbmynuk "человеку" (Dat.-All.), ¹qim¹q¹ "два человека", ¹qbmyn "люди", ¹qbmyn "мой друг", ¹qim¹ "нам (Du.) друг", ¹qim¹q¹ "ваши (Du.) два друга"; ¹uquqo "работать", ¹u¹sak "я работаю", ¹u¹bmyn "мы работаем", ¹u¹sukkak "я обычно работаю", ¹u¹suk¹q¹ "они (Du.) обычно работают", ¹u¹tyul "работающий", ¹u¹yl¹ "работая" (словоформы с одним или несколькими аффиксами первого рода).

II. Аффиксы второго рода обладают той особенностью, что содержащийся в них гласный, будучи кратким, оказывается в акцентуационном отношении тождественным долговому гласному в аффиксах первого рода: он несет на себе ударение в том случае, когда в последующих слогах отсутствуют долгие гласные или другие аффиксы второго рода. Иными словами, аффиксы второго рода содержат "условно-долгий" гласный. "Условность" такой долготы состоит в том,

что фонетически она реализуется как краткость, а в акцентуационном плане должна рассматриваться как настоящая долгота, относительно которой справедливо фонетическое (приведенное выше) правило акцентуации. Не исключено, что "условно-долгие" гласные — результат исторического сокращения долгот, не повлиявшего на акцентуационную модель.

Аффиксов второго рода сравнительно немного. К их числу относятся, в частности, глагольные суффиксы $-áltu-$ (переходные глаголы), $-ráltu-$, $-táltu-$, $-l'ráltu-$ и под. (каузативные глаголы), $-áí-$, $-oí-$, $-aí-$, $-ály-$, $-ícy-$, $-ápty-$, $-qáí-$, $-ály-$, $-áí-$, $-ínty-$, $-tínty-$, $-ícy-$, $-íícy-$ (суффиксы совершенностей). Примеры: $kopáíltuqo$ "рассказать" (ср. $kóbuşruqo$ "говорить"), $kopáíltántar$ "я расскажу", $kopáíltántşut$ "мы расскажем"; $şuşraíruqo$ "напевать"; $qútáílyqo$ "заболеть" и т.д.

Свойства аффикса второго рода приобретает также краткий гласный перед показателем III. $-nty$: $mogáínty$ "в море" (ср. $Nom. mǝǝ$), $şuşbnty$ "в снег" (ср. $Nom. şıǝ$).

III. Особое положение создают аффиксы третьего рода, делающие словоформу двуударной. При наличии такого аффикса словоформа делится на две части (границей которых является морфемный стык перед этим аффиксом), в каждой из которых порознь действует фонетическое правило акцентуации. Двуударность сохраняется, в частности, и в том случае, когда за аффиксом третьего рода следует аффикс первого рода с долгим гласным или аффикс второго рода: второе ударение приходится при этом не на гласный аффикса третьего рода, а на долгий или "условно-долгий" гласный. Ср. $áááályáítyqo$ "рассердиться" и $áááályáítyqáí$ "они (Du.) рассердились".

К числу аффиксов третьего рода, в частности, относятся:

- группа аффиксов социативного и каритивного значения ($-şu-$, $-şuşuí-$, $-kítya-$, $-kítyí-$, $-kílyu-$, $-kílyty-$, $-kíşlyk-$, $-kíşcytyí-$, $-kíşşlyk-$;
- наречные суффиксы $-l'şqu-$, $-r'şqu-$;
- глагольные суффиксы $-máí-$ (непереходные глаголы), $-şáíty-$ (сов. вид), $-(k)kúíşlyşru-$, $-(k)kúíşlyşru-$ и под. (итеративная совершенность)¹⁾

1) Полные сведения об акцентологических свойствах аффиксов планируется дать в словаре аффиксальных морфем, по техническим причинам не вошедшем в эту часть "Очерков".

Примеры акцентуированных словоформ: *bluʒʉʉu* "имевший голову"; *bluʒʉʉu* "безголовый"; *bluʒʉʉu* "обезглавить"; *qʉntʉr-kʒʉʉu* "невидящий"; *kʒʉʉu* "нехотя"; *kʒʉʉu* "перевернуть" (ср. *kʒʉʉu* "переворачиваться"), *kʒʉʉu* "и переверну".

Резюмируя сказанное выше в этом разделе, можно составить общую схему акцентуации селькупских словоформ. Она включает в себя три этапа:

- первый этап - разбивка словоформ на отдельно акцентуируемые части при наличии в них аффиксов третьего рода;
- второй этап - приписывание условных долгот гласным в аффиксах второго рода;
- третий этап - применение к результату двух первых этапов фонетического правила акцентуации.

С распределением аффиксов по трем родам непосредственно связана смысловоразличительная функция ударения в селькупском языке. Имеется ряд примеров, когда "омографы", содержащие одинаковые по фонемному составу, но относящиеся к разным родам аффиксы или группы аффиксов, различаются по месту ударения. Ср. *ʉrku-tʉu*(1) "облуждающий": *ʉr-kʒʉʉu*(3) "лишенный жира", *kʒʉʉu*(1) "любящий": *kʒ-kʒʉʉu*(3) "лишенный реки, бессточный (об озере)", *qʒr-al-ra*(1,1) "застонал": *qʒr-ʉl-ra*(2,1) "постановляет", *kʒka-n-tʉ*(1,1,1) "твоего ручья": *kʒka-ntʉ*(2 со сдвигом на предыдущий слог) "в ручей", *ʉʒʉ-al-qʉ*(1,1) "растоптать": *ʉʒʉ-ʉl-qʉ*(2,1) "топнуть" (цифры указывают на род аффиксов).

Среди образованных от одной основы глаголов часто паронимы, различающиеся по месту ударения (или по наличию двуударности). Ср. *ʉʒkuʉʉu* "покатить" - *ʉʒkuʉʉu* "округлить"; *koʉʉu* "закрутить" - *kʒʉʉu* "повернуть"; *ʉʒʉʉu* "запеть" - *ʉʒʉʉu* "напевать".

Несмотря на немногочисленность случаев, когда ударению принадлежит смысловоразличительная роль, акцентуационные модели важны - особенно в рамках глагольной системы - для дифференциации большого количества внешне сходных словоизменительных и словообразовательных морфем.

Ударение в императиве глаголов

Сформулированные в предшествующем разделе правила акцентуации, по-видимому, не распространяются (по крайней мере в части диалектов) на один узкий, но достаточно часто употребляющийся

в речи класс словоформ - формы 2 sg. императива с окончаниями -āā (суб.спр.) и -āty (об.спр.). Можно предполагать, что этот фрагмент селькупской языковой системы сохраняет следы каких-то архаичных просодических противопоставлений, поскольку ни фонетическими, ни морфологическими, ни семантическими причинами не удается объяснить различия места ударения в таких словах, как qbaāā "уйди", ūrtāā "приготовь жир", kēgāty "позови", но tūpāā "приди", ūrtāā "потеряй", kēgāty "подгони". Сложность, однако, состоит в отсутствии полной регулярности в воспроизведении акцентуации носителями языка; наряду с qbaāā от селькупов можно услышать (хотя и очень редко) *qbaāā, наряду с tūpāā - значительно более редкую форму *tūpāā. В части диалектов все или почти все глаголы имеют в формах императива рассматриваемого типа фиксированное (как правило, на аффиксальном ā) ударение. Возможно, такая ситуация свидетельствует о далеко зашедшем разрушении традиционной акцентуации императива.

В собранных нами списках проакцентуированных форм 2 sg. императива наблюдается заметное варьирование, во многих случаях препятствующее выявлению "доминирующего" ударения для каждой отдельной лексики, что связано с наличием данных по диалектам и с "традиционным", и с фиксированным ударением (не всегда разграниченных). В этой связи публикация соответствующих материалов представляется пока нецелесообразной.

2.4. НОСОВЫЕ И СМЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В КОНЦЕ СЛОВА

Многие основы и аффиксы встречаются в селькупском языке в двух идентичных по значению формах, из которых одна имеет в акулауте носовой согласный, а другая - смычный согласный того же места образования: qim и qip "человек", kum и kut "где", somaq и somak "хорошо". Некоторые из этих слов имеют и третью параллельную форму, в которой конечный согласный вообще отсутствует: ɕp, ɕm и ɕ "рот", kɕpaan, kɕpaat и kɕpa "трубка", ɕapup, ɕapuk и ɕap "отцу".

В работах Г.Н.Прокофьева не был дан подробный разбор данного явления; это послужило поводом для ошибочного заключения Н.С.Трубацкого о том, что в селькупском языке "противопоставление смычных и носовых в исходе слова фонологически несущест-

венно¹⁾ На самом деле, чередование носовых и смычных согласных в конце слова обусловлено рядом закономерностей, причем не только фонетических. В зависимости от наличия/отсутствия и условий этого чередования основы и аффиксы с конечными носовыми и смычными согласными распределяются по нескольким группам, рассматриваемым ниже по отдельности.

В чередованиях участвуют три пары гоморганных согласных фонем: /m/ и /p/, /n/ и /t/, /ɲ/ и /k/. Чередованиями не затрагиваются смычная /q/ (гоморганной носовой фонемы в системе нет), а также пара, состоящая из носовой /h/ и аффрикаты /c/.

Группа N₂

Чередование носового (n) со смычным (t) и с нулем (ø) в аудите наблюдается, например, в следующих словах и аффиксах: *šūguš ~ šūguš ~ šūgu* "зверь, птица"; *šam ~ šap ~ ša* "друг друга, взаимно" (проверб); *ruškan ~ ruškat ~ ruška* "ружье"; *kanap ~ kanak ~ kana* "собака"; *-nuč ~ -nuč ~ -nu* (Dat.-All.); *-kšilyč ~ -kšilyk ~ -kšily* (Car.).

В независимой позиции (перед паузой, в конце предложения, при изолированном произнесении в ответе на вопрос "Как будет по-селькупски...?") может встретиться, вообще говоря, любой из трех дублетных вариантов подобных слов; можно отметить некоторое статистическое преобладание варианта со смычным (для слов с -č ~ -k ~ -š оно является довольно заметным).

Внутри комплекса произносимых без паузы слов выбор одного из вариантов подчиняется фонетическим правилам распределения - впрочем, не вполне строгим. Перед начальным гласным следующего слова употребляется вариант с n, перед шумным согласным - вариант с t (изредка с ø), перед носовым согласным - варианты с n и с ø, перед неносовым сонантом - все три варианта (ø редко). Примеры: *šam oŋquŋuqo* "бороться"; *šap qštyguqo* "драться"; *šam pštyguqo* или *ša pštyguqo* "целоваться"; *šam šesquguqo* или *šap šesquguqo* "лечить друг друга"; *kanap šqa* "собака есть"; *kanak raktyura* "собака бежит"; *kanap šūta* или *kana šūta* "собака лает"; *kanap weŋqu šqa* или *kanak weŋqu šqa* "собака боится".

В тех случаях, когда в данном описании необходимо отметить

1) Н.С.Трубицкой. Основы фонологии. М., 1960, стр.199.

сравнения можно привести: *qum*, *qur* "человек" - Gen. Sg. *qumyn* (не **quryn*!), но: *там*, *төр* "он" - Gen. Sg. *təryn* (не **təryn*!); *ĭjan*, *ĭjat* "ребенка" (Gen. Sg.) - *ĭjany* (Gen. Sg. + Pl. Sg.), но: *ĭjan*, *ĭjat* "дети" (Nom. Pl.) - *ĭjatytkinj* (Dat.-All. Pl.).

На этом основании слова и аффиксы с чередованием *n* ~ *t* в ауслауте подразделяются на две группы и при необходимости в конце их нами ставится или носовой, или смычный согласный с подстрочным индексом ₂ (*N*₂, *T*₂): *qum*₂, *tər*₂, -*n*₂, -*a**n*₂, *miran*₂, -*n*₂ (Gen.), -*t*₂ (Pl.), *ās**n*₂.

В ряде случаев, однако, морфологическая проверка качества чередующегося согласного оказывается невозможной ввиду того, что отсутствуют такие формы, в которых чередующийся согласный попадает в "сильную" позицию. Так обстоит дело со многими наречиями и служебными словами, а также с рядом аффиксов. В подобных случаях конечный чередующийся согласный может снабжаться индексом _{2x}: *kut*_{2x}, *osuk*_{2x}, -*ak*_{2x}, -*āk*_{2x}.

Группы *n*, и *t*,

В ряде слов чередование носовых и смычных согласных в ауслауте не наблюдается ни в независимой позиции, ни внутри комплекса произносимых без паузы слов. При этом одни из них характеризуются наличием в конце слова носового согласного, в конце других находится смычный. Все известные нам слова этого типа односложны: *kəm* "кровь" (не **kər*), *qam* "полог, холст", *ĭen* "ножи", *tən* "ла", *ĭa**n* "шаманские способности", *ru**n* - мехдометие (звук вибрации отпущенной тетивы); *tör* "край" (не **töm*), *qər* - мехдометие (используется для подзывания оленей), *köt* "десять", *üt* "вода", *šuk* "затылок", *tuk* "хук".

В некоторых идиолектах наблюдается, впрочем, замена смычного согласного, в большинстве идиолектов нечередующегося, на носовой, но только в положении перед начальным носовым следующего слова: *üt miššalpaty*, **ün miššalpaty* "вода унесла".

При необходимости мы снабжаем конечный носовой или смычный согласный в словах этих двух групп подстрочным индексом ₁ (*N*₁, *T*₁): *kem*₁, *qam*₁, *ĭen*₁, *tən*₁, *ĭa**n*₁, *ru**n*₁, *tör*₁, *qər*₁, *köt*₁, *üt*₁, *šuk*₁, *tuk*₁.

2.5. ФОНОТАКТИКА И ФОНОСТАТИСТИКА

2.5.1.1. Позиционные возможности согласных фонем

Система консонантизма в тазовском диалекте селькупского языка характеризуется позиционной однородностью: наборы фонем, встречающихся в аялауте, инлауте и ауслауте, почти одинаковы¹⁾. Из 16 согласных фонем в начале слова не встречается только /q/; особенно часты в этой позиции /p/, /t/, /q/, /m/, /n/; лишь очень немногие слова начинаются с /w/, /r/, /z/. Все фонемы встречаются в интервокальном положении (/w/ — крайне редко). В конце слова не встречаются /w/ и /c/; очень редки в этом положении /q/, /h/. Более подробные числовые данные приведены в разделе 2.5.2.

Примеры согласных фонем в трех упомянутых позициях:

/p/:	pō	"дерево"	qору	"кожа"	tөр	"он"
/t/:	tū	"огонь"	mōtyr	"богатырь"	ūt	"вода"
/c/:	cī	"ведро"	ēīcy	"сердце"	-	-
/k/:	ky	"речка"	ūky	"кончик"	tuk	"хук"
/q/:	qa	"береза"	loqa	"лиса"	soq	"мыс"
/s/:	sō	"сера"	əsy	"отец"	toras	"нашка"
/š/:	šū	"змея"	tōšaz	"змея"	pašyš	"кося"
/m/:	mō	"ветка"	əmy	"мать"	qam	"полог"
/n/:	na	"этот"	malu	"репия"	šen	"ножны"
/q/:	-	-	paqu	"нож"	tōq	"тайга"
/h/:	hūty	"травя"	qōhy	"мороз"	šōh	"пул"
/l/:	lōsy	"черт"	qōly	"рыба"	moqal	"спина"
/y/:	laqqa	"товарищ"	koīa	"круг"	pil'	"ночной"
/r/:	raša	"сахрома"	pōry	"верх"	ūr	"жир"
/w/:	wəsy	"мясо"	tōwa	"пестрая птичка"	-	-
/j/:	jaɣyk	"другой"	saɣy	"глаз"	qaɣ	"что"

- 1) Это отличает данную систему от системы консонантизма карымского диалекта селькупского языка (где имеются звонкие смычные фонемы, встречающиеся только в середине и конце слова) или от энецкой системы (где аялаутный и инлаутный консонантизм существенно различен, а ауслаутный представлен единственной фонемой /ʔ/).

В начале и в конце слова стечения согласных отсутствуют. В середине слова встречаются сочетания двух и, изредка, трех согласных (но не более того). О характере консонантных сочетаний см. 2.5.2.

2.5.1.2. Позиционные возможности гласных фонем

Система вокализма селькупского языка фактически распадается на две подсистемы: вокализм непоследних слогов значительно беднее вокализма первого слога.

В первом слоге могут находиться все 25 гласных фонем. Большинство гласных при этом встречаются и в абсолютном начале слова, и в конце односложного (одно- или двухфонемного) слова. Примеры:

/u/:	ur	"пастбище"	cu	"глина, земля"
/ū/:	ūsa	"работает"	tū	"перо"
/o/:	ol̄u	"голова"	qo	"чу!" (междометие)
/ō/:	ōrtu	"волосы"	tō	"озеро"
/ɔ/:	ɔ̄n	"рот"	ʌ̄ɔ	"утка-крохаль"
/y/:	ȳta	"висит"	kū	"удача"
/y/:	ȳntu	"лук"	ku	"речка"
/ə/:	ə̄mu	"мать"	l̄ə	"кость"
/ō/:	ō̄tu	"слово"	k̄ō	"излишек"
/a/:	āpeu	"еда"	pa	"этот"
/ā/:	ā̄ta	"виднеется"	qā	"зачем"
/ū/:	ū̄ntu	"дуга"	pi	"камень"
/ū/:	ū̄ty	"вечер"	ʌ̄i	"змея"
/ō/:	ō̄qyrqo	"рычать"	tō	"береста"
/ō/:	-	-	so	"сосна"
/i/:	ima	"женщина"	pi	"ночь"
/ī/:	ī̄qo	"взять"	pī	"осина"
/i/:	ī̄llā	"вниз"	-	-
/i/:	-	-	t̄ī	"сажень"
/ə/:	-	-	ʌ̄ō	"мы"
/ɛ/:	ɛ̄nuqo	"бояться"	-	-
/ē/:	ē̄qo	"быть"	t̄ē	"гной"
/ā/:	ā̄mtā	"дале"	ʌ̄ā	частица при оптативе
/ā/:	(ā̄tā	"олень") I)	ʌ̄ā	"черный"

I) форма туруханского говора; в ср.-таз. и в.-таз. говорах ʌ̄tā.

В непрерывных слогах встречаются (если не учитывать сложные слова, экспрессивные формы и некоторые новейшие заимствования) лишь 15 гласных фонем:

/u/: qontykuhcɛɪluɪ "не поспавши"

/o/: soqoqo "долбить"

/ɔ/: wɛntɔmɪn "по лицу"

/ɛ/: qɛntɪtyt "несут"

/y/ (сверхкраткие аллофоны): mɛyɪtu "сдвигал"

/a/: kapaɪ "собака"

/ɛ/: kɪntɛqɪn "далеко"

/ɪ/: qɪmɪlu "мои друзья"

/i/: ɪjɛtytkɪnɪ "детям"

/ɪ/: qamɪɪ "платок"

/ɪ/ (аллофон ɪɪ): tɛnkɪmɪra "распух"

/ɛ/: ɪlɛntɛ "будет жить"

/ɛ/ (аллофон ɛɪ): amɛɪqo "съесть"

/a/: pɔnɛ "на улицу"

/a/: pɔɪnɛqɪn "в смуте"

Таким образом, 10 фонем относятся к подсистеме гласных, употребляемых только в первом слоге, а 15 – к подсистеме гласных, встречающихся и в непрерывных слогах. Можно отметить тенденции к расширению первой подсистемы за счет перехода в непрерывных слогах $\bar{ɪ}$ в $\bar{ɪ}_1$, $\bar{u}$ в $\bar{u}_1$, $\bar{a}$ в $\bar{a}_1$, $\bar{ɛ}$ в $\bar{ɛ}_1$: в речи многих носителей регулярно можно встретить формы qɪmɪɪlu, qontykuhcɛɪluɪ, pɔnɛ, pɔɪnɛqɪn. Следует, кроме того, заметить, что в сложных словах гласные первой подсистемы могут оказаться и в непрерывном слоге (например, mɛnkɛɪ "кольцо" из mɛnɪt kɛɪ, буквально "палец железный").

Стечения гласных для селькупского языка малохарактерны. В тех случаях, когда они все же имеют место (на морфемных стыках), то наряду с имеющимися стечениями гласных формами употребляются и дублетные формы, где звиние устранено или за счет стяжения, или за счет эпентезы: qɔɪɪqo ~ qɔnɪɪqo ~ qɔɪqo "сходить (за чем-либо)"; pɛɪɪqo ~ pɛnɪɪqo "спуститься"; kapaɪɪ ~ kapaɪɪɪ ~ kapaɪɪɪ "твои собаки"; tɔ ɪqo¹⁾ ~ tɔɪqo ~ tɔɪqo "отобрат"; pɪssɛ-ɪra ~ pɪssɛɪra "большая туна".

2.5.2. Некоторые фоностатистические данные

Приводимые в этом разделе фоностатистические данные основа-

1) Произносится в виде одного фонетического слова.

ны на анализе двух текстов общей длиной 1000 слов - отрывка из "Рассказа о состязании шаманов" (записан в 1973 г. в пос. Красноселькуп от Г.И.Сайготина) и отрывка из "Сказки об Окиле" ("ᑭᓄᓐ ᓇᓂᓐᓂᓐ", записана в 1973 г. в пос. Красноселькуп от А.И.Андреева).¹⁾

1. Общие данные

Общее количество слов	1000
Общее количество фонем	5498
Общее количество согласных	3131
Общее количество гласных (= общему количеству слогов)	2367
Средняя длина слова в фонемах	$\frac{5498}{1000} \approx 5,5$
Средняя длина слова в слогах	$\frac{2367}{1000} \approx 2,37$
Средняя длина слога в фонемах	$\frac{5498}{2367} \approx 2,32$
На 100 гласных приходится согласных	≈ 132

2. Распределение слов по длине

Длина слова в фонемах	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Количество слов данной длины	72)	81	103	178	216	135	86	78	39
Длина слова в фонемах	10	11	12	13	14	15	16	17	
Количество слов данной длины	34	21	7	10	2	1	1	1	

- 1) Вся предварительная статистическая обработка произведена студентом ОСИИЛ филологического факультета МГУ В.Власовым.
- 2) В этой графе отражены вошедшие несколько раз заимствованные слова и, а. Однофонемных собственно селькупских слов немного: ᑭᓄᓐ (ᑭᓄ, ᑭᓄ) "рот"; (ᑭᓄ-ᑭᓄ) ᑭᓄ "куропатка" и некоторые междометия. Слова, которые состояли бы из одного согласного, нет.

Длина слова в слогах	1	2	3	4	5	6	7
Количество слов дан- ной длины	165	479	218	107	25	5	1

3. Частоты отдельных фонем и классов фонем

Фонема (класс фонем)	Всего		В начале слова		В конце слова	
	Число	%	Число	%	Число	%
/p/	214	3,9	79	7,9	33	3,3
/t/	685	12,5	112	11,2	72	7,2
/c/	133	2,4	58	5,8	-	-
/x/	188	3,4	59	5,9	60	6,0
/q/	254	4,6	131	13,1	-	-
Смычные и аффри- каты (всего)	1474	26,8	439	43,9	165	16,5
/s/	89	1,6	37	3,7	7	0,7
/z/	99	1,8	31	3,1	6	0,6
Фрикативные (всего)	188	3,4	68	6,8	13	1,3
/m/	317	5,8	109	10,9	26	2,6
/n/	482	8,8	133	13,3	49	4,9
/h/	37	0,7	15	1,5	-	-
/ɣ/	75	1,4	-	-	5	0,5
Носовые (всего)	911	16,7	257	25,7	80	8,0
/r/	134	2,4	1	0,1	12	1,2
/l/	189	3,4	16	1,6	18	1,8
/ʎ/	143	2,6	1	0,1	73	7,3
Плавные (всего)	466	8,4	18	1,8	103	10,3
/w/	22	0,4	20	2,0	-	-
/j/	70	1,3	4	0,4	21	2,1
Глайды (всего)	92	1,7	24	2,4	21	2,1
Согласные (всего)	3131	57,0	806	80,6	382	38,2
/u/	73	1,3	9	0,9	-	-
/ū/	22	0,4	1	0,1	-	-
/o/	140	2,5	23	2,3	13	1,3
/ō/	39	0,7	-	-	5	0,5

/ɔ/	113	2,1	20	2,0	4	0,4
/ʊ/	857	15,6	6	0,6	289	28,9
в том числе сверхкрат-						
кие аллофоны						
аллофон у	806	14,7	-	-	288	28,8
/ʊ̣/	51	0,9	6	0,6	1	0,1
/ə/	40	0,7	3	0,3	5	0,5
/ə̣/	77	1,4	1	0,1	1	0,1
/a/	24	0,4	2	0,2	1	0,1
/ạ/	474	8,6	45	4,5	208	20,8
/ä/	2	0,04	-	-	1	0,1
/ü/	41	0,7	2	0,2	7	0,7
/u/	8	0,1	4	0,4	-	-
/o/	20	0,4	-	-	-	-
/ö/	-	-	-	-	-	-
/ɪ/	67	1,2	39	3,9	10	1,0
/i/	20	0,4	17	1,7	2	0,2
/ɛ/	50	0,9	4	0,4	7	0,7
/ɛ̣/	33	0,6	-	-	1	0,1
/e/	5	0,1	-	-	-	-
/ə̣/	42	0,8	-	-	-	-
/ɛ̣/	57	1,0	5	0,5	-	-
/ē/	23	0,4	11	1,1	3	0,3
/ạ̈/	134	2,4	2	0,2	61	6,1
/ạ̣̈/	6	0,1	-	-	-	-
Долгие гласные (всего)	372	6,7	58	5,8	24	2,4
Краткие гласные (без сверхкратких) (всего)	1189	21,6	136	13,6	306	30,6
Гласные (всего)	2367	43,0	194	19,4	618	61,8
Итого	5498	100,0	1000	100,0	1000	100,0

Из данных этой таблицы можно вывести ряд заключений, которые хорошо согласуются с наблюдаемой картиной звукового строя селькупского языка и могут представлять интерес с точки зрения сравнительных — как типологических, так и исторических — исследований.

У некоторых фонем наблюдается сильное тяготение к одному какому-либо месту в слове. Это дает основания для выделения одной группы фонем как встречающихся преимущественно в корнях

(/с/, /ш/, /ц/, /у/, /о/, /э/, /ё/ и некоторые другие), и другой группы фонем, которые особенно часто встречаются в аффиксах (/у/, /у/, /а/, /а/ и некоторые другие). Разумеется, такое подразделение не является исчерпывающим.

При наличии в системе селькупского языка большого количества гласных фонем распределение их в тексте весьма неравномерно, встречаемость некоторых фонем (особенно /а/, /а/, /ё/, /е/, /э/) очень низка.

Класс кратких гласных обладает значительным количественным перевесом над классом долгих — трехкратным, а с учетом сверхкратных гласных даже пятикратным. Соотношение порядка 3:1 имеет место и для частот в большинстве пар фонем, различающихся только долготой (/у/: /у/, /о/: /о/, /а/: /а/, /и/: /и/, /е/: /е/ и другие; примерно так же соотносятся частоты в паре /а/: /а/ — исторически э восходит к *а).

4. Частоты сочетаний согласных фонем

Первый компонент	Второй компонент														
	р	т	с	к	ч	а	ё	и	п	б	г	л			
р	4	2				4	—						10		
т	12	54			3				5				74		
с			5	13									18		
к		3	13		3							1	20		
ч					21				1				7	29	
а		3				1							4		
ё	2			2	2	21	—		2				29		
и	31	30						17	8				86		
п	3	113			4			1	29				150		
б			4							8			12		
г	2			8				1	1				12		
л	4	5		6	13				9		4	2	43		
и	4	18			1				2			12	37		
у	1	1	34		8		4						48		
	63	229	43	42	52	8	25	19	57	8	4	22	572		

Кроме того, трижды встретилось трехфонемное сочетание *pat* (в составе основы *apstu* — "кормить").

Данные этой таблицы раскрывают некоторые основные закономерности сочетаемости согласных фонем в селькупском языке.

а) Широко распространены геминированные сочетания. Вне использованного здесь материала встречаются и сочетания *ḡḡ* (ḡḡḡḡḡḡ "росомаха"), *ḡḡ* (ḡḡḡḡḡḡ "я-то"). Общее число встретившихся геминированных сочетаний составило 189 (около трети общего количества сочетаний).

б) Выше половины всех сочетаний (290 из 572) составляют сочетания сонанта (носового или плавного) со смычным согласным или аффрикатой. При этом характерно, что для каждого носового или латерального особенно высокой частотой обладают сочетания со смычным того же места образования (*ḡḡ, nt, ḡc, ḡk, lt, lc*).

в) Остальные сочетания встречаются эпизодически, в основном на морфемных стыках. Сочетаемость согласных в селькупском языке характеризуется рядом ограничений. В частности, фонема */w/* в сочетании никогда не входит. Фонемы */q/*, */ɣ/* и */r/* могут быть вторым компонентом лишь в геминированных сочетаниях. Употребительность */c/* в качестве первого, а */h/* в качестве второго компонента сочетаний очень ограничена (возможны *cc, ck, cq, ḡh, ḡh, ḡh*). Недопустимыми являются некоторые сочетания артикуляционно близких согласных (*kq, qk, ḡḡ, ḡḡ, lt, lt, ḡh, ḡh, tc, ct¹⁾, ḡl, al*). С другой стороны, встречаются (хотя и не представлены в статистически обработанном материале ввиду сравнительной редкости) такие сочетания, как *pc, pk, pq, pḡ, pl, tk, ts, tḡ, cq, kc, kḡ, ck, eq, ḡḡ, ḡḡ, al, ḡt, ḡḡ, ḡl, ḡk, ḡq, ḡh, ḡl, pc, ps, ḡt, ḡq, ḡl, ḡt, ḡḡ, ḡḡ, ḡh, lc, lk, ls, lḡ, lm, lk, lḡ, ḡḡ* и, возможно, некоторые другие.

С допустимостью *ḡḡḡḡ* недопустимостью консонантных сочетаний тесно связаны морфологические явления на консонантных морфемных стыках, отраженные (применительно к именным парадигмам) в таблице к разделу 3.1.1.2.

2.6. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Для селькупского языка характерно наличие специфических средств фонетического оформления экспрессивной лексики (мехдومه-

1) Исключением является заимствованное слово *poḡta* "почта", обычно, впрочем, звучащее *poḡta*.

тий, форм вокатива, слов с усиленной эмоциональной нагрузкой), образующей одну из периферических областей языка. Основными из этих средств являются использование особых сегментных фонетических элементов, фонотактически нестандартное построение слов, приемы звукового символизма; они сочетаются с суперсегментными средствами (особыми интонационными моделями).

Наряду с обычными фонетическими элементами, в экспрессивной лексике встречаются некоторые особые, характерные только для нее звуки, не рассматривавшиеся нами при описании системы фонем и их аллофонов. Такими звуками, например, являются:

' - гортанный смычный; встречается в конце некоторых междометий: aa' "да", oō' "да ну! послушай-ка!";

p^h - силлабильный глухой придыхательный смычный, отмечен в междометии aa p^ha (варианты: ну p^ha, aa p^ho, ну p^ho) "вот оно что!";

ɣ и x - лабиодентальный и велярный глухие фрикативные согласные (они идентичны комбинаторным аллофонам фонем /p/ и /k/ соответственно, которые, однако, встречаются лишь в положении перед a и ā); употребляются в междометиях pɔɣa! "уфф, жарко!", uxka! "ха-ха!".

В ряде экспрессивных форм употребляются сверхдлинные гласные (обозначаются знаком двойной долготы "̄"). Если длительность долгого гласного обычно, по аудиторскому впечатлению, превышает длительность краткого гласного в 1,5-2 раза, то здесь соотношение длительностей достигает 3:1 и более: ājō! "оѐ, больно!"; куруiō "малюсенький!"; īnqō! "эй, друг!"

Междометия - подражания крикам птиц и зверей порой бывают настолько приближены к природному "оригиналу", что вообще не поддаются воспроизведению средствами фонетического алфавита.

Другим средством фонетического оформления экспрессивной лексики является использование нестандартных фонотактических моделей, невозможных в обычной лексике. Это сочетания согласных в начале слова (paō! "а ну-ка, отгадай!" - междометие, употребляемое в целях побуждения к отгадыванию загадки; ka! "ну-ка!") или в конце слова (pɔt, pɔt! "ату, фас!" - междометие для настраивания собаки, kiā! - междометие для поощрения оленя), малохарактерные для обычной лексики сочетания гласных (aa', paō!).

Особенностью формы вокатива является использование в качестве падежного показателя ā - фонемы, обычно представленной

только в первом слоге: *homō!* "заяц!", *kesō!* "племянник!", *tētūrō!* "шаман!" (показатель вокатива имеет ряд других вариантов, также характеризующихся фонетическими аномалиями — сверхдолгий *-ō*, лабиализованный гласный среднего ряда среднего подъема *-ō* или *-ō̃* и т.д.).

К числу приемов фонетического символизма можно отнести изменение звукового состава слов при их экспрессивном употреблении по сравнению с их звуковым составом при неэкспрессивном употреблении: *kurō*, *kurūlō* "малысенский" (ср. *кура*, *kurūlā* "маленький"), *kūyultyo* "растянуть сильно или с напряжением" (*купул-tyo* "растянуть").

2.7. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРХНЕТАЗОВСКОГО ГОВОРА

Как указывалось во "Введении", верхнетазовский говор обнаруживает ряд отличий от среднетазовского, в том числе и в фонетическом отношении. В нашу задачу не входит подробное описание фонологии верхнетазовского говора: это было бы в значительной степени повторением сказанного в предшествующих главах. Здесь будут отмечены лишь наиболее существенные расхождения между говорами.

1. Ср.-таз. *u* : в.-таз. *u* (во всех позициях):

ср.-таз.	в.-таз.	
<i>wenty</i>	<i>wenty</i>	"лицо"
<i>wergy</i>	<i>wergy</i>	"большой"
<i>wōcyro</i>	<i>wōcyro</i>	"гагара"
<i>tīwa</i>	<i>tīma</i>	"пестрая птичка"
<i>cōwuyyo</i>	<i>cōwuyyo</i>	"идти наперерез"

2. Ср.-таз. *i* : в.-таз. *i* (перед *ō*, перед напряженными передними гласными и перед начальным *i* аффикса):

ср.-таз.	в.-таз.	
<i>tolcy</i>	<i>tolcy</i>	"лыжи"
<i>kelcyyo</i>	<i>kelcyyo</i>	"почуять, догадаться"
<i>lecuyyo</i>	<i>lecuyyo</i>	"лечить"
<i>iistan</i>	<i>iistan</i>	"оселок"
<i>cūryllā</i>	<i>cūryllā</i>	"охотятся"

3. Ср.-таз. *i* : в.-таз. *i* (во всех позициях, кроме указанных в предыдущем пункте):

ср.-таз.	в.-таз.	
<i>pol'</i>	<i>pōj</i>	"деревянный"
<i>qal'lyk</i>	<i>qal'lyk</i>	"чайка"

lʲəqumra	ʲəqumra	"ноет"
kolʲa	koja	"крут"
laqqylʲa	jaqqylʲa	"петелька"
4. Ср.-таз. *h*: В.-таз. *j* (в конце основы):
ср.-таз.	В.-таз.	
qaryʰ	qaryj	"заплата"
qɔlyʰ	qɔlyj	"подмышка"
soʰ	soj	"пуп"
soʰyn	sojyn	"пупа"
hary	hary	"красный"
ʲby	ʲby	"смирный"
kerʰa	kerja	"лоскуток"
5. Ср.-таз. *š*: В.-таз. (Только) *š*, (Ратта — по идиолектам) *ʃ* (глухой апикальный ретрофлексный фриктивный согласный):
ср.-таз.	В.-таз.
(Только)	В.-таз.
(Ратта)		
šira	šira	šira ~ ʃira	~	"утка"
koʃar	koʃar	koʃar ~ koʃar	~	"мамонт"
qoʃtylʲ	qoʃtyj	qoʃtyj ~ qoʃtyj	~	"плохой"
amygʰaš	amygʰaš	amygʰaš ~ amygʰaš	~	"кушай"
6. Ср.-таз. *qʰ*: В.-таз. *qʰa* (только в некоторых идиолектах, у лиц старшего поколения):
ср.-таз.	В.-таз.	
qʰa	qʰa ~ qʰa	"береза"
qʰasyn	qʰasyn ~ qʰasyn	"полос"
7. В некоторых верхнетазовских идиолектах *ɟ* свободно варьируется с *ʒ* (слабый звонкий велярный смычный, приближающийся к звонкому фриктивному *ɣ*) или даже вообще выпадает:
ср.-таз.	В.-таз.	
taɟy	taɟy ~ taɟy ~ tay	"лето"
ʲja	ʲja ~ ʲja ~ ʲa	"ребенок"
koɟaɟa	koɟaɟa ~ koɟaɟa	"ездит"
kaɟaɟ	kaɟaɟ ~ kaɟaɟ	"собака"
8. В верхнетазовском говоре конечный гласный односложного слова всегда долгий. В парадигме таких слов, однако, наблюдается сохранение краткости:
ср.-таз.	В.-таз.	
tü	tü, Gen. tün	"огонь"

	pi	pī, Gen. pin	"ночь"
Ср.:	tū	tū, Gen. tūn	"олой"
	pī	pī, Gen. pīn	"осина"

9. Ср.-таз. а: в.-таз. ā (перед аффиксальным j):

ср.-таз.	в.-таз.	
boṃal'	boṃaj	"заячий"
kotal'a	kotaĵa	"мешочек"

10. Ср.-таз. ē (фонетически [ɛ̃]): в.-таз. (Толька) a₁
(в первых слогах):

ср.-таз.	в.-таз. (Толька)	
pinpāqo	pinpaĵa	"положить"
qilpāqo	qilpaĵa	"пошекотать"

II. В верхнетазовском говоре конечные смычные p, t, k во всех случаях могут чередоваться с гоморганными носовыми, то есть ср.-таз. -T₁: в.-таз. -T₂:

ср.-таз.	в.-таз.	
tōp ₁	tōp ~ tōm (tōp ₂)	"край"
ūt ₁	ūt ~ ūn (ūt ₂)	"вода"
tuk ₁	tuk ~ tuĵ (tuk ₂)	"зук"

12. В верхнетазовском говоре противопоставление ненапряженных и напряженных гласных переднего ряда имеет место в части таких позиций, где в среднетазовском говоре оно нейтрализовано (примеры см. 2.1.6).

3.0.1. В описании морфологического строя селькупского языка последовательно рассматриваются следующие части речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие, числительное, местоимение, частица, предлог, послелог, союз, междометие. При этом, однако, возникают значительные сложности в связи с трактовкой некоторых типов словоформ, которые по характеру основных присущих им грамматических категорий и по способу синтаксического функционирования смыкаются с одной частью речи, но регулярными словоизменительными отношениями связаны с другой частью речи и обладают по крайней мере некоторыми специфическими для последней категориальными и синтаксическими признаками.

В качестве примера такого "пограничного" разряда можно привести слова, обычно трактуемые в описаниях селькупского языка как отыменные прилагательные (*qālyŋ* "рыбный", *ruŋ* "каменный", *saŋyŋ* "глазной" и под.). С прилагательными их сближает отсутствие синтаксически детерминируемых падежных форм, форм чисел, функционирование в качестве препозитивного определения к существительному. С другой стороны, эти слова регулярно образуются от любого существительного путем прибавления ко второй основе аффикса *-ŋ*; ср. *sāly* "день; солнце" - *sālyŋ* "дневной; солнечный", *pityrsa* "селезенка" - *pityrsaŋ* "селезеночный", *sumptā* "песня" - *sumptāŋ* "песенный" и т.д. "Злевым" образованиям свойственна категория посессивности, присущая существительным, но не обычным прилагательным (*saŋaŋyŋ* "относящийся к моему глазу", *saŋantŋyŋ* "относящийся к твоему глазу" и т.д.). Они, подобно существительным способны определяться прилагательными, тогда как обычные прилагательные могут определяться только наречиями (*saŋy qālyŋ keŋy* "суп из белой рыбы"). Можно, наконец, отметить, что при некоторых глаголах в качестве дополнения используется производная от существительного злевая форма (*imaŋ pēŋyqo* "искать жену", *raŋyŋ ŋsuqo* "работать ноком"); обычные прилагательные в подобных конструкциях использоваться не могут. Все это наглядно свидетельствует о двойственной

по отношению к категории части речи природе элевых образований.

Аналогичная двойственность присуща и многим другим типам словоформ (предикативным формам существительных, отыменным наречиям, субстантивированным прилагательным, причастиям, инфинитивам, именам действия, деепричастиям и т.п.).

Существует как минимум три возможных способа трактовки подобных форм двойственной природы: 1) включение их в ту часть речи, которой они наиболее близки по синтаксическим признакам (то есть рассмотрение элевых образований и причастий как прилагательных, имен действия – как существительных и т.д. – подобному принципу следовал, хотя и не во всех случаях, Г.Н.Прокофьев в "Селькупской грамматике"); 2) включение их в ту часть речи, с которой они связаны парадигматическими отношениями; 3) выделение их в качестве особых частей речи.

Признавая определенные преимущества первого (удобного для синтаксических описаний) и третьего (наиболее детализирующего) способов, мы, однако, прибегаем к помощи второго способа трактовки. Только он обеспечивает при описании языков, подобных селькупскому, цельное рассмотрение парадигм и позволяет опираться на морфологические критерии в анализе морфологии. Немаловажно и то, что при выборе этого способа существенно сокращается количество словарных основ, фигурирующих в лексикографическом описании.

Используя этот способ трактовки пограничных форм, целесообразно выделять особую грамматическую категорию – категорию *р е п р е з е н т а ц и и*¹⁾, считая ее присущей некоторым частям речи и принимающей до четырех категориальных значений – субстантив-

1) Термин "категория репрезентации" был предложен А.И.Смирницким для тех случаев, когда "в какой-либо... части речи отношения между грамматическими формами напоминают отношения между словами различных частей речи", и в особенности – для обозначения "категории, выделяемой на основе противопоставления личных и именных форм глагола" (А.И.Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 248, 246). Б.Л.Уорф для обозначения сходного понятия пользуется термином "модуль" – глагольный, именной и т.д. (см. Уорф Б.Л. Грамматические категории. "Принципы типологического анализа языков различного строя". М., 1972, стр. 55).

ное, адъективное, вербальное и адverbialное. Регулярное изменение по категории репрезентации не только глаголов, но и имен составляет одну из наиболее своеобразных черт селькупского языка.

3.0.2. В описании языков, имеющих сильную склонность к агглютинации (к числу таковых относится селькупский) обычно возникают трудноразрешимые проблемы, связанные с трактовкой отдельных элементов, обладающие значениями грамматического характера. Они могут рассматриваться как аффиксы или как самостоятельные слова, а образования, содержащие эти элементы - как парадигматические формы или как словосочетания. В нашей работе проблемы такого рода возникли, в первую очередь, в связи с отграничением падежных показателей от послелогов. В практических полевых исследованиях оказалось весьма удобным применение формального критерия отграничения, предложенного Б.А.Успенским¹⁾ и основанного на представлении о том, что самостоятельное (служебное) слово, в отличие от аффикса, способно относиться к целой группе однородных слов. Хотя, как известно, этот критерий иногда дает спорные с точки зрения принятой грамматической традиции результаты (например, заставляет считать самостоятельным словом турецкий показатель множественности *lar*, а предлоги древнерусского языка - аффиксами²⁾), его несомненное достоинство состоит в том, что в каждом конкретном случае отграничение основывается исключительно на собственно языковых данных (в нашем случае - на мнениях информантов-селькупов о допустимости или недопустимости определенных синтаксических конструкций).

3.1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

3.1.0. Принадлежность определенной основы к классу существительных устанавливается по морфологическому признаку, а именно, на основании возможности образования от нее совокупности рассматриваемых ниже парадигматических форм. Синтаксические признаки существительного (например, возможность употребления его в функции подлежащего без аффиксального оформления) не являются специфическими, а семантический признак (предметность выражаемого значения) не является универсальным.

1) Б.А.Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 98-99.

2) Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, стр. 223-224.

Принадлежность определенной словоформы к классу существительных устанавливается на основании вхождения ее в парадигму форм, образованных от соответствующей основы существительного.

С помощью аффиксов (в частности, нулевых) передаются значения следующих присущих имени существительному модулирующих грамматических категорий¹⁾:

1) категории числа с четырьмя категориальными значениями - единственное число, двойственное число, множественное число и собирательная форма;

2) категории падежа с 13 категориальными значениями - номинатив, генитив, аккузатив, инструменталь, каритив, транслатив, координатив, датив-аллатив, иллатив, локатив, элатив, пролатив и вокатив;

3) категории посессивности (личной притяжательности) с двумя основными категориальными значениями - нулевым (непосессивным) и посессивным; посессивные формы обладают субкатегориями лица обладателя (первое, второе, третье) и числа обладателя (единственное, двойственное, множественное);

4) категории репрезентации с четырьмя категориальными значениями: субстантивная форма, адъективная форма, вербальная (предикативная) форма и адвербиальная форма; вербальные формы обладают субкатегориями лица субъекта (первое, второе, третье) и числа субъекта (единственное, двойственное, множественное).

Из селективных грамматических категорий наиболее существенной представляется категория одушевленности, проявляющаяся в том, что от одушевленных существительных не образуются некоторые падежные формы (Loc., 11., Procl.). Более детальный анализ позволяет выделить и другие селективные категории существительных: например, группа названий лиц по их родственным или социальным связям (азу "отец", tɪmba "брат", kɪŋu "хозяин" и др.) характеризуется возможностью образования особых соединительно-взаимных форм множественности (см. 3.8).

Сочетаемость грамматических категорий существительного не является вполне свободной (например, в вокативе отсутствует противопоставление по посессивности, в адъективных формах существитель-

1) О разграничении модулирующих и селективных грамматических категорий см.: Б.Л. Уорф. Грамматические категории. "Принципы типологического анализа языков различного строя" М., 1972, стр. 51.

ных — оппозиция чисел, в вербальных — противопоставления по числу и посессивности, в адвербиальных — противопоставления по числу, падежу и посессивности). Кроме того, на уровне поверхностной морфемной структуры наблюдается нейтрализация некоторых противопоставлений (например, у посессивных форм совпадает III., Loc. и Pl.).

Форма Nom.Sg., которую целесообразно считать словарной основной существительного, может состоять из двух, трех, реже из большего числа слогов (pūpakusa "богатырь", tūpūwūmafa "умничей"). Имеется ряд ограничений на характер ауслатного гласного: в конце более чем односложных форм Nom.Sg. могут встречаться только краткие гласные а, о, у, ä, i (мука "игла", ütugmo "волик", vetty "дорога, след", rakā "чирок", qamri "платок"). Исключение составляют некоторые сложные слова и заимствования (aūtū "молния", буквально "бога огонь"). Впрочем, и в этих разрядах лексики имеется тенденция к упрощению набора ауслатных гласных путем фонетических замен: гласный слова pō "дерево" в составе сложных слов теряет долготу (hešaro "шиповник", pošuro "полено"); заимствованное из русского языка слово "море" имеет в конце ä, а не е (mogä). В конце форм Nom.Sg. может находиться также любой согласный, кроме с и w: ur "пастбище", üt "вода", ēruk "крышка", eoq "мыс", tas "зад", rūzū "пеленки", nīm "имя", ketaan "внук", äöb "пуп", äaq "шаманская сила", qollol "кисет", aqqaī "вожжа", tūg "икра(рыбы)", katuī "заболенная старлица".

При словоизменении на основу имени могут последовательно наслизаться до пяти аффиксов: hebbāqintysä "(с) твоими двумя сестрами", где hebbā- — основа, -qi- — показатель Du., -n- — показатель Gen., -t- — показатель 2 лица обладателя, -y- — показатель числа (Sg.) обладателя, -ä- — показатель Instr. Преимущественным способом построения именных словоформ, как видно из этого примера, является агглютинация. В то же время имеет место ряд явлений неагглютинативного характера (свойственных и другим самодийским языкам): фонетические преобразования на морфемных стыках (tuqqi "два кука" из tuk-qi; äyūfay "в связу" из äyūh-ty), внутри основы (tap "жила", tūpūm "жилу") и внутри окончания (utōmyn "по руке", utōmāntu "по твоей руке"). Иногда наблюдаются нестандартность окончаний (ira-nuk "мужчине", но irat-kinī "мужчинам"), выражение в одном неразложимом окончании нескольких категориальных значений (qumaqāk "моему другу", где -qāk — Pl.Sg. Dat., -All.Sg.).

Основным является такой порядок морфем в именной словоформе, при котором числовой показатель предшествует падежному, а падежный — показатель посессивности (внутри которого, в свою очередь, показатель лица обладателя стоит перед показателем числа обладателя). Поверхностная структура некоторых словоформ включает два падежных показателя: окончание Gen. и окончание одного из образуемых через посредство Gen. падежей. При этом окончание Gen. занимает обычное для падежного показателя место, а второе падежное окончание стоит в самом конце словоформы. Показатели адъективной и адвербальной форм замыкают словоформу; показатель вербальной формы следует за основой и предшествует окончанием, выражающим лицо и число субъекта.

3.1.1. МОРФОЛОГИЯ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ¹⁾

3.1.1.1. Основы имени

Селькупскому языку, как и ряду других языков уральской семьи, свойственна дуосновность имени. Особенно ярко проявляется она у слов, оканчивающихся в Nom.Sg. на согласный. При образовании одних словоформ (Du., Instr., Car., Ill., Loc., El., Prol., Voc., посессивные формы, часть адъективных и вербальных форм) используется первая основа, формально идентичная Nom.Sg. Образование других словоформ (Pl., Coll., Gen., Acc., Transl., Coord., Det.-All., часть адъективных и вербальных форм, адвербальная форма) идет от второй основы, обязательным признаком которой является вокалический ауслаут. Вторая основа равна форме Gen.Sg. за вычетом падежного окончания -n.

Между первой и второй основами наблюдаются закономерные различия.

1. Если первая основа оканчивается носовым согласным, чередующимся с гоморганным смичным и с нулем (n_3)²⁾, то вторая

1) В этом разделе рассмотрены наиболее общие закономерности морфологически обусловленных фонетических изменений в парадигме существительных. Частные морфонологические правила для синтеза отдельных словоформ указываются в 3.1.2-7.

2) О типах чередований и значении подстрочных индексов см. 2.4.

основа характеризуется отсутствием этого согласного:

Nom.	kuja ₃	ogu ₃	kōpaan ₃	qōn ₃	ka ₃ pa ₃	ʒa ₃
Gen.	kuja-n	ogu-n	kōpaan-n	qōn-n	ka ₃ pa-n	ʒ-n

"биток" "сила" "труба" "гром" "собака" "рот"

для ятод"

2. Если первая основа оканчивается любым согласным, кроме **н**, то вторая основа характеризуется добавлением гласного **у**:

Nom.	pur ₁	qūt ₁	ʒuk ₁	tōq	kura ₃	taqqaʒ
Gen.	puru-n	qūtu-n	ʒuku-n	tōqu-n	kura ₃ u-n	taqqaʒu-n

"удочка" "ель" "затылок" "товар" "образ" "подстилка"

Nom.	qam ₁	qim ₂	ketaan ₂	qōlyu _h	tōq ₁
Gen.	qamu-n	qimu-n	ketaanu-n	qōlyu _h u-n	tōqu-n

"полог, человек" "внук" "подмышка" "тайга"

холот"

Nom.	ʒa ₂	aqa ₁	ōī	toru ₃	ōj
Gen.	ʒa ₂ u-n	aqa ₁ u-n	ōīu-n	toru ₃ u-n	ōju-n

"мездра" "губо" "горло" "ягода" "чай"

3. У некоторых односложных слов на согласный образование второй основы сопровождается удлинением корневого гласного:

Nom.	so ₁	gū ₁	ku ₃	ʒa ₃	tōt ₁	tī ₃
Gen.	sō ₁ u-n	gū ₁ u-n	kū ₃ u-n	ʒa ₃ u-n	tō ₁ u-n	tī ₃ u-n

"сало" "рус-" "рана" "соль" "яйцо" "выдра" "борт"

ский"

Это явление на синхронном уровне ничем не обусловлено (ср. выше примеры без удлинения).

4. В нескольких словах наблюдается чередование гласных среднего подъема **е, э** в первой основе с гласными верхнего подъема **ī, ū, ī** во второй основе:

Nom.	ʒen ₁	ken ₁	ren ₁	aer	sen ₁
Gen.	ʒīnu-n	kūnu-n	rūnu-n	ē ₁ u-n	sī ₁ u-n

"нокны" "кровь" "прыг" "болото" "черемуха"

Подробное соотношение основ также не является регулярным (ср. **тер** "он" - Gen. **тэру**-н, **кэй** "половина" - Gen. **кэу**-н).

5. Нам известны два слова с уникальными соотношениями основ: **nom₂** "бог, небо" - Gen. **пū**-н; **qen₃** "вождь, начальник, руководитель" - Gen. **qō**-н.

6. У слов, оканчивающихся в **Nom.Sg.** на гласный, первая и вторая основы не отличаются друг от друга:

Nom.	ky	le	au	uty	soryntā
Gen.	ky-n	le-n	au-n	uty-n	soryntā-n
	"речка"	"кость"	"змея"	"рука"	"дождь"

Однако для упрощения описания целесообразно условно рассматривать такие слова так же как двусловные (с омонимией основ).

Вторая основа существительных с нонсонантным ауслаутом, в отличие от первой, не может использоваться самостоятельно (без тех или иных окончаний). Впрочем, она входит в качестве первого компонента в некоторые сложные слова: *mōtury* "дымовое отверстие чума, крыша дома" (*mōt* "чум, дом", *rūgy* "верх"), *ūtury* "поверхность воды" (*ūt* "вода"); *nūban* "небосвод" (nom "бог, небо", *ban* "мездра") (см. также I.3.).

Существует тенденция к обобщению второй основы в тех словах, где вторая основа отличается от первой по качеству корневого гласного. В некоторых идиолектах встречаются такие формы Nom.Sg., как *rūny* "приц" вместо *ran*, *sīny* "черемуха" вместо *sem*. Их появление вызвано аналогией с формами Gen.Sg. *rūny-n*, *sīny-n*. Слово со значением "корова" имеет в верхнетазовском говоре Nom.Sg. *ser*, Gen.Sg. *sūny-n*, но в среднетазовском говоре встречается исключительно Nom.Sg. *sūny*.

У некоторых существительных, общим признаком которых является наличие конечного сочетания *-u₃*, наблюдается параллельное образование ряда форм как от первой основы, так и от основы, усеченной за счет этого сочетания: *sūny₃* "зверь, птица", Instr.Sg. *sūnyā* и *sūgā*, Nom.Du. *sūnyqā* и *sūqā*; *qany₃* "берег", Loc.Sg. *qanyqay* и *qany*, Nom.Sg. + PxlSg. *qanykty* и *qanty*. Функционально усеченная основа тождественна первой. Усеченная основа также обладает тенденцией к обобщению, в разной степени проявившейся в разных словах. Слово со значением "сила" имеет две параллельные формы Nom.Sg. - *or* и *ory₃*, но при склонении доминирует усеченная основа (Instr.Sg. *orsā*, Nom.Sg. + PxlSg. *or₃* и т.д.). Слово со значением "лабаз" имеет вид *kor₃* (в.-таз.) и *kor* (ср.таз.). Слово со значением "икра (рыба)" раньше имело Nom.Sg. *tygem* (Castrén 1855, стр.146), но сейчас в обоих говорах звучит *tyg*.

3.1.1.2. Внутреннее сандик в именных словоформах

Собранные образцы склонения различных имен свидетельствуют о существовании ряда морфологических правил, обуславливающих

фонетические изменения на морфемных стыках внутри именных словоформ.

Процессы, вызванные сандхи, особенно активны в тех случаях, когда основа оканчивается согласным, а присоединяемое к ней окончание начинается с согласного. При этом может наблюдаться ассимиляция прогрессивная ($h + t > h_c$) и регрессивная ($k + q > qq$), частичная и полная. Морфонологические явления на консонантных морфемных стыках отражены в таблице на стр. 166. В левом ее столбце указаны согласные, которые могут находиться в ауслауте основы Nom.Sg. (первой основы), а в верхней строке — согласные, которыми могут начинаться непосредственно присоединяемые к этой основе окончания (таких согласных всего семь). На пересечениях столбцов и строк указан фонетический облик возникающих при этом сочетаний. Сочетания, подвергшиеся внутреннему сандхи, подчеркнуты.

Примеры внутреннего сандхи:

syty₂ "шнурок бакарей" + -k₃lyk (Car.Sg.) > syty₂nk₃lyk,
+ sytytk₃lyk

sof₁ "дея" + -ty (Px3Sg.) > sof₁cy, + softy

tuk "лук" + -q₁ (Nom.Du.) > tuqq₁

t₃qqaš "подотылка" + -šā (Instr.Sg.) > t₃qqaššā

tōp₁ "край" + -šyn (Prol.Sg.) > tōššyn

q₃lyb₁ "подмышка" + -n-y (Gen.Sg. + Px1Sg.) > q₃lybby

ten "хила" + -ly (Px2Sg.) > tellly

Как видно из таблицы, морфонологическое поведение носовых согласных в середине слова связано с характером их чередований со смычными согласными в конце слова. N_1 (нечередующийся в конце слова носовой согласный) остается, как правило, носовым и в середине слова. N_2 (носовой, чередующийся со смычным) подвергается регрессивной ассимиляции перед q и s (иногда также перед k и t). N_3 (носовой, чередующийся со смычным и s β) всегда подвергается регрессивной ассимиляции перед k , t , q и s (кроме того, он отпадает при образовании второй основы).

Отраженные в таблице морфонологические процессы имеют место и на стыке двух присоединенных к именной основе аффиксов, из которых один оканчивается согласным, а другой начинается с согласного, например: qoqcy "медведь" + -n₂ (Gen.) + -qo (Transl.Sg.) > qoqcytqo; Ija "ребенок" + -t₂ (Pl.) + -šā (Instr.) > Ijaššā. Только на стыке двух аффиксов встречаются та-

Сочетания согласных на морфемных стыках в именных
словоформах

Конечный соглас- ный основ	Начальный согласный окончания						
	к	т	q	с	м	п	л
Р _{1,2} ^{а)}	рк	рт	рq	рс	рм	рп	пл ^{б)}
т _{1,2} ^{а)}	тк	тт	тq	тс	тм	тп	тл
к _{1,(2)} ^{а) в)}	кк	кт	кq	кс	км	кп	кл
q	qq	qt	qq	qs	qm ^{г)}	qp ^{а)}	ql
с	ск	ст	sq	сс	см	сп	сл
š	šk	št	šq	šs	šm	šp	šl
м ₁	mk	mt	mq	ms	mm	mp	ml ^{б)}
м ₂	mk, *рк	mt, *рт	рq	рс	рм	рп	мл ^{б)}
м ₃	рк	рт	рq	рс	рм	рп	мл ^{д)}
п ₁	пк	пт	pq	ps	pm	pn	пл
п ₂	пк, *тк	пт, *тт	тq	тс	тм	тп	пл
п ₃	тк	тт	тq	тс	тм	тп	пл
h	hk	ht, *ft	hq	hs	hm	hp	hl
h ₁	hk	ht	hq	hs	hm	hp	hl
h ₂	hk, *kk	ht, *kt	кq	кс	км	кп	hl
h ₃	kk	kt	кq	кс	км	кп	hl
г	rk	rt	rq	rs	rm	rp	rl
л	lk	lt	lq	ls	lm	lp	ll
ʃ	ʃk	ʃt, *ʃt	ʃq	ʃs	ʃm	ʃp	ʃl
ʃ	jk	jt, jc	jq	js	jm	jp	jl

Примечания к таблице: а) основы с -т₁ и -т₂ в морфологическом отношении идентичны; б) фонетически обычно [ал]; в) фактически имена на -к₂ нам не известны; г) фонетически [hm]; д) фонетически [hn].

кие преобразования, как $n_2 + \check{a} > \check{a}\check{a}$, $t + \check{a} > \check{a}\check{t}$, например:
 pīry "высота" + $-n_2$ (Gen.) + $-šak$ (Coord.Sg.) > pīryšak;
 pīry "высота" + $-n_2$ (Gen.) + $-yt-$ (Pl.) + $-šak$ (Coord.Sg.)
 > pīrynyšak.

3.1.2. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА¹⁾

3.1.2.1. Единственное число

Единственное число специального показателя не имеет. Оно используется для обозначения единичных объектов — вещей, живых существ, явлений, понятий (pyly "мост"; imyfa "бабушка"; qōhy "мороз"; šōgy "конец"); веществ (tulla "медь"; aray "мясо"); парных предметов или групп однородных предметов, рассматриваемых как единое целое (aaju "глаза"; tofcy "лики"; mōly "круги на воде, рябь"; tamtyr "род, народ; пучок").

Единственное число используется и для обозначения ряда предметов в том случае, когда множественность выражена грамматически или лексически в контексте. Это имеет место, в частности, при наличии у глагола показателя мультисубъектной или мультисубъектной совершаемости: pū ašcālymrysa "камни попадали" (буквально "камень попадал"), šīrap cattāšlqo "настрелять уток" (буквально "утку"). Существительное с количественным определением также имеет, как правило, форму Sg.: šitty qum "два человека"; tyāa volko "тысяча рублей"; koccy ūja "много детей"; буквально "многочисленный ребенок"; našāaf ošly "столько дней". В подобных случаях, наряду с Sg., встречается Dл. и Pл. (šīrapur cattāšlqo "настрелять уток"; šitty qumōqj "два человека"), см. 4.2.2.3.3. Это может быть по крайней мере частично обусловлено интерференционным воздействием русского языка.²⁾

Указанное употребление Sg. для обозначения многих объектов свидетельствует о том, что данная числовая форма является немаркированной не только морфологически, но и семантически.

- 1) В разделах 3.1.2 — 3.1.4 категории числа, падежа и посессивности рассматриваются применительно к основной, субстантивной репрезентации существительных.
- 2) Некоторые информанты считают употребление Dл. и Pл. в сочетании с количественным определением "неграмотным".

Для выражения единичности при названиях веществ (то есть в качестве сингулятива) используется сочетание с грамматикализованной лексемой *laka*: *ulqal laka* "льдина" (*ulqa* "лед"); *qōty-gyl laka* "отрез сушня". В некоторых случаях сочетание с *laka* семантически специализировались: *kōsɥl laka* "наковальня" (*kōsɥ* "железо"), *pōl laka* "приспособление в упряжи для крепления ремня к нарте" (*pō* "дерево").

Для выражения единичности при названиях парных предметов используется сочетание с адъективной формой слова *pēlāq* "половина": *pēlāf sɥju* "один глаз", *pēlāf tofɥ* "одна лыжа".

3.1.2.2. Двойственное число

Показателем *du.* является окончание *-qɪ*, присоединяемое к первой основе имени. При этом конечный *y* основы переходит в *ō*, а другие конечные гласные удлиняются:

Nom.Sg.	<i>mōtyr</i>	<i>nasu</i>	<i>ima</i>	<i>ci</i>
Nom.Du.	<i>mōtyrqɪ</i>	<i>nasōqɪ</i>	<i>imāqɪ</i>	<i>cīqɪ</i>
	"богатырь"	"лео"	"женщина"	"ведро"

В некоторых словах показателем *du.* служит *-āqɪ*: *qumāqɪ*¹⁾ "два человека" (Nom.Sg. *qum*); *antɥf (qaqɥɥf) tɪrāqɪ*²⁾ "два челнока (две нарти) вдали" (Nom.Sg. *tɪry*); ср. также местоимения *tērāqɪ* "они двое" (*tēr* "он"), *kutāqɪ* "кто двое" (*kutɥ* "кто"), *qajāqɪ* "какие двое" (*qaj* "что"), *namāqɪ* "эти двое" (*namu* "этот") и числительное *šittāqɪ* "двое" (*šittu* "два").

Показатель *du.* *-qāqɪ* встречается в формах с суффиксом *-sɥ-* (см. 3.8), например, *šebbasɥqāqɪ* "две родные сестры", *imasɥqāqɪ* "супруги", а также у местоимения *muqāqɪ* "некие две вещи" (*mu* "нечто").

После гласного *ō* или *ā* окончание *-qɪ* может отпадать или заменяться на *j* или *j*-образный призвук: **nasō*, **nasōj*, **nasōj* "два леса", **qumā*, **qumāj*, **qumāj*, **qumō*, **qumōj*, **qumōj* "два человека"; **imasɥqā*, **imasɥqāj*, **imasɥqāj* "супруги". Окончанием *du.* в этом случае следует считать *-ō(-ōj, -ōj)*, *-ā(-āj, -āj)*, то есть гласный, который образовался путем морфонологической перегласовки или который вообще не относится к основе.

1) Наряду с *qumōqɪ* и редко встречающейся "регулярной" формой *qurqɪ*.

2) Наряду с *tɪrōqɪ*.

Двойственное число используется для обозначения двух однородных непарных предметов, в том числе – в качестве варианта – в сочетании с числительным *āitty* "два": *wettōqun tīmbāqī mēity qalūmrōqī* "в дороге два его брата все время оттавали"; *āāmy korālā qēpra (āitty) kapaqqīā* "мой отец отправился на охоту с двумя собаками"; *āīraf torqōqī tamāty* "купи две коробки спичек". Следует заметить, что неодушевленные существительные употребляются в *Du.* относительно редко, хотя все они способны к образованию этой формы; для них более типичен синтаксический способ выражения двойственности путем сочетания с количественным определением.

3.1.2.3. Множественное число

3.1.2.4. Собирательная форма

Множественное число имеет два показателя: $-t_2$ (в непосессивной форме) и $-I-$ (в посессивной форме). Оба аффикса присоединяются ко второй основе имени:

Ном. Sg.	<i>kyr</i>	<i>nom</i>	<i>rō</i>	<i>kapaḷ</i> ₃
Ном. Pl.	<i>kūryt</i>	<i>nūt</i>	<i>rōt</i>	<i>kanat</i>
Ном. Pl. + Pl. Sg.	<i>kūgūmy</i>	<i>nūmy</i>	<i>rōmy</i>	<i>kapaīmy</i>
	"рана"	"бог, небо"	"дерево"	"собака"

В различных диалектах наблюдается значительное варьирование фонетического облика самого аффикса $-I-$ и словоформ с его участием: слияние *I* с предшествующим гласным (**kūgūmy* "мои раны", **kapaīmy* "мои собаки"), "разложение" *I* на $-ji-$ или $-ju-$ (**kūgujūmy*, **kūgujūmy*, **kapaajūmy*, **kapaajūmy*).

Целесообразно считать, что формы Pl. на $-t_2$ имеют вторую основу, оканчивающуюся на $-ty$ (то есть наблюдается "стандартное" соотношение именных основ, первой и второй). При этом упрощается описание образования падежных форм Pl.: ср. Ном. Pl. *qumyt* "люди" и Gen. Pl. *qumty-n*.

Согласно "Селькупской грамматике" Г.Н.Прокофьева, аффиксы $-t$ и $-I-$ служат для образования Pl. лишь у названий одушевленных предметов, тогда как названия неодушевленных предметов образуют Pl. путем синтаксического сочетания адъективной формы на $-I-$ с неопределенным местоимением *my* "нечто, штука" (Прокофьев 1935, стр.33–34, 40). Собранный нами материал противоречит такой трактовке.

С одной стороны, неоднократно зафиксировано употребление названий неодушевленных предметов в Р1. с показателями -t и -I-: t̃ntypot m̃tqyn ĩq̃tyt "Доски находятся в доме"; ĩma- ĩaqyt m̃t̃myt ĩenty m̃tytup "В поселке мы построим новые дома"; t̃ity t̃ō m̃t̃t̃y "Отрежь плавники (рыбы)"; Tat p̃ōĩq̃anty mat tan p̃ōny tenyā ĩak "В твои годы я был умнее тебя".

С другой стороны, названия лиц и живых существ свободно сочетаются с составным показателем -Ĩ my; эти сочетания имеют собирательное значение (и иногда могут выражать некоторое пренебрежение): q̃myĨ my "люди, толпа людей"; ĩjaĨ my "ребята, детвора"; ĩq̃yĨ my "зверье". Значение нерасчлененной собирательности имеют и неодушевленные существительные с этим показателем: p̃ōĨ my "деревья, группа деревьев, лес, дрова, древесина"; m̃tyĨ my "чумы, группа чумов, стойбище"; p̃yĨ my "камни, группа камней, каменистое место" и т.д. Это дает основания для выделения особого категориального значения числа – собирательной формы (collectiva, coll.), которая образуется присоединением ко второй основе имени составного показателя -Ĩ my.

С точки зрения образования, значения и употребительности падежных и посессивных форм, нами не выявлено сколько-нибудь заметных различий между собирательной формой и единственным числом существительных. В частности, в морфологическом отношении парадигма coll. строится так же, как парадигма sg. для односложных основ на гласный (первый компонент в составе coll. остается неизменным, а склоняется только компонент my). Ввиду этого в разделах, посвященных категориям падежа и посессивности (3.1.3, 3.1.4), вопросы образования и употребления форм coll. специально, как правило, не оговариваются.

Множественное число существительных и их собирательная форма отчетливо противопоставлены. Значение Р1. и coll. одного и того же существительного не совпадает. Р1. употребляется, когда совокупность предметов рассматривается как расчлененная и число этих предметов известно хотя бы приблизительно. coll. используется при рассмотрении совокупности как единого целого, когда число отдельных предметов несущественно или слишком велико. Естественно, что для одушевленных существительных более обычно и доминирует статистически множественное число, а для неодушевленных – собирательная форма, но вызвано это не грамматическими факторами, а скорее особенностями человеческого восприятия.

3.1.3. КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА

3.1.3.1. НОМИНАТИВ

Номинатив (именительный, или основной, падеж) не имеет специального показателя. Nom.sg. представляет собой первую основу имени в чистом виде.

Nom. - падеж широко употребительный; он имеет собственные, специфические функции и, кроме того, в ряде функций конкурирует с другими падежами.

Nom. является падежом подлежащего, выраженного именем: *Limru tiŕturna pirqōqyt* "Орел летает высоко"; *Mantāšmra som-ruŕa ketu* "Прошло пять зим"; *Imantu muqyt Ijaty mēlty cāŕka* "У его жены ребенка все нет"; *Kuntāquny ūnta kanat cary* "Изда-лека слышится собачий лай"; *Muntuk qumyt qepŕōtyt masonty sū-ruŕŕa* "Все люди пошли в лес охотиться". Nom. используется и в назывных предложениях: *Soma porqu* "Хорошая одежда"; *Masyt pūty, pōru ašŕa qontal* "Гуша леса, сразу не найдешь".

Nom. является падежом препозитивного приложения, вне зави-симости от того, каков падеж существительного, к которому прило-жение относится: *šomaŕ porqu ira* "старик Нёмаль Порки"; *šomaŕ porqu irar orquŕōtyt* "схватили старика Нёмаль Порки"; *tōs qolty* "река Таз"; *tōs qolŕōmyn* "по реке Таз"; *pollok qaqly* "ки-битка" (буквально "кибитка-нарта"); *pollok qaqlyš qaqlytta* "едет в кибитке". В ряде ситуаций могут параллельно использоваться как приложение (выраженное Nom.), так и определение (выраженное gen. или адъективной формой): *wenty irāty ~ wentyŕ irāty* "август" ("нельма-месяц" ~ "нельмин месяц"); *šūšyuka torur ~ šūšyukat torur ~ šūšyukaŕ torur* "земляника" ("птичка-ягода" ~ "птич-ки ягода" ~ "птичья ягода"); *rešrak kīkā ~ rešrat kīkā ~ rešraŕ kīkā* - название ручья ("эвенк-ручей" ~ "эвенка ручей" ~ "эвенкийский ручей")¹⁾.

- Nom. некоторых существительных, обозначающих отрезки вре-мени, используется для выражения обстоятельства времени: *Na cēly qumyt ūtymŕōtyt* "В тот день люди пьют"; *Muqytŕyŕ cēly nīŕcyk na qālymuntōtyt* "Целый день так шли"; *Kōt pōty šimaŕqun ilak* "Десять лет в поселке живу".

1) См. также I.4.2 и I.4.3 (о параллельных формах в календарных названиях и топонимах).

Ном., наряду с Асс., является падежом прямого дополнения. При этом употребление Ном. характерно для тех случаев, когда разграничение субъекта и объекта тем или иным способом обеспечивается контекстом и, следовательно, нет необходимости в маркировании прямого дополнения (подробно см. 4.2.2.4.2.).

Всего в одной, но зато очень часто встречающейся конструкции мѣт ѡѣрго "войти в чум, в дом" Ном. употребляется в функции, обычно присущей III. (ср. реже употребляемое выражение мѣтѣ ѡѣрго с тем же значением): мѣт ѡѣргну, ѡтукѡйлу мѣтан ѡддун нул-кылѣ манпунрату "в дом вошел, молча в дверном проеме стоя посмотрел".

Эпизодически в зафиксированных нами образцах селькупской речи встречается употребление Ном. в функциях, обычно выполняемых другими падежами (Gen., Transl., Loc.): *qaqly (вместо qaqlyt) qācyn "полоз нарту", *мѣт (вместо мѣтѣ) ѡѣсѡдѣт "внутри чума", *tettaf qumyn ima (вместо imatqo) cəumra "богача женой стала", *pillyf pələk (вместо pələqqyt) qumyn wəcuf rōgy "На западной стороне лабаз с человеческим мясом". При последующей проверке информанты-селькупы (которым, несмотря на неупотребительность селькупской письменности и отсутствие литературного языка, присуще достаточно строгое интуитивное представление о грамматических нормах) оценивали приведенные конструкции как неправильные. Тем не менее, наличие таких конструкций является фактом речи. Появление их может быть обусловлено, с одной стороны, чисто фонетически (выпадение отдельных звуков и целых слогов, соответствующих показателям косвенных падежей, на стыке произносимых без паузы слов), с другой стороны, своеобразным (грамматически некорректным) способом описания некоторой ситуации: вначале называется (в Ном.) один из актантов этой ситуации, и лишь далее следует "связная" часть высказывания.

В целом можно считать, что формальная немаркированность ном. сочетается с семантической: этот падеж способен заменять собой другие падежи (Асс., III.), если соответствующее падежное значение обусловлено контекстуально и не нуждается в маркировании с помощью падежного показателя (хотя и допускает возможность такого маркирования).

1) Ср. в русской разговорной речи: "богача жена стала".

3.1.3.2. Генитив

Генитив (родительный падеж) образуется путем присоединения ко второй основе имени показателя $-n_2$ (то есть $-n$ или $-t$):
 anty "челнок"; Gen.Sg. anty-n, Gen.Du. antōqī-n, Gen.Pl. antyty-n; kapaḥ "собака"; Gen.Sg. kapa-n; nom "бог, небо"; Gen.Sg. nū-n. У существительных определенной фонетической структуры (двусложных, с согласным в ауслауте, кроме $-m_3$, $-n_3$, $-ŋ_3$) часто используется форма Gen.Sg., лишенная падежного показателя и совпадающая с Nom.: aqsyi "гриб"; Gen.Sg. aqsyi или aqsyi-n; toruḡ "ягода"; Gen.Sg. toruḡ или toruḡ-n; aḡruḡ "связка"; Gen.Sg. aḡruḡ или aḡruḡ-n. Подобное совпадение форм Nom. и Gen. обусловлено строением основы и потому не должно смешиваться со значительно более редкими случаями подмены Gen. номинативом (см. 3.1.3.1).

Gen. используется для выражения синтаксической связи между двумя существительными. Посредством генитивных конструкций чаще всего обозначаются отношения принадлежности (asyn mēt "дом отца"), авторства (heḥḥan nekuy "письмо сестры"), родства (irat tīḥna "брат старика"), социальной взаимосвязи (qāṭṭyn ẓmtyḡ qok "царь города"), пространственной взаимосвязи (kīkāt qanyuk "берег ручья"), а также отношения части и целого (antyt tātū "распорка челнока"), предмета и его свойства (pōt tōnty "ширина дерева"), источника и эманации (wəsyn arsy "запах мяса") и т.п.

Генитивом управляет подавляющее большинство послелогов: ḥāḥut sōty "ради хлеба, вместо хлеба"; utyn īmyn "по руке"; qōn ʔrtaḡyn "в присутствии начальника"; poṭtan nōmyn "по почте". Это свойство распространяется и на образованные от послелогов слова: mīḥat tarṣtyḡ qumyt "также, как Мина, люди".

Gen. является падежом субъекта действия при причастиях, де-епричастиях, именах действия: qumytut qetruḡ ẓtā "людьми убитый олень"; qēlyt rōttāruḡ roqqaḥ "рыбой прорванная моя сеть" (наличие конструкций такого рода делает невозможной трактовку Gen. как формы, зависящей от того слова, которым обозначен объект действия: фраза *qēlyt roqqaḥ "рыбы моя сеть" недопустима); Mat aḥḥa tīpumuak tīḥḥany īmar qortāty "Я не знал, что мой брат женился" (см. также 4.2.2.4.1.).

В трактовке Г.Н.Прокофьева формами *gen.* признаются формы, выступающие "в роли обстоятельственного дополнения" и оформленные показателем *-n* (*-t*) (Прокофьев 1935, стр.86), например, *pit* "ночью", *arat* "осенью", *qeqqut* "шагом", *haŋuŋa topyt* "босиком" ("голой ногой"), *paŋuŋ utyt* "с ножом в руке" ("ножевой рукой"), *ukkyr tɛnɛt* "в согласии, единодушно" ("одним умом"). Нам представляется более оправданной трактовка их как особых наречий (см.3.8), совпадающих с *gen.Sg.* Такая трактовка диктуется застывшим, внепарадигматическим характером этих форм: они могут образовываться лишь от очень небольшой части именных основ и, кроме того, несовместимы с числовыми или посессивными показателями (нельзя сказать **pityt* или **piŋ ut* "ночами", **paŋuŋ utany* "с ножом в моей руке" и т.п., хотя обычные формы *gen.* всегда пропускают такие трансформации).

3.1.3.3. Аккузатив

Аккузатив (винительный падеж) образуется путем присоединения ко второй основе имени показателя *-m₂* (то есть *-m* или *-p*): *qeqcu* "медведь"; *Acc.Sg. qeqcu-m*, *Acc.Du. qeqqeqi-m*, *Acc.Pl. qeqquty-m*; *oryu* "сила"; *Acc.Sg. ory-m*; *tɛn* "жила"; *Acc.Sg. tɛnu-m*.

Единственной функцией *Acc.* является выражение прямого дополнения. В этой же функции используется, как указывалось выше, и *Nom.* Правила выбора одного из этих двух падежей в одних случаях являются строгими (см. 4.2.2.4.2), в других — произвольными.

Типичным, в частности, является использование *Acc.* в следующих двух случаях:

1) при невозможности замены его на *Nom.*, поскольку такая замена приводит к получению грамматически и семантически правильной, ситуационно осмысленной фразы с другим значением: *ɛɛmyt aŋa pɛnnytu* "непохож на своего отца"; ср. *ɛɛty aŋa pɛnnytu* "его отец (на кого-то упомянутого ранее) не похож"; *Soma nãtãŋar qomraty* "Хорошу девушку нашел"; ср. *Soma nãtãŋa qomraty* "Хорошая девушка (его) нашла"; *šɔŋ qumyt qãlytɬ mannyɛɛtɬyt* "Селькупы на ненцев смотрят"; ср. *šɔŋ qumyt qãlyt mannyɛɛtɬyt* "Селькупы (и) ненцы смотрят";

2) при постановке прямого дополнения не непосредственно перед сказуемым (обычный порядок слов), а в другом месте — например, в конце фразы: *Omɛŋ iŋamɛ kɔtantɬnytu iŋar* "Скоро моя жена родит сына"; *Na pɛliakaŋar hi kuty yku tɛnɬumɛti* "Об этих ка-

мушках никто пусть не знает" (правило о номинативном прямом дополнении не распространяется на 3 л. императива); *Aĩa tũgumraty qomtātut ẽmtāf qōt qomtār* "Не хватило их денег до денег царя". В некоторых случаях *Acc.* и *Nom.* находятся, по-видимому, в отношениях свободного варьирования; например, информанты считают, что пары фраз *Mat qēlym arear* и *Mat qēly arear* "Я съел рыбу", *ter wettyr tēumwuty* и *Ter wetty tēumwuty* "Он знает дорогу" в равной мере допустимы в любом контексте.

3.1.3.4. Инструменталь

Инструменталь (творительный падеж) образуется присоединением к первой основе имени показателя *-sā* (вариант **-sa* характерен для диалектов, не различающих /a/ и /ā/ в непервых слотах, см. 2.5.1.2): *qēly* "рыба", *Instr.Sg. qēly-sā*, *Instr.Du. qēlōqī-sā*, *Instr.Pl. qēlys-sā*; *ẽryu* "зверь, птица", *Instr.Sg. ẽryur-sā* или *ẽur-sā*; *ūt* "вода", *Instr.Sg. ūs-sā*.

Instr. чаще всего используется для обозначения побочного субъекта (орудия, средства) действия (*Wesur razusā mātuty* "Он отрезал мясо ножом"; *Moqunā alakosā qantak* "Я поеду домой на лодке"; *Ūsā tĩqaltāt!* "Брызни водой!"; *Ira kĩfcsuā qēlylha* "Старик ловит рыбу запором"); для выражения совместности, присоединенности: *Mal imalusā ilak* "Я живу со своей женой"; *Wenyl qur-sā tōtya* "Он поругался с чужим человеком"; *Ica yntysā korālā qenra* "Ича пошел на охоту с луком"; *Kanak olyntysā ūty qor-tĩmra* "Собака с головой погрузилась в воду". (См. также 4.2.2.4.3.)

Заслуживает упоминания конструкция типа *qēlysā ẽim mĩĩā* "дай мне рыбу", где реальный объект действия стоит в *Instr.*, а адресат действия — в *Acc.* (буквально "рыбой меня дай").

Некоторые формы *Instr.*, оторвавшись от именной парадигмы, адвербиализовались: *sarysā* "громко" (← "голосом"), *ogās* "очень" (← "силой"), *torusā* "пешком" (← "ногой, ногами"), *kakkusā* "едва, еле" (← "мучением"), *mōlmsuā* "ложно, ошибочно" (← "обманом").

3.1.3.5. Каритив

Каритив (абессив, лишительный падеж) образуется присоединением к первой основе имени показателя *-kĩly* (то есть *-kĩly*, *-kĩlyk* или *-kĩly*) или **-kĩl* (усеченная форма). формы каритива

имеют значение "без кого-либо, чего-либо" и обычно выступают в качестве обстоятельства при глаголе:

qumkōlyk "без человека"; qumōqikōlyk "без двух людей"; qumytōlyk "без людей" (qum "человек"); Tenymyntyŋ qumkōlyk tap namur aŋa metai "Без знакомого человека ты этого не сделаешь"; Irazuqaqī masōqun ontī qumytōlyu ilōqī "Муж с женой в лесу сами без людей живут".

rōkōlyk "без дерева, без дров" (rō "дерево, дрова"); Rōqut kuttar āqqentōmyn rōkōlyk? "На улице как ночевать будем без дров?"

wettykōlyk "без дороги" (wetty "дорога"); Na imar qaqlonty omtyltymraty, nūny qanra wettykōlyk "Эту женщину в нарту посадили, потом поехал без дороги".

Формы Du. и Pl., а также посессивные формы Car. (āaŋukōlyk "без моего отца" и т.п.) употребляются сравнительно редко.

Для ряда каритивных по происхождению образований характерна адвербиализация, отражающаяся на их семантике: aŋukōlyk "тихо, бесшумно" (ср. aŋu "шум, звук"); aŋukōlyk: v. sōmra "ослеп" (ср. aŋu "глаз"); ōtykōlyk: ō. sōmra "затупился" (ср. ōty "лезвие"). Имеется несколько адвербиальных форм на -kōlyk, не соотносимых с существительными, например, miŋkōlyk "будучи здоровым, здорово, без болезни" (не сохранившееся существительное *miŋ является, очевидно, заимствованием из хант. moŋ, miŋ, moŋ "болезнь").

3.1.3.6. Транслатив

Транслатив (превратительный падеж) образуется путем присоединения к форме Gen. показателя -qo (в.-таз. -qa); kanak "собака", Gen.Sg., Du., Pl. kana-n₂, kanaqqi-n₂, kanaty-n₂, Transl. Sg., Du., Pl. kana-t-qo, kanaqqi-t-qo, kanaty-t-qo; jōwal "дьявол", Gen.Sg. jōwaly-n₂ или jōwal, Transl.Sg. jōwaly-t-qo или jōwal-qo.

Transl. является падежом приглагольного косвенного дополнения, выражающего:

а) состояние субъекта (в том числе вызванное изменением): miŋa komrua nātāfatyn nūnu ukōi ilymruŋ qumytqo "Миша чувствовал себя по сравнению с девочками прежним жителем"; Man usyttak tokturqo "Я учусь на врача";

б) предназначение объекта: Tettaŋ qur nātāŋ īraty kura

imantōqo "Богач девушку взял своей младшей женой"; qōtyr tēmyar porqutqo "Я купил сукно на пальто";

в) цель или направленность, а в некоторых конструкциях и адресат действия: arsyutqo mōtyraa "просит еды"; kypu pōtqo qonibba "Потом за дровами сходил"; tēmytu qalyura amuntōqo "Он скушает по матери" (буквально "Ум его остался...").

По-видимому, можно считать внепарадигматическими, адвербиализованными некоторые формы Transl., употребляемые в составе устойчивых словосочетаний. Часто эти формы отличаются от парадигматических выпадением фонемного сочетания -yt- (то есть, в частности, аффикса Gen.); kōaqo āaggyntōqo "затвердеть как келесо" (ср. Transl.Sg. kōasytqo), araqo (или arsyutqo) quntqo "голодать" (буквально "за еду умирать"), ūtqo (или ūtytqo) qōisqo "по воду сходить".

3.1.3.7. Координатив

Показателем ранее не выделявшегося в селькупском языке падежа, для которого мы предлагаем название "координатив", является аффикс -šak_{2x} (то есть -šak или -šaq), присоединяемый к форме Gen. Таким образом, окончанием непосредственных падежных форм Coord. обычно является (в соответствии с закономерностями сандхи, рассмотренными выше) -ššak_{2x} (< -t-šak_{2x}): Ija "ребенок", Gen. Sg., Du., Pl. Ija-n₂, Ijaqī-n₂, Ijaty-n₂, Coord. Sg., Du., Pl. Ija-š-šak, Ijaqī-š-šak, Ijaty-š-šak; pelak "половина", Gen.Sg. pelā-n₂, Coord. Sg. pelā-š-šak; kotpas "сопка", Gen.Sg. kotpasu-n₂ или kotpas, Coord.Sg. kotpasu-š-šak или kotpas-šak (< kotpas-šak). Факультативно встречаются и такие формы Coord., как *Ijašak, *Ijaqīšak, *Ijatyšak, *pelāšak, *kotpasušak, которые можно рассматривать как полученные непосредственным присоединением падежного показателя ко второй основе имени (хотя на самом деле они, вероятно, вторичны по отношению к формам с -šš- и возникают за счет упрощения геминированного сочетания).

Формами Coord. выражается обстоятельство со значениями сопоставления, сопоставления, меры (особенно приблизительной), степени: Mat ūryššak muntuk šēvar "Я по закону все сделал"; tēr weryu qumyššak tsymra "Он стал таким, каким бывает взрослый человек"; qomāš pelāktušaq Igytu "Он взял около половины денег"; Tap ciāššak āšā ūtymral? "Ты ведро (по ведру за раз) не пьешь?"; Mat šitty pōntyšak weryu špak "Я на два года старше"; qeqquššaq šipnā cīqutšimra "Он выступил на шаг вперед"; Mš:

haryt päläššäq äta "Дом на половине тундры (занимая пол-тундры) стоит". Формы Coord.Du. и Coord.Pl. встречаются редко.

Г.Н.Прокофьев относил *šak* (*šak*) "соответственно" к числу послелогов-наречий (Прокофьев 1935, стр.51). Однако и в приводимых им примерах, и в других примерах из словаря И.Эрдейи (Erdei: 1969, стр.217) это слово выступает обычно как энклитика. Собранные нами данные заставляют рассматривать *-šak* - ввиду неотделимости от основы, см. 3.0.2 - как падежный показатель, а не как послелог.

3.1.3.8. Датив-аллатив

Датив-аллатив имеет два способа образования. Первый из них (только для Dat.-All. Sg.) состоит в присоединении ко второй основе имени показателя *-nyu*, (то есть *-nyk*, *-nyu* или *-ny*). Второй (для Dat.-All. Du. и Pl., факультативно для Dat.-All. Sg.) заключается в присоединении к форме Gen. соответствующего числа показателя *-kini* (с вариантами фонетического и аналогического происхождения: *-kiny*, *-kifi*, *-kin*, *-kinyu*, *-kinty*). Пример: *kanak* "собака", Dat.-All. Sg. *kana-nyk*, **kana-t-kini* (**kanat-kiny* и т.д.), Dat.-All. Du. *kanagqi-t-kini* (**kanagqi-t-kiny* и т.д.), Dat.-All. Pl. *kanaty-t-kini* (**kanaty-t-kiny* и т.д.).

Dat.-All. является падежом косвенного дополнения, обозначающего адресат действия: *Nätänyk tetta' qur ketymraty wəsur mšyguqo* "Девушке богач сказал мясо сварить"; *Təryt pisyhštyt to'cysymy' qumytytkini* "Они смеются над лыжниками"; *qoruy əəyn-tynyk tattymrətyt* "Шкуру они своему отцу принесли"; *Ləəyt nāf-āqitkini solar mšəty* "Двум дочерям черта он ложку сделал". Управление этим падежом свойственно таким глаголам, как *hehby-štyqo* "рассердиться"; *əəyācyqo* "спрашивать": *əəty hehbyštra nāfantynyk* "Отец рассердился на дочку"; *qumytytkin əəyācyulā na qommyntyty* "Людей спрашивая узнал" (см. также 4.2.2.4.3).

Этот же падеж выражает обстоятельство места, обозначая лицо или предмет, в сторону которого направлено действие: *Imar tarāš qonturtaquny qonišəy qəlytytkinty* "Еще до своей женитьбы он ездил к немцам"; *əəəəkanuk pīqyitəyuk* "Повернись к окну"; *Kəry šimašnyk laqaltəmrətyt* "Аргин тронулся (буквально "тронулся") к поселку" (см. также 4.2.2.4.4).

В ряде безличных конструкций с помощью Dat.-All. обознача-

ется субъект некоторого состояния: Tap qaqlunuk äittsar pöty "Этой нарте двадцать лет"; Muntuk imatytkinuk tantyqo nōtna "Всем женщинам нужно выйти"; Soma äda ucitekinu - tem tcnyaa äga "Хорошо учителю - он умный".

Как видно из приведенных выше примеров, показателями Dat.-All. оформляются как одушевленные, так и неодушевленные существительные. Этим объясняется наш отказ от традиционной трактовки -nuk и -kinj как окончаний направительного падежа (иллатива) для Genus animatum в противовес -nty как окончание того же падежа для Genus inanimatum (Castrén 1854, стр. III-III; Прокофьев 1935, стр. 31). Опровергающие эту трактовку примеры можно найти и в других материалах по селькупскому языку (Беккер 1978, стр. 57-58). Подробнее соотношение Dat.-All. и III. рассмотрено в следующем разделе.

3.1.3.9. Иллатив

Иллатив sg. образуется: а) от всех односложных имен с основной на гласный и неодносложных имен с первой основой на гласный (кроме у) - с помощью показателя -nty (при этом гласный в конце основы становится ударным); б) от неодносложных имен с первой основой на гласный у - путем замены этого гласного на о (ударный) и добавления показателя -nty; в) от имен с первой основой на согласный - с помощью показателя -ty (возможные при этом сандки указаны в разделе 3.1.1.2). III.Du. и Pl. совпадает с Dat.-All. этих чисел (см. 3.1.3.8). Примеры: putylka "бутылка", III.Sg. putylkä-nty, III.Du. putylkäqj-t-kinj (*putylkäqj-t-kinu и т.д.), III.Pl. putylkaty-t-kinj (*putylkaty-t-kinu и т.д.); oly "голова", III.Sg. oib-nty; üt "вода", III.Sg. üt-ty; söf "горло", III.Sg. söf-cy, *söf-ty.

Основной сферой употребления III. является выражение обстоятельства места, а именно, обозначение конечного пункта действия: tıntı cattäty "В огонь брось"; Iraljru oraä qutälumra aj äcsumra mälty kortonty "Старик сильно заболел и слег насовсем в кровать"; mūny wanyf tettonty qənpa "Потом в чужую землю ушел"; Na mektyn olytytkinj afca "На эти кочки ушел"; Kijäan qaj tnyf kekkonty äcsumänty... "Когда ты в какую-нибудь беду попадешь...". Одушевленные существительные в контекстах такого рода не употребляются (подобно тому, как они не имеют форм двух других внутренне-местных падежей - см. 3.1.3.10, 3.1.3.11).

Русские фразы, в которых одушевленные существительные находятся в "иллативном" контексте, переводятся информантами-селькупами с использованием Acc. ("вонзить в медведя нож" → qorqur paquaa paqylyqo "медведя ножом проткнуть") или послеложных конструкций ("глист забрался в человека" → qā qumyt āyāfonty ratra "глист внутри человека забрался").

Кроме того, Ill., наряду с Dat.-All., может оформлять косвенное дополнение, обозначающее адресат действия, а также обозначать субъект определенного состояния в безличных конструкциях: qumty mitty "Человеку дай"; amty ketynuty merkonty āto tan wumtōqo cāāyuk "Мать сказала ветру: ты, мол, его отцом будь"; Sompyla qumty āorra "Пяти людям хватило". Случаи такого типа довольно редки. Насколько нам известно, Ill. и Dat.-All. в этих случаях не противопоставлены семантически.

Таким образом, два разграничиваемых нами падежа - Dat.-All. и Ill. - в одних случаях находятся в отношении контрастирования ("место, в сторону которого направлено действие" vs. "место, в котором действие заканчивается" для неодушевленных существительных, ср. āimaḡanuk laqaltīqo "тронуться к поселку" и āimaḡanty tūqo "приехать в поселок"), в других - более или менее свободно варьируются (при обозначении адресата действия: iḡsanuk ketuqo = iḡsanty ketuqo "деду сказать"). Ср. также нейтрализацию показателей Dat.-All. и Ill. в Du. и Pl. Это позволяет считать их тесно связанными друг с другом и хотя не всегда четко разграниченными, но все же различными категориальными значениями падежной системы.

3.1.3.10. Локатив

Локатив (местный падеж) образуется путем присоединения к первой основе имени показателя -qyn₂ (то есть -qyn или -qyt). При этом конечный у основы переходит в ō, а другие конечные краткие гласные удлиняются: qyl "яма", Loc.Sg. qyl-qyn, Loc.Du. qylqī-qyn, Loc.Pl. qylt-qyn; tetty "земля", Loc.Sg. tettō-qyn; ky "речка", Loc.Sg. kŭ-qyn. Изредка встречается факультативный способ образования Loc., характеризующийся отсутствием морфонологических изменений на стыке основы с показателем -qyn: *tettuqyn, *kuqyn. Еще один вариант форм Loc. характеризуется выпадением -qy- после гласного ō, полученного перегласовкой из у (*tettōn наряду с tettōqyn). От одушевленных существительных

Loc. не образуется.

Формами Loc. выражается обстоятельство, обозначающее место, время или общую обстановку протекания действия: *Cicuka pitō-quntū ſeta* "Птица сидит в гнезде"; *Ŭkam mōtyn ūlōqyn ipra* "Моя шапка лежит на полу"; *Tep qāſtyra etymantōqyt* "Он гуляет на улице"; *ſettyrqyt tymty qōtolā soma ſsykka* "Весной здесь бывает совсем хорошо"; *ſitty cazaqyn mat moqynā pōraltentak* "В два часа я домой вернусь"; *Wettōqyt niſqaltıqo nyllēmpōmyt* "В дороге мы остановились отдохнуть"; *Puſqāqyt cuwpyſ tetty qan-tēpra* "В пургу такая земля замерзла" (См. также 4.2.2.4.4.).

Г.Н.Прокофьев рассматривал в качестве форм Loc. от одушевленных существительных образования с суффиксом *-myqyn, -myqyt* (Прокофьев 1935, стр.31). Однако трактовка *-qyn* и *-myqyn* как дополнительно распределенных показателей одного и того же падежа нецелесообразна. Во-первых, используемый нами критерий Б.А.Успенского (см.3.0.2) заставляет рассматривать *myqyn* не как падежный аффикс, а как послелог, соединяющийся с Gen. и отделенный от слова (ср. *awyn myqyn* "у отца", *emyn myqyn* "у матери", но *awyn aſ emyn myqyn* "у отца и матери"). Во-вторых, *myqyn* свободно сочетается с неодушевленными существительными, причем эти конструкции передают то же значение, что и предполагаемые формы Loc. одушевленных существительных — "у (чего-либо), во владении (чего-либо)": *Mōtyn myqyt ukkyr mōtykoty aſſa tūgymra* "У чума одного шеста не хватает"; *Qūtyn myqyt pōt cōpyty ſaſky* "У ели листьев нет". При использовании Loc. значение меняется: *Qūtqyn pōt cōpyty ſaſky* "В ели (внутри ели, в дупле ели) листьев нет".

3.1.3.II. Златив

Златив (аблатив, исходный падеж) образуется путем присоединения к первой основе имени показателя *-qynu*. Морфологические изменения при этом те же, что и для форм Loc. (см.3.1.3.I0). В некоторых диалектах морфологическое противопоставление *el.* и Loc. полностью нейтрализовано в пользу последнего. Пример: *kota* "мешок", *el.Sg. kotā-qynu*, **kota-qynu*, **kotā-qyn* (= Loc.), **kota-qyn*, *el.Pl. kotāqī-qynu*, **kotāqī-qynu*, **kotāqī-qyn*, **kotāqī-qyn*, *el.Pl. kotat-qynu*, **kotat-qyn*. От одушевленных существительных *el.* не образуется.

Формами *в1.* выражается обстоятельство, обозначающее точку в пространстве или во времени, которая является исходной для действия или которая отдаленится по мере совершения действия: *Мора́дуну коссук тикку́ло́сумра са́рту* "С моря много приходит тумана"; *Лу́мра́дуну титáту* "Из болота вытати"; *Укóл рóдуну тымты́ и́лак* "С позапрошлого года я здесь живу".

В *в1.* ставится дополнение при некоторых глаголах эмоционального состояния: *Ка́нат зогумта́дуну а́йа энóтыт* "Собаки не боятся дождя"; *Тем онту́ и́лу́т тикáдунту пургумбáзу* "Он собственной тени испугался".

Формой *в1.* выражается дополнение, управляемое прилагательным или наречием и обычно обозначающее объект сравнения: *ты́тук рí́дуну рí́рчу́ гíа* "Кедр выше осины" (буквально "Кедр от осины высок"); *Нóкуг метгáдуну симры́ло́ду́л па́гаро мéсар* "Я оделял хорей чуть длинней трех мстров"; *Шíмагáдуну кунта́ду́лло́ду́ қéлу́йáау* "От поселка подальше рыбаць".

Те же значения, что и *в1.*, передают сочетания *ген.* с послелогом *нóу*; приведенные выше фразы можно без изменения значений заменить на *морáн нóну коссук тикку́ло́сумра са́рту*; *канат зогумтáн нóну а́йа энóтыт*; *ты́тук рí́н нóну рí́рчу́ гíа* и т.д. Только с помощью этого послелога выражаются соответствующие значения у одушевленных существительных: *Ка́нак ра́ктумра б́йáунту нóну* "Собака убегала от хозяина"; *тíмбáнту нóну укú зогумáау* "Своего брата не стыдись"; *эмтáл қóн нóну зомак и́лак* "Я живу лучше паря". Тем не менее, отделимость *нóну* от существительных (*э́зуп нóну* "от отца"; *эмуп нóну* "от матери"; *э́зуп а́э эмуп нóну* "от отца и матери") препятствует рассмотрению этого слова как падежного аффикса (ср. Прокофьев 1935, стр.31-32, где *-дуну* и *-нóну* трактуются как дополнительно распределенные по признаку одушевленности суффиксы *в1.*). Иначе обстоит, по-видимому, дело в некоторых идиолектах Верхнетазовского говора, где место послелога *нóну* занимает неотделимый от существительного аффикс *-пану*, присоединяемый к форме *ген.* Для этих идиолектов *-дуну* и *-пану* можно рассматривать как два показателя одного и того же падежа, из которых первый имеет ограниченную (*Genus inanimatum*), а второй — универсальную сферу употребления.

3.1.3.12. Пролатив

Пролатив (прозекутив, продольный падеж) образуется путем присоединения к первой основе имени показателя $-myn_2$ (то есть $-myn$ или $-myt$). Морфологические изменения при этом происходят те же, что и для форм Loc. (см. 3.1.3.10), факультативно встречается и отсутствие этих изменений. Пример: $watty$ "дорога", Prol.Sg. $wattō-myn$, * $wetty-myn$, Prol.Du. $wettōq_1-myn$, * $wat-tōq_1-myn$; Prol.Pl. $wattyn-myn$; $ūt$ "вода", Prol.Sg. $ūn-myn$; $tūra$ "муха", Prol.Sg. $tūra-myn$.

Формами Prol. выражается обстоятельство, обозначающее место, по которому, вдоль которого или через которое распространяется (происходит) действие, а также ту часть предмета, к которой приложено внешнее воздействие: $Tūru f wattōmyn ty imantūā moqunā qesny$ "По пройденной дороге с женой обратно пошел"; $Mōtan žymun mappumraty$ "Через дверной проем посмотрел"; $Mat cattysam āiram olōmyn ty$ "Я выстрелил утке в голову"; $Tem ōtam orqylsyt ty ōtōmyn ty$ "Он оленя схватил за рога".

Формы пролатива от одушевленных существительных, а также Prol.Du. и Prol.Pl. употребляются редко.

3.1.3.13. Вокатив

Вокатив (звательный падеж) чаще всего образуется с помощью показателя $-ē$ (фонетически также $[-\bar{e}]$, $[-\bar{e}]$, см. 2.6), присоединяемого к первой основе имени (и вытесняющего ауслаутиный гласный основы, если таковой имеется). Альтернативными показателями Voc. (более редкими) являются: а) $-y$; б) удлинение конечного гласного. У основ с чередованием носовых и смычных в ауслауте показатель Voc. присоединяется к варианту основы с носовым согласным; в частности, в качестве показателя Pl. перед аффиксом Voc. выступает $-n-$. Примеры: qum "человек", Voc.Sg. $qum-ē$, * $qum-y$!, Voc.Du. $qumōq-ē$!, * $qumōq-y$!, * $qumōq-ā$!, Voc.Pl. $qumyn-ē$!, * $qumyn-y$!; $loqa$ "лиса", Voc.Sg. $loq-ē$!, * $loq-ā$!; $tētury$ "шаман", Voc.Sg. $tētury-ē$!, * $tētury-y$!.

Одновременно с указанными аффиксами в формах Voc. используются просодические средства (особая интонационная модель, реализация долготы аффиксального гласного в виде сверхдолготы).

Формы Voc. образуют изолированные предложения или выступают в качестве обращения, синтаксически не связанного с другими частями предложения. Voc. от неодушевленных существительных можно встретить в сказочных контекстах.

3.1.3.14. Г.Н.Прокофьев выделяет в качестве особого падежа комитатив с суффиксом *әрті*, присоединяемым к форме генитива (Прокофьев 1935, стр.32). Основываясь на критерии Б.А.Успенского (см.3.0.2), мы рассматриваем *әрті* (**әрті*) как послелог, а не как падежный аффикс (ср. *әәуәп әрті* "о отцом", *әәуәп әрті* "с матерью", *әәуәп әл әәуәп әрті* "с отцом и матерью").

"Местно-личный" падеж на *-пап*, выделяемый Э.Г.Беккер (Беккер 1978, стр.91-99), тазовскому диалекту не известен. Этимологическое соответствие данного показателя (послелог *пәп*, в.-таз. так же *-папу*) употребляется, как отмечалось в 3.1.3.II, в элативном значении. Полностью отсутствует в тазовском диалекте "превратительный" падеж, имеющий в кыноселькупских диалектах окончания *-vle*, *-yle* (Беккер 1978, стр.169-170). Неоднократно упоминавшийся критерий отграничения падежных окончаний от послелогов не дает нам оснований для выделения "назначительно-причинного", "предельного" и "разделительного" падежей, которые формируются в некоторых селькупских диалектах на базе конструкций с послелогами *сәту* "для, из-за", *tetty* "до" и *сару* "по (сколько-то)" (Беккер 1978, стр.171-179).

3.1.4. КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ

3.1.4.1. Образование посессивных форм

Посессивные формы имен выражают субкатегориальные значения лица обладателя (I, 2, 3^е) и числа обладателя (*sg.*, *pl.*, *pl.*) с помощью посессивных (лично-притяжательных) показателей, выбор которых отчасти зависит от фонетической структуры основы, от значения категории падежа, но не зависит от значения категории числа (в одних и тех же падежных формах различных чисел посессивные показатели совпадают). При этом следует иметь в виду, что сами показатели числа обладаемого в непосессивных и посессивных формах одни и те же для *sg.*, *pl.* и *coll.* (*š*, *-qä-*, *-l'my*), а для *pl.* они различаются (непосессивная форма: *-t*; посессивная форма: *-l-*).

Общим свойством посессивных форм *1sg.* и *2sg.* от имен с неодносложной первой основой на *y* является перегласовка указанного гласного в *a* (*uty* "рука" - *utam*, *utal* "моя, твоя рука"; *utany*, *utanty* "моей, твоей руки"; *utaqäk*, *utaqänty* "в моей, твоей руке" и т.д.). В ряде случаев эта перегласовка является единственным средством различения посессивных форм *2sg.* и *3sg.*

(ср. *utynty* "его руки"), что указывает на нефонетическую природу данной альтернции и даже позволяет считать *-a-* коэффициентом посессивных форм 1Sg. и 2Sg.

В посессивных формах Nom. используются следующие аффиксы:

		Число обладателя			
		Sg.	Du.	Pl.	
Лицо об-	1	<i>-my</i> , <i>-m₂</i>	<i>-m₁¹</i>	<i>-myt₂</i>	
лада-	2	<i>-ly</i> , <i>-l</i>	<i>-l₁¹</i>	<i>-lyt₂</i>	
теля	3	<i>-ty</i>	<i>-t₁¹</i>	<i>-tyt₂</i>	

В составе этих аффиксов можно выделить отдельные морфемы лица (*-m₁*; *-l*; *-t*) и числа (*y* или *-y*; *-l₁*; *-yt₂*). Аффиксы присоединяются к первой основе имени. При этом в формах 1Sg. и 2Sg. аффиксы *-my*, *-ly* присоединяются к односложным основам (*ky-my* "моя речка") и основам на согласный (*kollol-ly* "твой кистет"); аффиксы *-m₂*, *-l* - к неодносложным основам на *y*, который перегласован в *a* (примеры см. выше); неодносложные основы на прочие гласные альтернативно присоединяют аффиксы *-m₂*, *-l* или *-my*, *-ly* (*pōgkā-m*, *pōgkā-my* "мой идол"; *kanaqqi-l*, *kanaqqi-ly* "две твои собаки").

Посессивные формы Gen. и Acc. образуются следующим образом:

а) для основ на гласный - по модели: первая основа имени + падежный показатель (Gen. *-n-*, Acc. *-m-*) + посессивный аффикс из следующего набора:

		Число обладателя		
		Sg.	Du.	Pl.
Лицо обла-	1	<i>-y</i>	<i>-l₁¹</i>	<i>-yt₂</i>
дателя	2,3	<i>-ty</i>	<i>-t₁¹</i>	<i>-tyt₂</i>

(эти аффиксы, как можно видеть, полностью раскладываются на морфемы лица *y*, *-t* и числа *-y*, *-l₁*, *-yt₂*):

б) для основ на согласный - так же, как для основ на гласный (в посессивных формах 1 л.) и по модели: первая основа имени + аффикс из того же набора (в посессивных формах 2 и 3 лица). В последнем случае наличие падежного показателя привело бы к недопустимому стечению согласных (*-Cnt-*, *-Cnt-*).

Исключением является форма Acc.Sg. + Px1Sg., которая всегда совпадает с формой Nom.Sg. + Px1Sg. (*utam* "мою руку" вместо ожидаемого **uta-m-y*).

Посессивные формы Instr., Car., Transl., Coord. и Dat.-All. образуются по модели: посессивная форма Gen. соответствующего числа + падежный показатель (Instr. -*ā*, Car. -*kālyu*, или **-kōi*, Transl. -*qo*, Coord. -*āk_{2x}*, Dat.-All. -*nyu*, или -*kinī*; варианты и условия употребления последнего показателя те же, что и для непосессивных форм, см. 3.1.3.8).

При этом, однако, морфема единственного числа обладателя -*y* в Transl. перед показателем -*qo* приобретает форму -*ō* или сливается с этим показателем в неразложимый посессивно-падежный аффикс -*ō*, в результате чего формы Transl. + Px имеют следующие окончания:

Число обладателя

		Sg.	Du.	Pl.
Лицо	I	- <i>nōqo</i> , - <i>nō</i>	- <i>nīqo</i>	- <i>nytqo</i>
дателя	2,3	-(<i>n</i>) <i>tōqo</i> , -(<i>n</i>) <i>tō</i>	-(<i>n</i>) <i>tīqo</i>	-(<i>n</i>) <i>tytqo</i>

Посессивные формы Ill., Loc. и Kl. совпадают. Они образуются присоединением к первой основе имени окончаний из следующего набора:

Число обладателя

		Sg.	Du.	Pl.
Лицо	I	- <i>qāk_{2x}</i>	- <i>qynī</i>	- <i>qynyt₂</i>
обла-	2	- <i>qānty</i>	- <i>qyntī</i>	- <i>qyntyt₂</i>
дателя	3	- <i>qynty</i>		

В большинстве этих окончаний (за исключением фузионных окончаний 1sg. и 2sg.) можно выделить показатель Loc. -*qyn* и посессивные аффиксы из "генитивно-аккузативного" набора. Если основа имени неодносложна и оканчивается на *y*, то этот гласный переходит перед указанными окончаниями в *ō* (исключение опять-таки составляют окончания 1sg. и 2sg. перед которыми этот гласный, согласно общему правилу, перегласован в *a*); другие краткие гласные удлиняются.

Посессивные формы Prol. отличаются от форм Ill., Loc., Kl. наличием в их окончаниях -*n* вместо -*q* (ср. соотношение падежных показателей пролатива и локатива -*nyu₂* и -*qyn₂*).

Voc. посессивных форм не имеет.

Образование посессивных форм сопровождается рядом морфологических изменений, отмеченных в 3.1.1.2. Существительные *əy* "отец" и *əny* "мать" образуют посессивные формы I и 2 л.л. от основ *āā-* и *āny-* соответственно.

Идиолектные и факультативные варианты посессивных форм связаны главным образом с фонетическим обликом и морфонологическим поведением входящих в их состав падежных показателей; поэтому замечания на этот счет, сделанные при рассмотрении падежной системы, сохраняют свою силу и для посессивного склонения (в частности, в посессивных формах можно встретить вариант показателя Instr. -sa, в.-таз. показатель Transl. -qa, отсутствие перехода у в $\bar{o}$ перед показателями Loc. и Prel. и т.п.).

Примеры посессивных парадигм даются в разделе 3.1.8.

3.1.4.2. Употребление посессивных форм

Посессивные формы используются, в первую очередь, для указания на принадлежность определенному обладателю, то есть соответствует по значению русским конструкциям с притяжательным местоимением. При этом в I и 2 лицах допускается дублирование значения посессивного аффикса личным местоимением: $t\bar{i}n\bar{h}am\bar{u}$ = $mat\ t\bar{i}n\bar{h}am\bar{u}$ "мой брат"; $qaq\bar{i}b\bar{o}q\bar{u}n\bar{t}yt$ = $t\bar{i}\bar{s}\ qaq\bar{i}b\bar{o}q\bar{u}n\bar{t}yt$ "в вашей карте". Напротив, посессивные формы 3 лица в притяжательных конструкциях с названием обладателя в Gen. не употребляются: $t\bar{e}r\bar{u}n\ alako$ (не * $t\bar{e}r\bar{u}n\ alakoty$) "его лодка"; $p\bar{o}t\ p\bar{i}ru$ (не * $p\bar{o}t\ p\bar{i}ruty$) "высота дерева". Таким образом, изафетная конструкция селькупскому языку не свойственна.

Если же непосредственная синтаксическая связь между именем обладателя и названием предмета обладания отсутствует, то оформление последнего посессивным аффиксом является обязательным (или, по крайней мере, весьма желательным стилистически): $t\bar{e}m\ ma\bar{i}r\ t\bar{i}ca\bar{l}a\bar{s}y\bar{t}y\ olamak$ "Он меня погладил по голове" (буквально "по моей голове"); $Iman\ muq\bar{u}n\ iraty\ ca\bar{n}d\bar{u}m\bar{r}$ "У женщины мужа не было" (буквально "ее муж отсутствовал"); $q\bar{o}r\bar{q}y\ on\bar{t}y\ q\bar{e}r\bar{k}an\ \bar{e}o\bar{t}y\bar{t}y,\ I\bar{j}ar\ q\bar{e}su\bar{k}ku\bar{z}y\bar{t}y\ p\bar{i}t\bar{o}q\bar{u}n\bar{t}y$ "Медведь сам ходит в лес, мальчика оставляет в берлоге" (буквально "в своей берлоге").

Иногда посессивные формы 3 лица используются для выражения анафорической связи между первым и последующими упоминаниями предмета. Собственно посессивное значение в этом случае элиминируется: $q\bar{o}l\bar{t}yt\ q\bar{a}b\bar{u}q\bar{q}u\bar{n}\ anty\ totta,\ anty\bar{t}y\ lap\bar{u}k\bar{i}l\ \bar{e}za$ "На берегу реки стоит челнок, этот челнок без весла. Это не дает, однако, оснований приравнять аффикс - $\bar{t}y$ определенному артиклю: название одного и того же предмета может повторяться в тексте произвольное количество раз и в непосессивной форме.

При 2 лице императива прямое дополнение (номинативное) часто оформляется посессивным показателем того же лица и числа даже при отсутствии ситуации обладания: *tōna iral apetāty* "Накорми вон того старика" (буквально "твоего старика"); *tūlī oštuyulī* "Разожгите костер" (буквально "ваш костер"). См. также 4.2.2.4.2.

Некоторые существительные (названия небесных светил и отрезков времени) почти всегда выступают в посессивной форме 3sg. (*sēlyty* "солнце; день"; *irāty* "луна; месяц"; *rōty* "год"; *qaryty* "утро").

Слова *qum* "человек"; *ima* "женщина"; *ira* "мужчина, старик"; *īja* "мальчик, ребенок" в сочетании с показателями посессивности (равно как и в притяжательных конструкциях) несколько меняют свое значение: *qumtu* "мой товарищ (спутник, напарник)"; *imatu* "моя жена"; *iramtu* "мой муж"; *ījatu* "мой сын" (аналогично *tštuyun ima* "жена шимана"; *tērāqin īja* "их сын").

3.1.5. ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)

Вербальную репрезентацию образуют формы, входящие в парадигму существительного и функционирующие в предложении в качестве сказуемого (предикативные формы): *Mat īscsaqāqun tūny qepnyf tīmhaqōk* "Я – брат, давным-давно ушедший отсюда" (буквально "Я давным-давно отсюда ушедший брат"); *qaj tštuyrōnty, qaj kufnōf qumōnty?* "Шаман ты, или простой человек?"; *tīna torhat tī wēqy ūtāt* "Те телята сейчас уже взрослые олени"; *qoštuyf āyryssuyf qumōlyt* "Вы плохие охотники"; *Mō nymty kupa ījaqumt īayumt* "Мы тогда были маленькими детьми".

Существительные в предикативной форме имеют грамматические категории лица и числа. При этом для 3 лица особых показателей предикативности нет (используются формы Nom. соответствующего числа). В двух других лицах показателем предикативных форм служит особая морфема с комбинаторными и идиолектными вариантами *-āq-, -āq-, -āq-, -āq-, -āq-, *-āq-, *-āq-, *-āq-, *-āq-* (для предикативных форм характерно сосуществование ряда равнозначных и одинаково употребительных вариантов), за которой следуют лично-числовые окончания, сходные с лично-числовыми окончаниями глагола в субъектном спряжении:

тивных форм с временными формами глагола *ēqo* "быть": *Mat ijaũk iak* "Я был ребенком"; *tē rūnakuasalyt iantšilyt* "Вы будете богатырями".

Рассмотренные предикативные формы можно трактовать как вербальную репрезентацию существительных, соотносённую с ном. В принципе, однако, можно было бы говорить и о формах вербальной репрезентации, соотносённых с некоторыми другими падежами. Последние, впрочем, образуются путем сочетания соответствующей падежной формы с личной формой глагола *ēqo* "быть", то есть являются аналитическими, поэтому более естественна трактовка их как словосочетаний, принятая в главе "Синтаксис" настоящей книги. Отмечены, однако, и синтетические формы (только для 3 sg.), образуемые за счет стяжения в одно слово падежной или падежно-посессивной формы и усеченного глагола (*-ē* вместо *ēqa*); стяжение часто сопровождается элизией конечного гласного в падежном (падежно-посессивном) окончании. В таких формах *-ē* можно рассматривать как показатель вербальной репрезентации. Примеры: *mantyk ūrōmynty ēna* или *mantyk ūrōmyntē* "Все в порядке" (*ūrōmynty* - Pro1.Sg. + Px3Sg. от *ūry* "дело"); *Namy kekkytqo ēqa* или *Namy kekkytqē* "Это мучительно, это очень трудно" (*kekkytqo* - Trans1.Sg. от *kekky* "мучение"); *Man mōnyu šinty rōgyuē ēqa* или *Man mōnyu šinty rōgyuē* "Мой дом - с новой крышей" (*rōgyuē* - Instr.Sg. от *rōgy* "верх, крыша (дома)").

3.1.6. АДЪЕКТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Адъективную репрезентацию существительных составляют формы, входящие в парадигму существительных, семантически (и формально) соотносящиеся с теми или иными падежными формами субстантивной репрезентации, но синтаксически функционирующие подобно прилагательным (именно в силу этого обстоятельства наряду с термином "адъективная репрезентация" ("адъективные формы" существительных, глаголов...) в книге используется недифференцированно и термин "прилагательное").

Адъективным формам существительных присущи грамматические категории падежа и посессивности (о субкатегориях лица и числа обладателя).

3.1.6.1. Относительная адъективная форма

Относительная ("элевая") адъективная форма образуется путем прибавления ко второй основе -i и имеет значение "относящийся к кому-либо, чему-либо"; "связанный с кем-либо, чем-либо"; "изготовленный из какого-либо материала": tofcyi "лыжный" (tofcy "лыжи"); tofcyi tūgy "лыжная палка"; tofcyi mytyn "лыжная мазь"; tofcyi wetty "лыжная дорога, лыжня"; kanaī "собачий" (kana₂ "собака"; вторая основа kana-); kanaī mīt "собачья будка" (буквально "собачий дом"), kanaī qaqly "собачья нарта (нарта, в которую запряжены собаки)"; kanaī porqy "одежда из собачьего меха"; kūmyi "кровяной, кровавый" (kē₁ "кровь"; вторая основа kūmy-); kūmyi kyt "кровавая рана"; kūmyi tarēa "духа крови"; kūmyi tūgyi si "полное крови ведро".

Элевые адъективные формы используются преимущественно в качестве препозитивных определений. Быть в предложении предикатом они не могут и заменяются в этой функции адverbiallyми формами существительных: ср. kūmyi wenty "окровавленное лицо (кровавое)" и qymyn wenty kūmyi īza "лицо человека окровавлено (кроваво)".

В отличие от производных прилагательных, элевые адъективные формы, подобно существительным, могут иметь при себе определение, выраженное существительным, прилагательным или другой адъективной формой: qorqyt taryi porqy "одежда из шерсти медведя" (ср. qorqyt tar "шерсть медведя"), wēqy cēlyi ūty "праздничный вечер" (ср. wēqy cēly "праздник"), rōi tofcyi mytyn "мазь для деревянных лыж". Во всех приведенных конструкциях имеет место такое синтаксическое членение, при котором первое слово служит определением ко второму, а второе - к третьему: (qorqyt taryi) porqy, (wēqy cēlyi) ūty, (rōi tofcyi) mytyn. Ошибочными были бы такая синтаксическая интерпретация подобных конструкций, в которой первое слово рассматривалось бы как определение к синтагме, состоящей из двух последующих слов, и соответствующий этой интерпретации пословный русский перевод ("медведя шерстяная одежда", "большой дневной вечер", "деревянная лыжная мазь").

Зафиксированы два специфических (также не присущих обычным прилагательным) способа синтаксического использования элевых адъективных форм. Для выражения однородной связи между двумя близ-

кими семантически существительными первое из них может быть поставлено в элевую адъективную форму: *porquŕ pëmy* (= *porqu aŕ pëmy*) "одежда и обувь"; *pëwaŕ quma* (= *pëwa aŕ quma*) "Пова и Кума"; *wogumtāŕ sugu* (= *wogumtā aŕ sugu*) "дождь и снег".

Существует несколько глаголов, дополнение при которых обычно выражается существительным в адъективной форме. Это, в частности, глаголы *ŭсуqо* "работать"; *pëгуqо* "искать"; *mirëyttуqо* "отругать (рубанком полукруглой формы)": *Alakor mēla qorwaŕ ŭsak* "Делая лодку, теслом работаю"; *ŭuqultŭryŕ cēly qontāŕ pëгуsa* "Он целый день искал деньги"; *Nagarol mirëyttak* "Я обстругиваю хоря". См. также 4.2.2.4.2.

Адъективные формы существительных отличаются также от собственно прилагательных наличием категории посессивности. Наряду с непосессивными адъективными формами (*alakol* "лодочный"; *waŕyŕ* "глазной") используются, хотя и относительно редко, адъективные формы, в которых выражено одно из девяти лично-числовых значений этой категории (*aajanyŕ* "относящийся к моему глазу"; *alakontŭŕ* "относящийся к принадлежащей вам двоим лодке" и т.д.).

Посессивные формы элевых адъективных форм образуются путем прибавления к посессивным формам Gen. показателей *-ŕ* (после гласного) или *-yŕ* (после согласного):

<i>qaqlyŕ</i>	"нартовый, относящийся к нарте"
1Sg. <i>qaqlanyŕ</i>	"относящийся к моей нарте"
2Sg. <i>qaqlantyŕ</i>	"к твоей нарте"
3Sg. <i>qaqlyntyŕ</i>	"к его нарте"
1Du. <i>qaqlynŭŕ</i>	"к нашей (Du.) нарте"
2Du. <i>qaqlyntŭŕ</i>	"к вашей (Du.) нарте"
3Du. <i>qaqlyntŭŕ</i>	"к их (Du.) нарте"
1Pl. <i>qaqlyntytyŕ</i>	"к нашей (Pl.) нарте"
2Pl. <i>qaqlyntytyŕ</i>	"к вашей (Pl.) нарте"
3Pl. <i>qaqlyntytyŕ</i>	"к их (Pl.) нарте"

Примеры употребления посессивных элевых форм: *āānyŕ mēttу pūny āāa pōralt:ntak* "Я в отцовский (буквально "моего-отцовский") дом оттуда не вернусь"; *šittāmŭŕ ilŭŕ, mantу, mōnnŭŕ tētyqajyr onŭŕ mēwŭŕ* "Мы вдвоем живем, все (для) нашего чума вещи са-

ми сделали"; *Oluntutyŋ ōrtu āācu āca* "Волосы у них на головах (буквально "из-головной волос") черные"¹⁾

Следует заметить, что синтаксическая (а отчасти и смысловая) близость адъективных форм существительных и прилагательных способствует переходу адъективных форм в разряд прилагательных, то есть ведет к адъективизации. Такой переход сопровождается, как правило, изменением значения: ср. *koŋaŋ* "колесный, круговой" (адъективная форма к *koŋa* "колесо, круг") и *koŋaŋ* "круглый" (прил.); *siŋuŋ* "концевой, конечный" (адъективная форма к *siŋu* "конец") и *siŋuŋ* "последний" (прил.); *raŋuŋ* "желтый" (адъективная форма к *raŋ*, *raŋu* "желчь") и *raŋuŋ* "желтый, зеленый, синий" (прил.). Формальным критерием адъективизации может служить, в частности, способность прилагательных определяться наречием или частицей *roŋu* "самый" (адъективные формы существительных такой способностью не обладают): *roŋu siŋuŋ* "самый последний", *qāruŋ raŋuŋ* "слегка желтый (зеленый, синий)". Разумеется, адъективизовавшиеся слова должны трактоваться как самостоятельные лексемы (в отличие от адъективных форм, входящих в парадигму существительных). К сожалению, собранный экспедицией материал не позволяет четко отграничить все случаи адъективизации, хотя в принципе такое отграничение возможно (например, на основе упомянутого выше формального критерия или каких-то других, дополняющих его критериев).

3.1.6.2. Координативная адъективная форма

Координативная адъективная форма образуется путем прибавления к форме Gen.Sg. окончания *-āaŋ* (ср. окончание Coord. *-āak*) с ассимиляцией *tā > āā* и имеет значения "соответствующий кому-либо, чему-либо", "одинаковый с кем-либо, чем-либо по размеру или иному признаку": *alaŋoāāaŋ* "величиной с лодку, аналогичный лодке по

1) См. также: Е.А.Хелимовский. О неабсолютном характере одной универсалии. "Лингвотипологические исследования", вып. I, ч. I, М., 1973, стр. 231-239 (в этой статье адъективные формы селькупских существительных трактовались как прилагательные и отмечалось нарушение в них порядка следования деривационных и реляционных элементов вопреки одной из универсалий Дж. Гринберга).

важно "находящиеся в чуме по ту сторону леса"), *wetqu masōquŭ tō* "находящиеся в большом лесу озера", *piccat pəqōquŭ qēly* "находящиеся в животе щуки рыба".

Посессивные формы локативной адъективной формы образуются на основе посессивных форм *Loc.Sg.* (см. 3.1.4.I) с заменой конечного согласного на *-ŭ* или с добавлением *-ŭ* или *-yŭ*:

<i>qaqlōquŭ</i>	"находящийся в карте"	
1Sg. <i>qaqlaqaŭ</i>	"	в моей карте"
2Sg. <i>qaqlaqaŭtyŭ</i>	"	в твоей карте"
3Sg. <i>qaqlōquŭtyŭ</i>	"	в его карте"
1Du. <i>qaqlōquŭnŭŭ</i>	"	в нашей (Du.) карте"
2Du. <i>qaqlōquŭntŭŭ</i>	"	в вашей (Du.) карте"
3Du. <i>qaqlōquŭntŭŭ</i>	"	в их (Du.) карте"
1Pl. <i>qaqlōquŭntyŭŭ</i>	"	в нашей (Pl.) карте"
2Pl. <i>qaqlōquŭntyŭtyŭ</i>	"	в вашей (Pl.) карте"
3Pl. <i>qaqlōquŭntyŭtyŭ</i>	"	в их (Pl.) карте"

Примеры употребления посессивных локативных адъективных форм: *Tat cīpaqantŭŭ qur kakkuŭ qālyura* "Человек позади тебя (буквально "в твоём конце находящийся") еле идет"; *Mō sesuŭquŭŭŭ kurgāka ŭguŭ ŭpa* "Находящийся в нашем силке куропатка жирная"; *Sontōquŭntyŭtyŭŭ qur masāp qontugaa* "Средний из них человек меня увидел".

3.1.6.4. Аналитические адъективные формы

Выше речь шла о трех синтетических формах адъективной репрезентации существительных, соотносённых с *Nom.* (или *Gen.*), *Coord.* и *Loc.* Что касается некоторых других падежей, то соотносённые с ними адъективные формы представляют собой аналитические сочетания соответствующей падежной (или падежно-посессивной) формы со словом *ŭtyŭ* (причастие от глагола *ŭqo* "быть"). В реальном употреблении зафиксированы следующие аналитические адъективные формы:

- а) транслативная: *kakkytqo ŭtyŭ ŭtyŭro* "работа, становящаяся (оставшая) мучением, обременительный труд";
- б) дативно-аллативная: *māuŭ ŭtyŭ qossu* "жертва богу"; *qumutytkinŭŭ ŭtyŭ ŭty* "речь, обращенная к людям";
- в) элативная: *masonty ŭtyŭ wetty* "дорога в лес";
- г) элативная: *masōquŭny ŭtyŭ wetty* "дорога из леса";
- д) пролативная: *masōmuŭ ŭtyŭ wetty* "дорога по лесу".

Указанные формы представляют собой не случайные комбинации слов, а грамматализованные аналитические сочетания. На это указывает, в частности, тенденция к произнесению их в виде единого фонетического слова с элизией конечного гласного предпоследнего окончания (если таковой имеется): kekkytq̄tyf, nūnyq̄tyf, qumutykin̄tyf, nasont̄tyf, masōqun̄tyf, masōmyn̄tyf¹⁾.

3.1.7. АДЪЕКТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Адъективную репрезентацию существительных составляют входящие в парадигму существительных формы, синтаксически функционирующие в качестве приглагольного обстоятельства образа действия (ср. 3.4.). Адъективная форма может быть образована от любого существительного путем прибавления ко второй основе показателя -k_{2x} (то есть -k или -q); в общем виде ее значения можно передать примерно как "определенным образом":

esuy "по-отцовски, отечески" (esuy "отец"); esuy k̄tympaty "по-отцовски воспитан"; esuy mappuyra "смотрит отечески, отеческим взглядом";

qutyu буквально "мшисто" (qut "мох"; вторая основа quty-);

myntuk t̄etty qutyu t̄qa "Вся земля мшиста, покрыта мхом";

oguy "сильно" (ogum "сила"; вторая основа ogy-); oguy ogyupaty "сильно схватил"; oguy t̄qa "силен";

- 1) Адъективные формы, которые соотносились бы с такими падежами, как Acc. и Voc., нами не зафиксированы. В качестве "инструментальной" и "карикативной" адъективных форм можно было бы рассматривать прилагательные со значениями обладания (наличия) и необладания (отсутствия), которые могут быть образованы от первой основы любого существительного с помощью суффиксов -ayuyf и -kytyf соответственно (см. 3.8.), ср.: torqu ūsā (Instr. Sg.) t̄t̄yupra "Сосуд водой наполнен" и ūsāyuyf torqu "сосуд с водой"; t̄t̄tyru imak̄l̄yū (Car. Sg.) ila "Шаман без жены живет" и imak̄tyuf t̄t̄tyru "неженатый шаман". Такой трактовке препятствует, однако, некоторые свойства образований на -ayuyf и -kytyf, например: отсутствие посессивных форм (и, соответственно, субкатегорий лица и числа); заметная тенденция к использованию в переносных значениях (oluyuyf "умный ← имеющий голову; q̄ōkytyf "глухой ← безухий" и т.д.); отсутствие у образований на -ayuyf агентивного значения, которое присуще Instr. (есть только социативное значение).

tinoluzь буквально "облачно" (tinoly "облако"): tinoluzь аэумра "Стало облачно".

Особенно характерно употребление адвербиальной формы в качестве "заменителя" относительной (завоевой) адъективной формы в предикативной функции (последняя форма не может выступать в качестве предиката): ср. аорутай сёлу "дождливый день" и сёлу аорутай їа "День дождлив"; їтай қору "оленья шкура" и на қору їтаз їа "Эта шкура оленья".

Относительная адвербиальная форма обладает таким синтаксическим свойством, присущим существительным (но не наречиям), как способность иметь при себе определение: Kuttarātūl' огуз огуыраты "Что есть она схватила", Wəqy tinoluzь аэумра "Появилось большое облако" (буквально "Стало великооблачно").

Изменения относительных адвербиальных форм по категории possessивности не зафиксировано.

3.1.8. ОБРАЗЦЫ ПАРАДИГМ

(парадигмы существительных qok "начальник, вождь" и қору "шкура")

В таблице указывается, как правило, лишь один (основной) из сосуществующих вариантов парадигматических форм (сравнительно редкие диалектные варианты, которые отмечались в предшествующих разделах знаком +, здесь не приводятся).

Субстантивная репрезентация

Непосессивная форма

	Sg.	Du.	Pl.	Coll.
Nom.	qok	qoqqi	qōt	qōf my
	қору	qorōqi	qorut	qoruf my
Gen.	qōn	qoqqin	qōtyn	qōf myn
	қорун	qorōqin	qorutyn	qoruf myn
Acc.	qōm	qoqqim	qōtym	qōf mym
	қорум	qorōqim	qorutym	qoruf mym
Instr.	qoksa	qoqqisa	qōssa	qōf mysa
	қоруса	qorōqisa	qorussa	qoruf mysa
Car.	qokkōlyk	qoqqikōlyk	qōtkōlyk	qōf mykōlyk
	қорукōlyk	qorōqikōlyk	qorutkōlyk	qoruf mykōlyk
Transl.	qōtqo	qoqqitqo	qōtytqo	qōf mytqo
	қорутqo	qorōqitqo	qorutytqo	qoruf mytqo

Coord.	qōssak qopyssak	qoqqi ^{ss} ak qopōqi ^{ss} ak	qōtyssak qopy ^{ss} ak	qōf myssak qopyf myssak
Dat.-All.	qōnyk, qōtkini ₁ qopynyk, qopytkini ₁	qoqqi ^t tkini ₁ qopōqi ^t tkini ₁	qōtytkini ₁ qopytytkini ₁	qōf mynyk, qōf mytkini ₁ qopyf mynyk, qopyf mytkini ₁
Ill.	qokty qoponty	qoqqi ^t tkini ₁ qopōqi ^t tkini ₁	qōtytkini ₁ qopytytkini ₁	qōf mynty qopyf mynty
Loc.	- qopōqyn	- qopōqi ^l qyn	- qopytqyn	- qopyf myqyn
El.	- qopōqyny	- qopōqi ^l qyny	- qopytqyny	- qopyf myqyny
Prol.	qoqwyn qopōwyn	qoqqi ^w wyn qopōqi ^w wyn	qōmwyn qopynwyn	qōf mywyn qopyf mywyn
Voc.	qoqē qopē	qoqqē qopōqē	qōnē qopynē	- -

Посесовная форма 1Sg.

	Sg.	Du.	Pl.	Coll.
Now.	qoqwy qopaw	qoqqim(y) qopōqim(y)	qōim(y) qopim(y)	qōf mywy qopyf mywy
Gen.	qoqwy qopany	qoqqiny qopōqiny	qōiny qopiny	qōf myny qopyf myny
Acc.	qoqwy qopaw	qoqqimwy qopōqimwy	qōimwy qopimwy	qōf mywy qopyf mywy
Instr.	qoqnysā qopanyasā	qoqqinysā qopōqinysā	qōinysā qopinysā	qōf mynysā qopyf mynysā
Car.	qoqnykōlyk qopanykōlyk	qoqqinykōlyk qopōqinykōlyk	qōinykōlyk qopinykōlyk	qōf mynykōlyk qopyf mynykōlyk
Transl.	qoqnō(qo) qopano(qo)	qoqqinō(qo) qopōqinō(qo)	qōinō(qo) qopinō(qo)	qōf mynō(qo) qopyf mynō(qo)
Coord.	qoqnysak qopanyasak	qoqqinysak qopōqinysak	qōinysak qopinysak	qōf mynysak qopyf mynysak
Dat.-All.	qoqnynyk, qoqnykini ₁ qopanynyk, qopanykini ₁	qoqqinykini ₁ qopōqinykini ₁	qōinykani ₁ qopinykini ₁	qōf mynynyk, qōf mynykini ₁ qopyf mynynyk, qopyf mynykini ₁
Ill.	qoqqāk	qoqqi ^l qāk	qōi ^l qāk	qōf myqāk
Ill., Loc., El.	qopaqāk	qopōqi ^l qāk	qopi ^l qāk	qopyf myqāk

Prol.	qoqmāk	qoqqīmāk	qōīmāk	qōīf mēmāk
	qopamāk	qopōqīmāk	qopīmāk	qopyīf mēmāk

Посредственная форма 2Sg.

	Sg.	Du.	Pl.	Coll.
Nom.	qoqli, qokly	qoqqil(y)	qōil(y)	qōīf myly
	qopal	qopōqil(y)	qopil(y)	qopyīf myly
Gen.	qokty	qoqqinty	qōinty	qōīf mynty
	qopanty	qopōqinty	qopinty	qopyīf mynty
Acc.	qokty	qoqqinty	qōinty	qōīf mynty
	qopanty	qopōqinty	qopinty	qopyīf mynty
Instr.	qoktyśā	qoqqintysā	qōintysā	qōīf myntysā
	qopantysā	qopōqintysā	qopintysā	qopyīf myntysā
Car.	qoktykōlyk	qoqqintykōlyk	qōintykōlyk	qōīf myntykōlyk
	qopantykōlyk	qopōqintykōlyk	qopintykōlyk	qopyīf myntykōlyk
Transl.	qoktō(qo)	qoqqintō(qo)	qōintō(qo)	qōīf myntō(qo)
	qopantō(qo)	qopōqintō(qo)	qopintō(qo)	qopyīf myntō(qo)
Coord.	qoktyśak	qoqqintysak	qōintysak	qōīf myntysak
	qopantysak	qopōqintysak	qopintysak	qopyīf myntysak
Dat.-All.	qoktynyk,	qoqqintykinī	qōintykinī	qōīf myntyňa,
	qoktykinī			qōīf myntykinī
	qopantynyk,	qopōqintykinī	qopintykinī	qopyīf myntyňyk,
	qopantynī			qopyīf myntykinī
Ill.	qoqqānty	qoqqīqānty	qōīqānty	qōīf mēqānty
Ill., Loc., Kl.	qopaqānty	qopōqīqānty	qopīqānty	qopyīf mēqānty
Prol.	qoqmānty	qoqqīmānty	qōīmānty	qōīf mēmānty
	qopamānty	qopōqīmānty	qopīmānty	qopyīf mēmānty

Посредственная форма 3Sg.

	Sg.	Du.	Pl.	Coll.
Nom.	qokty	qoqqity	qōlty	qōīf myty
	qopyty	qopōqity	qoplty	qopyīf myty
Gen.	qokty	qoqqinty	qōinty	qōīf mynty
	qopynty	qopōqinty	qopinty	qopyīf mynty
Acc.	qokty	qoqqinty	qōinty	qōīf mynty
	qopynty	qopōqinty	qopinty	qopyīf mynty
Instr.	qoktyśā	qoqqintysā	qōintysā	qōīf myntysā
	qopyntysā	qopōqintysā	qopintysā	qopyīf myntysā
Car.	qoktykōlyk	qoqqintykōlyk	qōintykōlyk	qōīf myntykōlyk
	qopyntykōlyk	qopōqintykōlyk	qopintykōlyk	qopyīf myntykōlyk

Transl.	qoktō(qo)	qoqqintō(qo)	qōintō(qo)	qōf myntō(qo)
	qopyntō(qo)	qopōqintō(qo)	qopintō(qo)	qopyf myntō(qo)
Coord.	qoktyśak	qoqqintyśak	qōintyśak	qōf myntyśak
	qopyntyśak	qopōqintyśak	qopintyśak	qopyf myntyśak
Dat.-All.	qoktynyk,	qoqqintykinī	qōintykinī	qōf myntynyk,
	qoktykinī			qōf myntykinī
	qopyntynyk,	qopōqintykinī	qopintykinī	qopyf myntynyk,
	qopyntykinī			qopyf myntykinī
Ill.	qoqqynty	qoqqīqynty	qōīqynty	qōf myqynty
Ill., Loc., El.	qopōqynty	qopōqīqynty	qopīqynty	qopyf myqynty
Prol.	qoqmynty	qoqqīmynty	qōīmynty	qōf mymynty
	qopōmynty	qopōqīmynty	qopīmynty	qopyf mymynty

Посебная форма 1Du.

	Sg.	Du.	Pl.	Coll.
Nom.	qoqmī	qoqqimī	qōimī	qōf mymī
	qopymī	qopōqimī	qopīmī	qopyf mymī
Gen.	qoqnī	qoqqinī	qōinī	qōf mynī
	qopynī	qopōqinī	qopīnī	qopyf mynī
Acc.	qoqmī	qoqqimī	qōimī	qōf mymī
	qopymī	qopōqimī	qopīmī	qopyf mymī
Instr.	qoqnīśa*	qoqqinīśa*	qōinīśa*	qōf mynīśa*
	qopynīśa*	qopōqinīśa*	qopīnīśa*	qopyf mynīśa*
Car.	qoqnīkōlyk	qoqqinīkōlyk	qōinīkōlyk	qōf mynīkōlyk
	qopynīkōlyk	qopōqinīkōlyk	qopīnīkōlyk	qopyf mynīkōlyk
Transl.	qoqnīqo	qoqqinīqo	qōinīqo	qōf mynīqo
	qopynīqo	qopōqinīqo	qopīnīqo	qopyf mynīqo
Coord.	qoqnīśak*	qoqqinīśak*	qōinīśak*	qōf mynīśak*
	qopynīśak*	qopōqinīśak*	qopīnīśak*	qopyf mynīśak*
Dat.-All.	qoqnīnyk,	qoqqinīkinī	qōinīkinī	qōf mynīnyk,
	qoqnīkinī			qōf mynīkinī
	qopynīnyk,	qopōqinīkinī	qopīnīkinī	qopyf mynīnyk,
	qopynīkinī			qopyf mynīkinī
Ill.	qoqqynī	qoqqīqynī	qōīqynī	qōf myqynī
Ill., Loc., El.	qopōqynī	qopōqīqynī	qopīqynī	qopyf myqynī
Prol.	qoqmyynī	qoqqīmyynī	qōīmyynī	qōf mymyynī
	qopōmyynī	qopōqīmyynī	qopīmyynī	qopyf mymyynī

Посессивные формы 2-3Ду.

	Sg.	Du.	Pl.	Coll.
Nom+Px2Du.	qoŋi ₁ , qoki ₁	qoqqi ₁	qōi ₁	qōf myl ₁
	qopy ₁	qopōqi ₁	qopī ₁	qopyf myl ₁
Nom+Px3Du.	qokt ₁	qoqqi ₁	qōit ₁	qōf myt ₁
	qopyt ₁	qopōqit ₁	qopit ₁	qopyf myt ₁
Gen.	qokt ₁	qoqqint ₁	qōint ₁	qōf mynt ₁
	qopynt ₁	qopōqint ₁	qopint ₁	qopyf mynt ₁
Acc.	qokt ₁	qoqqiat ₁	qōiat ₁	qōf mynt ₁
	qopynt ₁	qopōqiat ₁	qopiat ₁	qopyf mynt ₁
Instr.	qokt ₁ sa*	qoqqintisa*	qōintisa*	qōf myntisa*
	qopyntisa*	qopōqintisa*	qopintisa*	qopyf myntisa*
Car.	qoktikōlyk	qoqqintikōlyk	qōintikōlyk	qōf myntikōlyk
	qopyntikōlyk	qopōqintikōlyk	qopintikōlyk	qopyf myntikōlyk
Transl.	qoktiqo	qoqqintiqo	qōintiqo	qōf myntiqo
	qopyntiqo	qopōqintiqo	qopintiqo	qopyf myntiqo
Coord.	qoktisak*	qoqqintisak*	qōintisak*	qōf myntisak
	qopyntisak*	qopōqintisak*	qopintisak*	qopyf myntisak
Dat.-All.	qoktīnyk,	qoqqintikini	qōintikini	qōf myntīnyk,
	qoktīkini			qōf myntīkini
	qopyntīnyk,	qopōqintikini	qopintikini	qopyf myntīnyk,
	qopyntīkini			qopyf myntīkini
Ill.	qoqqynt ₁	qoqqiqynt ₁	qōiqynt ₁	qōf myqynt ₁
Ill, Loc, El.	qopōqynt ₁	qopōqiqynt ₁	qopiqynt ₁	qopyf myqynt ₁
Procl.	qopmynt ₁	qoqqīmynt ₁	qōīmynt ₁	qōf mymynt ₁
	qopōmynt ₁	qopōqīmynt ₁	qopīmynt ₁	qopyf mymynt ₁

Посессивные формы 1-3Pl. не приводятся особо, так как могут быть получены из посессивных форм соответствующих лиц Ду. путем замены -i(-) на -yt(-), например, Nom.Sg. + Px2Pl. qoŋlyt, qoklyt; qopylyt и т.д. При этом в отмеченных звездочкой случаях на стыке -yt- и последующего аффикса -ts->-ss-, -tā->-šš-, например, Instr.Sg. + Px2(3)Pl. qoktyssa, qopyntysa и т.д.

Вербальная репрезентация

1Sg. qoŋōk	1Du. qoŋyŋi ₁	1Pl. qoŋyŋmyt
2Sg. qoŋōnty	2Du. qoŋyŋi ₁	2Pl. qoŋyŋlyt
3Sg. qok	3Du. qoqqi ₁	3Pl. qōt

Стаменные предикативные формы 3sg. аналитического происхождения для Instr., Car., Transl., Coord., Loc., Procl. не приводятся особо. Они могут быть получены из неперсониальных и персониальных форм соответствующих падежей (в субстантивной репрезентации) путем добавления элемента *-s*; при этом ауслаутные *ā, o, u* втеосняются (некоторые другие морфологические изменения носят нестабильный характер).

Адъективная репрезентация

Адъективные формы

	относительная	координативная	локативная
Неперсониальная форма	qōf	qōāāf	-
	qoruf	qorūāāf	qorōquf
1sg.	qoruf	qorufāf	-
	qoranyf	qoranyāf	qoraqāf
2sg.	qoktyf	qoktyāf	-
	qoranyf	qoranyāf	qoraqāntyf
3sg.	qoktyf	qoktyāf	-
	qoruntyf	qoruntāf	qorōquntyf
1Du.	qorunīf	qorunīāf	-
	qorunīf	qorunīāf	qorōqunīf
2-3Du.	qoktīf	qoktīāf	-
	qoruntīf	qoruntīāf	qorōquntīf
1Pl.	qoruntyf	qoruntyāf	-
	qoruntyf	qoruntyāf	qorōquntyf
2-3Pl.	qoktytyf	qoktytyāf	-
	qorunttyf	qorunttyāf	qorōqunttyf

Аналитические адъективные формы для Transl., Dat.-All., Ill., El., Procl. не приводятся особо. Они могут быть получены из неперсониальных и персониальных форм соответствующих падежей (в субстантивной репрезентации) путем добавления элемента *ītyf*. Возможно стяжение *ōītyf*, сопровождающееся втеоснением ауслаутных *o, u* (и некоторыми другими морфологическими изменениями нестабильного характера).

Адвербиальная репрезентация

qōk, qoruk

3.2. ГЛАГОЛ

3.2.0.1. Глагол в селькупском языке по сравнению с другими частями речи обладает значительно более сложной внутренней организацией, что проявляется в большом количестве присущих ему грамматических категорий, индивидуальных категориальных значений и способов сочетания этих категориальных значений друг с другом. Принципы установления принадлежности отдельных основ и словоформ к классу глаголов аналогичны тем, которые использованы для существительных (см. 3.1.0.1).

К числу грамматических категорий глагола относятся:

- 1) категория вида с двумя категориальными значениями (совершенный и несовершенный);
- 2) группа категорий и субкатегорий, условно именуемых "категориями залогового значения" (транзитивность/интранзитивность, каузативность, рефлексивность);
- 3) категория совершаемости (способа глагольного действия) с многочисленными категориальными значениями (итеративная, узуальная, дуративная, имперфектная, интенсивно-перфектная и ряд других совершаемостей; значительное количество глаголов обладает нулевым значением этой категории);
- 4) категория лица субъекта (первое, второе, третье);
- 5) категория числа субъекта (единственное, двойственное, множественное);
- 6) категория типа спряжения (субъектный, объектный);
- 7) категория наклонения (индикатив, латентив, кондиционалис, конъюнктив, оптатив, дебитив, аудитив, императив);
- 8) категория времени (настоящее, прошедшее, прошедшее повествовательное, будущее);
- 9) категория репрезентации с четырьмя категориальными значениями: вербальная форма, субстантивная форма (инфинитив и имена действия с субкатегорией падежа), адъективная форма (причастия), адвербиальная форма (деепричастия).

Сочетаемость отдельных значений грамматических категорий глагола между собой неполная. Например, категории наклонения, времени, типа спряжения проявляются только у глаголов в собственно вер-

бальной репрезентации. По временам изменяются лишь глаголы в индикативе и латентиве. Два типа спряжения противопоставлены только у переходных глаголов. Глаголы совершенного вида не образуют частей настоящего времени. Принадлежность к определенной совершаемости часто детерминирует видовое и залоговое значение глагола: так, все глаголы характеризационных совершаемостей – несовершенного вида и непереходны; все интенсивно-перфектные глаголы – совершенного вида и т.п. В то же время категория совершаемости, в отличие от всех остальных грамматических категорий глагола, допускает совмещение различных категориальных значений в одной словоформе: например, глагол *məqultəntukkuqo* "иметь обыкновение делать (не до конца, в большом количестве)" включает показатели мультиобъектной, имперфектной и узуальной совершаемостей.

Помимо формальных, существуют и содержательные ограничения на сочетаемость разнородных категориальных значений в одной словоформе. Некоторые синтезированные нами в порядке "лингвистического эксперимента" многоаффиксные образования с трудом воспринимались носителями языка, поскольку информанты не могли представить ситуацию, которая требовала бы использования такого (а не более простого) образования. Таким образом, можно говорить о сочетаниях категориальных значений, недопустимых на уровне речи.

3.2.0.2. Основой глагола целесообразно, как показывает материал, считать морфему или цепочку морфем, никогда не используемую в чистом виде и равную непосессионной форме инфинитива за вычетом показателя инфинитива *-qo* (ввиду этого инфинитив удобно принимать в качестве представителя глагола). При использовании такого принципа выделения основы глагольные словоформы, которые различаются между собой по категориям вида, совершаемости, залоговым категориям, во всех случаях оказываются членами различных глагольных парадигм, так как им всегда соответствуют разные инфинитивы. Напротив, формы различных наклонений, времен, репрезентаций могут входить в одну и ту же глагольную парадигму.

Глагольная основа может быть непроеизводной (корневой) или производной. Подавляющее большинство непроеизводных основ двусложны (и имеют вокалический исход) или односложны. Возможные при этом фонетические структуры основ имеют вид *V*, *CV*, *VC*, *VCV*, *CVC*, *VCVC*, *VCCV*, *CVCCV* (*V* – гласный, *C* – согласный), например: *ī-* "быть"; *ī-* "взять"; *ū-* "плыть"; *ū-* "тащить" (других однофонемных основ нет); *qū-* "умереть"; *am-* "съесть"; *pā-* "положить"; *asū-*

"тхеть"; tura- "подметать"; omty- "сесть"; cattu- "брошить".
 Непроизводные глагольные основы с иной фонетической структурой
 встречаются крайне редко и в большинстве случаев, если не во всех
 случаях, могут интерпретироваться на диахроническом уровне как
 производные основы: olum- "начать" (ср. зн. ori "начало"),
 qatuty- "карабкаться" (вероятна связь с qatu "ноготь, коготь"),
 korytu- "визитовать, узнать" (может быть сопоставлено с ф.-у.
 *worry- "проверить, проследить, узнать"; см. Collinder- 1955,
 стр.104).

В исходе односложной глагольной основы могут находиться са-
 мые различные гласные.¹⁾ В исходе более чем односложных чистых ос-
 нов встречаются гласные у (то есть сверхкраткие аллофоны фонемы
 /y/) и, очень редко, а, ä и о: wapa- "попробовать", küga-
 "махать", neqqa- "толкать".

В исходе производных основ могут, кроме того, выступать глас-
 ные i, ī и u: ikki- "исчезнуть", asaii- "замечаться", fiktaqu-
 "икать".

Из согласных в исходе односложных непроизводных основ встреча-
 ются только p, t, q, m, n, l, r: zör- "быть достаточным", qet-
 "убить", lōq- "стоять торчком", äim- "сосать", qen- "уйти", qäl-
 "побежать", äer- "войти". В исходе производных основ возможны, кро-
 ме того, ä, n, i: laquä- "кричать", tūäuy- "сидеть в сыром виде",
 laquäi- "закричать" (подчеркнем, что глагольных основ на k, c, s,
 h, w, j, по-видимому, не существует).

Производные глагольные основы могут достигать значительной
 длины (в морфемах и в слогах), в особенности за счет наложения друг
 за другом показателей различных залогов и совершаемостей, например,
 taiffumätkkuylofuyru- "неоднократно ломаться", kekkyttaltäiky-
 "иметь обиходное заставлять многих мучиться", qampolifcäntyky-
 lofuyru- "неоднократно опрокидываться не до конца" и т.п. Законо-
 мерности взаимной сочетаемости показателей залогов и совершаемо-
 стей, как и закономерности аранжировки этих показателей внутри гла-
 гольной основы, весьма сложны и, по-видимому, в значительной мере
 зависят от лексического значения конкретных корней.

При словоизменении к глагольной основе могут последовательно
 присоединяться до четырех аффиксов в вербальной репрезентации:
 taqqyltännytylyt "вн (оказывается) соберете", где taqqyl- - oo-

1) В в.-таз.говоре во всех основах структуры cv гласный долгий
 (qū- "умереть" и т.д.)

нова, -təny- (<-tənty-) - показатель буд.вр. (сам по себе, собственно говоря, сложный: ср. показатели буд.вр. -ty- и -ənty-), -nty- - показатель латентива, -l- - показатель 2 лица, -yt- - показатель р.1. В субстантивной репрезентации число словоизменяемых аффиксов достигает пяти: ləyntytyqə "чтобы они взяли", где l- - основа, -ty- - показатель инфинитива, -n- - показатель 2 лица, -t- - показатель 3 лица, -yt- - показатель р.1., -qə - показатель Transl.

Для форм вербальной репрезентации типичен порядок аффиксов, представленный в приведенном выше примере (время - наклонение - лицо - число); часть этих грамматических значений может не иметь формального выражения. Впрочем, встречаются формы, где показатель наклонения (конъюнктив) стоит в самом конце словоформы. Значения лица и числа часто передаются одним неразложимым аффиксом. В формах субстантивной репрезентации непосредственно за основой следует "субстантивный" формант (показатель инфинитива или имени действия), а за ним - аффиксы падежа, лица и числа в том же порядке, какой характерен и для именных словоформ.

3.2.1. МОРФОЛОГИЯ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ

При формообразовании как глагольная основа, так и присоединяемый к ней аффикс могут претерпевать ряд изменений, порой довольно значительных. В данном разделе мы рассмотрим лишь основные типы морфонологических альтернатив в глагольных основах.

1. Широко распространено чередование долгих и кратких корневых гласных.

Особенно регулярно это чередование наблюдается у производящих основ с фонетической структурой $c\bar{v}c\bar{v}$, $\bar{v}c\bar{v}$ или $c\bar{v}c$. Содержащийся в них долгий гласный ($\bar{v}$) переходит в соответствующий краткий при присоединении суффиксов интенсивно-перфектной совершаемости -l- и -l̄- (одновременно происходит геминация последнего согласного основы): t̄l̄l̄yqə "украсть" → tell̄l̄qə, ɪtyqə "пустить, послать" → ɪtt̄l̄qə, ɛtyqə "поднять, построить" → ɛytt̄l̄qə, l̄ɛr̄qə "войти" → l̄ɛggt̄l̄qə, ɪtyqə "виоеть" → ɪtt̄l̄qə. Гласный $\bar{ɛ}$, не имеющий парного краткого, в некоторых случаях переходит при этом в $\bar{a}$ (исторически $\bar{ɛ} < *a$), в других случаях остается неизменным (что, впрочем, можно рассматривать как результат аналогического выравнивания): ɛl̄tyqə "связать" → ɛaggt̄l̄qə, q̄ɛl̄l̄qə "закрыть (о глазах)" → q̄ɛl̄l̄qə.

hīqo и qahhīqo, cōyūqo "гореть" → cōrrēqo.

У глаголов с корнем структуры (с)ŷcv рассматриваемая альтернация наблюдается и перед некоторыми другими суффиксами: ср. cūgy-qo "плакать" — cūgyūqo "заплакать"; eōtyqo "откусить" — eattyqo "цапать, кусать и отпускать".

Наибольшим своеобразием в отношении долготной альтернации обладают корневые гласные в глаголах с основой cv. Среди них можно выделить несколько классов: а) глаголы с долгим гласным, никогда не сокращающимся при словоизменении; б) глаголы с долгим гласным, переходящим в определенных формах, например, перед показателем будущего времени -nt-, в соответствующий краткий; в) глаголы с кратким гласным, переходящим в определенных формах, например, перед показателем прошедшего времени -s-, в соответствующий краткий; г) глаголы с кратким гласным, никогда не удлинняющимся при словоизменении. Собранный материал не позволяет установить, является ли данная классификация исчерпывающей. Для сравнения приведем несколько примеров:

Основа	1sg. индикатива		
	Настоящее время	Прошедшее время	Будущее время
pē- "искать"	pē-ŋ-am	pē-s-am	pē-nt-am
tē- "сгнить"	tē-ŋ-ak	tē-s-ak	tē-nt-ak
hō- "гнать"	hō-ŋ-am	hō-s-am	hō-nt-am
tū- "тащить"	tū-ŋ-am	tū-s-am	tu-nt-am
qo- "найти, увидеть, обнаружить"	qo-ŋ-am	qō-s-am	qo-nt-am
tū- "принять"	tū-ŋ-ak	tū-s-ak	tū-nt-ak
cu- "огородить"	cu-ŋ-am	cu-s-am	cu-nt-am
mi- "дать"	mi-ŋ-am	mi-s-am	mi-nt-am

2. Согласные производных основ, оказывающиеся в интервокальном положении перед суффиксами -mōt-, -alty-, -ē- и некоторыми другими, подвержены геминации: wēyūqo "встать, подняться" — wēwēyūqo (интенсивно-перфектная совершаемость), taiffaltyqo "разломать", taiffumōtqo "разломаться" (ср. taiffumyūqo "разламываться, крошиться"), tappōlqo "пнуть, лягнуть" (ср. tapyrēqo "пинать, лягать").

Еще большим фонетическим вариациям, чем глагольные основы, бывают подвержены присоединяемые к ним аффиксы (отдельные примеры таких вариаций можно найти выше). В целом решающее значение при выборе глагольного аффикса играет акулат основы; особенно существенным представляется в этом плане различие между основами на согласный и основами на гласный, однако нередко при формулировке правил выбора приходится прибегать к более подробным градациям, выделяя основы на носовой согласный, на согласные *š, ž, ɣ*, на гласный *u* и т.д. (конкретные примеры см. в разделах, посвященных отдельным грамматическим категориям глагола и способам их выражения).

3.2.2. КАТЕГОРИЯ ВИДА

В рамках категории вида в селькуномском языке противопоставлены два вида: совершенный и несовершенный. При этом каждый глагол обязательно относится к определенному виду: глаголов, стоящих вне данной категории, нет (ср. иную ситуацию с категорией совершенности).

Разграничение совершенного и несовершенного вида основывается как на семантических, так и на формально-грамматических признаках. Семантически видовое противопоставление реализуется наиболее отчетливо в системе времен индикатива и латентива. Формы настоящего времени от глаголов совершенного вида обозначают действие, которое произошло непосредственно перед моментом речи и результаты которого налицо: *tanta* "он вышел" (только что и находится снаружи), *šit-ti-ja* "он проснулся" (только что и бодрствует), *mətu* "он оделся" (только что и одетое им налицо). Для обозначения действия, происходящего в момент речи, от глаголов этого вида используется конструкция аналитического происхождения с участием деепричастия и вспомогательного глагола *oɣuŋe*: *tantylorɣɔŋa* "он выходит", *šit-ti-fo-štantylorɣɔŋa* "он просыпается", *mətylorɣɔŋa* "он делает". Напротив, у глаголов несовершенного вида с помощью форм настоящего времени обозначается происходящее в момент речи действие, тогда как указание аналитические конструкции не употребительны: *ŋa* (не **šantylorɣɔŋa*) "есть, имеется", *koɣuŋa* (не **koɣuŋmantylorɣɔŋa*) "говорит", *turaɣu* (не **turaɣmantylorɣɔŋa*) "подметает" (см. также 3.2.6.I.I). Семантическое разграничение совершенного и несовершенного видов проходит и по многим другим формам глагольного словоизменения, что с достаточной точностью можно отразить в их переводах на русский язык: *rəaɣ* (несов.) "я искал"; *qəaɣ* (сов.) "я нашел"; *raktəɣ* (несов.) "беги, бегай"; *kūnəɣ* (сов.) "убеги,

удар"; амыҕа (несов.) "есть, кушать": ама (сов.) "съесть".

Важным формальным признаком глаголов несовершенного вида является способность их образовывать причастия настоящего времени (с показателями *-tyf*, *-ntyf*): *ṭ(n)tyf* "являющийся"; *кумруtyf* "говорящий"; *туранtyf* "подметающий, подметаемый" и т.д. Напротив, от глаголов совершенного вида (*тантыҕа* "выйти"; *мэҕа* "сделать" и т.д.) подобные причастия (**тантыtyf*, **мэ(n)tyf*) образовываться не могут (см. также 3.2.8). Очень часто видовые значения не находят формального выражения с помощью специального видового показателя. В частности, установить вид корней глаголов (типа *веҕуҕа* "держать"; *веэуҕа* "встать, подняться"; *түҕа* "гнать"; *түҕа* "закрывать") можно лишь исследуя их семантику и проверяя, возможно ли образование диагностических форм.¹⁾ Во многих случаях от одного глагольного корня образуются видовые пары, формальное соотношение которых нерегулярно: *оҕаҕа* "хватать, ловить" - *оҕуҕа* "схватить, поймать"; *ама* "съесть" - *амыҕа* "есть, кушать". Значительная часть глагольных суффиксов (суффиксы залогового значения, некоторые суффиксы совершенностей, суффиксы для образования глаголов от других частей речи) образует лишь глаголы определенного вида. Так, к совершенному виду относятся все глаголы интенсивно-перфектной совершенности (*мыһыҕа* "согнуться"; *таһыҕа* "распухнуть" и т.д.), все глаголы инхотативной совершенности (*амраҕа* "запеть"; *тараҕа* "затрястись" и т.д.), все отымненные глаголы с суффиксом *-nty-* (*ṭlyntyҕа* "ослабить"; *ṭṭlyntyҕа* "сделать жирным" и т.д.). Только несовершенного вида могут быть глаголы дуративной и имперфектной совершенностей (*рiмруҕа* "зреть, поспевать"; *тiмруҕа* "лететь"; *таҕуҕа* "собирать (не до конца)" и т.д.), отымненные глаголы с суффиксами *-ṭ-* и *-ḡ-* (*аiҕуṭа* "охотиться на турпанов"; *имаṭа* "свататься"; *риҕуḡуҕа* "пахнуть дымом" и т.д.).

1) Следует оговорить, что для ряда глаголов, вошедших в собранный экспедицией словарь, видовая принадлежность пока не установлена. На наш взгляд, следует строго придерживаться правила, согласно которому селькупские глаголы переводятся русскими глаголами того же вида. С этой точки зрения неточными являются многие переводы в словаре И. Эрдеи, например, *атыҕуҕа* "показать, указывать" (правильно "показать, указать"), *оҕаҕа* "схватить, поймать" (правильно "хватать, ловить") и т.д. (Эрдей 1969, стр. 24, 171 и другие).

3.2.3. КАТЕГОРИИ ЗАЛОГОВОГО ХАРАКТЕРА

3.2.3.1. Переходные и непереходные глаголы

По категории транзитивности все глаголы подразделяются на переходные и непереходные. Основными грамматическими признаками переходных глаголов являются: а) способность их иметь при себе прямое дополнение в форме accusativы или nominativы; б) способность принимать окончания обоих типов спряжения - субъектного и объектного (см. 3.2.5). Непереходные глаголы не могут ни управлять accusativным прямым дополнением, ни принимать окончания объектного спряжения.

Формальным показателем переходности или непереходности может служить наличие у глагола определенного суффикса. Во многих случаях переходные глаголы образованы от непереходных с помощью суффиксов -*ty-* (при присоединении этого суффикса к основе конечный у производящей основы отпадает), -*gy-*, -*lty-*: *cutyqo* "растопить" (*cuqo* "растаять"), *ogumtyqo* "вырастить" (*ogumqo* "вырасти"), *qalttyqo* "оставить" (*qalttyqo* "отстать, остаться"), *wessutyqo* "поднять" (*wessutyqo* "встать"), *tötttyqo* "обругать, выругать" (*tötyqo* "ругаться"); *mišutyqo* "сварить" (*mišutyqo* "вариться, кипеть"), *laqutyqo* "раскачивать, катать" (*laqutyqo* "невесться"); *omtyltyqo* "усадить, посадить" (*omtyqo* "сесть"), *atyltyqo* "показать" (*atyqo* "виднеться"). Иногда эту же функцию способны выполнять суффиксом -*pty-*, -*my-* (*šipšyptyqo*, *šipšymtyqo* "окончить, опустошить" от *šipšutyqo* "кончиться"), -*alty-* (*acalttyqo* "зажечь" от *acyqo* "гнеть"), -*äpty-* (*iläptyqo* "оживить" от *ilyqo* "жить") и другие. Обратная деривация (непереходных глаголов от переходных) имеет место значительно реже, главным образом при образовании возвратных глаголов (см. 3.2.3.3) и некоторых глаголов дуративной, имперфектной, фреквентативных и характеризационных совершаемостей (см. 3.2.4).

В ряде случаев можно выделить пары и тройки суффиксов, которые присоединяются к связанным глагольным корням (не употребляющимся в качестве самостоятельных основ, без суффиксального оформления), к заимствованным основам, к именным основам и образуют переходные и непереходные глаголы различных видов. Такими парами и тройками суффиксов, в частности, являются следующие:

-*alty-* (переходные глаголы совершенного вида), -*my-* (непереходные глаголы совершенного вида) и примыкающий к ним суффикс

дуративной совершенности (см. 3.2.43) -*пу-* (непереходные глаголы несовершенного вида). Этими суффиксами особенно часто оформляются связанные корни; интервокальный согласный перед *-aity-* и *-ait-* подвергается геминации: *koifaityqo* "повернуть" - *koiffumit-qo* "повернуться" - *koifumruqo* "поворачиваться, вертеться"; *tarqaityqo* "потрясти" - *tarqumitqo* "отрястись" - *tarqumruqo* "трястись"; *heifaityqo* "рассердить" - *heiffumitqo* "рассердиться" - *heifumruqo* "сердиться".

-al- (переходные глаголы совершенного вида), *-yt-* (переходные глаголы несовершенного вида), *-yttu-* (непереходные глаголы несовершенного вида). Этими суффиксами оформляются связанные корни и именные основы: *oifcalqo* "утоптать, стоптать" - *oifcuytqo* "топтать (что-либо)" - *oifcuyttuqo* "топтать(ся)"; *pacalqo* "срубить, отрубить" - *pacuytqo* "рубить" - *pacuyttuqo* "рубить (непер.)", заниматься рубкой"; *qatalqo* "почесать, оцарапать" - *qatuytqo* "чесать, царапать" - *qatuyttuqo* "заниматься чесанием, царапаться" (ср. *qatu* "ноготь, коготь, копыто").

-a- (переходные глаголы совершенного вида) и *-ttu-* (непереходные глаголы несовершенного вида). Этими суффиксами регулярно оформляются заимствованные из русского языка глагольные основы: *ucuyaqo* "обучить" - *ucuyttuqo* "учиться"; *heucuyaqo* "вылечить" - *heucuyttuqo* "лечиться". Ср. также, с одной стороны, *iiscuyaqo* "починить" (< русск. латить), *meifcaaqo* "поменять"; с другой стороны, *gerittuqo* "работать" (< русск. днэл.робить), *reittuyttuqo* "заниматься вылазом, работать пастухом".

Многие суффиксы, образующие глаголы от других частей речи, суффиксы совершенностей и т.д. обладают, помимо своего основного значения, способностью к передаче определенного значения категории транзитивности (то есть все глаголы, оканчивающиеся определенным суффиксом, являются или только переходными, или только непереходными).

Разумеется, наличие формального показателя переходности или непереходности является далеко не обязательным. Ср. также случаи типа *tottuqo* "поставить" и "стоять (о предмете)"; *ittuqo* "повесить" и "висеть"; *qoutuqo* "уложить спать" и "спать"; *kuytqo* "слести по течению" и "плыть по течению".

3.2.3.2. Каузативные глаголы

Каузативными (побудительными, куративными) глаголами мы на-

зывает класс морфологически производных переходных глаголов, обозначающих действие, производимое опосредствованно: реальный производитель действия не совпадает с подлежащим каузативного глагола (каузатором). В переводе на русский язык эти глаголы могут иметь значения "заставить (взлететь, разрешить, позволить, побудить, дать возможность) делать что-либо", "сделать что-либо через что-либо посредство"¹⁾.

В развернутой конструкции с участием каузативного глагола подлежащее (в форме Nom.) — каузатор, прямое дополнение (в форме Acc. или Nom.) — объект действия, а косвенное дополнение (обычно в форме Dat.-All.) — реальный производитель действия: Mat qumnyuk wəsur titygaltysam "Я человеку велел мясо вытащить" (ср. qum wəsur titysyty "Человек мясо вытащил"); timbāqanty anty itygaltāty mat cōty "Своему брату челнок вели взять для меня"; Na ima porqanty āitygaltantynuty āitygtuf qumnyuk (или: āitygtuf mōtqyn) "Эта женщина пальто сошьет у портного (в портновской мастерской)".

В неразвернутой (двухактантной) конструкции, в частности, при каузативном глаголе, образованном от непереходного глагола, реальный производитель действия может быть обозначен как косвенным, так и прямым дополнением: Mākkā tōtygaltāty = Māšip tōtygaltāyuk "Заставь (научи) меня ходить на лыжах".

Каузативные глаголы характеризуются наличием сложных показателей, включающих суффикс -alty-.

Показатель -galty- присоединяется к двусложным основам на гласный, не содержащим звука г в интервокальном положении: cattygaltyo "заставить застрелить, застрелить из самострела" (cattyyo "застрелить"), qātygaltyo "заставить ударить" (qātyyo "ударить"), aīcygaltyo "заставить упасть, сделать подкожку", omaranīt (aīcyyo "упасть"), hēīcygaltyo "дать пропотеть, напустить жару" (hēīcyyo "вспотеть"), kuršyngaltyo "заставить булькать, вызвать бульканье" (kuršynyo "булькать").

Показатель -īfalty- присоединяется к двусложным и некоторым односложным основам, содержащим интервокальный г: kūryīfaltyyo "сплавить по течению" (kūryyo "нести по течению"), tīryīfaltyyo "заставить заквасить, огноить" (tīryyo "заквасить",

1) Выбор того или иного из указанных способов перевода определяется лексическим значением производящей основы и (или) контекстом.

Формальными признаками возвратных глаголов являются: 1) наличие суффиксов -су- или -у-; 2) образование интенсивно-перфектной совершаемости при помощи суффиксов -ĩ- и -ĩksu-, которые заменяет собой -су- и -у- (для невозвратных глаголов используются другие суффиксы этой совершаемости - -ĩ-, -ksu-); 3) сильная тенденция к использованию в 3лс. суб.спр.прош.вр. индикатива окончания -а (невозвратные глаголы чаще имеют в этой форме окончания -за, -су, -саа). Возможно, что последняя особенность является реликтом особого спряжения возвратных глаголов (подобного так называемому "субъектно-безобъектному" спряжению в северносамодийских языках), утраченного в результате смещения с субъектным спряжением¹⁾.

Суффикс -су- образует возвратные глаголы от переходных и непереходных глаголов, а также присоединяется к основам, не употреблявшимся в чистом виде. Его присоединение может факультативно вызывать удвоение предшествующего интервокального согласного: ĭittusũq "проснуться" (ĭittũq "разбудить"), муп(п)усуq "согнуться" (мупуq "согнуть"), кукусуq "покачаться (самостоятельно)" (кукуq "качаться"), qal(1)усуq "остаться (самостоятельно)" (qalũq "отстать, остаться"), qortusũq "утонуть, увязнуть, погрузиться" (ср. qortũq "утопить, погрузить"), тапкусуq "распухнуть" (ср. тапкũq "надувать, делать распухшим"), қипкусуq "придти в себя, протрезветь", пип(п)усуq "устать" (суффиксальный характер -су- в двух последних словах подтверждается соответствующими им формами интенсивно-перфектной совершаемости: қипкĩq, пипĩq).

Суффикс -у- образует возвратные глаголы от особого "фонетического" класса переходных глаголов, а именно, от глаголов с суффиксами, оканчивающимися на i (-quĩ-, -i-, -ai-, -ĩl- и другие): таquĩq "собраться" (taquĩq "собрать"), путquĩq "порваться" (путquĩq "порвать"), раquĩq "воткнуться" (раquĩq "воткнуть"), раaũq "сломаться" (раaũq "сломать"),

1) Выделение возвратных глаголов основано на морфологических, а не семантических критериях. Так, глаголы teqtaltũq "одеться", pũttũq "обриться" не являются возвратными; наоборот, глаголы ĭitusũrũq, ĭitusĩrũq "прикидываться, приставать (к кому-либо)" входят в разряд возвратных глаголов.

3.2.4. КАТЕГОРИЯ СОВЕРШАЕМОСТИ

Глагол в селькупском языке может быть снабжен специальными суффиксальными показателями, которые указывают на то, как именно совершается действие, выражаемое глаголом. При модификациях основного лексического значения, вносимых этими показателями, внимание сосредоточивается то на определенных отрезках времени (например, на начале действия), то на степени интенсивности проявления действия (смягчение, усиление), то на его внутренней расчлененности (прерывистость, многократность, двухактность) и т.д. Соответствующую грамматическую категорию можно называть способом глагольного действия или совершаемостью глагольного действия (эти термины, наряду с термином подвид, широко употребимы в славистике и индоевропеистике).

Следует отметить, что в ряде описаний уральских языков и, в частности, в "Селькупской грамматике" Г.Н.Прокофьева, в диссертации Л.А.Варковицкой "Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баншенского говора)" (М., 1947), совершаемость глагольного действия именуется видом. Однако понятие способа действия (его совершаемости) отлично от понятия вида, рассмотренного в разделе 3.2.2¹⁾:

1. Каждый глагол в селькупском языке относится к определенному виду — совершенному или несовершенному. Напротив, выражение в глаголе какого-либо совершаемостного значения не является обязательным (впрочем, глаголы, лишенные показателей совершаемости, можно считать глаголами "нулевой" совершаемости). Кроме того, возможно совмещение в одном глаголе показателей (и значений) нескольких различных совершаемостей.

2. Вид представляет собой в первую очередь грамматическую группировку глаголов, объединенных известными общими особенностями парадигм (временная соотносительность форм настоящего времени, возможность или невозможность образования причастий настоящего времени). Совершаемость же — семантическая и словообразовательная группировка глаголов, основанная на известной общности их значений и суффиксальных показателей.

3. Вид, как правило, не имеет специальных показателей, в то

1) Категория вида, не тождественная категории совершаемости, присутствует и некоторым другим уральским языкам: см. Hajdó P. *Bevezetés az uráli nyelvtudományba*, Budapest, 1966, стр. 72-73 (где вид обозначается термином "igeminőség" — "качество глагола").

время, как о принадлежности глагола к определенной совершаемости можно говорить только при наличии у него показателя этой совершаемости.

Совершаемости, образуемые от одной и той же производящей основы, не составляют строгой системы противопоставлений. Если показатели таких совершаемостей, как итеративная, узуальная, дуративная, имперфектная, интенсивно-перфектная, мультиобъектная (для переходных глаголов) и мультисубъектная (для непереходных глаголов), могут быть присоединены, по-видимому, к любой глагольной основе "нулевой" совершаемости, а также к ряду основ, уже оформленных показателями других совершаемостей, то возможность образования форм остальных совершаемостей является далеко не обязательной и зависит от лексического значения производящей основы.

3.2.4.1. Итеративная совершаемость

Глаголы итеративной (многократной, повторительной) совершаемости обозначают неоднократное повторение одного и того же действия и могут быть образованы с помощью одного из фонетически близких варьирующихся показателей $-(k)kufo\dot{u}mru-$, $-(k)kufo\ddot{u}ru-$, $-(k)ko\dot{u}mru-$, $-(k)ko\ddot{u}ru-$, $-(k)kufo\dot{u}mru-$, $-(k)ko\dot{u}mru-$, $-(k)kufo\dot{u}sumru-$, $-(k)ko\dot{u}sumru-$ (варианты показателей с удвоением начального k встречаются после гласных): $\dot{i}kkufo\dot{u}mruqo$ "неоднократно бывать" ($\dot{i}qo$ "быть"), $\dot{n}i\dot{s}ukkufo\ddot{u}ruqo$ "неоднократно открывать" ($\dot{n}i\dot{s}uqo$ "открыть"), $\dot{t}\dot{i}kko\dot{u}mruqo$ "неоднократно обмерять" ($\dot{t}\dot{i}gqo$ "обмерять"), $\dot{t}antukko\ddot{u}ruqo$ "неоднократно выходить" ($\dot{t}antuqo$ "выйти"), $\dot{m}iss\dot{i}kkufo\dot{u}mruqo$ "неоднократно разливаться" (о реке) ($\dot{m}iss\dot{i}qo$ "разлиться"), $\dot{i}nna\dot{s}attukko\dot{u}mruqo$ "подбрасывать" ($\dot{i}nna\dot{s}attuqo$ "подбросить"), $\dot{t}\dot{u}tkufo\dot{u}sumruqo$ "неоднократно приезжать" ($\dot{t}\dot{u}gqo$ "приезжать"), $\dot{l}aksumruqo$ "неоднократно прыгать" ($\dot{l}aksumruqo$ "прыгать"). Все итеративные глаголы относятся к несовершенному виду.

Морфологический анализ позволяет вычленивать в составе показателей итеративной совершаемости суффиксы некоторых других совершаемостей — узуальной ($-kku-$), дуративной ($-mru-$, $-ru-$), одной из фреквентативных ($-o\dot{u}-$). Длина и вариативность показателей этой совершаемости необычны для грамматических формантов; их можно, очевидно, рассматривать как проявление фонетического и морфологического символизма: повторительной семантике соответствует повторение аффиксов и звуков.

Образование итеративной совершаемости полностью регулярно в формальном отношении: любой глагол "нулевой" совершаемости может быть преобразован в глагол этой совершаемости; не существует связанных итеративных основ.

3.2.4.2. Узуальная совершаемость

Глаголы узуальной (обычной) совершаемости обозначают типичное, привычное, регулярно совершаемое действие: *sālytu isy sēly ʃtyrka* "Солнце каждый день всходит"; *ʃettyrqup ʃīra ʃalqalka* "Весной утка линяет"; *ukōt ʃōʃqur entyqōʃyntōqo aʃān qetka* "Раньше селькуп сам себя не убивал" (то есть раньше среди селькупов не были распространены самоубийства). Данные глаголы часто встречаются в геоических предложениях. Все эти глаголы относятся к несовершенному виду.

Суффикс узуальной совершаемости имеет вид *-kku-* (после гласных), *-ku-* (после согласных). Факультативно допускается замена предшествующего *y* на *u*. Примеры: *ʃkkuqo* "бывать" (*ʃqo* "быть"), *ʃutykkuqo* ~ *ʃutukkuqo* "окидывать" (*ʃutyqo* "сидеть"), *ʃusylytkkuqo* ~ *ʃusylytukkuqo* "(регулярно) мыть, иметь обыкновение мыть" (*ʃusylytyqo* "вымыть"), *ʃalqalkuqo* "(регулярно) линять" (*ʃalqalqo* "облинять"), *ʃūtyūkuqo* "(регулярно) охотиться, иметь обыкновение охотиться" (*ʃūtyūqo* "охотиться").

Образование узуальной совершаемости, как и итеративной, полностью регулярно в формальном отношении.

3.2.4.3. Дуративная совершаемость

Глаголы дуративной (длительной) совершаемости характеризуются суффиксом *-mru-* (после конечного согласного производящей основы *-ru-*). В них подчеркивается протяженность действия во времени. Все они относятся к несовершенному виду.

Можно выделить несколько основных типов семантического соотношения дуративного глагола и соответствующего ему недуративного.

1) Глагол в дуративной совершаемости обозначает действие более длительное, чем то, которое выражено производящей основой: *ʃmruyruqo* "(долго) сидеть" (*ʃutyqo* "сидеть"), *ʃūtyūmruqo* "(долго) охотиться" (*ʃūtyūqo* "охотиться"), *ʃākāmruqo* "(долго) тянуть, курить" (*ʃākāqo* "тянуть, курить"), *ʃamugruqo* "(долго) есть" (*ʃamugqo* "есть, кумать"). Такое семантическое соотношение обычно имеет место тогда, когда глагол без *-(m)ru-* относится к несовершенному виду. В ряде случаев такого рода дуративный глагол в

определенных контекстах приобретает значение "тянуть с выполнением чего-либо", "делать что-либо слишком медленно": *tat qajqo tat-tumral?* "Ты почему так долго тянешь с выносом?"

2) Глагол в дуративной совершенности фактически представляет собой видовую пару к производящей недуративной основе совершенного вида: *aʔqajlruqo* "лезть, взобраться" (*aʔqajlqo* "залезть, взобраться"); *qontallʃarqo* "засыпать" (*qontallʃqo* "заснуть"), *kū-nuʔruqo* "убегать, удрать" (*kūnuqo* "убежать, удрать"), *riʃruqo* "зреть, поспевать" (*riqo* "созреть, поспеть"), *tənuʔruqo* "покупать" (*tənuqo* "купить").

3) Глагол в дуративной совершенности обозначает состояние, которое является продолжением или следствием действия, выраженного недуративным глаголом: *ʃuʔkalruqo* "держат за пазухой" (*ʃuʔkalqo* "положить за пазуху"), *riʃruqo* "хранить" (*riʃqo* "положить"), *paʔqajlruqo* "тянуть" (*paʔqajlqo* "дернуть"), *oʔqajlruqo* "держат" (*oʔqajlqo* "схватить, поймать"), *ʃaʔnuʔruqo* "смотреть" (*ʃaʔnuʔqo* "взглянуть"), *ʃiʔkuʔruqo* "блуждать" (*ʃiʔkuʔqo* "заблудиться"), *ʃuʔruqo* "быть талим" (*ʃuqo* "растать"). Такое соотношение также наблюдается в тех случаях, когда производящий глагол относится к совершенному виду.

4) Дуративные глаголы, образованные от переходных глаголов, имеют, помимо дуративного значения, значение пассива по отношению к производящему (недуративному) глаголу. Пассивная семантика проявляется главным образом при употреблении их в формах 3sg. суб. спр. различных времен и наклонений: *mʔta tʔmra* "дверь закрыта"; *mʔta tʔmruʔ* "дверь была закрыта"; *mʔta tʔmraʔnta* "дверь будет закрыта"; *mʔta tʔmruʔntu* "дверь (оказывается) закрыта"; *mʔta tʔmra-ʔne* "дверь была бы закрыта" и т.д. (сп. *tʔne* "закрыть"); *ʔraʔ tat ʃʔtu ʔʃuʔruʔruʔ mʔtqak* "Еда для тебя была оставлена в моем чуме"; *ʃʔruʔ wetty ʃʔʃalʃira* "След зверя затоптан"; *Kiʔʃan ʔtuʔ-poly ʔʔqʔlʔumʃata?* "Когда твоя работа будет закончена?"; *Taʃan taʃʃaltʔmra* "Замок сломан". В подобных пассивных конструкциях всегда указывается лишь логический объект, выступающий в роли подлежащего; обозначать с их помощью логический субъект действия нельзя. В принципе пассивное значение глагола может проявляться и в формах других лиц и чисел суб.спр., помимо 3sg. (*ʃat ʔetraq* "я убил"; *ʃittu ʔimʔqʔ ʔetʔqʔ* "два человека убиты"), и даже в формах невербальных репрезентаций (*tʔmruʔqo* "быть закрытым"; *ʔʃuʔruʔqo* "быть оставленным"), однако, по утверждению информантов,

Конкретное значение "имперфектности", выражаемое глаголом этой совершаемости, зависит от видового значения производящего глагола и от грамматического времени, в котором употреблен имперфектный глагол. В частности, если производящим является глагол совершенного вида, то имперфектный глагол в настоящем времени обозначает продолжающееся действие: *ter nekuyr solak mētyuty* "Он узорчатую ложку делает" (*mētyuqo* от *mēqo* "сделать"). Если производящим является глагол несовершенного вида, то имперфектный глагол в настоящем времени обозначает попытку осуществления действия: *Mat qonantak, qontalliqo aššā īrak* "Я пытаюсь спать, заснуть не могу" (*qonantutyqo* от *qontutyqo* "спать").¹⁾ В прошедших и будущем временах имперфектный глагол обозначает не доведенное до конца действие: *ter nekuyr solak mētyusyuty* "Он узорчатую ложку делал (но не сделал)"; *ījaša nuykumittinayura* "Ребенок чуть было не испугался"; *Mat tī qonantak* "Я сейчас умру (но не умру)". Ввиду значительной ситуационной вариативности значений переводы имперфектных глаголов в приводимых ниже примерах не даются.

Имперфектная совершаемость образуется с помощью серии показателей, распределенных в зависимости от фонетической структуры основы производящего глагола:

-*ty-* (после односложных основ на согласный и некоторых односложных основ на долгий гласный): *ratutyqo* (от *ratqo* "зайти, залезть, попасть, погрузиться"); *ītyqo* (от *īqo* "взять"), *mētyqo* (от *mēqo* "сделать");

-*nty-* (после большинства односложных основ на гласный и после неодносложных основ на гласный, отличный от *y*): *quntutyqo* (от *quqo* "умереть"), *hāntutyqo* (от *hāqo* "открыть"), *lākāntutyqo* (от *lākāqo* "тянуть, курить");

-*ɛnty-* (после неодносложных основ на гласный *y*, который при этом вытесняется): *qonantutyqo* (от *qontutyqo* "спать"), *muɛntutyqo* (от *muɛnyqo* "согнуть"), *koɛaltintutyqo* (от *koɛaltutyqo* "рассказывать");

-*nɛnty-* (после неодносложных основ на носовой согласный): *oɣunɛntutyqo* (от *oɣunqo* "вырасти"); *keɣunɛntutyqo* (от *keɣunqo* "перекочевать");

1) Следует отметить, что формы настоящего времени имперфектной совершаемости совпадают с формами будущего времени производящего глагола; см. об этом 3.2.6.4.

-senty- (после неодносложных основ на *i, ä*): *lapkaĩsentyqo* (от *lapkaĩqo* "закричать"), *panysentyqo* (от *panyũqo* "спуститься");
 -tĩnty- (после неодносложных основ на остальные согласные):
taqqylĩtĩntyqo (от *taqqylĩqo* "собрать"), *šaqyttĩtĩntyqo* (от *šaqyt-
 qo* "посолить").

В единичных случаях наблюдается сдвиг лексического значения глагола в имперфектной совершенности по сравнению с производящим глаголом (*qettyqo* "сильно избивать" при *qetqo* "убить"), а также изменение значения категории переходности (*tyntyqo* "материться" при *tỹqo* "обматерить").

Имеется группа глаголов, оформленных показателями имперфектной совершенности, но не встречающихся без этих показателей (*parkĩntyqo* "стирать, донть, сморкаться", *paqĩntyqo* "придираться", *toqĩntyqo* "делать подсчет").

3.2.4.5. Интенсивно-перфектная совершенность

В глаголах интенсивно-перфектной (усиленно-совершенной) совершенности подчеркнута законченность действия, полнота (а иногда также быстрота и интенсивность) его осуществления. При переводе этих глаголов на русский язык часто целесообразно использовать частицу "уже" (характерно, что лексического эквивалента данной частицы в селькупском языке нет, в рассматриваемую совершенность можно считать в определенной степени грамматическим эквивалентом подобной частицы). Все интенсивно-перфектные глаголы относятся к совершенному виду и часто представляют собой фактически видовые пары к производящему глаголу несовершенного вида.

Интенсивно-перфектная совершенность образуется с помощью суффикса *-ĩsy-* от односложных основ на гласный: *tũĩsyqo* "(уже) прийти" (*tũqo* "прийти"), *qoĩsyqo* "(уже) найти" (*qoqo* "найти"). Долгий гласный основы при этом сокращается: *šaĩsyqo* "(уже) сделать" (*šaĩqo* "сделать"), *tĩĩsyqo* "(уже) усесться (в средство транспорта)" (*tĩĩqo* "сесть (в средство транспорта)").

От односложных основ на согласный, а также от неодносложных основ данная совершенность обычно образуется с помощью суффикса *-ĩ-* (фонетически *[-tĩ-]*). При этом конечный гласный основы отпадает, а оказывавшийся перед суффиксом в интервокальном положении согласный удваивается (в третьем и более далеком от начала слоге удвоения может и не быть): *qanpĩqo* "(уже) уйти" (*qanqo* "уйти"), *ũrgĩqo* "искупаться, поплавать" (*ũrgqo* "купаться, пла-

вать"), $\dot{u}k\dot{e}qo$ "(уже) заблудиться" ($\dot{u}k\dot{u}qo$ "заблудиться"), $q\dot{e}h\dot{a}qo$ "(уже) прикрыть" ($q\dot{e}h\dot{a}qo$ "прикрыть"), $ko\dot{a}lt\dot{e}qo$ "(уже) обойти вокруг" ($ko\dot{a}lt\dot{u}qo$ "обойти вокруг"), $\dot{a}nt\dot{u}t\dot{e}qo \sim \dot{a}nt\dot{u}t\dot{u}qo$ "сыграть" ($\dot{a}nt\dot{u}t\dot{u}qo$ "играть"), $taqt\dot{e}qo \sim taqt\dot{u}qo$ "(уже) закрыть" ($taqt\dot{u}qo$ "закрыть"). Изредка также наблюдается сокращение корневого гласного: $zatt\dot{e}qo$ "(уже) завязать" ($\dot{a}t\dot{u}qo$ "завязать"; исторически $\dot{e} < *a$).

Суффикс $-i\dot{x}su-$ употребляется наряду с суффиксом $-i-$ для оформления многосложных основ: $qat\dot{u}t\dot{e}i\dot{x}suqo$, $qat\dot{u}t(t)\dot{e}qo$ "вскрабкаться" ($qat\dot{u}t\dot{u}qo$ "крабкаться"), $tamt\dot{u}l\dot{e}i\dot{x}suqo$, $tamt\dot{u}l(1)\dot{e}qo$ "(уже) скрутить, свернуть" ($tamt\dot{u}l\dot{u}qo$ "скрутить, свернуть").

Возвратные глаголы имеют в интенсивно-перфектной совершенности вместо $-i-$ и $-i\dot{x}su-$ суффиксы $-i_1-$ (фонетически $[-i_1\dot{a}-]$ и $-i_1\dot{x}su-$ соответственно).

Конечный гласный основы перед этими суффиксами также отпадает, а удвоение попадающего в интервокальное положение (перед $-i_1-$) согласного является факультативным. Примеры: $mt\dot{e}(i_1)\dot{e}qo$ "свариться" ($mt\dot{u}qo$ "вариться"), $omt\dot{e}qo$ "(уже) усовесть" ($omt\dot{u}qo$ "сесть"), $taqt(t)\dot{e}qo$, $taqt\dot{u}i\dot{x}suqo$ "закричься (самостоятельно)" ($taqt\dot{u}qo$ "закричь"), $acal(1)\dot{e}qo$, $acal\dot{u}i\dot{x}suqo$ "(уже) захесть" ($acal\dot{u}qo$ "захесться").

От многих глаголов несовершенного вида, которые обозначают действие, не направленное на достижение определенного результата ($\dot{e}qo$ "быть", $t\dot{e}l\dot{u}m\dot{u}qo$ "знать, уметь", $w\dot{e}su\dot{b}uqo$ "пахнуть мясом", $i\dot{l}uqo$ "жить" и т.д.) формы интенсивно-перфектной совершенности не образуются. При образовании от некоторых глаголов, обозначающих состояние, формы этой совершенности приобретают значение "прийти в данное состояние": $qont\dot{e}qo$ "лечь спать" ($qont\dot{u}qo$ "спать"), $l\dot{o}q\dot{e}qo$ "стать торчком, перевернуться вниз головой" ($l\dot{o}q\dot{u}qo$ "отоять торчком"). Имеется ряд глаголов, снабженных показателями интенсивно-перфектной совершенности, но не встречающихся без них: $\dot{a}err\dot{e}qo$ "сломяться", $l\dot{a}rk\dot{e}qo$ "коротко крикнуть", $k\dot{u}rr\dot{e}qo$ "ударить кулаком", $qett\dot{e}qo$ "попасться", $qatam\dot{e}qo$ (вопросительное местоимение-глагол: $qatam\dot{e}j\dot{a}$ "что случилось?") и другие.

3.2.4.6. Мультиобъектная совершенность

Глаголы мультиобъектной совершенности обозначают действие, направленное на ряд однородных объектов или на различные части одного объекта. Во многих случаях прямое дополнение при глаголах

этой совершаемости, стоящее в форме 3s., имеет значение P1. или 3s1.: ʃtəp əʒgəlpəp "Я оленей (буквально "олень") запряг" (ср. ʃtətpəp əʒgəp с тем же значением); pū yku qəttəlʃity! "Не бросай камни (буквально "камень")!" (ср. pūf mu yku qəttəty! с тем же значением). В других случаях (особенно при употреблении в мультиобъектной совершаемости глаголов, обозначающих расчленение или деформацию предмета) имеется в виду множественность частей одного предмета, подвергаемых воздействию: kəpsu mətəlyty "Он разрезал суку на много кусков"; ʃʒəkpəp qəttəlpəp "Я разбил чашку вдребезги (на много осколков)". Все мультиобъектные глаголы – переходные, и образуются они только от основ переходных глаголов.

Общим элементом показателей рассматриваемой совершаемости является -1-; к числу этих показателей относятся:
 -qy1-, -qə1-, -qy1ʃ1- (присоединяется к односложным основам):
 məqy1(ʃ1)qə, məqə1qə "понадеяться" (məqə "сделать"), pinqy1(ʃ1)-
 qə, pinqə1qə "поналожить" (pinqə "положить");
 -ə1-, -ə1ʃ1- (присоединяется к двусложным основам на у, кото-
 рый при этом выпадает): mupə1(ʃ1)qə "согнуть во многих местах"
 (mupəqə "согнуть"), ʃtə1(ʃ1)qə "поразвешивать" (ʃtuqə "пове-
 сить");
 -1-, -1ʃ1- (присоединяется к двусложным основам на отличный от у
 гласный): nʉtə1(ʃ1)qə "изорвать в клочья" (nʉtəqə "рвать");
 -ʃ1- (присоединяется к двусложным основам на согласный и осно-
 вным из трех и более слогов): məkʉtʃ1qə "поналожить за пазуху"
 (məkʉtqə "накладывать за пазуху"), ʃitty kuralʃ1qə "разослать"
 (ʃitty kuraltyqə "послать в разные стороны").

Некоторые детали, связанные с образованием мультиобъектной совершаемости (степень регулярности, видовое значение) пока неясны. Можно отметить (в качестве уникального примера) глагольный корень təq-, всегда сопровождающийся показателем мультиобъектной совершаемости: təqəy1qə "собрать".

3.2.4.7. Мультиобъектная совершаемость

Глаголы мультиобъектной совершаемости обозначают действие, одновременно осуществляемое многими однородными субъектами. Подлежащее при таких глаголах часто ставится в 3s. (хотя имеет значение P1. или 3s1.): mətʉt qəqʉt ʃtə nʉkəlpəp "Возле чума олени (буквально "олень") стоят" (ср. ʃtəp nʉkəlpəp или ʃtəp nʉkəlpəpʃtʉt с тем же значением); pəsoʃpəp ʃkəlpəp "Листья

Наиболее продуктивным средством образования инхотивных глаголов является следующая группа суффиксов, дополнительно распределенных в зависимости от фонетической структуры производящей основы:

-ilāly- (присоединяется к односложным основам на гласный): rūl-lālyqо "начать дуть, задуть" (rūqо "дуть"), cūllālyqо "начать стрелять" (cūqо "стрелять");

-āly- (присоединяется к двусложным основам на у, который при этом выпадает): qūtālyqо "заболеть" (qūtyqо "болеть"), qēālyqо "проголодаться" (qēūtyqо "быть голодным"), atālyqо "завиднеться" (atyqо "виднеться"), kykālyqо "полюбить, захотеть" (kykyqо "любить, хотеть");

-ly- (присоединяется к двусложным основам на отличный от у гласный): bogqalyqо, mōsalyqо "захромать" (bogqaqо, mōsaqо "хромать");

-ililāly- (присоединяется к двусложным основам на согласный): eñtyrgililālyqо "начать играть" (eñtyrgqо "играть"), ittyrgililālyqо "начать жалеть" (ittyrgqо "жалеть");

-glāly- (присоединяется к основам из трех и более слогов): antytglālyqо "заспорить" (antyttytyqо "спорить"), ūtyumrglālyqо "запить, удариться в запой" (ūtyumryqо "пить, пьянствовать").

Кроме того, значительной продуктивностью обладает суффикс -aʎ-, присоединяемый преимущественно к двусложным глагольным основам (свободным и связанным), обозначающим акустические явления или движения: xumraʎqо "начать петь, запеть" (xumryqо "петь"), qǝraʎqо "застонать" (qǝgumryqо "отонать"), guqraʎqо "захрапеть" (gugumryqо "храпеть"), koraʎqо "заговорить" (kogumryqо "говорить"), laqkaʎqо "закричать" (laqkyqо "кричать"), ʒraʎqо "начать зевать" (ʒgumryqо "зевать"), tagaʎqо "затрястись, задрожать" (tagumryqо "трястись, дрожать"), soqqaʎqо "начать ползти" (soqquqо "ползти"), saqqaʎqо "заерзать" (saqquqо "ерзать"), cǝraʎqо "разгореться" (cǝryqо "гореть").

В некоторых случаях наблюдается "конкуренция" форм с суффиксами -āly- и -aʎ-: mǝrkālyqо и mǝrkaʎqо "заветрить, поддаться ветру" (mǝrkyqо "ветрить"), saraʎqо и saraʎqо "начать капать" (saruyqо "капать"). В верхнетазовском говоре инхотивные глаголы на -ilāly-, -āly-, -ly-, -ililāly-, -glāly- более употребительны, чем в среднетазовском.

Нихоативное значение у глагола может выражаться и посредством сочетания инфинитива со вспомогательным глаголом *olamqo* "собраться, начать" (типа *ilucolaraak* "я начал жить" и т.п.); этим способом образуются нихоативные корреляты глаголов совершенного вида.

3.2.4.9. Однократная совершенность

Глаголы однократной совершенности обозначают действие, осуществленное один раз, в один прием, одним движением (хотя это действие может и не быть мгновенным, моментальным). Они образуются от глаголов несовершенного вида, но сами всегда относятся к совершенному виду и иногда могут фактически создавать видовые пары с производящим глаголом. Показатель однократной совершенности может оформлять некоторые связанные основы.

Однократная совершенность характеризуется следующими показателями:

- atʃi-* (присоединяется к двусложным основам на *y*, который при этом выпадает; некоторые из этих основ являются связанными): *sarātʃi*qo "капнуть" (*saruyqo* "капать"), *tuntātʃi*qo "матергнуться" (*tuntuyqo* "материться"), *turātʃi*qo "трихнуть" (*turuyqo* "трясти"), *koŋmātʃi*qo "пропеть один раз" (*koŋmuttuyqo* "петь");
- tʃi-* (присоединяется к двусложным основам на согласный или на отличный от *y* гласный): *kirassōʃi*qo (из *kirātʃi*qo) "ударить кулаком" (*kirāŋqo* "бить кулаками"), *salatʃi*qo "заглянуть один раз" (*salaqo* "заглядывать");
- qulē-* (в составе этого показателя можно выделить суффикс *-qul-*, иногда выступающий как расширитель основы, и показатель интенсивно-перфектной совершенности *-ē-*; в отличие от других показателей, *-qulē-* присоединяется к односложным основам): *tūqulē*qo "гребнуть один раз" (*tūqo* "гребти"), *širqulē*qo "пососать один раз" (*šiqo* "сосать");
- ʃi-*, *-al-* (оформляет только связанные основы; интервокальный согласный перед *-ʃi-*, *-al-* подвергается геминации): *tarrʃi*qo, *tarral*qo "пнуть" (*tarruyqo* "пикать"), *rutʃi*qo, *ruttal*qo "брызнуть" (*rutuyqo* "брызгать"), *šeeʃi*qo, *šeeʃal*qo "окатиться" (*šeeʃuyqo* "катиться"), *kutʃi*qo, *kuttal*qo "пройти" (*kuralqo* "идти").

3.2.4.10. Двухактно-финитивная совершенность

Глаголы двухактно-финитивной совершенности указывают на внутреннюю расчлененность действия, состоящего из двух взаимно-

связанных актов: из действия и противодействия, прекращающего его. При этом в одних случаях прослеживается только действие и его прекращение (финитивный характер действия), в других - два противоположных акта: действие и противодействие (двухактность действия)¹⁾.

Так, финитивность действия подчеркнута в глаголах *zattyqo* "куснуть и прекратить кусание" (ср. *ztyqo* "откусить"), *zayquntyqo* "поночевать (в каком-либо месте) определенное время и прекратить ночевки" (ср. *zayqo* "ночевать"). Расчлененность действия на два акта выражена глаголами *mintyqo* "дать и получить обратно, дать на время (взаимн, напрокат)" (ср. *miqo* "дать"), *ratqultyqo* "вырнуть и вынырнуть" (ср. *ratqulqo* "вырнуть"). В глаголах перемещения в пространстве имеется в виду движение туда и обратно: *rydkoisyqo* "кататься туда-сюда" (ср. *rydkuymyqo* "катиться (о круглых предметах)"), *tydkoisyqo* "покачиваться из стороны в сторону".

Показателями двухактно-финитивных глаголов служат суффиксы *-nty-* (присоединяется ко многим основам на гласный), *-sy-* (присоединяется к основам на *ä, i*), *-ty-* (присоединяется к основам на остальные согласные, к некоторым односложным основам на гласный, а также к некоторым двусложным основам на гласный, который при этом выпадает): *nyntyqo* "открыть на время, приоткрыть" (*nyqo* "открыть"), *wyzyntyqo* "встать на время, привстать" (*wyzyqo* "встать, подняться"), *rydkoisyqo* "кататься туда-сюда" (ср. *rydkoisyqo* примерно с тем же значением), *zyqqalttyqo* "выдремнуть на время, подремать и проснуться" (*zyqqalqo* "дремать"), *ityqo* "взять и отдать обратно, взять на время (взаимн, напрокат)" (*iqo* "взять"), *myutyqo* "согнуть и прекратить сгибание" (*myuqo* "согнуть").

В некоторых словах можно предположить наличие суффикса *-(n)ty-* как омертвевшего форманта неразложимой на синхронном

- 1) Аналогичное явление свойственно мансийскому языку, где исследователи говорят о существовании особого видового значения двухактного действия, как, например, *квалыгдэке* "встать и снова лечь или сесть" (иначе "встать и перестать стоять"). См. Е. И. Ромбандеева. Мансийский язык. "Языки народов СССР. Финно-угорские и самохидские языки". М., 1966, стр. 354.

уровне основы: *рӱӱтүгэ* "мучать" (ср. *рӱгэ* "возиться"), *қонтүгэ* "увидеть" (ср. *қоқо* "найти, обнаружить, увидеть"), *қеттүгэ* "шаманить, наноса себе порезы ножом" (ср. *қетэ* "убить"; согласно представлениям селькупов, при этом виде шаманя шаман наносит себе тяжелые, но моментально заживающие раны), *амтүгэ* "околдовать" (ср. *амэ* "сестра"; если объяснение справедливо, то первичным должно быть значение "изрыгнуть, съев" — о колдуне или сожесте, в отношении околдованного. В фольклорных текстах можно найти и по сей день описание таких ситуаций).

3.2.4.II. Интенсивная совершаемость

Интенсивная совершаемость, выражающая интенсивное действие, представлена сравнительно слабо в селькупском языке. Глагол интенсивной совершаемости оформлен суффиксом *-рауу-* (после согласного *-суу-*): *тӱраууэ* "сильно, с напряжением грести" (*тӱгэ* "грести"), *қӱттүраууэ* "сильно бить, избивать" (*қӱтүгэ* "ударить"), *мӱтүраууэ* "выпрашивать" (*мӱтүгэ* "просить"), *иссур-сууэ* "часто посещать кого-либо, не давая покоя посещениями" (*иссуэ* "ходить, посещать"), *йиссур-сууэ* "много, напряженно работать" (*йиссуэ* "работать"), *компулаууэ* "резко, с силой поворачивать" (*компулүмүгэ* "поворачиваться").

Глагол интенсивной совершаемости обычно переходный, даже если производящая основа непереходна, как у глагола *йиссуэ* "работать", *иссуэ* "ходить": *төр эмүтү иссур-сууүтү* "Он часто посещает мать" (ср. *төр мӱтүқак исса* "Он ходит в мой дом").

3.2.4.I2. Атенуативная совершаемость

Глаголы атенуативной (смягчительной) совершаемости выражают слабую степень проявления действия, его незначительность, иногда скрытый характер его осуществления.

Суффикс *-йсу-* образует непереходные атенуативные глаголы совершенного вида от основ непереходных глаголов: *йӱйсуэ* "прилечь" (*йӱсуэ* "лечь"), *қантйсуэ* "подмерзнуть" (*қантүгэ* "замерзнуть"), *мӱйсуэ* "слегка заржаветь" (*мӱгэ* "заржаветь"), *йӱйсуэ* "примосудиться, оживиться" (*йӱгэ* "жить"), *мантйсуэ* "подсмотреть" (*мантүгэ* "посмотреть, глянуть"), *тарйсуэ* "потихоньку выйти" (*таргэ* "выходить").

Суффикс *-ичу-*, сопровождаемый суффиксом дуративной совершаемости *-яру-*, оформляет группу глаголов на *-бу-* со значением

запах и вкуса: *wesubiqumruqo* "попахивать мясом" (*wesubiqo* "пахнуть мясом"), *ragubiqumruqo* "попахивать пригорелым" (*ragubiqo* "пахнуть горелым").

Суффикс *-arty-* образует переходные аттенуативные глаголы совершенного вида от основ как переходных, так и непереходных глаголов: *qattartyqo* "взлепнуть, слегка ударить" (*qattiqo* "ударить"), *wessartyqo* "приподнять" (*wessiqo* "поднять"), *shartyqo* "припугнуть" (*shiqo* "бояться"), *ilartyqo* "оживить, приободрить" (*iliqo* "жить"), *qantartyqo* "подморозить" (*qantiqo* "замерзнуть").

Глаголы с суффиксом *-arty-* регулярно коррелируют со всеми переходными глаголами, содержащими суффикс *-alty-*, в том числе и с каузативными глаголами, имеющими сложные показатели *-galty-*, *-talty-* и пр.: *tyrbartyqo* "немного взерошить" (*tyrbgaltyqo* "взерошить"), *hebbartyqo* "слегка рассердить" (*hebbgaltyqo* "рассердить"), *tafbartyqo* "надломить" (*taffgaltyqo* "сломать"), *hefcugartyqo* "заставить слегка вспотеть" (*hefcugaltyqo* "заставить вспотеть"), *ũrugartyqo* "незаметно заставить плавать" (*ũruggaltyqo* "заставить плавать").

3.2.4.13. Группа фреквентативных совершаемостей

Наряду с регулярным средством обозначения неоднократно повторяющегося действия – итеративной совершаемостью, образующейся от любых глагольных основ, – имеется несколько глагольных совершаемостей, выражающих специфические оттенки значения повторности. Каждая из таких совершаемостей, объединяемых нами под условным общим названием фреквентативных, образуется лишь от сравнительно узкого класса глаголов (впрочем, очертить формальные границы таких классов в общем случае не удастся). В грамматическом плане глаголы всех фреквентативных совершаемостей объединены принадлежностью к несовершенному виду.

С помощью суффикса *-õqu-* (**-aqu-*, **-ãqu-*) обозначаются действия, повторяющиеся через длительные интервалы времени, значительно большие, чем сама продолжительность отдельных действий. Суффикс всегда сопровождается показателем длительного вида *-uru-*: *hiktõqumruqo* "периодически икать" (*hiktiquo* "икать"), *ũcõqumruqo* "работать время от времени" (*ũciquo* "работать"), *kuntõqumruqo* "периодически ставить сети" (*kuntiquo* "поставить сети"), *šẽgõqumruqo* "периодически входить" (*šẽgiquo* "войти"), *qentõqumruqo* "периодически совершать походы, выезды" (*qentiquo* "уходить, уезжать"), *pintõqumruqo* "откладывать время от времени" (*pintiquo* "класть").

Глаголы с суффиксом *-йсу-* обозначают однородные краткие повторяющиеся действия, объединяющиеся в единый процесс: *qəty-йсуqə* "сверкать" (*qətyмруqə* "светить"), *tokkyйсуqə* "цепляться, двигаться застревая" (*tokk-тqə* "застрять"), *utyйсуqə* "действовать с остановками, задержками" (*utyqə* "остановиться"), *сэруйсуqə* "пыхать, гореть отдельными вспышками" (*сэруqə* "гореть"), *поqqəйсуqə* "отталкиваться, двигаться за счет отдельных толчков" (*поqqəqə* "отталкивать"), *laqkyйсуqə* "покрикивать" (*laqkyтqə* "кричать"). Глаголы данной совершенности всегда непременны, хотя образуются и от переходных основ.

Посредством суффикса *-оф-* *-аф-* *-аф-*, сопровождаемого показателем дуративной (*-ру-*) или двухактно-финитивной (*-суг-*) совершенности, образуются глаголы, совмещающие фреквентативное значение нерегулярной расчлененности действия с аттенуативным значением: *шмрəйруqə* "напевать" (*шмруqə* "петь"), *рйпкəйруqə*, *рйпкəйсугqə* "слегка кататься туда-сюда" (*рйпкйруmруqə* "катиться"), *wərkəйруqə*, *wərkəйруqə* "похаживать, не выходя за определенные (малые) пределы" (*wərkqə* "преобывать"), *tagəйруqə* "подрагивать" (*tagмруqə* "дрожать"), *mantəйруqə* "посматривать по сторонам" (*mantyqə* "посмотреть, взглянуть"), *tədkəйруqə*, *tədkəйруqə*, *tədkəйсугqə* "покачиваться из стороны в сторону".

3.2.4.14. Группа характеризационных совершенностей

В этом разделе рассмотрен ряд глагольных совершенностей, объединенных в семантическом отношении тем, что с их помощью выражаются не признаки действия как такового, а отношение действия к его субъекту, то есть характеризуется субъект с точки зрения его способности производить определенное действие, с точки зрения качества и постоянства выполнения им этого действия. Глаголы рассматриваемых совершенностей сближает также то, что все они непременны (хотя образуются и от основ переходных глаголов) и относятся к несовершенному виду.

С помощью суффикса *-ту-* (присоединение его сопровождается утратой конечного гласного производящей основы) образуются глаголы, обозначающие действие, к которому субъект склонен, которое является для него привычным, регулярным, часто — профессиональным: *kuktyqə* "быть шатким, неустойчивым" (*kukyqə* "качаться"), *шутыqə* "быть гибким" (*шулуqə* "согнуть"), *taltyмруqə* "быть хрупким, ломким" (*talмруqə* "ломаться"), *сəstyмруqə* "иметь привычку по-

3.2.5. КАТЕГОРИИ ЛИЦА, ЧИСЛА И ТИПА СПРЯЖЕНИЯ

Глаголы в личных формах (формах вербальной репрезентации) принимают личные окончания, указывающие на лицо и число субъекта глагольного действия (о принципах согласования по числу с подлежащим см. 4.2.2.3.3). Важную синтаксическую роль играет при этом тип спряжения, выражающийся в выборе для глагольной формы окончания одной из двух серий. Окончание первой из этих серий (1Sg. $-ak_{2x}$, $-k_{2x}$; 2Sg. $-anty$, $-aty$; 3Sg. $-a$, $-y$, $-f$; 3Da. $-\bar{3}q_2$, $-q_2$) указывает на принадлежность глагольной формы к субъектному типу спряжения; окончания второй серии (1Sg. $-am_2$, $-m_2$; 2Sg. $-al$, $-l$; 3Sg. $-yty$, $-ty$; 3Da. $-yt_2$, $-t_2$, $-\bar{3}t_2$) соответствуют объектному типу спряжения. В остальных лицах и числах окончания субъектного и объектного спряжений одинаковы (1Da. $-\bar{3}m_2$, $-m_2$, $-ej$, $-\bar{3}$; 2Da. $-\bar{3}l_2$, $-l_2$; 1Pl. $-\bar{3}mut_2$, $-mut_2$; 2Pl. $-\bar{3}lyt_2$, $-lyt_2$; 3Pl. $-\bar{3}tyt_2$, $-tyt_2$). Различие двух серий окончаний проводится и в императиве, где используются другие личные аффиксы.

Следует отметить формальную близость глагольных окончаний первой серии окончаниям предикативных форм имени, а второй серии — окончаниям посессивных форм имени.

Субъектный тип спряжения используется:

- а) при спряжении непереходных глаголов;
- б) при спряжении переходных глаголов, прямым дополнением у которых служит личное местоимение I или 2 лица;
- в) изредка при спряжении переходных глаголов с существительным в роли прямого дополнения — в том случае, когда нужно подчеркнуть неопределенность этого существительного;
- г) при спряжении переходных глаголов в императиве с существительным в роли прямого дополнения — в том случае, когда выражается не приказ, а просьба, побуждение к совершению действия;
- д) как правило, при спряжении переходных глаголов, прямым дополнением у которых служит инфинитив.

В остальных случаях употребляется, как правило, объектный тип спряжения. В частности, только он применяется в предложениях с переходным глаголом и опущенным, но подразумеваемым и известным по контексту прямым дополнением.

Таким образом, граница использования субъектного и объектного типов спряжения не совпадает с границей непереходных и переход-

ных глаголов, хотя следует подчеркнуть, что объектный тип никогда не используется при спряжении непереходных глаголов.

Сказанное можно проиллюстрировать следующими фразами, семантические различия которых выражаются за счет использования различных типов спряжения: Mat qontak "Я опли" (непереходный глагол, суб.спр.) - Mat qontar "Я (его) уложил спать" (переходный глагол с опущенным прямым дополнением, об.спр.); Alako kŭra "Лодка плывет по течению" (непереходный глагол, суб.спр.) - Alako kŭrugutu "Лодку несет по течению" (переходный глагол с определенным прямым дополнением, об.спр.); Ter ŋintu qonturtinta "Он тебя увидит" (переходный глагол с личным местоимением 2sg. в роли прямого дополнения суб.спр.) - Ter kanar qonturtintutu "Он увидит (эту) собаку" (переходный глагол с определенным прямым дополнением, об.спр.) - Ter kanar qonturtinta "Он увидит (какую-то) собаку" (переходный глагол с неопределенным прямым дополнением, суб.спр.); Ūt tātātu! "Принеси воды!" (приказ, об.спр.) - Ūt tātā! "Принеси (пожалуйста) воды!" (просьба, суб.спр.).

3.2.6. КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ И ВРЕМЕНИ

3.2.6.1. Индикатив

3.2.6.1.1. Настоящее время индикатива

С помощью форм настоящего времени (по Г.Н.Прокофьеву - аориста) индикатива может обозначаться:

а) у глаголов несовершенного вида - действие, происходящее в момент речи, или постоянное состояние: Man ilak "Я живу"; Mat terum wappuwarar "Я его вижу"; Kotras pŭqŭ ŋra "Гора высокая (есть)";

б) у глаголов совершенного вида - действие, которое произошло непосредственно перед моментом речи и результаты которого налицо: Man woduŋ ŋŭar "Я пришел домой (и сейчас дома)"; Ter wŭar wessuŋutu "Он поднял мейок (и держит его)"¹⁾

Кроме того, формы настоящего времени, как наименее маркированные, способны заменять собой другие глагольные формы (в особенности повествовательного прошедшего времени), если из контекста

1) Для глаголов совершенного вида формами, обозначающими действие, происходящее в момент речи, служат обычно аналитические конструкции из деепричастия и вспомогательного глагола eŋuŋŭo (см.3.2.9).

то данное окончание употребляется в стандартной фразе *kuty tūr-sat?* "Кто приходил?" (реже *kuty tūr-sa, tūr-sy*); причины подобного предпочтения не ясны.

3.2.6.1.3. Повествовательное прошедшее время индикатива

С помощью форм повествовательного прошедшего времени обозначается действие, имевшее место в прошлом, и при этом подчеркивается, что описываемые события отделены от говорящего, не связаны с ним непосредственно. Благодаря последнему свойству данная временная форма широко используется в фольклорных текстах: *Ilumra ukkyr 5mtuḥok. ḥḥkyr Ijaty sra. Ilumra aḥḥa kunty, ukkyr sen-tōqun qumra. Ijaity ontut pelykōlyk qalyrōtyt* "Жил один царь. У него было три сына. Жил не долго, однажды умер. Сыновья его сами, одни остались". Формы I и 2 лиц в повествовательном прошедшем времени используются сравнительно редко; их употребление указывает на то, что описываемые события происходили очень давно или даже полубабыты: *Iḥmatyḥ rogaqāḥ maḥ baḥōqun ilumrak* "В молодости я в тундре жил" (это было очень давно).

Показателями рассматриваемой временной формы являются -*pr-* (после основ на гласный: *tī-sra* "сгнал", *koḥalty-sraty* "рассказал"), -*r-* (после основ на согласный: *ḥḥg-sra* "вошел", *taqqyl-raty* "собрал"). Глагол *iḥo* "быть" имеет форму *sra* "был" (вместо ожидаемого **tī-sra*).

Окончания повествовательного прошедшего времени индикатива имеют следующий вид:

	Субъектное спр.	Объектное спр.
1Sg.	(m)pak _{2x}	(m)paḥ ₂
2Sg.	(m)ḥant ₂ , panti	(m)pal
3Sg.	(m)pa	(m)paty
1Du.	(m)pīḥ~(m)puḥ ₁ ~(m)pōḥ ₁ ~(m)pej	
2Du.	(m)pylīḥ~(m)pōlīḥ	
3Du.	(m)pōq ₁	(m)patīḥ~(m)pōtīḥ
1Pl.	(m)puḥyt ₂ ~(m)pōḥyt ₂	
2Pl.	(m)pylyt ₂ ~(m)pōlyt ₂	
3Pl.	(m)pōtyt ₂	

Г.Н.Прокофьев рассматривал данное грамматическое время как прошедшее время повествовательного наклонения (то есть, в нашей

терминологии, латентива); при этом в предложенной им схеме времен и наклонений не осталось места для тех форм, которые мы трактуем как повествовательное прошедшее время латентива. В результате в парадигмах спряжения глаголов *tūqo* "прийти"; *mōqo* "сделать" и других (Прокофьев 1935, стр. 71-76) формы *tūpra* и *tūmynuty*, *mōpraty* и *mōmynuty* даны как варианты. Согласно собранным нами данным, эти формы не вполне синонимичны: *tūpra*, *mōpraty* (повествовательное прош.вр. индикатива) просто указывает на не связанное с говорящим действие в прошлом, тогда как *tūmynuty* и *mōmynuty* (повествовательное прош.вр. латентива) еще и характеризуют действие как неочевидное, выявляемое по косвенным признакам.

3.2.6.1.4. Будущее время индикатива

Будущее время, с помощью которого обозначается совершающееся после момента речи действие, не вполне самостоятельно с точки зрения формы, так как совпадает с настоящим временем глагола в имперфектной совершаемости: *qontyqo* "спать" - *qonncatyyqo* "пытаться спать; спать, не выспавшись до конца" - *qonncentak* "я пытаюсь спать; я буду спать"; *amqo* "съесть" - *amtyqo* "есть (не съедая до конца)" - *amtar* "я ем; я съем". Тем не менее, некоторые соображения формально-грамматического характера говорят в пользу отграничения будущего времени от имперфектной совершаемости (в грамматике Г.Н.Прокофьева формы типа *qonncatak* рассматриваются только как *imperfectum*):

1. От самих глаголов имперфектной совершаемости может образовываться будущее время: *āittyyqo* "жить (но не доживать до конца)" - *āittentar* "я буду жить (но не дожить до конца)"; *ogumyntyyqo* "расти (не вырастая до предела)" - *ogumyncentak* "я буду расти (не вырастая до предела)".

2. Глаголы имперфектной совершаемости всегда относятся к несовершенному виду, тогда как видовое значение форм будущего времени определяется производящей основой; *itar* "я возьму" (несов.вид) от *iqo* "взять"; *cūrcatak* "я буду плакать" (несов.вид), от *cūryqo* "плакать"; *q'maltentar* "я обниму" (сов.вид) от *q'malqo* "обнять".¹⁾

1) Сходные соображения применительно к немецкому языку высказывал К.Лабанаускас, который подробно обосновал целесообразность отношения "будущего первого" с показателем *-ga*, *-dv(-tv)* к систе-

Будущее время образуется с помощью тех же показателей, что и имперфектная совершаемость (см. 3.2.4.4), то есть *-t-* (после односложных основ на согласный и долгий гласный: *qəntak* "я уйду", *i-tar* "я возьму"); *-nt-* (после односложных основ на краткий и некоторых на долгий гласный, после неодносложных основ на отличный от *y* гласный: *qə-ntar* "я найду", *pə-ntar* "я буду искать", *kora-ntak* "я буду ездить", ср. также *pū-tar* ~ *pū-ntar* "я подую", *i-tak* ~ *i-ntak* "я буду"); *-ənt-* (после неодносложных основ на *y*, который при этом выпадает: *wəssuym-əntar* "я буду держать", основа *wəssuym-*); *-ənt-* (после неодносложных основ на носовой согласный: *iṣṣuṣ-əntar* "я почию"); *-sənt-* (после неодносложных основ на *ä*, *i*: *äyṣ-əntak* "я буду охотиться", основа *äyṣ-*); *-tənt-* (после неодносложных основ на остальные согласные: *taqqyl-təntar* "я соберу", *kəpyt-təntar* "я буду смешивать"). Иногда наблюдаются варианты форм с отклонением от указанного распределения (*lankax-səntak* ~ *lankax-əntak* "я закричу", *məqylṣi-təntar* ~ *məqylṣi-tar* "я понадеваю").

Таблицу окончаний будущего времени индикатива можно получить из таблицы окончаний настоящего времени для основ на *y* путем добавления к окончанию (перед ним) *t-*, *nt-*, *ənt-*, *sənt-* или *tənt-*. Следует подчеркнуть, что конечным гласным окончания 3sg. суб.спр. всегда является *a*, а не *y*, что позволяет в ряде случаев отличить будущее время индикатива от настоящего времени латентива, ср. *qənta* "он уйдет" - *qənty* "он (оказывается) ушел".

3.2.6.2. Латентив

Мы предлагаем термин **латентив** (стоящий в одном ряду с такими наименованиями наклонений, как индикатив, императив, аудитив и т.д.) для обозначения того наклонения, которое в описании Г.Н.Прокофьева названо повествовательным или предположительным (*narrativum*), а кроме того, именуется иногда неочевидным наклонением или формой неочевидного (засного) действия (см., например, Терещенко 1973, стр.144-145).

Латентив имеет три времени - настоящее, повествовательное прошедшее и будущее, отличаясь от индикатива отсутствием (просто-

ме времен индикатива и ограничения его от форм имперфектной совершаемости на *-əde*, *-əv(-tv)*. (К.Лабанаускас. Будущее первое время в венецком языке. "Советское финно-угроведение", XII, 1976, №2, стр.108-112).

го) прошедшего времени. Показателем латентива является -nt- (с морфонологическими вариантами, см. далее). Следует отметить, что омокиния показателя латентива и одного из формантов имперфектной совершаемости (а также будущего времени) возникла лишь в конце XIX - начале XX в.в. после перехода *č > t̃ > t. Сопоставление с данными М.А.Кастрена по тазовскому диалекту показывает, что ранее показатель латентива имел вид -nt- (-nd-), а показатель будущего времени -nč- (-ndā-) (Castren-Lenttilä 1960).

Глаголом в латентиве обозначается действие, сам факт или обстоятельство совершения которого не является для участников разговора (обычно и для самого говорящего) очевидными, зримыми. Можно выделить следующие типичные случаи употребления латентива:

а) Для обозначения действия, известного с чужих слов: Aramu nomra q̃utynty "Мой отец, говорят, болен"; Q̃umyt nik toam̃t̃yt, lark̃õq̃un üt sãq̃um̃ty "Люди так говорят, в магазине водки нет".

б) При обозначении процессов, происходящих в природе и в организме и не зависящих от воли человека: Lyrkum̃t̃tyloryssy "Смеркается"; Sajanty q̃õhy q̃ãum̃um̃ty "У тебя потекли слезы"; Šitty p̃õty q̃enty "Прошло два года"; Q̃entak kuss̃a sãjar atany "Пойду, куда глаза глядят".

в) В вопросах: Tat q̃aj q̃õc̃um̃tal? "Ты что увидел?"; Pãjar kuss̃a q̃att̃̃̃tynty? "Мой нож куда делся?"

г) В ответах на вопросы: Mat q̃õtt̃um̃um̃tak "Я чихаю" (в ответ на вопрос "Кто чихает?"); ср. Mat q̃õtt̃um̃rak "Я чихаю" (просто констатация факта).

д) При обозначении неожиданно обнаруженного действия: Alakom̃u tãff̃um̃t̃pynty "Лодка моя (оказывается) сломалась"; Weñỹf̃ m̃õty na š̃rak "Я (оказывается) в чужой дом вошел".

е) В предложениях, подлежащим которых является неопределенное местоимение: š̃ap̃nãq̃un kov q̃aj at̃um̃um̃ty "Впереди что-то виднелось" (ср. š̃ap̃nãq̃un q̃õtt̃y at̃um̃ra "Впереди виднелся город").

ж) В предложениях с модальными частицами, выражающими неопределенность: Aramu q̃õty sãlyntyty pãjur "Мой отец, вроде, точит нож". Следует подчеркнуть, что особенно часто форму глагола в латентиве сопровождает препозитивная частица na, которая, по-видимому, лишена самостоятельной семантики, а лишь подкрепляет общую латентивную модальность фраз. Например, эта частица может быть вставлена во многие приводившиеся выше фразы: Aramu nomra na q̃utynty; Sajanty q̃õhy na q̃ãum̃um̃ty; Alakom̃u na tãff̃um̃t̃pynty;

Яспнагун коз қаж на атушшунту (значение фраз при этом не меняется).

з) В течение последних десятилетий в тазовском диалекте значительно сократилось употребление аудитива. Это наклонение довольно часто встречается в текстах, охваченных словарем И.Эрдейи (Erdéyi 1969), однако в современных записанных нами текстах аудитив не был употреблен ни разу, хотя сама его форма понятна большинству информантов. Сфера прежнего использования аудитива, то есть обозначение "действий, устанавливаемых на основании их слышимости" (Прокофьев 1935, стр.69), в настоящее время ободукивается обычно латентивом: *tūnaty* (вместо *tūkunā*) "он пришел (слышать)"; *tattuntōtyt* (вместо *tattykunaŋyt*) "они принесли (слышать)".

Следует отметить, что использование латентива в перечисленных ситуациях является возможным и даже типичным, но не строго обязательным: как правило, латентив может заменяться менее маркированным наклонением — индикативом.

3.2.6.2.1. Времена системы латентива.

Спряжение глаголов в латентиве

Три времени, входящих в систему латентива (настоящее, повествовательное прошедшее и будущее), соотносятся между собой так же и имеют такую же семантику (дополнительно осложненную значением неочевидности действия), как и соответствующие времена индикатива.

Показателями латентива вообще и одновременно с этим настоящего времени латентива (по Г.Н.Прокофьеву — аориста повествовательного наклонения) являются аффиксы *-nt-* (после большинства основ на гласный: *omny-ntak* "я (оказывается) сел", *ī-nty* "он (оказывается) есть", *tenyū-ntylyt* "вы (оказывается) знаете"), *-t-* (после основ на согласный, кроме *š*, *ʕ*, *ɣ*, и после некоторых односложных основ на долгий гласный: *ī-tar* "я (оказывается) взял", *rasyt-ty* "он (оказывается) рубит"), *-β-* (после основ на *ɣ*: *šer-y* "он (оказывается) вошел"), *-s-* (после основ на *š*, *ʕ*: *mɛkkaʕ-sy* "заветрило, поднялся ветер").

Показатель повествовательного прошедшего времени в латентиве (Г.Н.Прокофьев, как уже указывалось, объединял его с повествовательным прошедшим временем индикатива под наименованием "прошедшего времени повествовательного наклонения") сложный. Он состоит

из аффиксов $-(=)p-$ (повествовательное прош.вр. индикатива) и $-nt-$ (латентив) и имеет вид $-munt-$ (после основ на гласный: $ily-munt$ "он (оказывается) жил", $tinumy-muntuty$ "он (оказывается) знал"), $-pynt-$ (после основ на носовую согласный: $qet-pyntyty$ "он (оказывается) убил", $ažatur-pynty$ "он (оказывается) играл"), $-mynt-$ (после основ на носовую согласный: $qan-mynty$ "он (оказывается) ушел", $imam-mynty$ "она (оказывается) состарилась").

Сложный показатель будущего времени латентива состоит из морфем $-ty-$, $-nty-$ и т.д. (имперфектная совершаемость, буд.вр. индикатива) и $-nt-$ (латентив), имея вид $-tynt-$ ($i-tyntyty$ "он (оказывается) возьмет"), $-amunt-$ ($tū-amunt$ "он (оказывается) придет"), $-amunt-$ ($il-amunt$ "он (оказывается) будет жить"), $-tamunt-$ ($taqyl-tamuntuty$ "он (оказывается) соберет"), $-namunt-$ ($lōcun-namuntuty$ "он (оказывается) починит"), $-camunt-$ ($aqeyluc-camunt$ "он (оказывается) будет собирать грибы").

Окончания отдельных времен латентива можно получить из таблицы окончаний настоящего времени индикатива для основ на согласный путем замены начального $n-$ на указанные выше показатели времен латентива. Единственное отличие касается лично-числового аффикса в 3sg. суб.спр., который всегда имеет вид $-y$, а не $-a$. Кроме того, форма 3sg. суб.спр. во всех временах латентива может образовываться и принципиально иным способом — непосредственным присоединением к основе соответствующего времени аффикса $-any$ ($*-žny$) без показателя латентива: $mižany \sim *mižāny$ ($\sim mižanyty$) "кипит", $tēžumrany \sim *tēžumrāny$ ($\sim tēžumranyty$) "он (оказывается) отошел", $ūrkentany \sim *ūrkentāny$ ($\sim ūrkamunt$) "он (оказывается) заблудится".

3.2.6.3. Кондиционалис

Формы кондиционалиса (условного наклонения) обычно используются в составе сложного предложения и обозначают действия, являющиеся условием выполнения некоторого другого действия: $apratāy arpał i mā$ "Накорми, если у тебя будет еда"; $qata ūkyt tūlcum-mānt iinty etyltentžmyn$ "Если мы придем раньше, мы тебя подождем".

Показателями кондиционалиса служат аффиксы $-m(ā)-$ (у основ на гласный: $aīcu-māk$ "если я уйду"), $-n(ā)-$ (после основ на носовую согласный и, в качестве варианта, у глагола $i qo$ "быть": $qan-māk$ "если я уеду", $i-māk \sim i-māk$ "если я буду"), $-um(ā)-$ (после основ на носовую согласный: $oīqyl-umāp$ "если я схва-

чу"). Различий по времени в кондиционалисе нет.

Окончания отдельных лично-числовых форм кондиционалиса (для основ на гласный) имеют следующий вид:

	Субъектное спр.	Объектное спр.
1Sg.	ma ^h k _{2x}	ma ^h al ₂
2Sg.	ma ^h aty	ma ^h al
3Sg.	ma ^h a	ma ^h aty
1Du.	ma ^h i ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁	ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁
2Du.	ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁	ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁
3Du.	ma ^h ai ₁	ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁ -ma ^h ai ₁
1Pl.	ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂	ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂
2Pl.	ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂	ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂
3Pl.	ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂	ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂ -ma ^h ai ₂

3.2.6.4. Конъюнктив

Формы конъюнктива (сослагательного наклонения) обозначают гипотетическое, не реализованное в действительности действие: Mat rōm mupusan sa^ha - gōrap sa^hky "Я согнул бы дерево, но возможности у меня нет"; Sa^ha sa^ha mō mupun pāfayun "Была бы у нас дочь!" Глагол в конъюнктиве иногда сопровождается частицей ru (из русск. *бы*: Muty mat ru ilusak sa^ha "Там бы я жил").

Конъюнктив образуется аналитическим сочетанием глагола в прошедшем времени индикатива с частицей sa^ha; при этом в 3Sg. суб.спр. вместо обычных окончаний прош.вр. -sa или -su используется более редкое -sal: qesalan sa^ha "он бы ушел"; koqumusan sa^ha "он бы говорил". Частица sa^ha по происхождению является омертвевшей формой конъюнктива глагола ʔqo быть (-n- как показатель данного наклонения известен другим селькупским диалектам, см. Castrén 1854, стр. 369). В некоторых диалектах вместо этой деитологизировавшейся частицы при образовании конъюнктива используется форма 3Sg. наст.вр. индикатива ʔqa: *qōalan ʔqa "я бы шел" и т.д.

Имеет место значительная тенденция к употреблению синтетических форм конъюнктива, отличающихся от аналитических форм слиянием глагола с частицей в одно фонетическое слово и устранением влияния путем элизии гласного или j-овой эпентезы. Аналитические и синтетические окончания конъюнктива представлены в следующей таблице:

	Субъектное спр.	Объектное спр.
1Sg.	sak cna sakcna~cancna	sam cna samcna
2Sg.	santy cna santcna	sai cna saicna
3Sg.	san cna sancna	syty cna sytcna
1Du.	s ₁ cna~sym ₁ cna~s ₂ m ₁ cna~s ₂ j cna s ₁ j cna~sym ₁ j cna~s ₂ m ₁ j cna~s ₂ j cna	
2Du.	sy ₁ cna~s ₂ l ₁ cna sy ₁ j cna~s ₂ l ₁ j cna	
3Du.	s ₃ q ₁ cna s ₃ qcna	sy ₁ cna~s ₂ t ₁ cna sy ₁ j cna~s ₂ t ₁ j cna
1Pl.	symyt cna~s ₂ myt cna symy ₁ cna~s ₂ my ₁ cna	
2Pl.	sylyt cna~s ₂ lyt cna syly ₁ cna~s ₂ ly ₁ cna	
3Pl.	s ₃ tyt cna s ₃ ty ₁ cna	

3.2.6.5. Оптиматив

Формы оптиматива (желательного наклонения) имеют модальное значение, связанное с возможностью или желательностью совершения какого-либо действия в будущем. Они, в частности, используются:

а) Для выражения намерения, обещания: qarca muntuk sa kopai-tylär "Я потом все расскажу".

б) Для выражения побуждения или пожелания, обращенного говорящим к самому себе или к группе лиц, в состав которой он входит (данное употребление оптиматива как бы восполняет "пробел", обусловленный отсутствием форм императива для I лица): qentalläik "Вздремну-ка я!"; qellyum! "Пойдемте!"

в) Для выражения пожелания на будущее: tat terum yku cetyläi (sa) "Пусть ты его не встретишь"; muntuk qellä man ügämäk "Пусть все идет (в будущем) по-моему".

г) Для того, чтобы испросить разрешение что-либо сделать: mōt äerläk? "В дом можно войти?"; näqqullyum? "Нам можно покурить?" (в подобных предложениях используется особая интонационная модель

с паузой перед последним слогом и резким подъемом голоса на нем).

д) Иногда опатив встречается в сложных предложениях для обозначения следствия из некоторого условия, выраженного глаголом в кондиционалисе: *Tat sākkušmāntu, mat uku wešylāk* "Если тебя не будет, я не встану".

В описании Г.Н.Прокофьева данное наклонение трактуется как будущее время повествовательного (предположительного) наклонения.

Показателем опатива является аффикс *-l(ä)-*; часто формы этого наклонения сопровождаются пре- или постпозитивной частицей *ä:* *tüläntu ~ ää tüläntu ~ tüläntu ää* "пусть ты придешь". Для отрицания при опативе, как и при императиве, используется частица *uku:* *uku (ä) tüläntu* "пусть ты не придешь" (ор. *uku tūčāyuk* "не приходи", но *ää tūčāntu* "ты не пришел"). Такая особенность опатива делает принципиально возможной трактовку его как будущего времени императива; Впрочем, различия в значении и употреблении опатива и императива не сводятся к временным различиям.

Таблицу окончаний опатива можно получить из таблицы окончания кондиционалиса для основ на гласный (см. 3.2.6.3) путем замены начального сочетания *ш-* во всех формах на *l-*. Следует, однако, иметь в виду, что в 3sg. параллельно используются окончания *-lā* и *-ly* (суб.спр.), *-lātu* и *-lytu* (об.спр.): *sūgu-lā ~ sūgu-ly* "пусть он (в будущем) плачет"; *l-lātu ~ l-lytu* "пусть он (в будущем) возьмет".

3.2.6.6. Дебитив

Формами дебитива (долженствовательного наклонения) обозначается действие, которое должно произойти или которое нужно выполнить: *Aj mētyf rēguraštymut šakkuqunytqo* "Еще дом нам придется искать, чтобы переночевать"; *Mat qoqrur qeäštär* "Я должен убить медведя". В описании Г.Н.Прокофьева формы дебитива не зафиксированы. Различий по времени в этом наклонении нет.

Показателями дебитива являются аффиксы *-rašt-* (после основ на гласный: *qo-raštär* "я должен найти"), *-št-* (после основ на согласный: *piä-štär* "я должен положить", основа *piä-*). Таким образом, селькупский дебитив обнаруживает явное родство с соответствующим наклонением в ненецком (аффикс *-bci-*) и энецком (аффикс *-čä-*) языках (см. Терещенко 1973, стр.143-144).

Парадигму дебитива можно получить из таблицы окончаний настоящего времени индикатива для основ на согласный, заменив начальный *n-* всех форм на *(p)št-*.

3.2.6.7. Аудитив

В своем описании Г.Н.Прокофьев выделял в селькупском языке аудитив – наклонение, которое "выражает действия, устанавливаемые на основании их слышимости" (Прокофьев 1935, стр.69) и характеризуется показателем *-kup(ä)-*: *rasuty-kupä* "рубит (слыхать)"; *ärg-kupäntu* "ты вошел (слыхать)". Как уже указывалось выше, формы аудитива в современном тазовском диалекте мало употребительны и в собранных нами текстах не встретились ни разу, хотя они и понятны для большинства информантов. Опрос информантов по парадигме позволял установить формы спряжения глаголов в аудитиве, в целом совпадающие с указанными Г.Н.Прокофьевым. Интересно, что, согласно данным, полученным при опросе информантов, аудитив имеет не только 2 и 3, но и I лицо (вопреки Прокофьев 1935, стр.70). Формы I лица аудитива переводились при этом, однако, не как имеющие собственно аудитивное значение, а как выражающие общую неопределенность: *amutkupäk* "я ем" (где-то, когда-то, при неизвестных обстоятельствах). Поскольку мы не располагаем хорошими примерами использования аудитива в контексте, приходится оставить открытым вопрос о том, служит ли аудитив только для обозначения воспринимаемых на слух действий или его функции шире. Отметим, что аудитив с этимологически родственными показателями в других самодийских языках (нен. *-wop-/-wop-*, эн. *-qno-/-qno-*, нган. *-wini-/-wini-*) употребляется для обозначения действий, воспринимаемых при помощи не только слуха, но и обоняния, осязания и т.п. (Терещенко 1973, стр. 145-146).

Таблицу окончаний аудитива можно получить из таблицы окончаний кондиционалиса (см.3.2.6.3) путем замены начального сочетания *-w-* во всех формах на *-kup-*. При этом, однако, в 3sg. параллельно используются окончания *-kupä* и *-kupu* (суб.спр.), *-kupäntu* и *-kupuñtu* (об.спр.).

3.2.6.8. Императив

С помощью форм императива (повелительного наклонения) выражается приказ, просьба, побуждение: *tä nōtu rōly rassalōnuj i tūl i oōtūñu i!* "Вы (двое) теперь дрова нарубите и костер разожгите!"; *wasuä äm mōäi!* "Дай мне мяса!"; *sōlum ituf palāqut nūtu iñum i!* "На солнечной стороне потом пусть возьмет".

Императив представлен в двух лицах (2-ое и 3-ье всех чисел) и характеризуется, в отличие от других наклонений, не особым суф-

фиксальным показателем, а специфическим набором лично-числовых аффиксов. Особенное разнообразие вариантов и нетривиальных морфологических закономерностей отличает образование форм 2sg. В субъектном типе спряжения используется обычно показатель -āyuk_{2x} -āā, присоединяемый к основам на согласный непосредственно (qep-āyuk ~ qep-āā "уйди"), к основам на гласный у - с выпадением последнего (il-āyuk ~ il-āā "живи"; основа ily-), к основам на остальные гласные - с эпентезой между основой и аффиксом q, реже - с эпентезой j или без эпентезы (ē-q-āyuk ~ ē-q-āā ~ *ē-j-āyuk ~ *ē-j-āā ~ *ē-āyuk ~ *ē-āā "будь"). Наряду с этим показателем для образования 2sg. суб.спр. императива используются аффиксы -k_{2x} (после основ на гласный: ily-k "живи"; ē-k "будь"), -yk_{2x} (после основ на согласный: qep-yuk "уйди"). В объектном типе спряжения используются показатели -āty ~ āt, (после основ на гласный у, причем последний выпадает: ket-āty ~ ~ ket-āt "скажи"; основа kety-), -y (после основ на согласный r: šor-y "одень"), -ty (после основ на все остальные гласные и согласные: am-ty "съешь", aapa-ty "попробуй"). Формы 2sg. императива с показателями -āā(yuk) и -āt(y) характеризуются, кроме того, наличием морфологически необъяснимых (и, по-видимому, архаичных) противопоставлений по месту ударения: ср. keraā "зимуй", но kēāā "дыши"; qaraāty "почини", но qāraāty "позови" (см. 2.8.3).

Образование остальных форм императива подчиняется более стандартным правилам. Отметим, что в 3 л. формы объектного спряжения отличаются от форм субъектного наличием морфемы -nty-, инфигируемой в состав показателя: (ā₁p) qanpyjātyt "пусть они (меня) убьют" - qanpy-nty-jātyt "пусть они (его) убьют". Окончания 3sg. и 2-3du. и pl. представлены в следующей таблице:

	Основы на согласный		Основы на гласный	
	Суб.спр.	Об.спр.	Суб.спр.	Об.спр.
3Sg.	nyjā~*nī	nyntyjā~*nyntī	nyjā~*nī	nyntyjā~*nyntī
2Du.	nylī		nylī	
3Du.	nyjāqī	nyntyjāqī	nyjāqī	nyntyjāqī
3Pl.	nyty ₂ ~nylyt ₂	nylyt ₂ ~nōty	nyty ₂ ~nylyt ₂	nylyt ₂ ~nōty~ōty ¹⁾
3Pl.	nyjātyt ₂	nyntyjātyt ₂	nyjātyt ₂	nyntyjātyt ₂

1) Окончание -ōty используется после основ на гласный у, который при этом выпадает

3.2.7. СУБСТАНТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЛАГОЛОВ

3.2.7.1. Инфинитив

Показателем инфинитива (неопределенной формы глагола) является аффикс *-qo* (в.-таз. *-qa*), непосредственно присоединяемый к глагольной основе. Этот же показатель служит для образования форм транслатива существительных (см. 3.1.3.6). Близость инфинитива транслативу проявляется не только на морфологическом, но и на синтаксическом уровне: ср. *qomtatqo* (Transl.) *mōtyrna* "он просит денег" и *ūtuyqo* (инфинитив) *mōtyrna* "он просит пить".

Субстантивный характер инфинитива проявляется и в том, что вместо собственно глагольных форм лица и числа он обладает именными посессивными формами. Посессивные формы инфинитива образуются так же, как и в транслативе, то есть имеют следующие окончания:

Лицо \ Число	Sg.	Du.	Pl.
I	-qunōqo—qunō	-qunīqo	-qunytqo
2 и 3	-quntōqo—quntō	-quntīqo	-quntytqo

Инфинитив может использоваться в качестве прямого дополнения при таких глаголах (модальных, инхотивных и некоторых других), как *kuquqo* "хотеть, любить", *tənuquqo* "уметь, знать", *əəruquqo* "мочь", *olamqo* "собраться, начать", *antalyuquqo* "стремиться", *əəuqo* "стать", *mōtyrqo* "просить" и т.п., а также при слове *aōtna* "нужно": *nekuntuyqo aōtna tənuyak* "я не умею писать", *qenqo aōtna* "нужно уйти", *əūguqo olapəōtyt* "они собрались охотиться". Инфинитив может выступать в предложении и как обстоятельство цели (то есть в супинном значении); в этом случае он, как правило, употребляется в сочетании с показателями посессивности, указывающими на субъект обозначенного инфинитивом действия (который может и не совпадать с субъектом основного глагола): *šar əquntōqo muququly oraak əīrātū* "Чтобы (он) был крепким, узел туго завязки"; *tərut tənuəōtyt roquur qəlyəquntytqo (qəlyəqo)* "Они купили сеть (чтобы им) ловить рыбу"; *šəntu roquuə mīntak qəlyəquntō* "Я дам тебе сеть (чтобы тебе) ловить рыбу". Изредка формы инфинитива ис-

пользуется в функции подлежащего (*šōtqyn ilyqo qoŷuk ŷna* "В лесу жить плохо"), а также в значении императива (*šimukšī šmtqo!* "Тихо сидеть!", *ŷku mēqo!* "Не делать!").

Особенно тесная смысловая связь между инфинитивом в непосесивной форме и некоторыми глаголами, дополнением к которым является инфинитив, приводит к фонетическому слиянию этих двух слов, сопровождающемуся элизией конечного гласного в показателе инфинитива: *qenqolamnak* "я собрался уходить" (ср. *qenqo* "уйти"; *elamqo* "начать, собраться"), *lyrkumštqolamty* "начало смеркаться" (ср. *lyrkumštqo* "стемнеть"); *amutqesumrak* "я проголодался" (ср. *amutqo* "кушать"; *esutqo* "стать"), *igap qoqesumra* "она захотела выйти замуж" (ср. *igap qoqo* "выйти замуж", буквально "муха найти"); *amqēna* "пригоден для еды" (ср. *amqo* "съесть", *ēqo* "быть"), *aiša šimruqēnak* "я не могу петь" (ср. *šimruqo* "петь", *aiša* "не"); *iqantalumrar* "я пытаюсь взять" (ср. *iqo* "взять", *antalumruqo*, *antalruqo* "стремиться"), *uku qalyqantalumraēuk* "старайся не отстать" (ср. *qalyqo* "отстать, остаться"). Поскольку образования такого рода, как видно из примеров, ни по форме, ни по смыслу не являются простой суммой составляющих их компонентов, их можно в принципе рассматривать как особые (модальные) глагольные совершенности.

3.2.7.2. Имя действия

3.2.7.2.1. Имя действия I.

Имя действия (*nomen actionis*), условно переводимое здесь посредством русских отглагольных имен¹⁾, образуется с помощью показателей *-ptā* (после основ на гласный: *satty-ptā* "бросание", *ota-ptā* "ловля"), *-ā* (после основ на г: *ūg-ā* "купание, плавание", *qontug-ā* "видение"), *-oā* (после основ на *š*, *ŷ*: *šūgus-sā* "охота" от *šūgūš-qo* "охотиться", *ladkaŷ-sā* "крик", буквально "закричание"), *-tā* (после основ на остальные согласные: *s-ŷeyt-tā* "растопливание", *mantāšī-tā* "осмотр"). У глаголов дуративной совершенности с суффиксом *-(m)ru-* возможна гаплогения со стяжением

1) Условность перевода проистекает из того, что лишь сравнительно немногие имена действия способны непосредственно употребляться как названия действий (проявляя при этом черты полной субстантивации — см. ниже).

-(ш)пу-рtā в -(ш)рtā (шпупу-рtā, шпупрtā "смотрение";
рппу-рtā, рпрtā "хранение").

Имя действия сохраняет синтаксические признаки того глагола, в парадигму которого оно входит (валентности, способность определяться наречием, модели управления - с тем отличием, что субъект при имени действия выражается, как правило, генитивом). Однако в своей морфологии оно характеризуется признаками существительного: а) изменяется по падежам (особенно часто используются Nom., Gen., Transl., Loc., реже - Acc. и Pl.; другие потенциально возможные падежные формы практически не употребляются); б) образует посессивные формы (амутāqāk "когда я ем", буквально "в моем едении"; амутāqāqtu "когда ты ешь", буквально "в твоём едении" и т.д.). Закономерности образования падежных и посессивных форм от имени действия те же, что и для обычных существительных с основой на гласный (см. 3.1.3, 3.1.4.1).

Важнейшей сферой употребления имен действия являются специфические синтаксические конструкции в рамках так называемого простого осложненного предложения" (Тереженко 1973, стр. 297 и далее), обычно переводимые на русский язык придаточными предложениями: qanturpānu kintu cūntuzak "Пока я ехал (буквально "в течение моей езды"), я стрелял"; qantut qoākīl šappupurpāntutqo aruā mīzar "Поскольку люди плохо выглядели, я дал им поесть" (буквально "Людей из-за плохого их смотрения я дал едой"); kut qantu tūrtāqunūt sazuq saukka "Когда мы подходили к речке (буквально "к речке в нашем приходе"), становилось холоднее". В рамках подобных конструкций имя действия может стоять в посессивных формах следующих падежей: а) Gen. (в сочетании с различными послелогам); при этом выражаются разнообразные обстоятельственные значения: Ijatya pīsuccāntut cītu "ради смеха детей, чтобы дети смеялись"; (tan) onturpāntu tetty "до твоего усаживания, пока ты не сел"; (mat) tēnupurpānu āqqun "в соответствии с моим думаньем, как я и думал"; б) Transl.; при этом выражается причина: (mō) tēnupurpāntutqo "из-за нашего знания, поскольку мы знали"; в) Loc.; при этом обозначается время: qanturpānu "при его умирании, когда он умирал"; г) Acc. и Pl.; имя действия в этих падежах употребляется при некоторых глаголах, требующих accusativного или элативного дополнения: tūrtāntu (stutuzar) "(я ждал) его прихода, чтобы он пришел"; šabbunūttaqāk (imādu) "(ты боишься) моего гнева, что я рассержусь".

Другой очень частой сферой употребления имен действия является конструкция, состоящая из имени действия в посессивной форме Nom. и глагола *са́рка* "отсутствует", которая заменяет собой сочетание частицы *а́йа* с прошедшим временем индикатива: *Man aly-gamy са́рка* "Я не ел" (буквально "Мое едение отсутствует"); *Sēryptāntō tūrtāty са́рка* "Из-за дождя он не пришел" (буквально "его приход отсутствует"). Упрощением этой конструкции является усечение глагола *са́рка* до частицы *сā*, ставящейся обычно перед именем действия: *Kutynēj сā ūrkuptāty* "Никто не заблудился"; *Mē žōtty сā koraptāmyt* "Мы в лес не ездили".

В некоторых диалектах обнаруживается тенденция к дальнейшей модификации отрицательной конструкции с частицей *сā* и именем действия. Модификация состоит в том, что имя действия вместо посессивных лично-числовых аффиксов начинает оформляться лично-числовыми аффиксами субъектного и объектного спряжений, теряя тем самым признаки субстантивной репрезентации и приобретая признаки вербальной репрезентации (финитных форм глагола). Примеры: *Mat tarum сā qontugār* (вместо *qontugār са́рка*) "Я его не увидел"; *Mat žinty сā qontugār* (вместо *qontugār са́рка*) "Я тебя не увидел"; *Сā žūgussānty* (вместо *žūgussā са́рка*) "Ты не охотился". Примеры этого рода можно трактовать как свидетельство становления особого глагольного наклонения - негатива с конфиксальным показателем *сā... - [(p)t]ā-*. (Трактовка негатива как наклонения основывается на том, что с его помощью выражается особое типа соотношение между обозначенным действием и действительностью, а именно, несоответствие).

Таким образом, употребление имен действия ограничено, как правило, определенными контекстами, в которых они выполняют, как это видно из примеров, функцию дополнительного или даже основного предиката в предложении.

Имеется, однако, небольшая группа имен действия, способных выступать в типично субстантивных контекстах (например, в функции подлежащего): *ūcypṭā* "работа", *ilypṭā* "жизнь", *žūgussā* "охота" и некоторые другие.

От них могут быть образованы формы Du. и Pl. и формы адъективной репрезентации (*ilypṭālmūt* "наши жизни", *žūgussāf* "относящийся к охоте, охотничий" и т.п.), тогда как обычные имена действия данных форм не образуют. Указанные синтаксические и морфологические признаки этой группы слов свидетельствуют об их полной

субстантивации с отрывом от глагольной парадигмы и переходом в класс существительных.

3.2.7.2.2. Имя действия II

В ряде текстов удалось зафиксировать еще одно имя действия, используемое в конструкциях, обозначающих временные рамки и степень проявления действия: *Ḫuwaak qikuḡu tattu* "Я работал до (самой) смерти"; *Tar wəsuḡu aḡkuššak suḡura* "Он пришел в бешенство" (буквально "Он поеданию своего мяса соответственно стал"); *šittu qim ilukim nḡruḡ māt šata* "Достаточного для проживания двух людей размера чум стоит".

Имя действие II образуется прибавлением к глагольной основе показателя *-ku-* (*⁺-ku-*). Насколько позволяет судить имеющиеся данные, оно употребляется только в сочетании с показателем генитива (в непосессивной или посессивной форме), за которым следует послелог (*kunṭu* "в течение", *tattu* "до", *āḡquḡ* "при, во время (событий в прошлом)", *nḡruḡ* "соответственно, до (о степени проявления)", адъективная форма послелога (*āḡquḡ* "бывший при, бывший во время", *nḡruḡ* "соответствующий, достигающий (определенной степени)"), показатель координатива *-šak* или координативной адъективной формы *-šaḡ*. Например, имя действия II *rēku-* от глагола *rēqə* "искать" выступает в таких комбинациях: *rēkut kunṭu* "во время поисков"; *rēkut tattu* "до (начала) поисков"; *rēkut āḡquḡ* "во время поисков (в прошлом)"; *rēkun nḡruḡ* и *rēkuššak* "соответственно поискам"; "до такой степени, что нужны поиски"; *rēkun nḡruḡ* и *rēkuššaḡ* "соответствующий поискам"; "доходящий до такой степени, что нужны поиски"; *rēkunṭu kunṭu* "во время моих поисков"; *rēkunṭu tattu* "до (начала) твоих поисков, до (начала) его поисков" и т.д.

3.2.8. АДЪЕКТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЛАГОЛОВ

Формы адъективной репрезентации глаголов (причастия) выступают в предложении в функции определений. Они сохраняют все валентности того глагола, к парадигме которого относятся, и за счет этого способны образовывать причастные обороты: *Takkunṭu qāḡur qenṭu-ruḡ qur tḡmṭu ša* "Из низовьев рыбу увезший человек здесь находится". Модели управления причастий в основном совпадают с моделями управления глаголов в финитных формах, с тем исключением, что

субъект выраженного причастием действия ставится обычно в генитиве, а не номинативе: *qumyt taqqyltintytyf 3tat* "человеком собираемые олени" (ср. *qum 3tatyr taqqyltintylogylyty* "Человек собирает оленей"), *tan hehhanu 3utryf porqar* "твоей сестрой считаемая моя одежда" (ср. *Tan hehhal mat porqar 3utra* "Твоя сестра мою одежду шила"), *kanak arsytyf arsy* "еда, которую должна будет есть собака" (ср. *Kanak arsy arsytyty* "Собака должна будет есть еду").

Все причастия, образованные от переходных глаголов, способны выступать как в активном, так и в пассивном значении; при этом залоговое противопоставление выражается только синтаксически, но не морфологически. Ср. *3tar qetryf qorqu* "оленья убивший медведь" и *qorqut qetryf 3ta* "медведем убитый олень" (обе конструкции являются трансформами фразы *qorqu 3tar qetraty/qessyty* "Медведь оленя убил"), *torugur wetentytyf Ijat* "ягоды собирающие дети" и *Ijatyn wetentytyf torug* "детьми собираемые ягоды"; *qomtar qokubcytyf imaqota* "не нашедшая денег старуха" и *imaqotat qokubcytyf qomta* "не найденные старухой деньги"; *porqur 3ussa3tyf imany* "моя жена, которая должна будет шить одежду" и *imany 3ussa3tyf porqu* "одежда, которая должна быть сшита моей женой". В ряде случаев пассивное значение в определенном семантико-синтаксическом окружении приобретают и причастия, образованные от непереходных глаголов: *ilyryf tatty* "обжитое, жилое место" (ср. *tumty ilyryf qum* "живущий здесь человек"); *turyf wetty* "пройденная дорога"; *turyf se3ly* "день прихода" (ср. *turyf qum* "пришедший человек").

Причастие настоящего времени образуется только от глаголов несовершенного вида с помощью показателей *-tyf*, *-ntyf*, *-cyf*, *-yf*. Из них первый оформляет основы на согласный (кроме *г*, *з*, *х*) и некоторые односложные основы на долгий гласный (*3qutyf* "стоящий, торчащий"; *3tyf* "являющийся, оущий"). К остальным односложным основам на гласный присоединяется показатель *-ntyf* (*pe3ntyf* "ищущий, разыскиваемый"). Неодносложные основы на гласный могут оформляться обоими показателями — *-tyf* и *-ntyf* (*nyta-tyf*, *nyta-ntyf* "рвущий, разрывающийся"; *heh3umry-tyf*, *heh3umry-ntyf* "сердящийся"). Показатель *-cyf* (из *-tyf* в результате ассимиляции) используется для основ на *з* и *х* (*pisyc-cyf* "смеющийся, осмеиваемый"; основа *pisu3-*; *33qusc-cyf* "кувыркающийся"), а показатель *-yf* для основ на *г* (*3rg-yf* "купающийся"; *33ntur-yf* "играющий").

Причастие прошедшего времени образуется с помощью показателей *-руй* и *-мруй*, причем к основам на согласный присоединяется только первый из них, а к основам на гласный — оба в качестве вариантов: *pin-руй* "положивший, положенный"; *piuу-руй* "смеявшийся, осмеянный"; *i-руй*, *i-мруй* "взявший, взятый"; *nyta-руй*, *nyta-мруй* "порвавший, порванный".

Дебитивное причастие образуется с помощью показателей *-ре̌туй* (после основ на гласный), *-е̌туй* (после основ на согласный): *ilurǎтуй* "такой, который должен жить; такой, который должен быть прожит" (ср. *mašqun ilurǎтуй qamut* "люди, которые должны будут жить в лесу" и *ilurǎтуй ǒly* "день, который должен быть прожит"); *taq̌yul-ěтуй* "такой, который должен собрать; такой, который должен быть собран".

Дестинативное причастие (или, по терминологии Г.Н.Прокофьева, герундив) имеет показатели *-reo* ~ *-rea* ~ **-rě* (после основ на гласный) и *-eo* ~ *-ea* ~ **-ě* (после основ на согласный): *kegyreo*, *kegy-rea*, **kegy-rě* "предназначенный для зимовки" (от *kegy-* "перезимовать"); *miryk-eo*, *miryk-ea*, **miryk-ě* "предназначенный для продажи" (от *miryq-* "продать"). От этой причастной формы следует отличать связание с ней по происхождению, но относящиеся к классу существительных названия орудий действия с суффиксами *-(p)ea*, *-(p)ean* (см.3.8).

Каритивное причастие обозначает не осуществленное или не осуществляемое действие; оно характеризуется показателем *-kib̌čuty̌* (**-kib̌čuty̌*): *qonty-kib̌čuty̌* "не спавший, бессонный"; *ily-kib̌čuty̌* "не живший, нежилой, безжизненный"; *piuу-kib̌čuty̌* "не смеющийся, не осмеянный".

Все причастные формы обладают способностью образовывать (подобно обычным прилагательным) формы субстантивной репрезентации путем присоединения частицы *му*: *taq̌tyty̌ му*, *taq̌tynty̌ му* "то, что закрывает(ся)"; *qoruy̌ му*, *qom̌řuy̌ му* "то, что нашло (найденно)"; *ǐrěty̌ му* "то, что должно взять (быть взято)"; *tanťyreo му* "то, что предназначено для выхода; выход (из затруднительного положения)"; *ǐkib̌čuty̌ му* "то, чего не бывает". Таким образом, в данных случаях происходит двойная деривация по категории репрезентации (основа глагола → адъективная репрезентация → субстантивная репрезентация).

Для некоторых причастий характерна полная адъективизация —

отрыв от глагольной парадигмы и переход в класс прилагательных. Адъективизировавшиеся причастия обладают значениями, не сводимыми к значениям глагольной основы: $t\ddot{u}gu\ddot{u}$ "полный", $\ddot{a}ru\ddot{u}$ "острый", $r\ddot{o}tru\ddot{u}$ "горячий, теплый", $t\ddot{u}ru\ddot{u}$ "закрытый, замкнутый" (ср. $t\ddot{u}gu-q\ddot{o}$ "наполнить", $\ddot{a}b-q\ddot{o}$ "заострить", $r\ddot{o}t-q\ddot{o}$ "нагреть", $t\ddot{u}-q\ddot{o}$ "закрыть"). Однако более показательно наличие у подобных образований синтаксических и морфологических признаков, не присущих обычным причастиям, но характерных для прилагательных. Они способны, например, иметь при себе частицу $r\ddot{o}su$, с помощью которой передается значение превосходной степени ($r\ddot{o}su \ddot{a}ru\ddot{u}$ "самый острый"; $r\ddot{o}su r\ddot{o}tru\ddot{u}$ "самый горячий"); их характеризует возможность образования формы адвербиальной репрезентации посредством замены $-i$ на k_{2x} ($t\ddot{u}gu\ddot{u}k$ "дополна, доверху": $t\ddot{u}gu\ddot{u}k \text{ } \ddot{a}sa\ddot{u}ja$ "стал полным"; $\ddot{a}ru\ddot{u}k$ "остро": $\ddot{a}ru\ddot{u}k \text{ } \ddot{a}slu\ddot{r}atu$ "остро наточил"). Эти особенности можно рассматривать как формальные критерии адъективизации причастий (от "настоящего" причастия, например, $i\ddot{r}u\ddot{u}$ "взявший, взятый", нельзя образовать ни сочетание $*r\ddot{o}su i\ddot{r}u\ddot{u}$, ни адвербиальную форму $*i\ddot{r}u\ddot{u}k$).

3.2.9. АДВЕРБИАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЛАГОЛОВ

Формы адвербиальной репрезентации глаголов (деепричастия), подобно именам действия и причастиям, сохраняют глагольные валентности, а по модели управления могут отличаться от соответствующих глаголов постановкой субъекта побочного действия в *Gen.* (если он не совпадает с субъектом основного действия): $\ddot{L}\ddot{a}su\ddot{n} \text{ } \ddot{u}ll\ddot{a} \text{ } \ddot{r}avus-s\ddot{a}ntu\ddot{l}\ddot{a} \text{ } r\ddot{o}t \text{ } q\ddot{a}su \text{ } ta\ddot{k}u\ddot{u}mu\ddot{n}ty$ "Пока черт спускается, кора дерева сыплется"; $Mat \text{ } kuttar \text{ } ilc\ddot{a}tak \text{ } \ddot{a}s\ddot{a}su \text{ } \ddot{a}ip \text{ } \ddot{r}el\ddot{t}y\ddot{u}kib\ddot{a}l\ddot{y}uk$ "Как я жить буду без помощи отца?" (буквально "моего отца мне не помогая").

Простое деепричастие (деепричастие побочного действия) образуется присоединением к основе глагола аффикса $-l\ddot{a}$. С его помощью обозначается действие, совершаемое одновременно с основным: $ta\ddot{c}\ddot{a}ltu\ddot{r}u\ddot{l}\ddot{a} \text{ } \ddot{u}mta$ "Притаившись сидит"; $\ddot{u}ntal-ru\ddot{l}\ddot{a} \text{ } la\ddot{p}ka\ddot{r}a$ "Радостно (буквально "радуясь") закричал"; $\ddot{u}ru\ddot{y}\ddot{f}\ddot{f}\ddot{a} \text{ } ilc\ddot{a}tak$ "Охотясь жить буду"; $\ddot{M}\ddot{e}ty \text{ } q\ddot{u}ntu\ddot{l}\ddot{a} \text{ } t\ddot{u}pa$ "До изнеможения (буквально "скоро умирая") гребет". Деепричастие используется в составе конструкций с некоторыми модальными, инхотативными и терминативными глаголами: $\ddot{e}tu\ddot{y}tu\ddot{l}\ddot{a} \text{ } ta\ddot{c}\ddot{a}lmak$ "Я не смог дожидаться"; $\ddot{a}gu\ddot{y}\ddot{l}\ddot{a} \text{ } q\ddot{u}cu\ddot{l}ra$ "Дождить перестало"; $\ddot{A}mu\ddot{y}\ddot{l}\ddot{a} \text{ } \ddot{u}ku\ddot{y}altu\ddot{r}ak$ "Я начал кушать".

Особенно распространенным являются сочетания деепричастной формы глагола имперфектной совершаемости со вспомогательным глаголом *oɣʉqo* (буквально "стараться, трудиться, возиться"). Эти сочетания обозначают протекающее (начавшееся и не законченное) в определенный момент действие и, в частности, восполняют пробел, обусловленный тем, что грамматическое настоящее время индикатива и латентива, образованное от глаголов совершенного вида, обозначает уже законченное действие. Аналитические по происхождению, эти сочетания выступают в современном тазовском диалекте в виде единых фонетических слов со стяжением *äo > o*: *tütyloryfha* (< **tüntylä oɣʉfha*) "приходит, приближается" (ср. *tüla* "пришел"), *lyrkumätyloryssy* "смеркается" (ср. *lyrkumäty* "настали сумерки"), *alakonty tıntyloryššak* "я садился в лодку" (ср. *alakonty tšak* "я сел в лодку").

При прибавлении суффикса *⁎-lɔq* (*⁎-lɔ*) простое деепричастие приобретает значение неполноты, слабого проявления действия: *igamälɔq* "олегка состарившись, под старость", *ütɣälɔq* "немного выпивши".

Деепричастие предшествования представляет собой сочетание простого деепричастия с частицей *rūlä* (по происхождению — деепричастием от глагола *rūqo* "переправиться, в свою очередь связанного с *rūa* "сзади, после; рӯй "задний"). С его помощью обозначается действие, по времени предшествующее другому действию: *nyrkylä rūlä qäläšak* "Постою, я пойду"; *šūrylä rūlä qūqyltanta* "Поплачет и (буквально "поплакав") перестанет"; *šäāny qulä rūlä šap areqo qšarak* "После того, как мой отец умер (буквально "моего отца умерши"), я голодаю".

Каритивное деепричастие обозначает такое побочное действие, которое не произошло или не происходит: *qontykušlɔk oɣʉfha* "Без сна (буквально "не спя") трудится"; *ketykušlɔk tō rīqura* "(Ничего) не сказав отвернулся"; *tat rētykušlɔk mē kuttar ilantšmyt?* "Без твоей помощи (буквально "ты не помогая") как мы жить будем?"

Каритивное деепричастие образуется путем присоединения к глагольной основе показателя *-kušlɔk_{2x}* (*⁎-kušlɔk_{2x}*, *⁎-kušlɔl*, *⁎-kušlɔl*), в составе которого можно выделить морфемы *-kušlɔ* (ср. *-kušlɔtyl* — показатель каритивного причастия), *-lɔ* и *-yk_{2x}* (ср. *-kšlɔq*, — показатель *car.*, *-(y)k_{2x}* — адвербиальный аффикс).

3.2.10. ОБРАЗЦЫ ПАРАДИГМ

Вербальная репрезентация

Индикатив

настоящее время

1Sg.	ġnak, ġjak	ilak	šunnam
2Sg.	ġnanty, ġjanty	ilanty	šunnal
3Sg.	ġga, ġja	ila	šunnyty
1Du.	ġnġ, ġnymġ, ġnġmġ, ġnġj, ġjġ, ġjymġ, ġjġmġ, ġjġj	ilġ, ilymġ, ilġmġ, ilġj	šunnġ, šunnyġ, šunnġmġ, šunnġj
2Du.	ġnylġ, ġnġlġ, ġjylġ, ġjġlġ	ilylġ, ilġlġ	šunnylġ, šunnġlġ
3Du.	ġnġqġ, ġjġqġ	ilġqġ	šunnytġ, šunnġtġ
1Pl.	ġnymyt, ġnġmyt, ġjymyt, ġjġmyt	ilymyt, ilġmyt	šunnymyt, šunnġmyt
2Pl.	ġnylyt, ġnġlyt, ġjylyt, ġjġlyt	ilylyt, ilġlyt	šunnylyt, šunnġlyt
3Pl.	ġnġtyt, ġjġtyt	ilġtyt	šunnġtyt

Пршедшее время

1Sg.	ġsak	ilysak	šussam
2Sg.	ġsanty	ilysanty	šussal
3Sg.	ġsa, ġs(y), *ġsan	ilysa, ily(s)y, *ilysan	šussyty
1Du.	ġsġ, ġsymġ, ġsġmġ, ġsġj	ilyġ, ilysymġ, ilyeġmġ, ilyeġj	šussġ, šussymġ, šussġmġ, šussġj
2Du.	ġsylġ, ġsġlġ	ilysylġ, ilyeġlġ	šussylġ, šussġlġ
3Du.	ġsġqġ	ilyeġqġ	šussytġ, šussġtġ
1Pl.	ġsymyt, ġsġmyt	ilyaymyt, ilyeġmyt	šussymyt, šussġmyt
2Pl.	ġsylyt, ġsġlyt	ilysylyt, ilyeġlyt	šussylyt, šussġlyt
3Pl.	ġsġtyt	ilyeġtyt	šussġtyt

Повествовательное прошедшее время

1Sg.	српак	ilympak	sutram
2Sg.	српanty	ilympanty	sutpal
3Sg.	српа	ilympa	sutpaty
1Du.	српI, српумI, српmI, српсj	ilympI, ilympumI, ilympmI, ilympсj	sutpI, sutpumI, sutpmI, sutpсj
2Du.	српыI, српI	ilympyI, ilympI	sutpyI, sutpI
3Du.	српqI	ilympqI	sutpatI, sutptI
1Pl.	српумyt, српmьyt	ilympumyt, ilympmьyt	sutpumyt, sutpmьyt
2Pl.	српыlyt, српIlyt	ilympylyt, ilympIlyt	sutpylyt, sutpIlyt
3Pl.	српtyt	ilymptyt	sutptyt

Будущее время

1Sg.	ẽ(n)tak	ilentak	suttam
2Sg.	ẽnnanty, ẽtanty	ilennanty	suttal
3Sg.	ẽ(n)ta	ilenta	sutty(ry)ty
1Du.	ẽ(n)tI, ẽ(n)tymI, ẽ(n)tмI, ẽ(n)tсj	ilentI, ilentymI, ilentмI, ilentсj	suttI, suttymI, suttмI, suttсj
2Du.	ẽ(n)tyI, ẽ(n)tI	ilentyI, ilentI	suttyI, suttI
3Du.	ẽ(n)tqI	ilentqI	sutty(ry)tI, sutt(ry)tI
1Pl.	ẽ(n)tumyt, ẽ(n)tмьyt	ilentyumyt, ilentмьyt	suttyumyt, suttмьyt
2Pl.	ẽ(n)tylyt, ẽ(n)tIlyt	ilentylyt, ilentIlyt	suttylyt, suttIlyt
3Pl.	ẽ(n)ttyt	ilentytyt	suttttyt

Латентия

Настоящее время

1Sg.	ẽntak	ilyntak	suttam
------	-------	---------	--------

2Sg.	ĭnnanty	ilynnanty	süttal
3Sg.	ĭnty, ĭňany, ĭjany	ilynty, ilany	süttty
1Du.	ĭntĭ, ĭntyĭ, ĭntōmĭ, ĭnteĭ	ilyntĭ, ilyntyĭ, ilyntōmĭ, ilynteĭ	süttĭ, süttymĭ, süttōmĭ, sütteĭ
2Du.	ĭntyĭĭ, ĭntōĭĭ	ilyntyĭĭ, ilyntōĭĭ	sütttyĭ, süttōĭ
3Du.	ĭntōqĭ	ilyntōqĭ	sütttyĭ, süttōĭ
1Pl.	ĭntyġyt, ĭntōġyt	ilyntyġyt, ilyntōġyt	sütttyġyt, süttōġyt
2Pl.	ĭntylyt, ĭntōlyt	ilyntylyt, ilyntōlyt	sütttylyt, süttōlyt
3Pl.	ĭntōtyt	ilyntōtyt	süttōtyt

Повествовательное прошедшее время

1Sg.	ĕppyntak	ilyġmyntak	sütpyntak
2Sg.	ĕppynnanty	ilyġmynnanty	sütpyntal
3Sg.	ĕppynty, ĕppany	ilyġmynty, ilyġpany	sütpyntyty
1Du.	ĕppyntĭ, ĕppyntymĭ, ĕppyntōmĭ, ĕppyntēĭ	ilyġmyntĭ, ilyġmyntymĭ, ilyġmyntōmĭ, ilyġmyntēĭ	sütpyntĭ, sütpyntymĭ, sütpyntōmĭ, sütpyntēĭ
2Du.	ĕppyntylĭ, ĕppyntōĭ	ilyġmyntylĭ, ilyġmyntōĭ	sütpyntylĭ, sütpyntōĭ
3Du.	ĕppyntōqĭ	ilyġmyntōqĭ	sütpyntytyĭ, sütpyntōĭ
1Pl.	ĕppyntymyt, ĕppyntōmyt	ilyġmyntymyt, ilyġmyntōmyt	sütpyntymyt, sütpyntōmyt
2Pl.	ĕppyntylȳt, ĕppyntōlyt	ilyġmyntylyt, ilyġmyntōlyt	sütpyntylyt, sütpyntōlyt
3Pl.	ĕppyntōtyt	ilyġmyntōtyt	sütpyntōtyt

Будущее время

1Sg.	ĭnnyntak, ĭtyntak	ilĭnnyntak	süttyntak
2Sg.	ĭnnynnanty, ĭtynnanty	ilĭnnynnanty	süttyntal
3Sg.	ĭnnynty, ĭtynty, ĭ(n)tany	ilĭnnynty, ilĭntany	süttyntyty
1Du.	ĭnnyntĭ, ĭnnyntymĭ, ĭnnyntōmĭ, ilĭnnyntĭ, ilĭnnyntymĭ,		süttyntĭ, süttyntymĭ,

	ĩnnyntɛj, ĩtyntĩ, ĩtyntymĩ,	ilennnyntɔmĩ, ilennnyntɛj	šũttyntɔmĩ, šũttyntɛj
	ĩtyntɔmĩ, ĩtyntɛj		
2Du.	ĩnnyntyĩĩ, ĩnnyntɔĩĩ,	ilennnyntyĩĩ, ilennnyntɔĩĩ	šũttyntyĩĩ, šũttyntɔĩĩ
	ĩtyntyĩĩ, ĩtyntɔĩĩ		
3Du.	ĩnnyntɔqĩ, ĩtyntɔqĩ	ilennnyntɔqĩ	šũttyntytyĩ, šũttyntɔtyĩ
1Pl.	ĩnnyntymyt, ĩnnyntɔmyt,	ilennnyntymyt, ilennnyntɔmyt	šũttyntytyt, šũttyntɔtyt
	ĩtyntytyt, ĩtyntɔtyt		
2Pl.	ĩnnyntylyt, ĩnnyntɔlyt,	ilennnyntylyt, ilennnyntɔlyt	šũttyntylyt, šũttyntɔlyt
	ĩtyntylyt, ĩtyntɔlyt		
3Pl.	ĩnnyntɔtyt, ĩtyntɔtyt	ilennnyntɔtyt	šũttyntɔtyt

КОНДИЦИОНАЛИС

1Sg.	ĩ(m)māk	ilymmāk	šũtymām
2Sg.	ĩ(m)mānty	ilymmānty	šũtymāl
3Sg.	ĩ(m)mā	ilymmā	šũtymāty
1Du.	ĩ(m)mĩ, ĩ(m)māmĩ, ĩ(m)mymĩ,	ilymmĩ, ilymmāmĩ, ilymmymĩ,	šũtymĩ, šũtymāmĩ, šũtymymĩ,
	ĩ(m)mĩmĩ, ĩ(m)mĩj	ilymmĩmĩ, ilymmĩj	šũtymĩmĩ, šũtymĩj
2Du.	ĩ(m)mālĩ, ĩ(m)mylĩ, ĩ(m)mɔlĩ	ilymmālĩ, ilymmylĩ, ilymmɔlĩ	šũtymālĩ, šũtymylĩ, šũtymɔlĩ
3Du.	ĩ(m)māqĩ	ilymmāqĩ	šũtymātĩ, šũtymytyĩ, šũtymɔtyĩ
1Pl.	ĩ(m)māmyt, ĩ(m)mymyt,	ilymmāmyt, ilymmymyt,	šũtymāmyt, šũtymymyt,
	ĩ(m)mĩmyt	ilymmĩmyt	šũtymĩmyt
2Pl.	ĩ(m)mālyt, ĩ(m)myltyt,	ilymmālyt, ilymmyltyt,	šũtymālyt, šũtymyltyt,
	ĩ(m)mɔlyt	ilymmɔlyt	šũtymɔlyt
3Pl.	ĩ(m)mātyt, ĩ(m)mɔtyt	ilymmātyt, ilymmɔtyt	šũtymātyt, šũtymɔtyt

КОНЪЕНКТИВ

(синтетические формы)

1Sg.	ĩsaakānā, ĩsaqānā	ilysaakānā, ilysaqānā	šũssaamēnā
------	-------------------	-----------------------	------------

2Sg. ĩsantēnā
3Sg. ĩsanēnā
1Du. ĩsāĭjēnā, ĩsymĭjēnā,
ĩsōmĭjēnā, ĩetjēnā
2Du. ĩsylĭjēnā, ĩsōlĭjēnā
3Du. ĩsōqēnā
1Pl. ĩsymynēnā, ĩsōmynēnā
2Pl. ĩsylynēnā, ĩsōlynēnā
3Pl. ĩsōtyneēnā

ilyasantēnā
ilyasanēnā
ilyasĭjēnā, ilyasymĭjēnā,*
ilyasōmĭjēnā, ilyasējēnā
ilyasylĭjēnā, ilyasōlĭjēnā
ilyasōqēnā
ilyasymynēnā, ilyasōmynēnā
ilyasylynēnā, ilyasōlynēnā
ilyasōtyneēnā

sūssalsēnā
sūssytēnā
sūssāĭjēnā, sūssymĭjēnā,
sūssōmĭjēnā, sūssējēnā
sūssylĭjēnā, sūssōlĭjēnā
sūssytĭjēnā, sūssōtĭjēnā
sūssymynēnā, sūssōmynēnā
sūssylynēnā, sūssōlynēnā
sūssōtyneēnā

Оптарив

1Sg. ĩlāk
2Sg. ĩlānty
3Sg. ĩlā, ĩly
1Du. ĩlĭ, ĩlamĭ, ĩlymĭ, ĩlōmĭ,
ĩlētj
2Du. ĩlālĭ, ĩlylĭ, ĩlōlĭ
3Du. ĩlāqĭ
1Pl. ĩlāmyt, ĩlymyt, ĩlōmyt
2Pl. ĩlālyt, ĩlylyt, ĩlōlyt
3Pl. ĩlātyt, ĩlōtyt

ilylāk
ilylānty
ilylā, ilyly
ilylĭ, ilylamĭ, ilylymĭ,
ilylōmĭ, ilylētj
ilylālĭ, ilylylĭ, ilylōlĭ
ilylāqĭ
ilylāmyt, ilylymyt, ilylōmyt
ilylālyt, ilylylyt, ilylōlyt
ilylātyt, ilylōtyt

sūllām
sūllāl
sūllāty, sūllyty
sūllĭ, sūllāmĭ, sūllymĭ,
sūllōmĭ, sūllētj
sūllālĭ, sūllylĭ, sūllōlĭ
sūllāqĭ, sūllytĭ, sūllōtĭ
sūllāmyt, sūllymyt, sūllōmyt
sūllālyt, sūllylyt, sūllōlyt
sūllātyt, sūllōtyt

Добитив

1Sg. ĩpsōtak
2Sg. ĩpsōtānty
3Sg. ĩpsōta, ĩpsōty
1Du. ĩpsōtĭ, ĩpsōtymĭ, ĩpsōtōmĭ,
ĩpsōtētj

ilypōtak
ilypōtānty
ilypōta, ilypōty
ilypōtĭ, ilypōtymĭ,
ilypōtōmĭ, ilypōtētj

sūspōtam
sūspōtal
sūspōtyty
sūspōtĭ, sūspōtymĭ, sūspōtōmĭ,
sūspōtētj

2Du. ēpsōtylī, ēpsōtōlī
 3Du. ēpsōtōqī
 1Pl. ēpsōtymyt, ēpsōtōmyt
 2Pl. ēpsōtylyt, ēpsōtōlyt
 3Pl. ēpsōtōtyt

ilypsōtylī, ilypsōtōlī
 ilypsōtōqī
 ilypsōtymyt, ilypsōtōmyt
 ilypsōtylyt, ilypsōtōlyt
 ilypsōtōtyt

sūsaōtylī, sūsaōtōlī
 sūsaōtytī, sūsaōtōtī
 sūsaōtymyt, sūsaōtōmyt
 sūsaōtylyt, sūsaōtōlyt
 sūsaōtōtyt

АУДИЕНА

1Sg. ēkunāk
 2Sg. ēkunānty
 3Sg. ēkunā, ēkuny
 1Du. ēkunī, ēkunāī, ēkunymī,
 ēkunōmī, ēkunāj
 2Du. ēkunālī, ēkunylī, ēkunōlī
 3Du. ēkunāqī
 1Pl. ēkunāmyt, ēkunymyt, ēkunōmyt
 2Pl. ēkunālyt, ēkunylt, ēkunōlyt
 3Pl. ēkunātyt, ēkunōtyt

ilykunāk
 ilykunānty
 ilykunā, ilykuny
 ilykunī, ilykunāī, ilykunymī,
 ilykunōmī, ilykunāj
 ilykunālī, ilykunylī,
 ilykunōlī
 ilykunāqī
 ilykunāmyt, ilykunymyt,
 ilykunōmyt
 ilykunālyt, ilykunylt,
 ilykunōlyt
 ilykunātyt, ilykunōtyt

sūtkunāk
 sūtkunāī
 sūtkunāty, sūtkunyt
 sūtkunī, sūtkunāī, sūtkunymī,
 sūtkunōmī, sūtkunāj
 sūtkunālī, sūtkunylī, sūtkunōlī
 sūtkunāī, sūtkunytī, sūtkunōtī
 sūtkunāmyt, sūtkunymyt,
 sūtkunōmyt
 sūtkunālyt, sūtkunylt,
 sūtkunōlyt
 sūtkunātyt, sūtkunōtyt

Импортатив

2Sg. ēqāā(yk), *ē(j)āā(yk), ēk
 3Sg. ēqyā, ēqī
 2Du. ēqylī
 3Du. ēqyjaqī
 2Pl. ēqyt, ēqylt
 3Pl. ēqyāt

ilāā(yk), ilyk
 ilyqyā, ilyqī
 ilyqylī
 ilyqyjaqī
 ilyqyt, ilyqylt
 ilyqyāt

sūty
 sūnymtyjā, sūnymtī
 sūnylī
 sūnymtyjaqī
 sūnylyt, sūnnōty
 sūnymtyjāt

(Ноготис)

1Sg.	+ca ilyptak	+ca suttap
2Sg.	+ca ilyptanty	+ca suttal
3Sg.	+ca ilypta	+ca suttaty
1Du.	+ca ilyptamī	+ca suttamī
2Du.	+ca ilyptālī	+ca suttālī
3Du.	+ca ilyptaqī	+ca suttatī
1Pl.	+ca ilyptamyt	+ca suttamyt
2Pl.	+ca ilyptālyt	+ca suttālyt
3Pl.	+ca ilyptatyt	+ca suttatyt

Субстантивная репрезентации

Инфинитив

	īqo	ilyqo	sūtqo
1Sg.	īqynō(qo)	ilyqynō(qo)	sūtqynō(qo)
2-3Sg.	īqyntō(qo)	ilyqyntō(qo)	sūtqyntō(qo)
1Du.	īqynīqo	ilyqynīqo	sūtqynīqo
2-3Du.	īqyntīqo	ilyqyntīqo	sūtqyntīqo
1Pl.	īqynytyqo	ilyqynytyqo	sūtqynytyqo
2-3Pl.	īqyntytyqo	ilyqyntytyqo	sūtqyntytyqo

Имя действия I

āpta

ilypta

āutta

Имя действия II

āku-

ilyku-

ātku-

Падежные и посессивные формы имени действия образуются так же, как и для существительных (см. 3.1.3, 3.1.4 и образцы парадигм в 3.1.8), однако следует учесть дефектность падежной парадигмы, особенно у имени действия II (см. 3.2.7.2).

А д ъ е к т и в н а я р е п р е з е н т а ц и я

Причастие настоящего времени: ātyf, ily(n)tyf, āutttyf

Причастие прошедшего времени: āpyf, ily(m)pyf, āutpyf

Дебитивное причастие: āraātyf, ilyraātyf, āussaātyf

Дестинативное причастие: ārao, āraa; ilyrao, ilyraa;
āussa, āussa

Каритивное причастие: ākuhcytyf, ilykuhcytyf, ātkuuhcytyf

А д в е р б и а л ь н а я р е п р е з е н т а ц и я

Простое деепричастие: ālā, ilylā, āüllā

Деепричастие предшествования: ālā rūlā, ilylā rūlā, āüllā rūlā

Каритивное деепричастие: ākuhālyk, ilykuhālyk, ātkuuhālyk

3.3. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

3.3.0. Формальное определение класса прилагательных в селькупском языке и отграничение его от других частей речи представляет известные сложности. Причина состоит в том, что прилагательные не обладают набором специфических грамматических категорий (в отличие от существительных или глаголов), а их синтаксическая функция (способность выполнять роль определения) свойственна не только прилагательным, но и именам (не говоря уже о числительных и местоимениях). В неатрибутивной функции (функции дополнения, подлежащего) может употребляться только субстантивированное прилагательное. Субстантивация прилагательного происходит в результате сочетания основы прилагательного с неопределенным местоимением *ny* "нечто, вещь": *sowa ny* "то, что хорошо, хорошее"; *mentāf ny* "старье, старое"; *hāqcy ny* "вещь красного цвета, красное" и т.д. Примеры: *Mat qōsar qēttoqyn kossy āanty mur* "Я об-

ции (с суффиксом -i), отличающихся по значению от соответствующих прилагательных: t̃ɔntuɪ "имеющий ширину, шириной в..." (utyt t̃ɔntuɪ r̃oɔsuro "полено шириной в руку"); wɛrquɪ "имеющий размер, величиной с..." (m̃ɔtyt wɛrquɪ qur "человек величиной с чум"),

"Злые" прилагательные снабжены суффиксом -i (mɛntaɪ "старый", qoɔtyɪ "плохой" и т.д.) или суффиксом, оканчивающимся на -i (m̃ajukutyɪ "слепой", ũtyɪquɪ "водянистый" и т.д.).

В отличие от форм адъективной репрезентации существительных прилагательные не изменяются по числам и падежам, не приобретают посессивных окончаний: Kura kory t̃ɔt qanuyquɪ ñɔkur p̃irqu r̃o z̃osura "На берегу маленького глубокого озера растут три высоких дерева"; T̃apucuyɪ qumyt qoɔtyɪ arɔy aɔɔa ant̃ɔtyt "Умные люди плохую пищу не станут есть".

Вместе с тем собственно прилагательные обладают рядом специфических черт, отсутствующих у форм адъективной репрезентации существительных или глаголов (см. 3.1.6.1).

3.3.2. Так, прилагательные имеют две степени сравнения: положительную и превосходную. Последняя образуется аналитическим путем с помощью препозитивной частицы r̃oɔy "самый"; при вокалическом анлауте прилагательного частица обычно сокращается до r̃oɔ (r̃oɔy s̃umru "самый длинный", r̃oɔ ũnu "самый смиренный"). Семантика ряда прилагательных (kulyɪ "не шаманский", ant̃ɔtyɪ "предназначенный для челнока" и т.д.) препятствует образованию от них превосходной степени.

Для выражения значения сравнительной степени используется синтаксическая конструкция с прилагательным в форме положительной степени (m̃ɔtyt ñɔnu wɛrqu "больше дома", ʒ̃taɪ ñɔnu s̃oma "лучше оленя"). Суффикс -ɔɔy ~ -ɔɔ, трактовавшийся как частица для обозначения сравнительной степени (Прокофьев 1935, стр. 52), на самом деле выражает неполноту, частичное проявление признака (m̃aɔyɔɔyɪ "черноватый", qoɔtyɪɔɔyɪ "плоховатый, неважный"; ср. также m̃ɔtyt ñɔnu wɛrquɔɔy "немного побольше дома", ʒ̃taɪ ñɔnu s̃omaɔɔy "немного лучше оленя"; аналогичные переводы приводит для своих примеров и Г.Н.Прокофьев).

3.4. НАРЕЧИЕ

3.4.0. Наречие¹⁾ в селькупском языке, как и во многих других языках мира, обладает меньшим внутренним единством в морфологическом и семантическом плане²⁾ по сравнению с остальными частями речи (особенно по сравнению с существительными и глаголами). С функциональной (синтаксической) точки зрения у наречий отмечается максимум единообразия. В силу этого наречие можно считать самостоятельной частью речи, отличающейся от всех прочих частей речи рядом специфических черт.

Морфологическую самостоятельность за наречием впервые признал А.А.Петебя, считавший наречие "признаком признака"³⁾ (ор. также у О.Эсперсена наречие - "слово третьего ранга", word of the third rank). Выделение наречия как особой части речи можно проиллюстрировать на основании следующих примет:

- 1) неизменяемость, особенно ярко выступающая на фоне изменяемости имени и глагола;
- 2) наличие вещественного значения, отсутствующего обычно у служебных частей речи;
- 3) "обстоятельность", то есть функционирование в качестве обстоятельства.

Наречия можно подразделить на два основных типа⁴⁾: определительные (или качественные) и обстоятельственные, включающие

- 1) В данной главе наряду с собственно наречиями рассматриваются формы адвербиальной репрезентации существительных и других частей речи, функционирующих, подобно наречиям, в качестве обстоятельственных членов предложения.
- 2) Ср. высказывание С.Карцевского: "Для того, чтобы стать наречием, слово просто утрачивает свои формальные показатели, характеризующие его как имя существительное, прилагательное или глагол" (S.Karcevskij. Sur la nature de l'adverbe, TSLP, VI, Praha, 1936, 107).
- 3) А.А.Петебя. Из записок по русской грамматике. М., Учпедгиз, 1958, т. I-II, стр. 127.
- 4) Иногда помимо двух названных классов наречий выделяют третий - количественные наречия (Е.С.Кузнецова. О наречиях селькупских говоров Томской области. "ПАС", Томск, 1969, стр. 53-55).

наречия места, времени, цели, причины и меры и степени.

Наречия определительные (качественные) характеризуют только тот признак, который присущ действию, выраженному глаголом (раже они обозначают признак, качество, выраженное прилагательным).

Наречия обстоятельственные выражают не качества, свойства действия, а отношения; они характеризуют ситуацию в целом, не имея специальной связи ни с каким словом в предложении: *Tər täl' cēly kuntōkty äōttu qəssy i t₁ ŷruk cāpka tūrtātū* "Он вчера далеко в лес ушел и до сих пор не вернулся".

Между этими двумя группами наречий нет резких границ. Наоборот, чрезвычайно легко осуществляется переход от определительных наречий к обстоятельным и обратно. Некоторые наречия занимают положение, промежуточное между обстоятельными (главным образом, пространственными и временными) и определительными (качественными) наречиями, как, например, наречия *āgyn* "поперек"; "наискось"; *qōntyn* "набок" и "вкривь" (наречия места и определительные); *pōry* "вдрут, сразу"; *mēlty* (*mēl*) "всегда"; *kolyk* "редко, иногда"; *ŷruk* "все еще"; *osyk* (*osyāk*) "снова, заново" (темпоральные и определительные наречия) и т.п. Подобные языковые явления, встречающиеся и во многих других языках (например, в русском), затрудняют анализ и описание наречий селькупского языка, делают необходимыми многие оговорки.

К наречиям примыкает несколько разрядов слов, которые можно трактовать как потенциальные (а иногда и реальные) самостоятельные части речи: градационные слова, провербы, модальные слова. Между перечисленными разрядами слов и наречиями нередко бывает трудно провести границу. Так, например, *īllā* 1) наречие и 2) проверб (*īllāny īllā* "сверху вниз", *īllā mēqo* "похоронить"); *cīryu* 1) наречие и 2) послелог (*qəpāŷ ŷkyn, wat tūntak cīryu* "Ты иди вперед, а я следом приду", *qəqīāny cīryu* "позади моей нарти") и т.д. Случай, подобные упомянутым, анализируются дважды - в 3.4 и в 3.7.3 или 3.7.4.

3.4.1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

Группа обстоятельных наречий в селькупском языке, как уже отмечалось, включает наречия места, времени, цели, причины и меры и степени. Однако далеко не всегда удается произвести однозначное распределение наречий по этим разрядам, поскольку многие наречия обладают двумя различными значениями, например *pūny* "отсюда", "с тех пор" и "потом", *pūntu* "здесь" и "тогда":

Тер нуну туса "Он оттуда приехал"; Тер қоннйсу аитты рёт тэққун
 аймаған нуну і нуну сарка тұрату "Он уехал из поселка два года
 назад и с тех пор не возвращался"; нуну моқун таттыруту қалытун
 мотур "Потом привез домой чумы ненцев"; нуну йтуі қис "здесь
 находящийся человек"; Mat pontal рёт терур қонтығар, тем нуну
 шакйлык йсу "Я видел его в прошлом году, он тогда был здоров".

Ср. также наречие кунтуз "долго", которое равно-вероятно
 можно считать наречием времени и наречием меры и степени: Тер
 кунтык қалтырусу "Он долго гулял".

В пределах каждого разряда обстоятельственных наречий (за
 исключением наречий цели и причины) можно выделить наречия ут-
 вердительные, вопросительные и неопределенные (наречия цели мо-
 гут быть только утвердительными, а наречия причины – вопроситель-
 ными и неопределенными).

Среди всех обстоятельственных наречий семантически наиболее
 четко очерченными и количественно большими являются группы на-
 речий, выражающих пространственные и временные отношения.

3.4.1.1. Наречия места

В группе наречий места можно выделить несколько подгрупп:
 1) наречия, ориентированные в пространстве по направлению от
 кого-чего-либо, и 2) дейктические наречия пространственного зна-
 чения, остающиеся вместе со словами первой подгруппы утверди-
 тельные наречия; 3) вопросительные и 4) неопределенные простран-
 ственные наречия.

I подгруппа. Для наречий, ориентированных в про-
 странстве по направлению от человека или от какого-либо предме-
 та (вверх, вниз, вперед, назад, в стороны), характерно наличие
 ряда застывших падежных форм (Loc., El., Procl.) от одной нареч-
 ной основы (Ill.) с сохранением общего смысла исходной формы:
 йнн "вверх" (Loc. йннп и йннпқу "вверху"; El. йннпну и
 йннпқуну "сверху"; Procl. йннпмун "поверху"); йлн "вниз" (Loc.
 йлқун "внизу"; El. йлқуну "снизу"; Procl. йлмун "понизу"); ср.
 также следующие наречия и их производные: йсннн "вверх по те-
 чению реки" (йсннп, йсннпқун; йсннпну и йсннпқуну; йсннпмун);
 такку "вниз по течению реки" (и таккуп, таккуну, таккумун);
 моқунн "в направлении, противоположном направлению движения,
 назад, домой" (и моқунп, моқунпқун, моқунпну моқунпқуну, моқу-
 пмун); копнн "вверх на берег от поверхности воды" (и копнп, ко-
 пнпқун; копнпну, копнпқуну; копнпмун); әлрн "в сторону, прочь"

(и āpān, āpāqun; āpāny, āpāquny; āpāmyn); tattyakty/tessakty "вблизи расположенное место" (и tattyāqun/tessāqun, tattyak/tessak; tattyāquny/tessāquny); kuntakty "вдаль" (и kuntāqun, kuntāquny); ropā "наружу, на улицу" (и rōqun, rōquny) и другие.

Г.Н.Прокофьев (1937, стр.109) справедливо писал, что наречия, "встречающиеся в большинстве случаев в четырех падежных формах (дат., местн., отлог. и прод.п.п.), по существу являются дефектными именами, обладающими неполным склонением. Отнесение их к разряду наречий до известной степени является условным (поскольку эта группа наречий представляет собой некоторый переходный этап развития имени в наречие). Тем не менее они рассматриваются здесь, в главе "Наречие".

Наречия с направительным значением, представляющие собой застывшие формы III. и I., часто употребляются с частицей īlā, придающей им значение приблизительной ориентации в пространстве: takky īlā (takkiīlā) "в сторону низовий, примерно на север"; ānpā īlā (ānpiīlā) "вперед (с возможными отклонениями по ходу движения)"; tōt pēlāquny īlā (tōt pēlāqunīlā) "примерно с правой стороны"; usakuntū īlā (usakuntīlā) "в сторону центра"; ōgyn īlā (ōgynīlā) "наискосок" и т.д.

Формы местных падежей ряда существительных (например, qō "бок" сторона; pōgy "верхушка"; senty "середина"; ōyāsy "нутро"; ky "середина"; usaky "центр" и некоторые другие) также часто могут превращаться в наречия: pō qōnty āfca "Дерево набок упало"; sentōqun īnamy qālyura "Посередине идет моя жена"; tōry ōyācōquny zassuntūny "Гвоздь изнутри выскочил" (все перечисленные слова употребляются в предложении и как послелоги - см. 3.7.4.).

Другой особенностью пространственных наречий I подгруппы является антонимическая противопоставленность многих из них, выражающая нахождение (или движение) человека или предмета в диаметрально противоположных частях пространства по отношению к ориентиру, например: īnpā - īlīlā "вверх" - "вниз"; kōnpā - kaggā "вверх (на берег, гору)" - "вниз (к берегу)"; ānpā - takky "вверх по течению реки" - "вниз по течению реки"; ānpā - moqunā "вперед" - "назад, домой"; ropā - mōtty "наружу, на улицу" - "внутри (чума, дома)"; tattyakty - kuntakty "вблизи расположенное место" - "вдаль"; ākyn - cīryn "впереди, в нача-

ле" - "сзади, в конце" и т.п.

Из перечисленных антонимичных пар наречий наибольший интерес в лексическом плане представляют пары *konñā* - *kaḡḡā* и *ḡḡñā* - *takky*.

Наречие *konñā* (иногда также *konty*) обладает набором значений, в основе которых лежит ориентация от воды к берегу: а) "из воды к берегу" (*konñā utyuyqo* "причалить", буквально "к берегу остановиться"; *konñā tantyqo* "выйти из воды"); б) "вверх на берег, на гору, вверх" (*konñā qenqo* "взойти на берег"; *konñā wūqulqo* "подняться на гору"; *konñā qatutyqo* "карабаться вверх").

На основе этих двух значений у наречия *konñā* развились значения в) "вглубь помещения (чума, дома но не вглубь леса!)", не на виду" (*konñā omtutyqo* "посадить вглубь чума"; *konñā rinqo* "положить не на виду") и г) "с очага, с огня", которое сейчас можно считать реликтовым (*konñā Iqo* "снять с огня").¹⁾ Развитие двух последних значений, по мнению некоторых исследователей (Прокофьев 1935, стр.11-12; 1937, стр.122-123; Соколова 1973, стр.218-219), связано с устройством древних жилищ селькупов - карамо, которые представляли собой четырехугольное подземное жилище - пещеру, обычно на обрывистом берегу, с входом-коридором со стороны реки, постепенно повышавшимся, чтобы землянку не заливало водой, и с очагом сбоку от входа у передней стены. Наречия *konñā* и *kaḡḡā* отражают своеобразие карамо: направление от очага одновременно означает "вверх, вглубь пещеры, на гору" (*konñā*), а направление к очагу - "вниз, под гору" (*kaḡḡā*). Значение "не на виду" у *konñā* также легко объяснимо: то, что дальше от очага и от двери, плохо освещено и мало заметно. Терминология, связанная с устройством карамо, была перенесена на более поздние типы жилищ селькупов - чум, землянку, дом русского образца, имеющие ровный пол.

Антонимом *konñā* служит наречие *kaḡḡā*, имеющее значения а) "вниз (с берега, с горы)"; б) "вниз (в воду)"; в) "к выходу (из чума, дома); на виду, на видное место"; г) к очагу, на огонь; например:

Kaḡḡā noqqelty! "Оттолкнись от берега! *Konñāny kaḡḡā* "сверху вниз (с берега к реке)"; *Kaḡḡā ranjāā üttü* "Спустились вниз к

1) Г.Н.Прокофьев (1935, стр.47) выделяет у наречия *konñā* значение "вверх (по течению реки)", однако в наших материалах это значение отмечено только у наречия *ḡḡñā*.

воде"; *si kargā totātū* "Ведро на огонь поставь"; *kargā pin-qāltū* "Положи на виду" (ср. *kargāmyt qālyura* "Идет понизу берегом") и т.п.

Наречия *šinnā* и *takku*, в отличие от *konā* и *kargā*, антонимичны друг другу не во всех своих значениях. *šinnā* (в.-таз. *šannā*) означает "вверх по течению реки" в противоположность *takku* "вниз по течению реки". Оба наречия служат для обозначения стран света, будучи ориентированными на местные географические факторы, а именно: вниз по течению реки Таза — на север, а вверх — на юг, то есть *takku* "на север", *šinnā* "на юг" (в в.-таз. говоре *šannā* означает также "на восток", что объясняется иным направлением в течении реки в верховьях, а *takku* "на запад")¹⁾. Сочетание *šinnāly tū* "с верховий сюда, с юга сюда" часто выступает в виде слитной формы *šinnāntū*; *Na qum šinnāntū tūsa* "Этот человек приехал с юга" (аналогично *takkyntū* из *takkyntū tū* "с низовий сюда, то есть с севера").

Наречие *šinnā*, помимо указанного, имеет значение "вперед, впереди"; отсутствующее у *takku* (ср. также *šittū-šinnā* "взад-вперед", буквально "дважды вперед"). В этом значении *šinnā* антонимично наречию *moqūnā* "в направлении, противоположном направлению движения; назад; домой": *Man moqūnā tūsaak* "Я домой (назад) пришел (ср. производное в *šl.*: *Mašīr kuty kos moqūnāy šīr qeryntū* "Кто-то позвал меня сзади"); *Ukkyr contōqyt nīlcuk qoquty: šinnā kos qaj tattūmyntūty* "Как-то такое увидел: вперед что-то несет".

Вне антонимических пар стоят наречия, выражающие пространственно-круговые отношения: *koṭak* (*koṭak*, *pūryṭ koṭak*) "кругом, в обход"; *turīqun* "вокруг, по окружности"; *pūryā* "вокруг"; *koṭaltūmyrūā* "кругами"; *pontarqun* "в окрестностях". Большинство из них представляет отыменные и отглагольные образования, не оторвавшиеся полностью от соответствующих парадигм (ср. *koṭaltūmyrūqo* "окружать", *pontar* "окрестности", *turī* "окружность, кромка", *pūry* "кольцо").

Не имеют также антонимов следующие наречия пространственного значения: *ālrā* "в сторону, прочь" (*ālrā qentātū na ūtyṭpol*

- 1) Наречие *tšmyukty* "на юг" (*tšmyuqun* "на юге", *tšmyuny* "с юга") употребляется редко, преимущественно в отношении сезонных перелетов птиц.

"Прочь унеси эту твою вещь"); *nūt kunty* (*nūt kunty*) из *nūt kunty* ("на протяжении неба") "повсюду, везде" (*qumyt nūt kunty ił̄tyt* "Люди повсюду живут"); *masā* "вон, прочь"; *ḡyn* "наперерез, поперек" (*Mat qālymrusak vettuyun, a ḡyt raktymrusa qum* "Я шел по дороге, а наперерез (мне) бежал человек"; *sukyltā* "обратно, назад" (*Sukyltā pınty!* "Обратно положи!"). Последнее наречие (и его производное *sukyltān*) используется и как определительное наречие со значением "задом, спиной, наизнанку": *Alako sukyltā ḡıpnā kōffymāpnā* "Лодка задом наперед повернулась"; *sukyltā nultyo* "поставить задом"; *sukyltān nuryko* "стоять задом".

Большинство наречий места I подгруппы способно соединяться с суффиксом *-l̄yq*-, ослабляющим выражаемое наречием значение: *ınnāl̄yq* "немного вверх"; *takkyll̄yq* (*us takkynl̄yq*) "немного на севере"; *ārl̄yq* "слегка в сторону" и т.д.

II подгруппа. Другую подгруппу наречий, выражающих пространственные отношения, составляют слова, которые условно можно назвать дейктическими (указательными) местоимениями-наречиями пространственного значения. По происхождению все они связаны с указательными местоимениями. Многие из них представляют собой, как и наречия I подгруппы, застывшие падежные формы, только в функции обстоятельства. Сюда относятся наречия *tū* и *nū* "сюда" (и их производные, являющиеся падежами местоимений: *Loc. tımyt* и *nımyt* "здесь"; *El. tūny* и *nūny* "отсюда"; *Prol. tūmyn* и *nūmyn* "по этому месту"); *tossā* и *nāssā* "туда" (ср. *Loc. toccātyqyt* и *nāccātyqyt*; *El. toccātyquy* и *nāccātyquy*; *Prol. toccātyumyt* и *nāccātyumyt*); ср. *tō* "там" (*tōnty* "оттуда"). На первый взгляд кажется, судя по неточным русским переводам, что *tū* и *nū*, *tossā* и *nāssā* — синонимы. Однако селькупские дейктические наречия (не только пространственные, но и временные) различаются, как и во многих других языках, по степени близости-удаленности, видимости-невидимости, а иногда известности (упомнутости)-неизвестности, анафоричности-неанафоричности (ср. аналогичную ситуацию для указательных местоимений).

Так, *tū* означает "сюда, совсем близко" (*tū ōmtā* "Сиди сюда"); *tımyt* "здесь, совсем рядом" (*tımyt ōmtā* "здесь сидит"; *nımyt* в отличие от *tımyt* может иметь и временное значение "тогда"); *tūmyn* "по этому месту, совсем близкому и видимому" (*Taa yku qātyraā tūmyn!* "Не ходи по этому месту!"). Противопоставление *tū* — *nū* и всех их производных идет по степени близости-удален-

ности (*tū* означает "сюда, совсем близко"; а *nū* "туда, чуть далее") и по линии неанафоричности-анафоричности (*nū* применимо к упомянутому ранее местонахождению, в отличие от неанафорического *tū*)¹⁾. Те же градации по степени удаленности и неанафоричности-анафоричности имеются и для наречий, означающих "туда", — *tossā* и *nāssā* (*kūny tūssāntu*, *nāssā qenāā*: "Откуда пришел, туда и иди!").

Наречия этой подгруппы, как и наречия I подгруппы, употребляются с частицей *īlā*. Формы *tossotīlā* и *nāssātīlā* означают (с учетом степеней удаленности) "туда, немного в сторону": *qenāā nūguyk*, а *pūt koʔaltātu tossotīlā* "Иди прямо, а потом сверни примерно туда вон" (при *nāssātīlā* известно, что нужно свернуть в упомянутом раньше месте).

III подгруппа. Среди наречий, выражающих пространственные отношения, существует подгруппа вопросительных наречий, группирующихся вокруг корней *ku* и *qaj* (см. 3.6.). Все они являются застывшими падежными формами местоимений, оторвавшимися от соответствующих парадигм, как, например, с одной стороны, *kun?* "где?" *kūny?* "откуда?" *kussā?* "куда?" *kussātumun?* "по какому месту?" (ср. *kussātu īlā kussātīlā?* "примерно в какую сторону? куда?"); с другой стороны, *qajyntu?* "куда, к какому месту?" *qajqun?* "на чем? где?" *qajqun?* "откуда? из какого места?" *qajmun?* "по какому месту?":

kun īmta? "Где он сидит?" *tat kun īlantu?* "Ты где живешь?" *kūny tūmra?* "Откуда он пришел?" *kussā qenra?* "Куда он ушел?" *kussātumun qenqo?* "По какому месту идти?"

IV подгруппа. Наконец, среди пространственных можно выделить неопределенные местоимения-наречия, образующиеся аналитически, путем прибавления к вопросительным наречиям частиц *qos* (коз) *īmā*: *kut qos* "где-то"; *kun īmā* "где-нибудь"; *kussāt(y) īmā* "куда-нибудь":

ter kut qos estukka "Он где-то прячется"; *kun īmā qallēntak* "Где-нибудь останусь"; *mat kussātīmā qennīntak* "Я куда-нибудь уеду" и т.п.

Не исключено, что формы на *-īlā*, придающие наречиям значение приблизительной, неопределенной ориентации в пространстве, могут

1) Г.Н.Прокофьев (1935, стр.48) в свое время не учел этого обстоятельства, хотя разницу в значении отметил, переводя *tū* "сюда", а *nū* "туда" и т.п.

быть интерпретированы как неопределенные пространственные наречия. Таким образом, для наречий места в целом 1) характерно большое количество антонимичных пар; 2) встречается много наречий, представляющих собой застывшие падежные формы существительных и местоимений; 3) некоторые наречия места выступают в функции служебных слов (послелогов и превербов); 4) среди наречий места немало таких, которые помимо пространственных отношений передают и временные (см. ниже).

3.4.1.2. Наречия времени

Наречия, выражающие временные отношения, включают в свой состав как отдельные слова, так и сочетания слов типа *ukōn-ukōt* "давно-давно", *isa-isa* "давно-давно", *ukōt tī* и *ukōt tīntā* "недавно" (буквально "прежде сейчас"), *sēruiaŋ Ēlā* "немного погоды" и другие.

Как уже отмечалось, границы между разными функционально-семантическими разрядами наречий очень зыбки. Так, в группе наречий с временным значением есть несколько многозначных слов, одновременно передающих и пространственные отношения, например, *nūnu*, *puṃtu*, *contōqyt*, и прочие.

В пределах группы наречий, выражающих временные отношения, можно выделить несколько подгрупп, в каждой из которых слова имеют некоторое семантическое (а частично и формальное) сходство.

1 подгруппа. Ряд наречий, обозначающих время суток и времена года, оформлен наречным суффиксом $-n_{2x}$ ¹⁾: *qarup* "утром", *sēlup* "днем", *ūtup* "вечером", *pīn* "ночью", *keṇ* "зимой", *ūtup* "весной (во время половодья)", *taḡup* "летом", *araṇ* "осенью". Ср. также *rōn* (*taṇ rōn* "в этом году", *rōntaī rōn* "в прошлом году", *tītaī rōn* "в будущем году").

В эту же подгруппу можно включить слова, также обозначающие время суток и календарные периоды времени, но оформленные суффиксом $-nā$, который прибавляется к наречным основам на $-n$: *qarupnā* "ежеутренне", *pīnā* "ежедневно", *sēlupnā/sēlupnā/sēlīnā* "ежедневно", *īḡānā* "ежемесячно", *rōnā* "ежегодно". Обычно эти наречия выступают в сочетании с определительным местоимением *īḡu* "каждый" (такие сочетания можно рассматривать как образования

1) Об ошибочности смешения этого суффикса с показателем *Gen.* см. 3.1.3.2, стр. 174

конфигурационного типа): *Iəy rōpāā šakkā iəcurnā* "Ежегодно он навещает меня"; *Iəy cōlāā m̄əylytukk̄f̄ntyt̄y m̄t̄n̄ylyr* "Он будет ежедневно мить пол". Близки к этой подгруппе в семантическом плане наречие *tāly* "завтра" и наречные сочетания *tar cōly* "сегодня", *tāf cōly* "вчера", *ukōf cōly* "позавчера", *šm̄y cōly* "послезавтра", *nat-tōj cōly* (в.-таз.) "послезавтра", *tāf ūtyr* "вчера вечером", *tāf qəgyl* "завтра утром".

П о д г р у п п а. Обширную подгруппу временных наречий составляют морфологически неоднородные слова, обозначающие разной степени удаленность во времени от момента речи. Основные наречия этой подгруппы можно проиллюстрировать некоторыми примерами:

Iəscag šəqquy (iəscagəquy) irat taqquyl̄kk̄štyr m̄štyt qənyqquy "В старину собирались старики возле чума"; *Iəscary tōtyr̄yrr̄nt̄štyt* "В старину шаманы были"; *Cap̄tān tūšak Rattāquy* "Я давно приехал из Ратти"; *ukōt šōf̄qum ont̄yqōātō āšā qətkā* "Раньше селькуп сам себя не убивал"; *təryt t̄intā (ukōt t̄i) tər̄ym qont̄ygr̄štyr* "Они его недавно видели"; *tər̄ tūr̄ay ukōt t̄intā m̄əquy*, *t̄i aj qənn̄šā* "Он приходил к нам недавно, теперь опять уехал"; *ukōll̄št̄ t̄ymty kuty-n̄/ cāp̄kyay* "В недавнем прошлом здесь никого не было"; *Man oq̄qā tūšak* "Я только что пришел"; *t̄i taq̄ntak rōnā* "Сейчас выйду на улицу"; *rō omr̄ā ašc̄nta* "Дерево вот-вот упадет"; *qərusāl̄b̄qy m̄ uk̄ygr̄šak am̄yrt̄ānt̄šm̄y* "Чуть попозже мы вместе поедем"; *Makkā qərusō t̄ūšāyuk!* "Приходи ко мне позже!" *t̄i tam qəšyuk šc̄nta* "Потом плохо будет"; *m̄šty ūky iəc̄yūlyt!* "Впредь не посещайте!"

Несколько наречий используется для указания на последовательность событий при повествовании. Точкой отсчета при этом является не момент речи, а тот момент, к которому относилось действие предыдущего предложения.

В эту подгруппу входят наречия *p̄yru* "потом" (ср. *t̄i ūryk* "до сих пор"); *nyllā* "оразу же, моментально после чего-либо"; *naššān (naššəquy)* "тогда"; *nynty* "тогда"; *qōt t̄šquy (qōtəquy)* "заранее"; *p̄yn* "потом"; *ukōn* "раньше, прежде" и другие. Например:

ukōt tər̄ som̄a qumytqə šay, p̄yt qəšyuk šayy "Прежде он был хорошим человеком, потом стал плохим"; *qōtəquy cōlyr̄yru! ija* "Заранее рожденный (недоношенный) ребенок"; *tar cōlyr̄ qōtəquy t̄yntak* "На днях приеду"; *Man nynty кура šak* "Я тогда был маленьким"; *Naššəquy (naššat) tūr̄sa alako* "Тогда пришла

лодка"; Тем нуллă тӱмре "Он сразу же приехал"; Мӱнӱ ӱра кӱгӱ
ранӱссу "Потом старик спустился на берег".

В качестве зачинов при отдельных эпизодах повествования используются наречные сочетания уккӱр рӱг "однажды", уккӱр (тӱт) контӱдун "а тут... в это время...; как-то":
Мӱнӱ ӱтӱт ҫанӱт тӱ ҫанӱтӱт, уккӱр контӱдун копӱӱу кӱгӱ сунтӱҫ ҫаҫӱ на ранӱссу "Потом (они) пошли до берега, а тут сверху к реке телега опускается".

III подгруппа. Среди наречий с временным значением есть вопросительные местоимения-наречия кӱӱӱан? кӱӱӱӱдун? "Когда?" Например: Кӱӱӱат тӱгӱа? "Когда он пришел?" Кӱӱӱӱдун тӱгӱа? Тер тӱгӱа ҫопула ҫавӱдун "Когда он приходил? Он приходил в пять часов".

Здесь же относится наречное сочетание кут кунтӱ? "в течение какого времени, как долго?"; имеющее вопросительное темпоральное значение.

Наречие кӱӱӱӱдун с отрицанием ӱӱ означает "никогда".

IV подгруппа. Неопределенные временные местоимения-наречия выражены, как и остальные неопределенные наречия, с помощью частицы ҫоа (коа), присоединяемой к вопросительному наречию кӱӱӱан "когда": кӱӱӱат ҫоа "когда-то". Например, Тер ӱкӱт кӱӱӱат ҫоа тӱгӱа "Он прежде когда-то приходил".

Итак, структура микросистемы временных наречий напоминает строение микросистемы наречий места: 1) среди темпоральных наречий есть утвердительные, вопросительные и неопределенные; 2) многие наречия могут быть организованы в антонимические пары; 3) некоторые наречия времени являются застывшими падежными формами местоимений; 4) наречия данной группы помимо временных могут иметь и пространственные значения.

3.4.1.3. Наречия цели

К обстоятельству наречиям цели, отвечающим на вопрос "с какой целью?", в селькупском языке относятся слова онтуҫаҫ или онту оӱӱ "нарочно, для себя" (эти слова изменяют свою первую часть - лично-усилительное местоимение онту: оӱӱҫаҫ или оӱӱӱ оӱӱ "я нарочно, для меня", оӱӱонтуҫаҫ или оӱӱонту оӱӱ "ты нарочно, для тебя" и т.д.) тунтӱроҫу "нарочно, назло" наҫаӱнарӱоҫу "нарочно". К наречиям цели можно отнести наречия со значением беспечности действия: оӱҫа "просто так (то есть безо всякой цели)";

От наречий меры и степени следует отличать так называемые градационные слова (именно к ним более всего подходит термин О.Восперсена "слова третьего ранга"). Слова типа *ogsa* "очень", *oguk* "очень сильно", *oñontu* (из русского) "очень", *курака* "немного, слегка", *kērōqu* "чересчур, излишне", *qōtolā* "слишком" и подобные часто (но не всегда!) выражают не "количество", а только степень признака или интенсивность процесса. В таких случаях в отличие от наречий эти слова вносят лишь градационные оттенки в основное значение тех слов, к которым они относятся. Относятся же они обычно не к глаголу, а к прилагательному или наречию. Собственная семантическая нагрузка таких слов весьма незначительна. Такие слова мы и называем градационными словами. Приведем примеры на градационные слова, определяющие прилагательные, в отличие от совпадающих с ними по форме наречий, определяющих глаголы. *Tar sēly ogsa qalmyf sēly* "Сегодня очень ясный день; *qōtolā warqu anty yku temāty* "Слишком большой челнок не покупай".

Слова типа *serunig*, *qōtolā*, *ogsa* стоят на грани между количественными наречиями и градационными словами, о чем свидетельствуют приведенные примеры, в которых они функционируют то как наречия, показывающие количество признака, то как слова, выражающие лишь степень, градицию этого признака.

Подгруппа. В группу количественных наречий входят, помимо утвердительных, вопросительные местоимения-наречия меры и степени. Они представлены такими словами как *kunmāntu*? "в какой мере? насколько?" *kunmāguk*? "сколько?" *kuššak*? "сколько?"

Kunmāntu warqu ša? "На сколько (лет) старше?" *Kunmāntu mat sam oguššak*, *ogtu serpša* "Сколько я ни бился, силы меня оставили (буквально "сила моя сломалась"); *kunmāguk* (или *kuššak*) *nōtna?* "Сколько надо (денег)?". В атрибутивной позиции при имени могут выступать прилагательные от тех же наречных корней, сочетающиеся с существительными, например:

Kunmāguf qomta? "Сколько денег?" *Kunmāntuf qum ša munt-k tūa-*
tup "Сколько было людей, все приняли" *Kuššaf tan štal?* "Сколько у тебя оленей?"

Подгруппа. Местоимения-наречия меры и степени с оттенком неопределенности образуются, как и все неопределенные наречия селькупского языка, аналитически, с помощью частицы *qos* (kos): *kuššap qos zoike* "сколько-то рублей". Данное наречие по

своей функции близко разряду приблизительных числительных, встречающихся в самодийских языках.

Некоторые из числительных этого типа оторвались от своей части речи, перешли в наречия, совершенно изменив семантику. Такова, например, судьба числительного, превратившегося в наречие, *akkuglak* "вместе".

3.4.1.5. Наречия причины

Если все рассмотренные ранее обстоятельственные наречия являются в первую очередь утвердительными, то наречия причины не бывают утвердительными. Наречий причины типа русских *случу*, *спросонья* в селькупском языке вообще не встречается (если не считать целевого наречия *olqa* "просто так"). Возможны только вопросительные местоимения-наречия причины, употребляющиеся в начале вопросительного предложения и связанные с местоименной основой *qaj*, *qajuntōqo* и его варианты *qajqo*, *qajuntǝ*, а также *qajytqo* "по какой причине? на основании чего?" Например, *qajuntōqo isca* "почему работает?" *Na qum qajqo ǝmta?* "Этот человек почему сидит?" *qajqo cūranty, qaj fiktanty* "Почему плачешь, что всхлипаешь?"

Другая подгруппа наречий причины - неопределенные местоимения-наречия, образуемые прибавлением частицы *qos* (коз) к вопросительным наречиям, причем частица *qos* в неопределенных наречиях причины употребляется не только постпозитивно, но и препозитивно: *ǝhātū qos qajqo mēlty isy cēlupnā masā issuŋqolamny* "Невестка почему-то постоянно каждый день в лес ходить стала".

3.4.2. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ

В отличие от обстоятельственных наречий определительные наречия обозначают не обстоятельства или условия, при которых протекает действие, а качество самого действия. В селькупском языке эта группа наречий почти неограниченна: определительное наречие может быть образовано практически от любого прилагательного и от любого существительного¹⁾: *asoma* "хороший" - *asomak* "хорошо"; *ǝhū* "спокойный" - *ǝhūk* "спокойно"; *qǝrtū* "низкий" - *qǝrtuk* "низко";

1) Наречия такого рода суть не что иное, как формы адverbальной репрезентации существительного, рассматриваемые среди других граммем имени (см. 3.1.6).

kūralyŭ "граненный" - kūralyuk "о гранями"; mī "дыра" - mīk "с дырами"; qum "человек" - qumyuk "по-человечески"; nom "небо"; "Бог" - nūk "небесно"; po-bomecky.

Среди определительных наречий можно выделить несколько групп семантически сходных слов, из которых перечислим лишь наиболее часто встречающиеся.

1) Оценочные наречия, образуемые от "беззевых" прилагательных путем прибавления суффикса -k/q, а от "зевых" - путем замены суффикса -ŭ на -k/q: kuraayuk "красиво"; bebak "сердито"; tōtyuk "верно"; bamuyuk "мягко"; zomak "хорошо" (ср., однако, qoŭyuk или qoŭkōlyuk от qoŭtyŭ "плохой"). Например: Ter kuraayuk nekynata "Он красиво пишет"; Ter bebak mannyura "Он сердито смотрит"; Ter tomyty tōtyuk "Он говорит верно"; qoŭyuk cōra "Плохо горит"; Ter zomak ratqylny "Он хорошо нырнул" и т.п.

2) Наречия чувственного восприятия, определяющие действие с точки зрения слухового, вкусового, осязательного, обонятельного восприятия действительности. Сюда относятся такие наречия, как ūlyq "вкусно" (от ūly "слина"), caruyā "громко"; bībyūā "сладко" и другие.

3) Наречия, характеризующие темп действия (особенно движения): sekāptyā "быстро, торопливо"; kepnyā "быстро (о движении в данный момент)"; catkuyā "быстро (о скоростных качествах вообще)"; sek "скоро, сразу, вмиг"; cīfak "потихоньку, не торопясь"; cōntyak "медленно". Например: Cūnty qortyga catkuyā "Лошадь бежит быстро"; qoŭ olā sekāptyā qellā "Хоть бы скорее ушла"; cīfak ūqylyura "потихоньку плывет" и другие.

4) Наречия, характеризующие способ движения: toruyā "пешком"; ūtā "пешком (по снегу), без лыж"; qal или qālyu "бегом"; pūntyryā "нашупь"; kōtyu и qoqqu "шагом"; qortu "скачками"; qōŭy "рысью"; lalqak "косолапо" и т.п.

5) Наречия со значением расположения в пространстве относительно друг друга: kōcōtyuk "цепью, в ряд"; tontalyuk "в затылок, шеренгой"; nuntuk "вплотную, рядом"; ukkyrbāty (и ukkyrbūqy, ukkyrbūnty) "вместе, кучно"; pīnak "крест-накрест"; ūgu "поперек"; qōtalyuk "похвост" и т.п. Некоторые из наречий этой группы можно интерпретировать двояко: как наречия места, отвечающие на вопрос "где?" и как определительные наречия, отвечающие на вопрос "как?"

6) Наречия, характеризующие положение человека в пространстве: qottā "навзничь, на спину", qamuttā (qamtā) "лицом, лицом вниз" (ср. qottā-qamtā или qottā-sukyltā "шворот-навзворот"); p̄rtu "вниз головой", p̄rtul̄qy "свесившись" (буквально "немного вниз головой"), wentyk "агфас, лицом" (ср. rutyk wentyk "с открытым лицом"), naryqyk "прямо", p̄ltak "на коленях", q̄ontyn "краво, набок" (не только о человеке, но и о предметах) и т.д. В этой подгруппе возможны и наречные сочетания, например, p̄rtu q̄ontyn "опустив голову", āuty q̄myn (в.-таз. p̄ltak q̄myn) "скрестив ноги".

7) Наречия со значением временной последовательности событий, происходящих через определенные промежутки времени: kolyk "иногда", "редко"; ukkyrtuk (и ukkyrtak) "часто" (у Г.Н.Прокофьева, 1935, стр.51 "сразу, зараз"); m̄l, m̄lty, m̄lqo "всегда" (ср. m̄ltyqo "навсегда") и другие. Эти наречия можно в равной мере трактовать и как определительные, и как обстоятельственные наречия времени, например, m̄l issugna toktyrnyk "Всегда ходит к врачу"; Ter kolyk issa "Он редко приходит".

Перечисленные группы определительных наречий были выделены по чисто семантическому признаку. По морфемной структуре в одной группе могут быть самые разные слова – чистые основы (типа sek "скоро", m̄l "всегда", q̄al "бегом"), отглагольные и отглагольные наречия с суффиксами -k/q, -sā, -lā (типа wosak "хорошо", ūbyk "спокойно", torusā "пешком", saqusā "громко"; k̄apylā "быстро", p̄nturylā "набашуль") и другие. Помимо этих лексико-семантических групп среди определительных наречий можно выделить несколько лексико-грамматических групп слов, в которых наречия имеют не только общую семантику, но и общий суффикс. Это следующие группы наречий.

8) Наречия необладания¹⁾, которые образуются с помощью суффикса -k̄l̄yk (сокращенный вариант -k̄l̄) и которые обозначают отсутствие какого-либо предмета, явления, чувства; enuk̄l̄yk "безбоязненно", amuk̄l̄yk "голодно", впроголодь, без пищи; koryuk̄l̄yk "дотла" (буквально "без места") и некоторые другие. Например: enuk̄l̄yk āgāā "Входи безбоязненно"; amuk̄l̄yk il̄yqo - kutraj q̄ontyn ir̄ruqo "Чем впроголодь жить, лучше на боку лежать" (пословица) и т.д.

1) Наречия необладания допустимо рассматривать как особый падеж имени – каритив (лишительный), см. З.І.3.5.

9) Наречия обладания, образуемые путем прибавления ко второй основе имени суффикса -k/g: *muḱak* "с иглами, шипами"; *ḱuk* "с дырами" и другие.

10) Наречия образа действия (в узком смысле слова), оформленные наречным суффиксом -rōqu (rō) и образованные от именных и глагольных основ: *kaḱyalarōqu* "нехотя" (*kaḱyalaḱ* "нежеланный, пресыщенный"), *kiḱarōqu* "греховно, грешно" (*kiḱak* "грех"), *ḱatarōqu* "страшно" (*ḱaḱuḱe* "бояться"), *ḱuḱyalarōqu* "надреждиво", *kōrōqu* "чересчур, излишне" (*kō* "излишек"). Это наречие можно рассматривать и как обстоятельственное наречие меры), *qētyrōqu* "страшно, удивительно" (*qēty* "фокус, шаманская премудрость"), *rātyalarōqu* или *rātyalarōqu* "желчно" (*rat* "желчь", *rātyaḱ* "желчный"), *tōḱyurōqu* "даром" (*tōḱyur* из русск. даром), *roḱyurōqu* "чуждаясь" (*roḱyur* "невиданный, чужой", *roḱyurḱuḱe* "чуждаться"), *istarōqu* "всячески, как попало" (*istam* "какой попало, всякий"), *tōḱarōqu* "неприлично, бессовестно", *kōtyurōqu* "не к добру" и т.д.

Семантическая характеристика определительных наречий может быть продолжена по мере введения все нового материала в лингвистический анализ.

Все рассмотренные определительные наречия являются утвердительными наречиями. Однако в вопросах используются иные наречия образа действия.

II) Вопросительные местоимения-наречия: *kuttar* и *qāntyk* "как?" Например, *kuttar ḱinty qerḱtyt?* "Как тебя зовут?" *qāntyk ḱosa?* "Как он работает?"

Как видно из приведенного описания, все селькупские наречия, представляющие большое разнообразие в семантическом отношении, обладают номинативными значениями.

В тех случаях, когда вещественное (номинативное) значение стирается, "выветривается", слово переходит в разряд служебных частей речи. Таковы некоторые послелоги, частицы, производные из наречий; такая судьба может постигнуть и градационные слова, обремененная семантическая нагрузка которых очень незначительна. Наличие номинативного значениябликает наречие с другими основными частями речи — именами и глаголами. Но, в отличие от склоняемых или спрягаемых полнозначных слов, наречия неизменны, они не имеют никаких форм изменения, даже степеней сравнения¹⁾. Те наречия, ко-

1) О сравнительных конструкциях, использующих *abɪ* + гл. *ḱo*, см. 3.1.3. II.

торые представлены в виде отдельных падежных форм, не воспринимаются как члены определенной парадигмы. Они прошли процесс адвербиализации, при котором отдельные флективные формы оторвались от парадигмы и стали употребляться в качестве обстоятельства¹⁾.

Наречие всегда функционирует как обстоятельство. Если же оно начинает употребляться в качестве сказуемого, то можно говорить о становлении категории предикатива.

3.5. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

3.5.1. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ (CARDINALIA)

Среди всех количественных числительных выделяется 10 непроизводных: ukkur "1", äitty "2", nōkur "3", tēttu "4", sompyla "5", muktyt₂ "6", seīcy или seīcy "7", kōt₁ (вторая основа kōty-) "10", tōn₂ "100", tyāa (из русск. тысяча; наряду с kōt-tōn₂, то есть 10 x 100) "1000".

Прочие количественные числительные являются составными.

Названия "8" и "9" образуются аддитивно (точнее - "субтрактивно", то есть путем вычитания) с помощью слова sāṅkytyf "отсутствующий, недостающий", которое выступает обычно в редуцированных вариантах - sāṅ, sā и особенно часто sa: äitty sāṅkytyf kōt, äitty-sa-kōt "8", ukkur sāṅkytyf kōt, ukkur-sa-kōt "9".

Названия чисел от 11 до 17 образуются аддитивно с помощью слова kaīf, koīf (от kēf "лишний, избыточный"): ukkur-kaīf(koīf)-kōt "11", äitty-kaīf(koīf)-kōt "12" и т.д.

Названия большинства десятков образуются с помощью суффикса -sar; при этом основа может претерпевать значительную редукцию: äittysar, äittsar, äitsar "20"; nāzasar, nōzasar "30"; tēsar "40"; sompylasar, sompylsar, sompylsar "50"; muktyssar, muktsar, mukear "60"; seīcyssar, seīcsar "70"; äitty tēsar (то есть 2 x 40) "80"; kōt sāṅkytyf tōn, kōt-sa-tōn "90".

Названия сотен (от 200 до 900) образуются мультипликативно: äitty tōn, äittōn "200"; nōkur tōn, nōrtōn "300"; tēttōn "400"; sompyla tōn, sompyltōn, sompyftōn "500"; muktyt

1) Образование подобных наречий должно быть одной из проблем исторической лексикологии, а не словообразования, где рассматриваются все случаи синхронного образования наречий, как продуктивного, так и малопродуктивного.

tōn, mukton "600"; aŭcy tōn "700"; ſitty-ca-kōt tōn "800";
ukkyr-ca-kōt tōn "900".

Названия прочих числительных (если в их составе отсутствуют восьмерки и девятки) образуются аддитивно с помощью союза *cj* "и":
ſittaar *cj* ukkyr "21"; muktsar *cj* muktyt "66"; (ukkyr) tōn *cj* kōt
"110"; nŕtōn *cj* tŕaar *cj* sompyla "345" и т.п.

При наличии восьмерок и девяток в составе числительного используется тот же "субтрактивный" способ образования, что и для чисел "8", "9": ſitty-ca-ſittyar "18"; ukkyr-ca-ſittyar "19";
ukkyr-ca-sompylaar (или tŕaar *cj* ſitty-ca-kōt) "49"; ſittyar
ca nŕtōn (или ſittōn *cj* ſitty tŕaar) "280" и т.п.

Следует отметить, что при крупном (и "некрупном") счете современные селькупы предпочитают пользоваться русскими числительными; образование селькупских названий таких чисел, где, согласно общим правилам, должны одновременно быть использованы мультипликативный, аддитивный и субтрактивный способы (типа 88, 197, 999), а также чисел свыше 1000 (например, годов календаря) вызывало у информантов затруднения.

Названия круглых чисел часто сопровождаются словом *rŕru* (буквально "сразу, вдруг"): *rŕru* kōt "ровно 10"; *rŕru* tōn "ровно 100".

Названия десятков с суффиксом *-aar* используются в приведенном выше виде только изолированно или при счете денег, со словом *solko* "рубли" (nŕaar solko и т.п.). При указании числа любых других объектов они обязательно оформляются аффиксом *-yŭ* (ſittaaryŭ *qur* "20 человек"; tŕaaryŭ *korajka* "40 копеек"; ſitty tŕaaryŭ *rŕ* "80 деревьев").

Количественные числительные используются не только атрибутивно, но и самостоятельно, присоединяя при этом к себе падежные и possessивные аффиксы (по тем же правилам, что и существительные). Числительное "2" выступает при этом в форме, осложненной показателем *Da.* (ſittāqŭ, *ſittā). Примеры: tŕetty ſittāqŭn nŕny kŕ ſra "Четыре больше двух"; Mat ſŕtyaar muktytur "Я встретил шестерых"; *qanqut* kŕn mŕt ſata, sompylāqut *qunyt* ilŕtyt "На берегу стоят 10 чумов, в пяти людях живут"; Mat tŕny *cj* tat tŕlly "Сто моих и сто твоих"; Tem *ucytta* sompylantu "Он учится на пять"; *kŕny* ſŕpā nŕkumyŕŕŕ qŕŕŕumyt "Потом мы вперед на троих своих (оленьях) уехали". При словоизменении составных числительных аффиксации подвергается лишь последний из компонентов: ukkyr-

-sa-kōtqun "в девяти"; tōp ej šittsar ej sompylamy "МОН СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ".

Будучи оформленными посессивными показателями *du.* или *pl.*, количественные числительные имеют значение **л и ч н о - с о б и р а - т е л ь н ы х** (*collectiva personalia*): šittamj "МЫ ВДВОЕМ"; šittaj "ВЫ ВДВОЕМ"; šittatj "ОНИ ВДВОЕМ"; nōkurgmut "МЫ ВТРОЕМ"; tēttylyt "ВЫ ВЧЕТВЕРОМ"; sompylatyt "ОНИ ВПЯТЕРОМ" и т.д.: mē nōkurgmut tūsumut "МЫ ВТРОЕМ ПРИЕХАЛИ"; Tap qumyt mētquntyt sompylatyt ilštut "ЭТИ ЛЮДИ В ЧУМЕ ВПЯТЕРОМ ЖИВУТ".

В сочетании с последоком *сару* количественные числительные передают значение **р а с п р е д е л и т е л ь н ы х** (*distributiva*): qetpyŋ qālal nōkurg sary pinty "Добытую рыбу разложи по три"; а в сопровождении словосочетания *mut kunty* - значение **д р о б н о - р а с п р е д е л и т е л ь н ы х** (*partitiva-distributiva*): qetpyŋ qālal nōkurg mut kunty pinty "Добытую рыбу разложи на три части".

3.5.2. ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ (*ordinalia*)

Показателем порядковых числительных служит формант *-tālyŋ* (*-tālyŋ, -umtālyŋ*): ukkurgumtālyŋ, ukkurtālyŋ "первый" (употребляется как компонент составных числительных - šittsar ej ukkurgumtālyŋ "21-ый" и т.д., а в значении "(самый) первый" заменяется словом *ukōŋ* "передний, ранний, прежний" или *pōlukōŋ* (из *pōlu ukōŋ*) "самый передний"); šittumtālyŋ, šittālyŋ "второй"; nōkurgumtālyŋ, nōkurtālyŋ, nōrgumtālyŋ, nōrtālyŋ "третий"; tēttyumtālyŋ, tētālyŋ "четвертый"; sompylamtālyŋ "пятый"; muktyumtālyŋ "шестой"; šēfsumtālyŋ "седьмой"; kōtymtālyŋ, kōttālyŋ "десятый"; -sargumtālyŋ, -sartālyŋ "-дцатый, -десятый" (в названиях десятиков); tōpnumtālyŋ, tōttālyŋ "сотый"; tūšēamtālyŋ "тысячный". В составных числительных этот показатель присоединяется только к последнему компоненту: šittu-sa-kōtymtālyŋ "восьмой" и т.д.

В сочетании со словом *pēlāŋ*, "половина, часть" порядковые числительные передают значение **д р о б н ы х** (*partitiva*): šittumtālyŋ pēlāk "1/2"; tēttyumtālyŋ pēlāk "1/4"; nōkurg kōtymtālyŋ pēlāk "3/10".

3.5.3. КРАТНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ (*iterativa-temporalia*)

Показателем кратных числительных, обычно выступающих в ад-

вербальной функции, служит формант *-tāl* (*-tāl*, *-yātāl*); образуются они так же, как и порядковые, например: *šittymtāl*, *šittāl* "вторично, опять, во второй раз"; *tōnymtāl*, *tōttāl* "в сотый раз"; *nōkyumtāl* *tūrak*, *tōttymtāl* *nōty* *āšā* *tūntak* "В третий раз я пришел, в четвертый раз уже не приду".

3.6. МЕСТОИМЕНИЕ

3.6.1. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Личные местоимения различаются по трем лицам и трем числам: *ma_{2x}* "я", *ta_{2x}* "ты", *te₂* "он", *mā* (редко *mēq₁*) "мы (двое)", *tē* (редко *tēq₁*) "вы (двое)", *te₂q₁*, **te₂ā* "они (двое)", *mē* "мы (многие)", *tē* "вы (многие)", *te₂ut₂* "они (многие)". Местоимения 3 л. используются, как правило, применительно только к одушевленным предметам, в остальных случаях обычно употребляется указательное местоимение *namu*: *qur* *tam* *ēntu* - *te₂* *pirqu* *ēna* "Вот человек - он высокий"; но: *pō* *tam* *ēntu* - *namu* *pirqu* *ēna* "Вот дерево - оно высокое". Редкие примеры употребления местоимений 3 л. в отношении неодушевленных предметов, то есть примеры нарушения этой закономерности (ср. *Te₂* *ontu* *tēttōmup* *issugaa* "Он (электрод) сам ездит по полю" - *Erdflyi* 1969, стр. 263), объясняются скорее всего калькированием переводимого русского текста.

Личным местоимениям свойственна категория падежа с категориальными значениями *Nom.*, *Gen.*, *Acc.*, *Instr.*, *Car.*, *Transl.*, *Dat.*-*All.* Склонение личных местоимений, отраженное в таблице на стр. 289, отличается от склонения существительных наличием семи падежей вместо 14, отсутствием посессивных форм. С точки зрения способа образования отдельных падежных форм местоимения 3 л. идентичны существительным. Напротив, местоимения 1 и 2 лиц обладают целым рядом особенностей (*Nom.* и *Gen.* не различаются, *Acc.* образуется от супплетивной основы *š₁₋₂*, а *Dat.*-*All.* характеризуется модификацией основы или применением нестандартных аффиксов).

Gen. личных местоимений используется в функции притяжательных местоимений. При этом название обладаемого при местоимениях 1 и 2 лиц (но не 3 л.!) дополнительно оформляется посессивным показателем: *ma₁* *olam* "моя голова", *tē* *alakoīlyt* "ваши лодки", *te₂q₁* *nāfa* "их дочь".

	Nom.	Gen.	Acc.	Instr.	Car.	Transl.	Dat.-All.
1Sg.	man _{2x}	man _{2x}	šim ₂ ~mašim ₂	maššā	matkōlyn ₃	matqo	mākka~matqak _{2x}
2Sg.	tan _{2x}	tan _{2x}	šinty~tašinty	tassā	tatkōlyn ₃	tatqo	tānty~tāntynyn ₃ ~ tatqanty
3Sg.	tep ₂	tepy ₂	tepy ₂	tepaš	tepkōlyn ₃	tepytqo	tepyynyn ₃ ~tepytkini ₁
1Du.	mē	mē	šim ₁ ~mēšim ₁ ~ ~šim ₁ ~mēšim ₁	mēšā	mēkōlyn ₃	mēqo~mētqo	mēqyh ₁
2Du.	tē	tē	šint ₁ ~tēšint ₁	tēšā	tēkōlyn ₃	tēqo~tētqo	tēqyh ₁
3Du.	tepaq ₁	tepaqin ₂	tepaqim ₂	tepaqiaš	tepaqikōlyn ₃	tepaqitqo	tepaqitkini ₁
1Pl.	mē	mē	šimyt ₂ ~mēšimyt ₂ ~ ~šimyt ₂ ~mēšimyt ₂	mēšā	mēkōlyn ₃	mēqo~mētqo	mēqyhyt ₂
2Pl.	tē	tē	šintyt ₂ ~tēšintyt ₂	tēšā	tēkōlyn ₃	tēqo~tētqo	tēqyhyt ₂
3Pl.	tepyt ₂	tepytn ₂	tepytm ₂	tepyšā	tepytkōlyn ₃	tepytytqo	tepytytkini ₁

Из двух параллельных форм асс. местоимений I и 2 лиц, краткой ($\ddot{a}im$, $\ddot{a}intu$, $\ddot{a}in\ddot{i}$ и т.д.) и полной ($ma\ddot{a}im$, $ta\ddot{a}intu$, $ma\ddot{a}in\ddot{i}$ и т.д.), первая (краткая) обычно используется непосредственно перед глаголом или приглагольной частицей, а вторая (полная) — в отдалении от глагола (пост- и препозитивно к нему), ср. $Kuty \ddot{a}intu \text{ arstenta?}$ "Кто тебя накормит?" и $ta\ddot{a}intu \ddot{a}i kuty \text{ a}\ddot{a}a \text{ arstenta}$ "Тебя никто не накормит". Часто две формы (полная и краткая) повторяются в разных местах одного и того же предложения ($ta\ddot{a}intu \ddot{a}i kuty \ddot{a}intu \text{ a}\ddot{a}a \text{ arstenta}$).

Зафиксированы выфатические формы личных местоимений, характеризующиеся добавлением форманта $-fa$: $ma\ddot{a}fa$ "я-то, уж я-то" (франц. *moi*), $ta\ddot{a}fa$, $ter\ddot{a}fa$, $ma\ddot{a}fa$, $t\ddot{a}fa$, $tera(q\ddot{i})fa$, $teru\ddot{a}fa$. Они употребляются, насколько нам известно, только в функции подлежащего: $ter\ddot{a}fa \text{ shantuk tepushuputy!}$ "Уж он-то все знает!"; $ma\ddot{a}fa \text{ nuntu a}\ddot{a}a \ddot{i}kk\ddot{a}i$ "Мы-то там не бывали".

3.6.2. МЕСТОИМЕННИЯ С ОСНОВОЙ $on-$.

В селькупском языке основа $on-$ используется в ряде местоимений (см. стр. 293), парадигматические формы которых выступают в лично-определятельном, возвратно-притяжательном, возвратном значениях. В силу этого терминологически затруднительно дать общее название данному разряда местоимений (кроме указанного в заголовке). С другой стороны, была бы совершенно неоправдана трактовка различных типов употребления местоимений с основой $on-$ как различных разрядов.

3.6.2.1. $nom.$ всех трех лиц и трех чисел используется в функции лично-определятельного местоимения ("сам", "сами"): $\ddot{a}ily \text{ on}\ddot{a}k \text{ t\ddot{u}ntak}$ "Завтра я сам приду"; $\ddot{i}jantu \text{ arstumpatu, ontu a}\ddot{a}a \text{ amugra}$ "Сын накормил, (а) сам не поел"; $\ddot{a}ugussu\ddot{q} \text{ qum}\ddot{o}q\ddot{i} \text{ ont}\ddot{i} \text{ koqumr}\ddot{o}q\ddot{i}$ "Два охотника сами (между собой) договариваются"¹⁾.

I) В других падежах, кроме $nom.$, лично-определятельное значение передается сочетаниями личных местоимений с падежно-посессивными формами существительного $\ddot{p}iru$ (буквально "высота"): (Gen.) $Na \text{ q}\ddot{e}ly \text{ nat } \ddot{p}irany \text{ s}\ddot{e}ty \text{ qalunij}\ddot{a}$ "Эта рыба для меня самого пусть останется"; (Dat.-All.) $t\ddot{e} \text{ } \ddot{p}ir}\ddot{o}qumt\ddot{i} \text{ samuq } \ddot{e}nta$ "Вам самим холодно будет" и т.д.

3.6.2.2. Gen. (формально совпадающий с Nom.) используется в функции возвратно-притяжательного местоимения ("свой"): Mat meŋsuam onāk ūgamaŋ "Я поступил соответственно своим правилам" (буквально "по своему правилу"); mākkā ketātū onāntū nīmly "Скажи мне свое имя"; Mē epšmyn onī āsāpī cōty "Мы боимся за своего отца". Ср. также устойчивое словосочетание onty tatty "родина" (буквально "своя земля": onāk tettaŋ "моя родина"; onāntū tettaŋ "твоя родина" и т.д.).

3.6.2.3. Acc., Instr. и Dat.-All., а также Gen. В сочетаниях с послелогом используются в функции возвратного местоимения ("себя", "собой", "себе"), например: (Acc.) kūlany tatty onāqqaŋpō taqqāŋak aurgonty "Я по грудь зарылся (себя зарыл) в снег"; Nātaŋa ontyqōštōqo mannympa ŋerkalanty "Девочка на себя смотрит в зеркало"; Mē ontyqōšnytyqo arstntōšmyn "Мы себя прокормим";

(Instr.) qumyt koralā qanpōtyt, kapaŋmtyt ontyssā ŋprōtyt "Люди на охоту пошли, собак с собой взяли"; Maŋip onāntysā qantātū qōštonty! "Меня с собой увези в город!";

(Dat.-All.) Tap qur ŋjar ŋpaty ontyqyntū ilyqyntōqo "Этот человек ребенка взял к себе жить"; Onāqqaŋqāk heŋhymōssak "Я сам на себя рассердился"; Tāŋa qā muntyk titaqajyp ontytqōšqyntyt (ontytqyntyt) ŋāšlyt? "Вы зачем все вещи себе забрали?";

(Gen.) Onāk cōty ruākat tanyar auryāqo "Я для себя ружье купил, чтобы охотиться"; ašynyŋ myqāqī nāŋamtī ontī tōqqyntī ontyltysōtī "Родители дочку позади себя посадили"; qomānty mēlty onty myqyntū weryūty "Деньги всегда при себе хранит"; Na ŋīmaŋaŋ my ontyŋ nōny kuntāqyn ŋpōtyt "Эти поселки друг от друга (буквально "от себя") далеко находятся".

Заслуживают внимания формы Acc. рассматриваемых местоимений, которые в описаниях М.А.Кастрена и Г.Н.Прокофьева не упоминались. Они представляют собой сращение форм Nom.-Gen. (для трех лиц и трех чисел) с посессивными формами transl(1) от основы qōš- или qōšy-. Эта же основа используется в одном из вари-

- 1) Данная основа, также снабженная посессивными окончаниями transl., используется в конструкциях с личными местоимениями: mat qōš(a)pō(qo) "ради меня"; tat qōš(an)tō(qo) "ради тебя" и т.д. В самостоятельном употреблении или в каких-либо других конструкциях она не зафиксирована.

антов построения форм Dat.-All.

3.6.2.4. Сочетания местоимений, образованных от основы *on-*, с падежно-посессивными формами существительного *riġu* (буквально "высота") передают возвратно-определяющие значения ("сам себя", "сами себя" и т.д.): *Mat terur sar cattuqolarzak - onak riġam cattuzak* "Я его только собрался застрелить - сам себя застрелил"; *Igarruġ qamut onyut riġuntuzak* "Старики между собой (буквально "сами с собой") всегда разговаривают". Во многих случаях подобные сочетания "конкурируют" с синтетическими возвратными формами: *Ima ony riġonqunt* (= *onyqunt*) *bebbumzazu* "Женщина сама на себя рассердилась".

3.6.2.5. Возможны также сочетания местоимений, образованных от основы *on-*, с послелогом *kēru*; они имеют возвратно-ограничительное значение ("сам по себе", "сами по себе"): *Onanty kēru qā žmanaty?* "Сам по себе что сидишь?"; *Ijat onyt kēru ažntyrnžtyt* "Дети сами по себе играют".

3.6.2.6. Сочетания местоимений, образованных от основы *on-*, с частицей *Jam₂* (в.-тав. *jam₂*, *ba₂*; см. 3.7.3) передают значения взаимных местоимений ("друг друга"): *Žitty alako bžnžtyt ony ħar* "Две лодки гонятся друг за другом"; *Tat ketaty nīmly onġ ħar tēnuquqniqo* "Скази свое имя, что-бы мы друг друга знали."¹⁾

- 1) Заслуживают упоминания два специфических суффиксальных образования от местоименной основы *on-*. С помощью суффиксального форманта *-qaj* образуются наречия со значением "нарочно, преднамеренно", изменяющиеся по лицам и числам: *Man onaqqaj qoakžlyu mžar* "Я нарочно плохо поступил", *Ter onyqaj qoakžlyu mžuty* "Он нарочно плохо поступил" и т.д. С помощью суффиксальных формантов *-kuġ* и *-kup₂* образуются прилагательные и наречия со значениями "отдельный, обособленный" или "отдельно, обособленно", также изменяющиеся по лицам и числам: *Man ilak onakkuġ mžtqak* "Я живу в своем отдельном доме", *tž ilžlyt ontykuġ mžtquntyt* "Вы живете в своем отдельном доме" и т.д.; *Ter ontykut qžlyabba* "Он отдельно (ото всех) рыбачит", *mž onġkut qžlyabžmġ* "Мы отдельно (ото всех) рыбачим".

Местоимения трех лиц и трех чисел с основой on- имеют следующую падежную парадигму:

	Nom., Gen., Acc.	Instr.	Dat., -All.
1Sg.	onak _{2x} onaqqos(a)no(qo)	onaksā	onāqqak _{2x} ~onāqqos(a)-qak _{2x}
2Sg.	onanty onantyqos(am)tō(qo)	onāntysā	onāntyqanty~onānty-nynt ₃ ~onāntykinī~onānty-qos(a)qānty
3Sg.	onty ontyqos(y)tō(qo)	ontysā	ontyqanty~ontynynt ₃ ~ontykinī~ontyqos(ō)-qanty
1Du.	onī onīqos(y)nīqo	onīsā	onīqynī~onīqos(ō)qynī
2Du, 3Du.	ontī ontīqos(y)tīqo	ontīsā	ontīqyntī~ontīkinī~ontīqos(ō)qyntī
1Pl.	onyt ₂ ontyqos(y)nytyqo	onyasā	onytqynyt ₂ ~ontyqos(ō)-qynyt ₂
2Pl., 3Pl.	ontyt ₂ ontytqos(y)tytyqo	ontyasā	ontytqyntyt ₂ ~ontytkinī~ontytqos(ō)qyntyt ₂

3.6.3. УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Указательные местоимения - прилагательные:

tam₂ "этот, этот здесь, вот этот, (лат.) hic" (часто сопровождается указанием на близко расположенный предмет);

to, toī, tōnna "тот, этот там, вон тот" (часто сопровождается указанием на расположенный поодаль предмет);

na "этот, (лат.) is" (обычно о только что названном или указанном предмете при продолжении разговора о нем);

tīna, tīnana "тот, тот самый, (лат.) ille" (о предмете, ранее упоминавшемся в разговоре);

yīna, yītam₂ "вот этот, вон тот, этот твой, (лат.) iste" (как правило, сопровождается указанием на предмет; обычно служит для того, чтобы подчеркнуть связь предмета с собеседником, бли-

зость его к собеседнику) I).

Примеры: Mat tam mōtqyn ilak, tīmhamu tōpna mōtqyn ila "Я в этом доме живу, мой брат в том доме живет"; Ukkyr qum ilum-munt; na qumyn muqyt nōkyr I.nty appa "Жил один человек; у этого человека было три сына"; Mat tīmhamu aj tīna imaa qātyra "Мой брат опять с той женщиной гуляет"; Yīna qumaqānty ketāqāl-rā raktyqontōqo "Скажи этому человеку, чтобы он убежал". Показательно также употребление рассматриваемых местоимений-прилагательных в некоторых словосложениях и устойчивых словосочетаниях: tarcōly "сегодня", tarrōn "в этом году", tarlākty (< tar pōlākty) "на эту сторону (реки)"; to mōtqyn "по соседству", toplākty (< to pōlākty) "на ту сторону (реки)"; nat kunty "в это время, тем временем"; tīna tagā "так и в тот раз".

Указательные местоимения-прилагательные не имеют словоизменительных форм²⁾. Они употребляются в качестве определений к существительным (см. примеры), а также в составе именного сказуемого в сочетании с формами латентива глагола tōqo "быть" (при этом на Inty обычно слито в nājnty, pājnty, фонетически [na tīndy]-

1) Возможно, определенные смысловые различия существуют и внутри пар to(I) - tōpna, tīna - tīnana, yīna - yltam₂. По некоторым данным, tōpna (в отличие от to, toI) может относиться к очень далеко расположенному и даже находящемуся вне поля зрения предмету; tīnana (в отличие от tīna) может использоваться для отождествления названного сравнительно недавно или хорошо известного предмета ("этот самый"); yltam₂ (в отличие от yīna) может подчеркивать связь предмета с самим говорящим, близость его к говорящему. Однако надежных контекстов, подтверждающих релевантность подобных семантических различий, в нашем распоряжении нет; более того, специальное исследование примеров употребления различных указательных местоимений показало, что to(I) и tōpna, tīna и tīnana, yīna и yltam₂ признаются многими информантами попарно взаимозаменяемыми.

2) Исключение составляет форма Gen. от местоимения na, используемая в составе некоторых предложных конструкций (nat cōty "ради этого", nat kōry "такого размера и т.д."), а также формы отдельных падежей рассматриваемых местоимений, которые выступают в качестве местоимений-наречий (natqo, nāžak, tōpnamyt и т.д.).

[nájny, nájny]): Mat tam tntak "Вот он я!"; mǝgal nájny "Ты умираешь"; буквально "Это твой конец"; Qaj aǝa lǝy tina ɛrrynty "Не черт ли то был?".

Имеется, кроме того, небольшая группа указательных местоимений-прилагательных, связанных с указательными местоимениями-наречиями: nymtyǝ "здешний, тамоний"; nǝlcyǝ "такой" (анафорические); tymtyǝ "здешний"; tǝnnymtyǝ "тамоний"; tǝlcyǝ "такой" (неанафорические).

Указательные местоимения-существительные образованы от указательных местоимений-прилагательных с помощью форманта -ny: tamny "это, это здесь, вот это"; tomy (малоупотребительно), tǝnnamny "то, это там, вон то"; namny (также namny) "это"; tinamny (tinanamny малоупотребительно) "то, то самое"; ylnamny, yltamny "вот это, вон то, это твое". К перечисленным словам применимы пояснения, сделанные относительно соответствующих указательных местоимений-прилагательных.

Рассматриваемые указательные местоимения, подобно существительным, обладают категориями числа, падежа, посессивности: tamnaqǝ "эти двое"; namyt "эти, они"; tǝnnamnyuk "(к)тому"; tinamnyǝ "(о) тем (самых)"; namal "это твое"; ylnamnytyt "вот эти ваши" (Acc.Sg. + Px2Pl.). Образование парадигматических форм в целом подчинено тем же закономерностям, которые действуют в отношении существительных; заслуживает упоминания перегласовка ауслутного -y, входящего в состав форманта, в -ǝ- (формы Dc.) и в -a- (посессивные формы 1Sg. и 2Sg.): tamnaqǝ, namal¹).

Примеры употребления: Namal tǝtyk pnty "Уточни это"; буквально "Это-твое правильно положи"; qǝlyk qǝntyǝǝ namnytyǝ qǝnra "Ненец с быком-его с этим-его уехал"; Mat tamnyr aǝa qǝntyǝar "Я этого не видел"; Tǝnnamaqǝ aj qalyruqolamnaqǝ "Те двое опять начали отставать"; Maǝir ylnamny nǝmyt tǝtytǝ "Меня через вон того оповести".

Для многочисленных указательных местоимений I-н а р е ч и й (см. также 3.4) характерно противопостав-

- 1) Данная морфонологическая особенность показывает, что формант -ny не может быть непосредственно отождествлен с неопределенным местоимением ny (хотя и связан с последним этимологически): местоимение ny имеет Nom.Dc. nyqǝqǝ (не *naqǝqǝ) и Nom.Sg. + Px2Sg. nyly (не *mal!).

ление анафорических слов (типа *nynty* "здесь, там (в том месте, которое было перед этим упомянуто)") и неанафорических слов (типа *tynty* "здесь"; *tōnynty* "там": при их употреблении "точкой отсчета" служит окружающая действительность, а не контекст речи). Это следует иметь в виду при рассмотрении приводимых ниже списков, поскольку русские переводы значений не отражают анафоричности/неанафоричности и, соответственно, характера употребления этих слов.

А. Анафорические местоимения-наречия: *nū* "свда, туда"; *nynty* "здесь, там; тогда"; *nūny*, *nūnty* "отсюда, оттуда; потом"; *nīny₂* "по (э)тому месту"; *nāssāty* "в (э)ту сторону"; *nāssātyqu₂* "в (э)той стороне"; *nāssātyquny* "с (э)той стороны"; *nāssātyny₂* "по месту, находящемуся в (э)той стороне"; *nāssāny₂*, *nāssāny₂* "тогда"; *natqo* "по(э)тому, для (э)того"; *nīcyk_{2x}*, *nīk_{2x}* "так"; *namānty*, *namanty*, *namunānty*, *namunanty* "так, в такой степени"; *namnacyk_{2x}*, *namnacyk*, *namunacyk_{2x}*, *namunacyk* "на- столько, до такой степени" и некоторые другие.

Б. Неанафорические местоимения-наречия: *tū* "свда"; *tō* "туда"; *tynty*, *tynynty* "здесь"; *tōny₂*, *tōnynty* "там"; *tūny*, *tūnty* "отсюда"; *tōny*, *tōnty* "оттуда"; *tōnyny₂* "по тому месту"; *tossā*, *tossāty* "в ту сторону"; *tossātyqu₂* "в той стороне"; *tossātyquny* "с той стороны"; *tossātyny₂* "по месту, находящемуся в той стороне"; *tī* "сейчас"; *tīcyk_{2x}* "так" и некоторые другие.

Указательные местоимения-числительные: *nāssāk_{2x}*, *namūssāk_{2x}* "столько" (употребляется в сочетании с глаголами); *nāssāf*, *namūssāf* "столько" (употребляется в сочетании с существительными); *nāssāmtālyf*, *namūssāmtālyf* "такой(-то) по счету"; *nāssāmtāl*, *namūssāmtāl* "в такой(-то) раз".

3.6.4. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Вопросительные местоимения образованы от основ *ku-* и *qa(j)-*. Суффиксальная их часть содержит словоизменительные и словообразовательные форманты, а также оросшиеся с основой послелог.

Вопросительные местоимения-существительные: *qaj* "что? кто?"; *kuty* "кто?"; *kutyka* "кто?"; *kutyka* "кто? кто же?".

Эти местоимения парадигматически тождественны существитель-

ним. Они образуют числовые, падежные, посессивные, предикативные формы в соответствии с общими закономерностями образования этих форм, сформулированными выше для существительных: Kutyn эау түгәү? "Чей отец приходил?"; Tat qajaj namnıgıy ɓatalpantı? "Ты чему (буквально "чем") так радуешься?"; Qajaj cūa? "Что у тебя болит?"; Tat kutıykanıy? "Ты кто такой?" (буквально "Ты кто есть?"); taɪ-cəly kutaqır cūtsal? "Ты вчера кого (двоих) встретил?"

Следует отметить полифункциональность местоимения qaj, которое, помимо значения "что?", обладает значением вопросительной частицы ("ли"). Реализация одного из этих значений зависит от места слова qaj в предложении и от наличия на нем логического ударения. Кроме того, при постановке в конец предложения (после глагола) слово qaj придает всему предложению оттенок неуверенности, приблизительности и может быть переведено словами "вроде"; "что ли". Ср.: qaj (с логическим ударением) kortɔqın ırpa? "Что лежит на кровати?"; Kortɔqın qaj (без логического ударения) ırpa? "Лежит ли на кровати?"; kortɔqın ırpa qaj "Вроде лежит на кровати".

Вопросительные местоимения-прилагательные (qajıɪ "какой?", kutıɪ "чей?", kutıkaɪ "чей? чей же?") словозменительных форм не имеют. В принципе возможна трактовка их как форм адъективной репрезентации от qaj, kutı, kutıka; отметим, впрочем, что в отличие от обычных адъективных форм существительных они не обладают категорией посессивности.

Вопросительные местоимения-глаголы, обладая грамматическими признаками глагола (формы лица, числа, типа спряжения, времени, наклонения, образуемые так же, как и у обычных глаголов), имеют в то же время вопросительную семантику: qattıqo "куда деться?", qatırɔqo "куда деть?", qatamıyqo "что происходит?" (буквально "что происходить?"), qatamıqo "что случилось?" (буквально "что случиться?"). Примеры: ũkam qattıja? "Моя шапка куда делась?"; ũkam qatırɔsal? "Моя шапку ты куда дел?"; qatamantı İjan İrtıqını "Что ты творишь при ребенке?"; tı İlmaɣınyntı qatamıa? "В вашем поселке что случилось?". Часто (возможно, под влиянием русского языка) значения вопросительных местоимений-глаголов дублируются другими вопросительными словами (ũkam kışsa qattıja? "Моя шапка куда делась?" и т.д.).

Вопросительные местоимения — наречия: *kissä*, *ku* "куда?"; *kun₂* "где?"; *kūu*, *kūntu* "откуда?"; *kūšun₂* "по какому месту?"; *kussäty* "в какую сторону?"; *kussätyqu₂* "в какой стороне?"; *kussätyqu₂* "с какой стороны?"; *kussätyšun₂* "по месту, находящемуся в какой стороне?"; *kuššä₂*, *kuššäqu₂* "когда?"; *qä* "зачем? почему?"; *qajqo*, *qäqa*, *qäqa* "для чего? зачем?"; *kuttar*, *qäntyk_{2x}* "как?"; *kunšäntu*, *kunšäntu* "в какой степени?"; *kunšäntyk_{2x}*, *kunšänt* "насколько? до какой степени?".

Вопросительные местоимения — числительные: *kuššäk_{2x}* "сколько?" (употребляется в сочетании с глаголами); *kuššä₂* "околько?" (употребляется в сочетании с существительными); *kuššäntäly₂* "который по счету?"; *kuššäntäl* "в который раз?".

Как можно заметить, наблюдается значительный формальный и семантический параллелизм между вопросительными и указательными местоимениями-наречиями и местоимениями-числительными.

Вопросительные местоимения часто могут выступать в качестве отрицательных: *Kuššä₂ qaj [ku] kekkontu 3[šun]äntu*, *paššat ää innä t[š]yläl na p[š]ntu laka₂* "Когда в какую-нибудь беду попадешь, тогда вытати этот камешек"; *Tep kuttar kyka, niš-syk iša* "Он работает как хочет"; *Tep qäštygusa catkyä₂, kuttar t[š]ära š[š]gur* "Он ходит быстро, как летит птица"; *š[š]gura kuttar löäy* "Ревет, как медведь".

3.6.5. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Отрицательные местоимения образуются от вопросительных. Имеется несколько параллельно используемых моделей их построения:

А. Частица *hi* + вопросительное местоимение: *hi qaj* "ничто"; *hi kutu* "никто"; *hi qajy₂* "никакой"; *hi kuššä₂* "никогда" и т.д.

Б. Частица *äntä* + вопросительное местоимение: *äntä qaj* "ничто"; *äntä kutu* "никто"; *äntä kun₂* "нигде" и т.д. (в отличие от частицы *hi*, частица *äntä* способна употребляться самостоятельно, выражая усилительное значение в отрицательных предложениях: *Ukkur p[š] äntä šäpka* "Ни одного дерева нет", буквально "Одно дерево даже отсутствует".

В. Вопросительное местоимение + формант *-paj*: *qajpaj* "ничто"; *kutypaj* "никто" (другие отрицательные местоимения этим спо-

собом, насколько нам известно, не образуются). В современном языке местоимения *qajncj*, *kutyncj* используются редко и имеют только форму номинатива.

Примеры: *măk3lyk hi kutu* (ăntă kutu, *kutyncj*) *saŋka tųrtăty* "Кроме нас никто не пришел"; *Imamu hi kussă* (ăntă kussă) *ăŋŋa icsuŋna* "Моя жена нигде не ходит"; *Tar3ely mat hi qajum* (ăntă qajum) *ej ăŋŋa m3tar* "Сегодня я ничего не делаю".

3.6.6. НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Три обширные группы неопределенных местоимений образуются от вопросительных местоимений с помощью частиц *3mă*, *koz*, *qam*.

Постпозитивная частица *3mă* (по происхождению — 3sg. кондационалиса от глагола *3qo* "быть") имеет значение русской частицы *-либо*: *qaj 3mă* "что-либо", *kuty 3mă* (*kut3mă*) "кто-либо", *k3ŋpu 3mă* (*k3ŋp3mă*) "откуда-либо" и т.д. При этом наряду с *qaju3 3mă* "какой-то" существуют формы, в которых адъективный формант *-3* присоединен к частице: *qaju3 3mă3*, *qaj 3mă3*.

Частица с неустойчивым фонетическим обликом *koz ~ ko3 ~ qo3 ~ qo3*, которая может быть и препозитивной, и постпозитивной, имеет значение русской частицы *-то*: *koz qaj*, *qaj koz*, *ko3 qaj*... "что-то"; *koz kussă*, *kussă koz*, *ko3 kussă*... "куда-то" и т.д.

Постпозитивная частица *qam2x* образует неопределенные местоимения со значением "...-то да, хоть...-то": *kuty qar* "кто-то да, хоть кто-то", *qaju3 qam* "какой-то да, хоть какой-то" и т.д.

Неопределенные местоимения, образованные от вопросительных местоимений-существительных, имеют формы склонения; при этом у местоимений с частицами *koz* и *qam2x* числовые, падежные и другие окончания присоединяются к вопросительному местоимению, а у местоимений с частицей *3mă* — к самой этой частице: *kutăq3 koz* "кто-то двое, какие-то два", *qajăă qar* "с чем-то да, хоть с чем-то"; но: *kuty 3mănyk* "(к)кому-либо", *qaj 3mă1* "что-либо твоё".

Особое место среди неопределенных местоимений занимает местоимение-существительное *ny* "нечто, вещь, предмет" (ср. также его адъективную и адвербиальную формы: *ny3* "некий", *nyk2x* "неким образом") и местоимение-глагол *nyqo* "нечто делать". Эти местоимения способны, в частности, заменять собой личные слова, относящиеся к соответствующей части речи, если говорящий не может

сразу вспомнить нужное слово или считает излишним называть его (поскольку ситуация и так очевидна для собеседника): *ter masōqun qesaytu mur... sedkur* "Он в лесу убил это самое... глухаря"; *Isanu osuq muqa* "Моя жена снова того" (собеседнику и так понятно, что именно делает жена – сидит, стирает, ругается...). Кроме того, *mu* широко используется как субстантивизирующий формант: *soma mu* "хорошее" (*soma* "хороший"), *man mu* "мое" (*man* "я"), *siṛun mu* "последнее" (*siṛun* "сзади").¹⁾

3.6.7. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Определительные местоимения, в отличие от других разрядов местоимений, не объединены сходством формальных признаков.

Местоимение *muntyk*_{2x} "все; весь; целиком, полностью" с учетом его функций можно назвать "местоимением-существительным-прилагательным-наречием". Ср. *Muntyk soma ṭṭa* "Все хорошо"; *Muntyk taṭuty rōtra ṭṭa* "Все лето было жарко"; *Muntyk esuntunyk pātanty* "Он полностью на отца похож, он весь в отца".

От этой же основы образованы местоимения-наречия *munṭōqun*₂ (или *muntyqqun*₂) "во всем, всюду"; *munṭokty* "во все, ко всему; всего"; *munṭōqun* (или *muntyqqun*) "изо всего, отовсюду"; *munṭōmun*₂ (или *muntyqmun*₂) "по всему, повсюду".

К числу определительных местоимений-прилагательных относятся *isy* "каждый"; *istam*₃ "любой, всякий"; *jaṛuk*_{2x} "другой"; *kunamṭntyṭ* "любой, какой бы ни".

3.7. СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

3.7.0. Служебные (незнаменательные) части речи – своего рода "грамматическое орудие языка".²⁾ Именно эта функциональная общность служебных слов при отсутствии у них номинативного (лексического) значения и позволяет объединить их все в одну группу в противоположность основным (знаменательным) частям речи.

1) Подробнее см. : Е.А.Хелимский. Неопределенное местоимение *mu* в селькупском языке. "Теория и типология местоимений". М., 1979.

2) И.Вандриес. Язык. М., 1937, стр.130.

Служебные слова, в отличие от самостоятельных (знаменательных) слов, сами не имеют грамматических категорий (единственное, да и то дискутируемое исключение, — послелоги, см. 3.7.4), но зато многие из них (например, превербы, послелоги, частицы) являются выразителями различных грамматических категорий (в этом случае они не что иное, как морфемы). Некоторые из служебных слов (например, союзы) выполняют лишь чисто синтаксические функции, используя для связи слов, групп слов и предложений. Наоборот, междометия и модальные слова представляют собой явление совершенно иного порядка.

В селькупском языке часто бывает трудно различать служебные слова, поскольку среди них немало переходных типов слов. В настоящей главе мы будем рассматривать последовательно частицы, модальные слова, превербы, послелоги, союзы и междометия. Задача последующего изложения — раскрыть функции всех служебных элементов речи и наметить главные семантические разряды внутри категорий частиц, междометий и других.

3.7.1. ЧАСТИЦЫ

В лингвистической традиции термин частицы (*particula*) встречается в двух употреблении. 1) Частицами нередко называют все служебные слова в противоположность знаменательным (см., например, работу Прокофьева (1935), у которого в разделе "Частицы" помещены и союзы, и междометия, и собственно частицы. В грамматике Кастрена (1954) в раздел "Частицы" включены даже наречия, а не только союзы, послелоги и междометия.

2) Среди служебных слов разных языков наиболее отчетливо выделяются союзы и предлоги (или послелоги, а также превербы). За вычетом их остается еще несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами полуграмматического, полусемантического характера и промежуточным положением между наречиями, с одной стороны, и союзами, с другой стороны. Именно за этими группами служебных слов обычно и сохраняется название частиц в узком смысле слова.

Провести четкие границы между частицами в узком смысле слова и наречиями, частицами и междометиями или частицами и союзами в селькупском языке нередко бывает весьма затруднительно. Особенно часто многие частицы смешиваются, почти сливаются с союзами.

В таких случаях можно говорить либо об омонимии частиц и союзов, либо об особом переходном типе служебных слов от частиц к союзам. Например, а) можно рассматривать и как союз с соединительным значением, и как частицу со значением присоединительным или усиительно-ограничительным. Слова *car*, *mitu* и другие также занимают промежуточное положение между частицами и союзами, выступая в одних предложениях как союзы, в других как частицы.

Среди частиц обнаруживается немало переходных типов и от слов к морфемам. Наряду с частицами-словами, близкими к наречиям, союзам, междометиям, встречаются такие частицы, которые практически уже потеряли свою иллюзорную самостоятельность и почти превратились в агглютинируемые префиксом или суффиксом.

Превращение частиц в морфемы связано с ограничением свободы передвижения частиц по предложению. Закрепление частицы за определенным местом и определенной частью речи является преддверием ее перехода в агглютинативную морфему. Частицы этого рода являются, в сущности, словообразующими элементами.

Так, например, частица *jar*, находящаяся всегда в препозиции к глаголу, теряет самостоятельное лексическое значение и используется в функции прверба, придавая глаголу значение взаимного действия (см. 3.7.3.). Частица *жу*, употребляясь в постпозиции к существительному, становится, по сути дела, суффиксальным элементом.

По функции, выполняемой в предложении, частицы селькупского языка можно подразделить на синтаксические (или грамматические), являющиеся выразителями некоторых универсальных грамматических категорий¹⁾, и модальные, выражающие модальные отношения в строе предложения, придающие своеобразный оттенок тому предложению, в котором они находятся. Впрочем, резкой границы между ними провести не удастся, поскольку частицы, которые можно назвать синтаксическими, входят в круг основных разрядов категории модальности.

Например, слово *куваа*, которое можно интерпретировать и как междометие побуждения "ку-ка!" (см. 3.7.6), и как частицу, приблизительно соответствующую русской частице *-ка*, служит для образования повелительного наклонения и будущего времени:

1) И.И.Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, стр.310.

имеет выделительное, усилительно-ограничительное значение, как в следующем предложении: *taazā aǝ qantak* "С тобой и пойду"; *mūpu aǝ tšūpa āšty pasaituty* "Потом я вторую стукнул". Это значение усиления выступает только на фоне чего-то неусиленного в предыдущей речи, что выявляется лишь из полного контекста.

Одна и та же частица может придавать предложению различные оттенки модальности. Так, частица *aǝ* помимо усилительного значения может иметь присоединительное значение (см. стр. 305).

Частица *aš* (возможно, из русск. *ах*; не путать с *aš* "не!") может обладать усилительным значением "же":
taŋ aš fi qaiyū ašša tšūmal "Ты же ничего не знаешь".

В этом же контексте может быть употреблена частица *koš*, обычно имеющая не усилительное, а ограничительное значение:
taŋ koš fi qaiyū ašša tšūmal "Ты же (ведь) ничего не знаешь".

Частица *ket* "ведь" также может быть отнесена к числу усилительных, как в следующем предложении: *tumty kēn aš šēka* "Здесь он ведь не бывает". Прокофьев (1935, стр. 78) называет эту частицу утвердительной. Приведенную выше фразу сами информанты произносили с сомнением, что позволяет считать в данном случае *kēn* вводным словом, выражающим сомнение, и переводить его как "вроде".

Как частица с усилительным значением может функционировать местоимение на "этот" (см. 3.6.3). Однако в качестве местоимения слово на всегда относится к оуществительному, в то время как в функции частицы на относится к глаголу в латентиве (см. 3.2.6.2) употребляясь обычно препозитивно к нему. Усилительное значение этой частицы трудно отделить от указательного:

tumty na qaišmānty "Здесь вот останешься"; *īja i gabocij ukkyrāk na qemymntšqj* "Сын и работник вместе вот пошли"; *ījaīty šōtty korālā na qemymymntštyt* "Сыновья его в лес отправляются охотиться"; *ku šūmyt šērylāk konnā na qemymntštyt* "По реке недолго вверх шли".

Иногда значение ограничения наблюдается у союза *car*, который в этом значении функционирует как частица:
šēbātū car ipra tumty "Сестра только лежит тут".

Таким образом, усилительные функции, как это видно на примере частиц *aǝ*, *car*, *koš*, легко совмещаются с союзными значениями. Иногда можно даже говорить о функциональном превращении союза в частицу (например, *koš*, *aǝ*). С другой стороны, в частицах, осуществляющих функцию усиления (или ограничения) со значениями наречия или модального слова, никогда не наблюдается никакого уклона

в сторону соизов (такова, например, усилительная частица наречного типа *па*). Одна и та же частица, помимо усилительного значения, может обладать и некоторыми другими модальными оттенками, как, например, частицы *аа*, *ај*, *па*.

2) Присоединительные частицы. Частица *ај* обладает, как уже указывалось, не только усилительным, но и присоединительным значением: *Ај маќка митти!* "Еще мне дай!"

То же значение возможно у частицы наречного типа *џрук* "еще, все еще": *Mat tūzak ukkur kaļ kōt saāqun, a tam џрук qonta* "Я пришел в II часов, а он еще спит". Однако *џрук* нельзя употреблять, по специальному разъяснению информантов, вместо *ај* в выражении "*ај митти*".

Часто в присоединительном значении *ај* может означать "опять", "тоже":

Siçuka İjafa aј masā weāāja "Птенчик опять в сторону отлетел"; *Nūnu kana aј lāqqumōttēra* "Потом собака опять взвизгнула"; *Imaļ imuļaty aј catturyty* "Прабабушка тоже бросила"; *Ter tūrsy ukōt tīntā mēqufyn, tī aј qennāja* "Он приходил к нам недавно и теперь опять уехал"; *Ај па qennānty* "Опять вот уехал".

3) Неопределенной частицей является частица *miāqyt*: *miāqyt qaj ketynutyty?* "Что-то он скажет (не скажет ли он чего?)"

Частицы *qos*, *ēma*, *qar* (подробнее см. 3.6.6.) с оттенком неопределенности участвуют в образовании неопределенных местоимений-наречий селькупского языка:

qaj qaj ēma aāa ketynutyty? "Не скажет ли он чего-нибудь?"; *Mat kišcāty ēma qennāntak* "Я куда-нибудь уеду"; *kūn ēma qallēntak* "Где-нибудь останусь"; *kišāan qos (solko)* "сколько-то (рублей)"; *kišāat qos* "когда-то"; *kut qos* "где-то" (*kut qos tūnty* "где-то здесь").

4) Уступительные частицы (*olā*, *koļ*, *qoļ*, *istolā*) имеют значение "хоть бы, только бы, лишь бы" с дополнительным оттенком условности, сближающим их с условными и уступительными союзами.

Одной из основных частиц с уступительным значением (ограничительным) является частица *olā* "только, лишь только", которая обычно выступает вторым элементом составных частиц, например, уступительная частица *koļ olā* (или ее вариант *qoļ olā*) "хоть бы, только бы":

koļ olā mat tulyffak "Хоть бы я доехал!" Ср.: *qoļ olā sākārtu-*

ia qella "Хоть бы она поскорее ушла!" qoē oia sek qūqulluṣun!
 "Хоть бы скорее (нам) кончить!" Ontun oia ʃmɛʃtun "Один лишь
 они сидят"; Man onāk oia ɪrrak "Я один лишь лежу"; Istola (из
 ista oia) qeṇaʃ "Лишь бы ты ушел!" Istola mɛqo pūt qāʃturgɛtak
 "Лишь бы оделать, потом гулять буду" (сделать бы, потом погуляю);
 Miṇaʃ ʃɪr qomʃaʃa qoē ʃittu wolkora "Дай мне денег хотя бы два
 рубля!"

5) Отрицательные частицы (aʃʃa/aʃ, уку, сә, fi. О синтаксических особенностях отрицания в селькупском языке см. 4.2.2.2.).

В селькупском языке существует две основных отрицательных частиц — уку и aʃʃa с усеченным вариантом aʃ.

Область употребления отрицательной частицы aʃʃa достаточно широка. Aʃʃa может функционировать как отрицательная частица и даже как аггитивизирующая приставка.

Как приставка aʃʃa выражает различные оттенки отрицательной окраски — оттенки противоположности, недостаточности и т.п.; в этом случае она употребляется перед именами: Aʃʃa tɛttɪʃ qumytun naʃa "Небогатых людей дочь"; lɔa-ira aʃʃa kuntʃaṣun "Черт-старик недалеко"; Tɛr ɣorɪtta aʃʃa pūʃaʃ "Он работает без дуни" (нескушой); Ср.: Tal ʃja ɪlʃɪnɪntu aʃʃa mat "Ты, сын, жить будешь, не я".

В качестве отрицательной частицы aʃʃa/aʃ обычно имеет чисто отрицательное значение с различиями в степени и энергии отрицания и употребляется с глаголами, например: Tɔrɪmtu aʃʃa tɣnu-ʃuʃtu kiʃʃat raktuʃra "Ног не чувствует, как побежал"; Moṇuʃa aʃʃa qeṇra "Назад не пошла"; Tɛttam aʃʃa mintar "Земли не дам"; Man nɪʃuʃ ʃjam nɪʃtu aʃʃa kuʃar "Я такого сына впредь не хочу"; Tɛr ʃɛɣu kʃʃa aʃ amɪtu "Он белый хлеб не ест"; Pɔntarty aʃ ata "Края его (чуша) не видно"; Nūpu tamɪt tɛttu qāʃyt mɛltu aʃ ɪssɛʃtɪt mɪttɪʃa "После этого и до сих пор немцы никогда не приходили с войной". Ср. также употребления предикативные, возникшие в результате эллипсиса: ʃɛnta qaj aʃʃa "будет или нет"; (qaj) moṇuʃa ʃɣ qaj aʃʃa ("или) дома есть или нет"; qaj oɪqɔ mɪntu-ʃuʃtu tɛttɪmtu moṇuʃa qaj aʃʃa "или просто даст земли его назад, или нет".

Кроме aʃʃa, но реже, используется в селькупском языке отрицательная частица сә/сәрка, сложность грамматической природы которой выражается в колебаниях ее употребления,

hi qaj sa qontygar "Ничего не вижу"; ter tal' selu kontokty
 totty qesey i ti yug sakka turtaty "Он вчера далеко в лес ушел
 и до сих пор не вернулся".

Отрицательная частица уку встречается только с формами им-
 ператива и опатива: Njty uku issuyulyt! "Вперед не приходите!";
 Okon uku cattuyulyt! "Вперед не стреляйте!"; Kikcayak uku tūāā!
 "Зря не приходи!"; Illā uku qanpštyn "Не убивайте!"; Tat nāssā
 uku āgāā! "Ты туда не заходи!"; tē hi kussā uku qanpylyt! "Вы
 никуда не уезжайте".

Из русского языка была заимствована отрицательная частица
 hi, которая на фоне селькупской отрицательной частицы āāā по-
 лучила усилительно-отрицательное, а иногда и отрицательно-присо-
 единительное значение ("ни...ни"), выйдя тем самым за пределы
 частиц в собственном смысле слова (ср. 3.7.5.):
 hi moqunā wettyty sakka, hi dāpā wettyty sakka "Ни назад доро-
 ги нет, ни вперед дороги нет".

Частица hi обычно употребляется в сочетании с вопроситель-
 ными местоимениями, образуя отрицательные местоимения и факти-
 чески превращаясь в словообразовательный элемент:

(Ickaska) hi qajum āā mētuyuty "Ичкачка ничего не делает";
 Nany zupra hi qajur āāā qoruty "Вот поет, ничего не увидел";
 Mat mētqak hi kuty ej āā issa "В мой дом никто не ходит"; tē hi
 kussā uku qanpylyt "Вы никуда не уезжайте"; ni qaj āā ata "Ни-
 чего не видно".

6) Вопросительные частицы, встречающиеся в селькупском язы-
 ке, связаны по происхождению с местоимениями, наречиями или мо-
 дальными словами. Чаще других используется частица qaj "ли" (из
 местоимения qaj "что"): qaj qaj gma āāā ketqentyut? "Не сви-
 дет ли он чего-либо?"

Нередко частица qaj встречается в сочетании с модальным
 словом žnyf "действительно, верно": qaj žnyf qorqum esyrgyzal?
 "Действительно ли ты медведя убил?"

В функции вопросительной частицы может выступать модальное
 слово monty "неужели, разве": Monty montyk ālmalamun būtyifa
 qentštyn? "Неужели все из поселка уедут на покос?" qoltōqun
 monty qēly āūbcgja? "В реке разве рыба перевелась?" Monty nīnu-
 qa ogaā attā? "Неужели комар сильно кусается?"

И т а к, 1) частицы по своему происхождению связаны с дру-
 гими частями речи: с союзными связаны частицы aj, sar, mity и

другие; с местоимениями — частица *на*, с глаголами — модальная частица *шопа* и т.д.

2) По положению в речи частицы бывают двух типов: одни занимают постоянное место, подразделяясь на препозитивные, стоящие непосредственно перед тем словом, к которому они относятся (*jar, куаа*), и постпозитивные, всегда стоящие после слова, к которому относятся (*шу, qos/коз*); другие могут свободно перемещаться в предложении в зависимости от смысла высказывания, внося оттенки значения в целое предложение (*ај, kgt, сар*).

3) Частицы могут выражать различные смысловые оттенки значений слов в речи, вносить в речь модальные оттенки, выполнять словообразовательную функцию и этим приближаться по значению к морфемам, а также выполнять синтаксическую функцию, служа для образования различных грамматических форм.

Класс частиц, как мы видели, очень пестр по своему лексическому составу. К частицам, кроме того, тяготеют модальные слова, часто являющиеся вводными словами в предложении. Множество разнообразных модальных частиц и слов, которые нередко рассматриваются в грамматиках как наречия, а иногда даже как союзы, представляют собой переходный тип между наречиями и частицами (особенно усилительно-ограничительными).

3.7.2. МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Модальные слова обычно относятся ко всему предложению. Ослабление их лексического значения, изменение их грамматической функции и своеобразие их интонационно-мелодической фразировки ведет к тому, что модальные слова легко редуцируются в частицы. Особенно часто этому переходу подвергаются те модальные слова, которые указывают на то, что говорящий воспроизводит чужие слова, например, *шопа* "говорят, слышать"; *мута* "видать, будто бы". В разряд модальных частиц могут попасть и целые сочетания, например *курака аа* "чуть не (немного не)"; *q3t 3yuk* "кажется" *q3tu m3tu* и *q3tu m31* "кажется, вроде бы"; *на с1р3q3а* "наконец"...

По своим функциям модальные слова можно разделить на несколько разрядов, из которых основными являются следующие:

1) Модальные слова и частицы, обозначающие субъективную передачу чужой речи. Модальные

слова этого рода показывают, что воспроизводимое высказывание приписывается говорящим другому лицу. Сюда относятся слова "говорят, слышать" и мута "мол":

Момра пѣнуца огай затта. "Говорят, комар сильно кусается"; qaj момра аѣ тѣпуал ѣжал кун ѣжа "Не знаешь ли, говорят, где они твои"; тѣмѣму момра рѣгалтѣнтѣлѣгуѣла "Брат мой, слышать, возвращается"; Момра тѣ qaj маннѣмунтѣлѣт, qимѣтур qетруѣ мѣту мѣгуѣин тѣлуѣра "Мол, вы что смотрите, людей убившие воины и нам пришли"; На момра мѣгуѣнѣ qеллѣмун "Вот, мол, домой пойдем"; Утам мута огай ѣжа "Руки мои, мол, сильны"; Ман мута бѣгуца ѣпак, куттар рѣпѣ тѣпѣнтѣк "Я говорит, голая (есть), как наруку выйду?" Маза мута qенѣѣук! "Со мной, мол, иди!"

Иногда используется и заимствованное из русского языка *mol* "мол".

2) Кроме указаний на чужую речь или на использование чужих выражений, модальные слова могут содержать оценку обстоятельств, мыслей. Они указывают как на эмоционально-волевое отношение говорящего к предмету сообщения, так и на отношение чисто рассудочное, логическое, при котором определяется степень достоверности факта (к достоверности высказываемого):

qѣт ѣгук ман ѣмаѣ аѣгуѣла вѣѣѣѣу "Кажется, мимо меня птица пролетела"; Тѣр qѣту ѣѣтѣу qѣпра "Он, кажется, в лес ушел" (ср. qѣту - наречие меры и степени со значением "примерно").

Возможны оставшиеся вводные слова со значением сомнения: Там qѣту мѣту (или мѣту мол) ѣѣтѣу qѣпра "Он, кажется в лес пошел"; Тѣр qѣту мѣту тѣѣ сѣлу тѣмѣту ѣѣанту "Ты вроде бы вчера здесь был"; Тѣрков тѣнтѣк, тѣрков аѣѣ мунтѣк "Может быть, я приду, может быть, нет"; Qарѣ пѣѣсук "Вроде, так".

3) В круг модальных слов вовлекаются и количественные обозначения меры, числа или степени чего-нибудь, таковое сочетание курака аѣ "чуть не":

тѣтѣру аѣсуѣлѣ мѣтар курака аѣ рѣтѣѣѣту "Шаман упал и чум чуть не прошиб"; qѣл-ѣга qѣтѣ аѣсуѣа мѣтѣу кураѣѣа рѣпѣ рѣтѣѣѣту "Ненец ничком упал, чум чуть на улицу не прошиб".

Модальные и вводные слова, как видно из приводимых примеров, тесно примыкают к частицам, причем между ними и частицами трудно провести грани, как и между частицами и наречиями, частицами и союзами.

3.7.3. ПРЕВЕРЫ

К числу превербов в селькупском языке относится довольно ограниченная группа служебных слов, используемых в качестве модификаторов глагольного значения и стоящих в предложении по соседству с глаголом (чаще всего — непосредственно перед ним). По сути дела, превербы мало чем отличаются от приставок, в особенности — от отделяемых приставок в языках типа немецкого или венгерского. Рассмотрение их как особой части речи, а не как особой группы словообразовательных аффиксов, основывается на том, что, во-первых, за пределами глагольной системы префиксация в селькупском языке полностью отсутствует и, во-вторых, сочетание "преверб + глагол" с фонетической точки зрения обычно не представляет собой единого слова.

Вместе с тем обнаруживается значительная близость превербов к наречиям. Многие слова способны в различных случаях выступать то как превербы, фактически не имеющие собственного лексического значения, но меняющие значение глагола, то как наречия: ср., например, *ililä mēqo* "похоронить" (при *mēqo* "сделать") и *ililä malpūmruqo* "вниз смотреть" (в первом случае *ililä* — преверб, во втором — наречие). Различие между этими двумя употреблениями является не только семантическим (что очевидно), но и синтаксическим: компоненты второго сочетания легко могут быть разделены вставкой какого-либо обстоятельства, например, *ililä rōp iquvū malpūmruqo* "вниз с дерева смотреть"; для первого же сочетания (*ililä mēqo*) подобные трансформации недопустимы. Кроме того, наречия, в отличие от превербов, способны нести на себе логическое ударение.

Как уже указывалось, наиболее типично для преверба препозитивное положение перед глаголом, например, *hēpnā iqo* "выручить, помочь" (буквально "вперед взять"), *hēpnā ituyuty* "поможет", *hēpnā ilä* "помогаю" и т.д. Преверб и глагол могут быть разделены: а) прямым дополнением 1 л. или 2 л.: *hēpnā šim iay* "он меня выручил", *hēpnā šintyt iēštyt* "они вас выручили"; б) отрицательными частицами: *hēpnā ašā iayuty* "он не поможет", *hēpnā uky ity!* "не помогай!"; в) вспомогательными частицами *šā*, *na*: *hēpnā šā ilār* "помогу-ка я", *hēpnā na išmuntuty* "он (оказывается) поможет". Постпозитивное по отношению к глаголу положение преверба наблюдается преимущественно в императиве: *ity hēpnā!* (наряду с *hēpnā*

Itu! "выручи! помоги!"

Ниже приводится перечень наиболее употребительных селкупских превербов.

1) *ilä* (в качестве наречия это слово означает "вниз"). В сочетании с глаголами, которые сами по себе обозначают движение вниз, он играет роль усилительной частицы, практически не меняющей значения глагола: *ilä aſuqo* "упасть" (*aſuqo* то же), *ilä paſiſqo* "спуститься" (*paſiſqo* то же), *ilä omtyqo* "сесть, усесться" (*omtyqo* "сесть"), *ilä pultantyqo* "встать на колени" (*pultantyqo* то же). Ср. также *ilä qontyqo* "лечь спать" (*qontyqo* "спать"). Во всех этих случаях перевод *ilä* как наречия "вниз" был бы избыточен. Примеры: *tiſaſayt pō ilä paſalſinōtyt* "Братья срубили деревья"; *ilä yku paſiſaſ!* "Не опускайся!"; *icat ūr ilä yku ſikuſiſä* "Ичи жир пусть не прольется" (буквально "не потратится").

В сочетании с рядом других глаголов преверб *ilä* придает глаголу значение действия, направленного на устранение, физическую ликвидацию кого-либо или чего-либо, или усиливает значение самого глагола: *ilä qättyqo* "убить (ударом)" (*qättyqo* "ударить"), *ilä ſeſcalſiſqo* "растоптать (так, чтобы не осталось следа); утоптать (так, чтобы получилась ровная поверхность)" (*ſeſcalſiſqo* "растоптать, утоптать"), *ilä taqutyqo* "закрыть (прочно, на замок)" (*taqutyqo* "закрыть"), *ilä qſäſqo* "закрыть, крепко зашурить (о глазах)" (*qſäſqo* "закрыть (о глазах)"), *ilä qartyqo* "выключить, погасить (свет)" (*qartyqo* "погасить"). Особенно резкий семантический сдвиг создается превербом в сочетании *ilä ſēqo* "похоронить" (*ſēqo* "сделать"). Примеры: *ōtar kuraſkā ilä qättyeyty* "Оленя кулаком убил"; *nat na kaſaſay qumyt tarē ilä ſēqo kykak* "Я эту свою собаку как человека похоронить хочу".

2) *ina* (в качестве наречия это слово означает "вверх"). У этого преверба, антонимичного рассмотренному превербу *ilä*, также выделены, с одной стороны, значение усилительной частицы при глаголах, обозначающих движение вверх и, с другой стороны, способность образовывать сочетания со значением действия, направленного на создание или возникновение кого-либо или чего-либо: *ina ſūqyſqo* "залезть" (*ſūqyſqo* то же), *ina weſſēſqo* "подняться, взлететь" (*weſſēſqo* то же), *ina nullyſqo* "встать" (*nullyſqo* то же); *ina cōtyqo* "разжечь" (*cōtyqo* "зажечь"), *ina cōruqo* "разгореться" (*cōruqo* "гореть"), *ina mēqo* "оживить" (*mēqo*

"сделать"). Примеры: *iilā qontuquty qumty, nūny tūnty innā sal-talnuty* "Уложил своего спутника спать, потом в костер подбросил дров (чтобы лучше горело)"; *šūgyp nuykumšilā innā weššēja* "Птица, попутавшая, взлетела"; *tōtyru innā šim meša* "Шаман меня оживил (из мертвых поднял)".

3) *šam₂* "взаимно, друг друга". Глаголы с данным превербом означают взаимно-возвратное действие: *šam nītyqo* "целоваться" (*nītyqo* "целовать"), *šar tōtyqo* "ругаться, ссориться" (*tōtyqo* "ругать"), *šar šašamruqo* "соревноваться, мериться силами" (*šašamruqo* "пробовать"), *šam ogaqo* "бороться" (*ogaqo* "ловить, хватать"), *šar košumruqo* "переговариваться, беседовать между собой" (*košumruqo* "говорить"). Примеры: *šam oqatylumyn!* "Давай поборемся!"; *qālyt šar šuqolamyn tōtyt* "Ненцы стали стрелять друг в друга"; *šapat qoqquš šar oqylnōtyt* "Собаки схватились с медведем".

Можно предполагать, что преверб *šam* по происхождению представляет собой д.с.с. от *ša* - сокращенной формы существительного *šaqa* "друг, товарищ" (ср. *toqowa, šal* - *toqowa, šaqa!* "Здравствуй, друг"). Ср. также *onty šar* "друг друга".

В верхнетазовском говоре вместо преверба *šam₂* используется преверб *šān₂*: *šān nītyqo* "целоваться", *šēt tōtyqo* "ругаться, ссориться" и т.д.

4) *šenty* (в качестве наречия это слово означает "вместе"). Обычно сочетание глагола с данным превербом выражает совместность и изредка бывает синонимично сочетанию с превербом *šar*: *šenty tomqo* "оговориться" (*tomqo* "сказать"), *šenty pūtaqo* "быть похожими друг на друга" (ср. *šar pūtaqo* с тем же значением; *pūtaqo* "походить"), *šenty šōtyqo* "связать" (*šōtyqo* "связать, завязать, привязать"). Пример: *tīmbašyt šuntuk šenty pūtantōtyt, šaqa!* *tōra šaryk kurasyn šā* "Братья все похожи, только у Тоши другая внешность". Специфично значение превербального сочетания *šenty šatyqo* "вступать в брак" (буквально "вместе сидеть", *šatyqo* "сидеть").

5) *qār, qāruk_{2x}* - преверб, означающий неполноту, недостаточность действия и соответствующий по значению русской приставке недо-: *qāruk tūqo* "недойти" (*tūqo* "прийти"), *qār nekynutyqo* "недописать" (*nekynutyqo* "написать"), *qār tūqo* "закрыть не полностью" (*tūqo* "закрыть"). Например: *mōtty na šēga, qāruš na tūntuty mōtar* "В чум вошел, не полностью дверь закрыл".

6) *ĭitty* ("на части, в разные стороны"). Этот преверб омонимичен числительному "два". Преверб сочетается со многими глаголами движения: *ĭitty raktyqo* "разбежаться (в разные стороны)", *ĭitty qanqo* "разойтись", *ĭitty tĩŕyqo* "разлететься". Ср. также *ĭitty ĭqo* "быть различным" (*ĭqo* "быть"), *ĭitty miqylqo* "раздать" (*miqylqo* "дать (о многих объектах)"), *ĭitty ĭqo* "разобрать" (*ĭqo* "взять") и т.д. Примеры: *Ėlmyĭ torqy ĭitty raseŕira* "Пепельница раскололась"; *rĩtĩ ĭitty ĭqa* "Их года разные (они разного возраста)"; *Ėtat ĭitty raktympĩtyt* "Олени разбежались".

7) *tĩ* - наиболее, по-видимому, частый преверб, обладающий широкой сочетаемостью. По значению приблизительно соответствует русским приставкам *вы-*, *от-*: *tĩ ĭqo* "отобрать, забрать" (*ĭqo* "взять"), *tĩ mĩtyqo* "отрезать" (*mĩtyqo* "разрезать"), *tĩ cattyqo* "выбросить" (*cattyqo* "бросить"). Примеры: *Imanty nĩny qomĩ mĩntyk tĩ ĭsyty* "У жены все деньги он забрал"; *Alako tĩ ŭqyl-tĩra* "Лодка уплыла"; *ĩuty tĩ qentĩty* "Сено отвези".

8) Превербу *tĩ* близок по значению преверб *masĩ*. В качестве наречия это слово имеет значения "в лес" (ср. существительное *масу* "лес") и "прочь". Этот преверб также соответствует русским приставкам *вы-*, *от-*: *masĩ qamtyqo* "вылить, высыпать" (*qamtyqo* "налить, насыпать"), *masĩ cattyqo* "выбросить" (*cattyqo* "бросить"), *masĩ poqqelqo* "оттолкнуть" (*poqqelqo* "толкнуть"), *masĩ raktympyqo* "отбегать" (*raktympyqo* "бежать"). Примеры: *qaqly wettĩquny masĩ rĩraĩtĩm Ėaronty* "Нарты с дороги свернули в тундру"; *tĩryĭ wasy cattĩty masĩ!* "Выбрось гнилое мясо!"

9) *Ėennĩ* (в качестве наречия это слово означает "вперед"), выступая как преверб, утрачивает свое исходное значение, но существенно изменяет значение глагола (все сочетания с *Ėennĩ* идиоматичны). Этот преверб сочетается, по-видимому, лишь с весьма ограниченным количеством глаголов: *Ėennĩ ɛsyqo* "перестать" (*ɛsyqo* "отать"), *Ėennĩ ɛħsyqo* "родить" (точнее - "произвести роди": глагол непереходный, в отличие от переходного глагола *ɔħsyqo* "родить") при *ɛħsyqo* "лечь", *Ėennĩ rĩnqo* "помочь при родах" (*ĩnqo* "положить"), *Ėennĩ ĭqo* "выручить, помочь" (*ĭqo* "взять"). Примеры: *Mat kodymyusak, nĩny Ėennĩ ɛsyusak* "Я поговорил и перестал"; *Na ima Ėennĩ ɛĩr rĩssy* "Эта женщина помогла мне родить"; *tĩr torĩnty aħsympyĭ qymur Ėennĩ ĭsyty* "Он выручил попавшего в беду человека".

3.7.4. ПОСЛЕЛОГИ

К числу послелогов в селькупском языке относятся обширный класс слов, используемых как правило, для выражения синтаксической связи между словом, непосредственно им предшествующим (обычно существительным или субстантивной формой какой-либо другой части речи), и управляющим словом (чаще всего глаголом).

Многие послелоги (в особенности послелоги, выражающие пространственно-временные значения) близки существительным. Это проявляется в частности, в наличии у таких послелогов падежных показателей, причем от одной послелогической основы (употребляемой также в качестве существительного или не встречающейся в чистом виде) обычно может быть образовано несколько послелогов путем присоединения различных показателей местных падежей. Подобные "семейства" послелогов можно, вообще говоря, рассматривать как один послелог, обладающий системой падежного изменения. Такой интерпретации мешает, однако, то обстоятельство, что в некоторых случаях семантическое различие между послелогам одного "семейства" несводимо к различиям в значениях, передаваемых падежными показателями.

Другой особенностью послелогов, оформленных падежными показателями, которая сближает послелоги с существительными, является присущая им категория посессивности (формально выражающаяся так же, как у существительных в соответствующей падежной форме). Ср. *carqun* "при, перед лицом" и *mat carqāk* "при мне", *tat carqāntu* "при тебе", *m̄ carqun̄* "при нас (Du.)", *t̄ carqunt̄* "при вас (Du.)", *m̄ carqunyt* "при нас (Pl.)", *t̄ carquntyt* "при вас (Pl.)". Посессивные показатели 3 л. к послелогам, стоящим при именах, не присоединяются: *terun carqun* "при нем", *teraq̄in carqun* "при них (Du.)", *terutun carqun* "при них (Pl.)". Однако послелог с показателем 3 л. может быть употреблен в предложении без предшествующего имени (в качестве так называемого "послелогично-личного местоимения"): *temol ija q̄en̄ija*, *mañ aļ̄a koñaitentar carqunt̄u* "Пусть ребенок уйдет, я не буду рассказывать при нем". В отличие от ряда уральских языков для селькупского языка не характерен перенос посессивных показателей с имени на послелог: *imanty carqun* (не **imat carqāntu*) "при твоей жене", *m̄ñp̄ut t̄qqun* (не **m̄ñyt t̄qqun-yt*) "за нашим домом".

Остальные послелог, не оформленные падежными показателями, категорией посессивности не обладают.

Помимо самого послелога, в послеложную конструкцию входит чаще всего существительное, субстантивная форма глагола, числительное или местоимение-существительное.¹⁾ При этом общим правилом является постановка слова, предшествующего послелогу, в Gen.: *suntyn lqyn* "на лошади"; *qomtāt cōty* "за деньги"; *mōtyt kēry* "величиной с чум"; *amutkyn kuntu* "пока я ем"; *āittāqin ylyyn* "под двумя"; *tēryn mūqyn* "у него"; *qajyt tēty* "до чего". Довольно часто встречается сочетание послелога с Nom. (*suntyn lqyn*, *qomtā cōty*, *mōt kēry*). Однако сами носители языка считают подобные конструкции речевой небрежностью (в частности, и собственной) и утверждают, что во всех аналогичных случаях правильной является конструкция с Gen.

Исключение из общего правила составляют послелоги *tō*, *saḡā* и *saḡy*. Для первого из них регулярной является конструкция с Procl. предшествующего существительного: *āōlqyn tō* "по горло". Поселог *saḡā* требует постановки существительного в локативную адъективную форму: *qoqōqyḡ saḡā* "как медведь". Поселог *saḡy* сочетается с Gen. существительных (*āolkot saḡy mīqylqo* "по рублю раздать"), но предшествующее ему числительное всегда ставится в Nom.: *mōkyr saḡy* "по три"; *āittyn saḡy* "по два".

Послеложная конструкция обычно представляет собой единое фонетическое слово. Следствием этого является частая ассимиляция согласных на стыке окончания Gen. и послелога: *qajyt āāqyn* [*qājytāāqyn*] "вдоль берега"; *masyt cōntōmyn* [*māscōntōmyn*] "посреди леса"; *āmtuḡ qōt āāqyn* [*āmtuḡ qōtāāqyn*] "при царе".

Некоторые послелоги путем присоединения к своей основе аффикса *-ī* или путем синтаксического сочетания со словом *ītyḡ* образуют особые адъективные формы. С помощью последних строятся адъективные послеложные конструкции, выполняющие в предложении атрибутивную функцию. Ср. *rōn ylyyn* "под деревом" и *rōn ylyḡ īty* "травя под деревом"; *mōtyt kēry* "величиной с дом" и *mōtyt kēryḡ rō* "дерево величиной с дом"; *mat cōty* "для меня" и *mat*

- 1) Встречаются, кроме того, послеложные конструкции с участием временных наречий (*tarōily cōty* "для сегодняшнего дня, на сегодня"; *rūt cōty* "на потом"); местоимений-прилагательных (*tāna tarā* "как и в тот раз") и местоимений-наречий (*tī tēty* "до сих пор")

cōtu ityūf arau "еда для меня"¹⁾

Ниже рассматриваются отдельные послелогов, классифицированные по трем основным группам.

3.7.4.1. Послелогов с пространственно-временными значениями

Большинство послелогов этой группы, участвующих в образовании обстоятельственных послеложных конструкций, удобно представить в виде таблицы, каждая строка которой соответствует "семейству" послелогов, образованных от одной основы (стр. 318, 319, 320).

Примеры (выборочно): ſūtyn ſqyt ippuza ſāqu pōl ſaka "На траве лежала черная палка"; Macyt pōgyqyt ſīra tīra "Над лесом утка летит"; ſūqnty yſqny ata ſptyty "Из-под шапки видны волосы"; weqy cēlyn ſkōqyt qūtāra "Он перед праздником заболел"; Tēr omta ſraſīpyt ſlōqyn "Он сел перед стариком"; Ket cīrōqyn taſuſaſata "После зимы настанет лето"; Pōt tōkty etſīqo "За дерево спрятаться"; araſ amaſ ſuqāt ſoqōt qalyſpyf qaqly "оставшиеся после родителей нарти"; ſūqnty qōqyt kanak ſānympa "Возле хозяина собака сидит"; Macyn qanty tūptāqnty ſāqyn cāykka "По мере приближения к лесу становилось темнее"; Tūt pontaqyt oſā pōtra "Вокруг костра очень тепло"; Mat qumytyt pūtōmyt kekkyā qeſſak "Я сквозь толпу еле пробрался"; Mōtyt ſūfāenty yky qālympā "Внутри чума не ходи"; Lōny ſgar pīcuyā ſājnty ſitty kotāmyt qāttyſy "Он ударил черта топором между глаз"; Mōtyt aſ qōlyt ſitty cōgyqyt pō ſāſa ſōcīlympa "Между домом и рекой не растут деревья"; Pōf myt cōtōqyt kīkā kūqylympyza "Посреди деревьев тек ручей"; Okoſkan ſū mōtyt na ſōga "Он вошел в дом через окно"; qālympā qanyt ſāqyn (ſāqyn) "Иди вдоль берега".

Несколько послелогов, также оформленных падежными показателями, стоят вне "семейств":

yſakūqyn, yſantyqyn, yſantyqyn, yſaqyn (с аффиксом Loc.) "посреди, в центре" (ор. yſaky, yſantyky "середина, центр"); Tōnturo tottūmpa mōtyt yſantyqyt "Стоя стоял посреди коммат"; mōgūmpyn, mōgūmpyn (с аффиксом Prol.) "через, сквозь (какой-либо узкий проем)" (ор. mōgyk "щель, проем"):

- 1) Поскольку адъективные формы образуются не от всех послелогов и не всегда одним и тем же способом, выделение двух репрезентативных послелогов (собственно послеложной и адъективной) было бы, вероятно, неоправданным.

Purqy turpañ mǵuryp roñǵa tannurpa "Дым через трубу наружу выходит";

kūmyn (с аффиксом Prol.) "по, через" (ср. ky "середина"): mǵur cǵylt tǵqyn pǵsǵa qǵstak qǵltyt kūmyn "Через три дня я туда поеду по реке".

Подавляющее большинство представленных в таблице послелогов пространственно-временного значения оформлены аффиксами местных падежей (исключение составляет лишь два иллативных послелога — tǵ и ǵǵ). Существует, однако, несколько послелогов, которые также имеют пространственные и временные значения, но с формальной точки зрения не соотносимы с падежными формами имен.

sǵsǵǵ "против, навстречу": Kapañ tǵsaqo tartu sǵsǵǵ "Гладить собаку против шерсти"; ǵqulturǵǵyk kūrpt sǵsǵǵ "Плыть против течения". Ср. sǵsǵǵ в наречном употреблении: Muntyk rak-turpǵtyt ǵǵrussyǵ qumunyk sǵsǵǵ "Все побежали охотнику навстречу".

moqaty "по, соответственно" (встречается только в выражениях типа kūrpt moqaty "по течению", mǵkyp moqaty "по ветру"): Alako kūrpt moqaty kūra "Лодка по течению плывет".

satqaj, satqo "сквозь, через": Tǵp mǵnnyumynty cǵkylat satqaj "Он смотрит через стекло". Ср. satqaj в наречном употреблении: Satqaj qǵttǵty "Пробей насквозь".

tetty "до". Послелог употребляется как в пространственном, так и во временном значении: Tǵp cǵntykak tulyǵra qǵltyt tetty "Он медленно дошел до реки"; tǵ₁ tetty "до сих пор". Особый интерес представляет употребление послелога tetty в конструкции "х (El.) tǵ y (Gen.) tetty" или "х (Gen.) nǵny tǵ y (Gen.) tetty" со значением "от х до у", "с х до у". Эту конструкцию (tǵ... tetty) можно рассматривать как особый преривистый послелог. Примеры: Larqu nǵmra kǵt saǵǵynty tǵ nǵkyr sasat tetty "Магазин открыт с 10 до 3 часов"; Cǵntytranty olanty nǵny tǵ toranty tetty "Ты промок с головы до ног"; ǵaryǵ mǵsyn nǵny tǵ tarka-saǵet tetty "От Красноселькуп до Тарко-Сале". Иногда послелог tetty заменяется в подобной конструкции на ill. второго существительного: Cǵntytranty olanty nǵny tǵ toraǵanty "Ты промок с головы до ног".

tǵ "до, по" (только в выражениях типа "по горло", "по пояс" и т.п.). Особенность этого послелога — постановка связанного с ним существительного в Prol. (а не Gen.): tǵǵanmynty tǵ ǵortu

Основы последлогов	Возможность самостоя- тельного употребле- ния основы	Последлоги, образованные от данной основы				Значения лока- тивного последлога	
		Локативный	Элативный	Иллативный	Пролативный	Простран- ственная	Времен- ная
1	2	3	4	5	6	7	8
ī-	-	īqyn, īn	īqyny, īny	īnty	īsyn ¹⁾	на	-
pōgy-	+ ("верх, макушка")	pōgyqyn, pō- gōqyn	pōgyqyny, pōgōqyny	pōgynty, pōgonty	pōgyshyn, pōgōshyn	над	в конце
yl-	-	ylqyn	ylqyny	ylty	ylsyn	под	-
uky-	+ (ūky - с долгим ūi - "перед, кончик")	ukōqyn, ukōn	ukōqyny, ukōny ²⁾	ukonty ²⁾	ukōshyn ²⁾	перед, впереди	перед, до
ily-	-	ilōqyn, ilōn	ilōqyny, ilōny	ilonty	ilōshyn	перед, напротив	-
tō- или tōk-	-	tōqyn, tōq- qyn, tōn	tōqyny, tōqqyny, tōny	tōkty, tō	tōshyn, tōq- shyn	за, поза- ди	через, спустя
cīry-	+ ("конец")	cīrōqyn, cī- rōn	cīrōqyny, cīrōny ²⁾	cīronty ²⁾	cīrōshyn ²⁾	позади, в конце	после

1) Дополнительное значение - "помимо": Onty arsyn īmyt tīshanty keby amšintyty "Помимо своей сдм он съел суп брата"; man urany īsyn "помимо моей воли".

2) Элативный, иллативный и пролативный последлоги с данной основой употребляются редко.

1	2	3	4	5	6	7	8
moqal- или moqu-	+ ("спина") -	moqalqyn, mo- qōqyn, moqōn, moqynaqyn	moqalqyny, moqōqyny moqōny	moqalty, moqenty	moqalmyн, moqōmyн	сзади, позади	после
qō-	+ ("бок")	qōqyn	qōqyny	qōnty	qōmyн	возле, рядом с (на мини- мальном рассто- янии)	-
qan- или qanyk-	+ ("берег")	qanqyn, qa- nyqqyn	qanqyny, qanyqqyny	qanty, qa- nykty	qanmyн, qa- nyqmyн	возле, недалеко от (в не- котором удалении)	-
pontar-	+ ("окрест- ность")	pontarqyn	pontarqyny	pontarty	pontarmyн	вокруг, в окрест- ностях	-
pūty-	+ ("внут- ренность, сердцеви- на")	pūtyqyn, pū- tōqyn	pūtyqyny, pūtōqyny	pūtynty, pūtonty	pūtymyн, pūtōmyн	внутри (в заполнен- ном прост- ранстве)	-

1	2	3	4	5	6	7	8
šūšcy-	+ ("внут- ренность, полость")	šūšcyqyn, šūšcōqyn	šūšcyqyny šūšcōqyny	šūšhynty, šūšhōnty	šūšcymyn, šūšcōmyn	внутри (в невыпол- ненном простран- стве)	-
šitty kotā-	+ (букваль- но "два промежут- ка")	šitty kotā- qyn, šitty kotam	šitty ko- tāqyny, šitty ko- tāny	šitty ko- tānty	šitty kotā- myn	между	-
šitty cōr- или šitty cōryk-	+ (букваль- но "два ответвле- ния")	šitty cōrqyn, šitty cōryq- qyn	šitty cōr- qyny, šit- ty cōryq- qyny	šitty cōr- ty, šitty cōrykty	šitty cōr- myn, šitty cōryqmyn	между	-
conty-	+ ("серединѧ")	contōqyn	contōqyny	contmōnty	contōmyn	посреди	посреди
šū-	-	-	-	šū šū	šūmyn ³⁾	сквозь, через ⁴⁾	-
sak-	-	saqqyn	-	-	saqmyn	вдоль	-

3) Послелог приобретает специфическое значение в выражении wattyt šūmyt "по дороге".

4) Указано значение пролативного послелога.

patqyira "Он уязв по шев в болоте"; kŭlamāk tō syronty taqrak "Я по грудь зарыл в снег"; ūtyŭ-romy sōkayk tō ĭqa "Работы у меня по горло" (буквально "Моя работа мне по горло есть").

Два послелога используются только как временные:

kuntŭ "в течение, за (какой-либо срок), на (какой-либо срок)": taquntŭ kuntŭ rōtryaa "В течение лета было жарко"; ūkyur sawantŭ kuntŭ qallēpra "Он на час опоздал";

ĭāqqup "во время" (употребляется только применительно к прошлому): ūkōĭ rōntŭ ĭāqqup mēam "В позапрошлом году сделал"; ĭntyŭ qōt ĭāqqup nymty warqŭ qētytyŭ sra "При царе там был большой поселок".

3.7.4.2. Послелоги с другими обстоятельственными значениями

С помощью послелогов могут выражаться, помимо местного и временного, и другие обстоятельственные значения: степени, меры, образа действия и т.д.

mōntŭ "в меру" (по форме совпадает с существительным mōntŭ "мера; вершок"): tam ūsyva onty ortŭ mōntŭ "Он работал в меру своих сил"; ĭantŭ mōntŭ mulypra "Он говорит из последних сил" (ĭaq – человеческая (особенно шаманская) сила в высшей форме своего проявления); tŭgyrŭf cit mōntŭ qantŭsar "Я налил полное ведро".

mīqu, mīqu "в полную меру, на пределе" по сравнению с mōntŭ обычно передает более высокую степень действия: onty mīqu raktympak "Я изо всех сил бегу"; ortŭ mīqu qotarnŭ "Он через силу кашляет".

Послелоги tarā и sarā ("как, подобно") служат для выражения сравнения, сопоставлений. Послелог tarā употребляется в/не-метафорических сравнениях: ter iwanŭt tarā aāa pūtyuty ūkuntŭ "Он, подобно Ивану, не брился"; map kugamŭ amaly tarā ĭqa "Я похожа на мать" (буквально "Моя внешность подобна матери").

Послелог sarā используется в метафорических сравнениях. Существительное, сочетающееся с этим послелогом, ставится в локативной адъективной форме: raktympŭva mēkōquŭf sarā "Он бежал со скоростью ветра" (буквально "подобно ветру"); laqkŭhha qōqōquŭf sarā "Он ревет как медведь"; mōr āārquk taqumratŭ tŭquŭf sarā "Небо покраснело как красная краска"; qā saltōquŭf sarā nylēpra? "Что стал, как пеня?"

Послелоги tarā и sarā, вероятно, одного происхождения.

Всёма употребительный послелог *cōty* имеет следующие значения:

- а) "для": *Tam ūky wergy ūpa mat cōty* "Эта шипка для (на) меня велика"; *Na aŭa mē cōty* "Это не для нас"; *Tam mōtur mōmrūtut būtyt cōty* "Этот дом построен для сена (для хранения сена)";
- б) "о, относительно": *carpā qorqyt cōty* "сказка о медведе"; *temyrak ūjany cōty* "Я скучаю по сыну"; *Mat cōty ūky epā* "Не бойся за (относительно) меня";
- в) "из-за, благодаря, в связи с": *Opānty wajanty cōty tārāk kossuk qetral* "Благодаря своему (меткому) глазу ты белок много убил"; *Tat cōty muntuk qoŭuk ūpa* "Из-за тебя все плохо"; *kyku-qo kurgaety cōty* "любить за красоту";
- г) "вместо": *Ūjaty ūcūpra esūnty cōty* "Сын работал вместо отца"; *Kuŭŭa qēly orqūŭar wergy qēlyt cōty* "Я поймал маленькую рыбу вместо большой";
- д) "напротив, против": *cēlyn cōty mampūmūqo* "смотреть против солнца"; *Qessa muntuk qumūtut cōty* "Он пошел против всех";
- е) "за, взамен": *Pōmūr temyŭar kōt solkot cōty* "Я купил бакари за 10 рублей"; *Ūcyqo qomātāt cōty* "Работать за плату"; *qēlynty muntuk mēyty tātāt cōty* "Он отдал всю рыбу за оленя".

Послелог *ērtāqun* "в присутствии" по форме представляет собой *Loc.* имени действия глагола *ūqo* "быть": *Mat koŭumrak terāā tan ērtāqānty* "Я разговариваю с ним в твоём присутствии"; *Tam mōt mat ērtāqāk mēātyt* "Этот дом при мне построили".

Послелог *muqun* "у" используется в конструкциях, обозначающих обладателя, владельца, хозяина: *Soŭa aranty muqun ūla* "Соня живет у отца"; *Man muqāk kōrtu cāpka* "У меня нет места"; *tētūron muqun tētty tōpyty* "У стола четыре ножки". Выше (3.1.3.10) излагались причины, не позволяющие считать этот послелог (по форме представляющий собой *Loc.* неопределённого местоимения *mu* "ничто") окончанием *Loc.* одушевленных существительных.

Послелог *pōmūn* "с помощью, через, посредством" по форме представляет собой *Procl.* от незафиксированной в чистом виде основы *pō-*, встречающейся также в послелого *pōly*. Обычно он используется только для обозначения канала передачи информации: *Aman pōmūt kētympaty* "Передал (буквально "сказал") через мать"; *Nakūqo gazetan pōmūt* "Оповестить (буквально "написать") через

газету".

Выше (3.1.3.II) были изложены основания, препятствующие трактовке послелога *нбу* как окончания к1. одушевленных существительных. Послелог состоит из основы *н-* (ср. *нбу*) и наречного эвативного показателя *-у* (ср. *ту* "оттуда" при *ту* "туда"). Функции сочетаний с послелогом *нбу* во многом близки функциям существительных в к1. В частности, послелог используется для обозначения:

а) исходного пункта действия (*нбу* = "из"): *tātuqo nasun nbu* "привезти из лесу"; *Ruākan nbu cattasytu* "Он выстрелил из ружья";

б) предмета или лица, от которого что-либо отделено или у которого что-либо изъято: *torqu āīman nbu* "банка из-под молока"; *Kanak raktyura āūsynty nbu* "Собака убежала от хозяина"; *nekyr kākākan nbu* "выписка из книги";

в) актанта, дополняемого другими актантами (*нбу* = "кроме"): *Tamau nbu terun myqt āpōtyt kossu ūtaky* "Кроме этого у него есть много дел"; *Tar qamun nbu man myqak aj āpōtyt qamū* "Кроме этого человека у меня есть еще (и другие) друзья";

г) объекта, с которым производится сравнение: *Man imam tan imantu nbu kurasu āja* "Моя жена красивее твоей"; *Terun nbu mantuk qōrtu āpōtyt* "По сравнению с ним все низкорослы";

д) дополнения при некоторых глаголах эмоционального состояния: *Man nbu yku snā* "Меня не бойся"; *Ījamu worgu qumytun nbu worga* "Мой сын взрослых людей стесняется";

Послелог *эрт₁*, *тэрт₁* "с (кем-либо)" встречается в сочетании с названиями лиц: *Iskaska ilumra imūfantu эрт₁* "Ичкачка или с бабушкой"; *Tāly Ījaġ nāfan эрт₁ aj qentak takku* "Завтра с сымом и дочкой опять поеду вниз по реке". В разделе 3.1.3.14 приведены соображения, заставлявшие нас отказаться от рассмотрения *эрт₁* как показателя особого падежа - комитатива.

3.7.5. СОСЫН

Сосын - это служебные слова, связывающие члены предложения или части сложного предложения.

Селькупский язык более богат союзами, чем остальные самодийские языки. Г.Н.Прокофьев отмечал союзное сочинение и подчинение в селькупском языке. О развитии сложносочиненных и сложнос-

подчиненных предложений пишет А.И.Кузьмина.¹⁾ Однако бессоюзные конструкции все-таки являются преобладающими, а союзы в большинстве своем находятся в стадии отаковления.

Многие союзы, используемые селькупами, представляют собой заимствования из русского языка. Заимствование союзов представлено следующими тремя случаями.

1. Общее влияние русского языка нередко проявляется в использовании несвойственных селькупскому языку конструкций. Например, селькупы употребляют сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными вместо более обычных бессоюзных предложений, и здесь появляется русский союз "что" - *što*. Этот случай (синтаксическая калька плюс лексическое заимствование) представляется достаточно обоснованным: "чужая" конструкция требует "чужих" средств.²⁾ В селькупском языке существуют иногда исконно селькупский союз и такой же по значению русский. Так обстоит дело с условными союзами *qatamol* "если" и *jeali* "если" (русс.). Значения этих союзов полностью совпадают, и, казалось бы, нет необходимости в использовании русского союза. Однако и в речи старшего поколения порой встречается русский условный союз если - *jeali*. Такое заимствование ведет к образованию синонимичных союзов.

2. Иногда заимствование осуществляется с целью разграничения, уточнения значений, однозначности использования слов. Так, русский союз и употребляется вместо селькупского *aj* "и" как в сложносочиненных предложениях, так и при однородных членах предложения (первоначально *aj* - наречие со значением "опять", "еще").

3. Кроме прямых заимствований, в селькупском языке есть союзы, являющиеся семантической калькой с русского языка, например, союз *kuttar mity* "как будто".

Многие селькупские союзы имеют по несколько значений. Например, союз *mity* вводит как сравнительные, так и причинные придаточные.

1) А.И.Кузьмина. Грамматика селькупского языка, изд. НГУ, 1974, ч. I, стр. 9.

2) В селькупском языке нет нейтрального в семантическом отношении изъяснительного союза.

По морфологическому составу союзы могут быть простыми, то есть состоящими из одного слова, морфологически неделимыми (ај "и", миты "будто"), и сложными (составными), состоящими из двух компонентов (kuttar mity "как будто").

По характеру выражаемой связи союзы селькупского языка разделяются на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы (ај, і, qaj и другие) выражают синтаксические отношения между однородными членами предложения и между частями сложносочиненного предложения: mīly aј 3tal taqqity "Чум твой и оленей твоих собирай"; 5tyt luryw3t3ja, aј moqula qap3q3. "Вечером стемнело, и домой пошли (они-двое)".

Сочинение при помощи одиночных союзов в селькупском языке встречается нечасто. Среди сочинительных союзов преобладают повторяющиеся (3my... - 3my... - "то...-то..."; hi... - hi... - "ни...ни..."; qaj... - qaj... - "то ли...-то ли..."). Как и в русском языке, в селькупском повторяющиеся союзы имеют дополнительный оттенок усиления, например, союз hi... - hi... усиливает отрицание.

Селькупские сочинительные союзы представлены соединительными (ај "и", і "и") и разделительными (qaj "или", qaj... - qaj... - "то ли...-то ли..."; 3my... - 3my... - "то...-то").

Собственных противительных союзов в селькупском языке нет. Иногда в противительном значении используется союз ај. Это объясняется тем, что данный союз является широко употребительным в селькупском языке, он представляет собой один из тех простых союзов, которые имеют широкий круг значений. На данном этапе развития селькупского языка ај еще не обладает таким объемом значений, как, например, русский союз и. Но несомненно, что сфера употребления союза ај расширяется (например, при переводе с русского языка сложносочиненных предложений с противительным союзом но информанты давали селькупский вариант с ај).

Вообще союзные предложения с противительным значением селькупскому языку не свойственны, поэтому в большинстве случаев в таких примерах бывает заимствованный из русского союз а: muktyn 3tal muktut tūmtyquntū t3q3ty, a w33cunt3lyl w3g33tal amqo q333aty "Шесть оленей (твоих) к шести ливственницам пригони, а седьмого белого оленя (твоего) съешь оставь".

Подчинительные союзы выражают синтаксические отношения между частями сложноподчиненного предложения или вводят различные

обстоятельственные обороты.

В зависимости от значения подчинительные союзы селькупского языка разделяются на временные, условные, сравнительные, изъяснительные, уступительные, причинные.

Наиболее обширна в селькупском языке группа временных союзов. Каждый союз из этой группы указывает на определенную продолжительность действия, указанного в придаточной части, по сравнению с продолжительностью действия, выраженного в главной части. Так, самый употребительный и наиболее широкий по значению союз *kuššat* "когда" выражает отношения между частями сложноподчиненного предложения, когда действие главной части совершается после действия придаточной части или когда действия главной и придаточной частей совершаются одновременно. Союз *kuttar* "как, когда" и *qantuk* "когда, как только" указывает на то, что действие главной части следует за действием, выраженным в придаточной части. Союз *tary* "пока" выражает отношения между частями сложноподчиненного предложения, когда действие главной части совершается в продолжение действия придаточной. Союзы *kekkyšä* "едва (только)" и *сар* "как только" показывают, что действие, выраженное в главной части, быстро следует за действием, выраженным в придаточной части, причем *сар* отличается от *kekkyšä* несколько большим временным разрывом между действием главной и придаточной частей. *Kuššat mōttu tultumōttut iŋgukatum, naššaqut šaupra toŋä* "Когда в дом впустили скотину, тогда случилась беда"; *Kuttar ira mōttu šerģģä, naššanty orqulnytu* "Когда мужчина в дом вошел, девушку схватил"; *kekkyšä mat terunyuk štäm mšar, ter nyllä laqaltšy* "Едва только я дал ему оленя, он сразу уехал".

Союз *tary* чаще встречается в сочетании с отрицательной частью: *tary ašša* (или сокращенно — *taraš* "пока не"). В этом случае *taraš* указывает на то, что действие главной части совершится не раньше, чем действие придаточной. Союз *tary* (*ašša*) употребляется не только для соединения частей сложноподчиненного предложения, но и для присоединения обстоятельственных оборотов, имеющих в качестве опорного слова отглагольное имя:

Tary ašša tat turtäqanty, mat ašša amyrģntak "Пока ты не придешь (буквально "пока не (в) твой приходении"), я не начну есть".

Употребление временного союза в обстоятельном обороте является особенностью селькупского языка по сравнению с русским. В русском, как известно, нет временных обстоятельных оборо-

тов с союзами; набор обстоятельственных оборотов, присоединяемых союзами, представлен сравнительными (союзы как, чем) и целевыми оборотами (союз чтобы).

К условным союзам относятся *qatamol* (*qata*) "если", *s̄l̄aā* "если" и заимствованный из русского союз *jesli* "если". Значения их, как упоминалось выше, совпадают. Особенностью союза *s̄l̄aā* является то, что он употребляется преимущественно с кондиционализмом: *s̄l̄aā t̄l̄muty s̄ādkum̄ā, aāa amurt̄anta* "Если у него зубов не будет, он не будет есть"; *qata ladkuss̄ananty, mat taāinty qātt̄entak* "Если будешь кричать, я тебя побью".

Сравнительные союзы представлены в селькупском языке следующими: *mitymol* (*mity*) "будто", *qāntyk* "как" *kuttar* "как", *kuttar mity* "как будто". Последние два являются семантическими кальками с русского.

Союз *mity* используется также в сравнительных оборотах: *sunnynty āūqy, mity tū, t̄t̄tyk s̄ōrra* "Коня икура, будто огонь, прямо горит"; *ōt̄ā qāll̄ēmyay namuōōak, qāntyk s̄ūryr* "Олень бежал так, как птица".

В качестве уступительного союза используется союз *sar* "хотя", который, в отличие от временного *sar*, ставится не в начале предложения: *Palqa sar pinta, mat toruḡā aā q̄entak* "Хоть и поспеет морошка, я по ягоди не пойду".

Что касается причинного союза *mity* "потому что", то он зафиксирован только в переводах с русского языка. Вообще же причинные союзы малопотребительны в селькупском языке, так как отношения причинности, обусловленности выражаются соответствующими обстоятельственными оборотами (см. подробнее 4.2.2.4.4).

У многих селькупских союзов просматривается связь с другими частями речи (частицами, наречиями). В ряде случаев трудно отличить союз от частицы (см. 3.7.1.). Это показывает, что селькупский союз как часть речи не обладает четкими границами. Например, союз *sar* не имеет фиксированного места в придаточной части; он может стоять и в ее начале, и в середине (но не в конце), что приближает его к частице.

Особенно явно выступает связь с частицами в группе изъяснительных союзов. Кроме заимствованного из русского языка *ōto* "что" и *mity* "что (будто)", сюда относятся частицы-союзы *monty* "что" (на основании увиденного), *moŋra* "что (на основании услышанного)" и *q̄ōty* "что (кажется)". Предложения с изъяснительными

союзами выражают содержание речи, мысли, приписываемые кому-либо, в противоположность прямой речи, передаваемой дословно. У селькупов нет четкого разграничения прямой и косвенной речи. Обычно для передачи чужой речи используются различные частицы или модальные слова: *šitty qum na tüššuntü tšrnyuk: qaj mošra aš tanuwal ijal kum šja* "Два человека подходят к нему: не знаешь ли, мол, где твой сын".

Но те же самые частицы в определенных условиях, а именно - в сочетании с глаголами восприятия (*šallunruqo* - "смотреть", *šutyšqo* "слышать", *qontyqo* "видеть"), играют роль союза, связывая части сложноподчиненного предложения: *tər šutyšyty, mošra qälyf šuty qanna* "Он услышал, что ненецкое войско ушло"; *uškur contöqt niš qontšyt, monty škut anty na qontyssy* "Вдруг так увидели, что впереди лодка показалась".

В этих примерах *mošra, monty* по своей функции ближе к союзам, чем к частицам. Иногда в роли изъяснительного союза выступает заимствованная из русского языка частица *mol* "мол", служащая обычно для передачи чужой речи: *tər šutyšraty, mol anty qanra* "Он услышал, что лодка ушла". Эти и подобные им примеры показывают, что в отдельных случаях частицы могут использоваться в функции союза. Информанты-селькупы считают такие предложения аналогичными соответствующим сложноподчиненным предложениям с заимствованным из русского языка союзом *što* "что". Кроме того, приведенные примеры указывают на то, что союз как часть речи в селькупском языке находится в стадии становления и по своему происхождению связан с другими частями речи (местоимениями, частицами, наречиями).

3.7.6. МЕЖДОМЕТИЕ

По словам И.Вандриеса,¹⁾ "как бы ни было велико значение междометия в речи, в нем есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно явление другого порядка... Оно не имеет ничего общего с морфологией. Оно представляет собой специальную форму речи - речь аффективную, эмоциональную или иногда речь активную, действительную; во всяком случае оно остается за пределами структуры интеллектуальной речи".

1) И.Вандриес. Язык, М., 1937, стр. II4

Мехдометия обычно определяется как неизменяемая и не несущая специальных грамматических показателей (то есть грамматически не оформленная) часть речи, объединяющая в своем составе слова, которые выражают (но не называют!) различного рода эмоции, ощущения, призывы и волевые побуждения. Однако практически состав мехдометий в любом языке оказывается более широким. К мехдометиям относят часто звукоподражания, многочисленные слова призыва животных и глагольные мехдометия. Некоторые исследователи говорят не о единой категории мехдометий, а о трех разных категориях речений — эмоциональных словах (типа А! Бр! М-да! Чорт! Боже!), изобразительных (так называемая звукоподражательная лексика) и сигнальных. Последние подразделяются на обратительные слова (Ау! Эй! Алло!), повелительные (Шавай! Баста! Стоп! Айда! Тс!) и оповестительные (Зврик! Да! Нет! Чур, секрет! Спасибо! Прости! Здравствуй! Э? А? Во! Вот! Ни-ни! Ладно! Идет!).

А. Мехдометия в узком смысле слова могут выражать чувства, эмоции, ощущения говорящего (радость, испуг, одобрение, удивление, отвращение, недоумение, недоверие, сожаление, горе, возмущение...). Мехдометия этой группы могут выражать отношение к речи своей собственной или собеседника, ее общую эмоциональную оценку: *э-э!* — мехдометия удивления, испуга; *сэ!* — мехдометия недоумения, недоверия, протеста; *аа!* — мехдометия согласия, одобрения; *си!* — мехдометия неудовольствия, отвращения или ощущения холода (*бrr!*), *рогга!* — мехдометия бессилия или ощущения жары, духоты (*уфф!*); *ухха-ухха!* — мехдометия, выражающее наслаждение, злорадство, и т.п.

Собственно мехдометия выражают также волеизъявления, призыв или побуждение к действию: *куаа!* "ну-ка!" *че!* "чу! что такое?" (призыв прислушаться); *эм-э!* — мехдометия со значением запрета; *ча-чу!* — "айда!"; *ра-ра!* — мехдометия побуждения (например, к отгадыванию загадки); *кйй!* "перестань! не надо!" (мехдометия запрета) и т.д.

Многие мехдометия первой группы могут быть "многозначны" (на самом деле, мехдометия лишены лексических значений). Происходит это за счет того, что богатое оттенками и своеобразное интонирование придает мехдометиям самые различные оттенки смысла. Оттенки тембра, различия в интонировании, ритмическом построении обуславливают многозначность этих мехдометий. Так, одним и тем

Г. Наконец, в разряд междометий могут переходить некоторые из полнозначных слов, теряя свою грамматическую оформленность, например, вокативные междометия: *!aqa! !a!* "друг! эй!" *o! por!* "о, господи!" *torova!* "здорово!" Ср. также: *o!t a!p!* "хватит, достаточно!"; *no!i!* "Боже!"; *!attar a!* "чорт побери!"

Междометия в широком смысле слова обладают рядом черт, позволяющих рассматривать их как одну часть речи.

Междометия обычно имеют специфические особенности фонологической структуры. 1) Среди междометий встречаются фонемы с особыми функциями (аномальные фонемы). Таковыми являются *r* (*roffa*), *x* (*xuxa*), гортанный смычный (*aa!*, *qa!*), в системе языка не употребляющиеся. Возможны стечения согласных в начале слова, что недопустимо для других слов селькупского языка (*praka*). 2) В группе междометий, выражающих ощущения, эмоции или волеизъявления говорящего, конечный гласный удлиняется: *aa!i!*, *er!i!*, *se!*. В группе звукоподражаний крикам птиц может удлиняться конечный вибриант (*!oggg*, *ktggg*), а в глагольных междометиях — и другие конечные сонорные (*ga!pp*, *!o!pp*, *ru!pp*, *ttgg*, *cill*). 3) Для многих междометий характерен фонетический разрыв слова: *kū-kūt-qūt*; *ame-umma-umma-umma!*; *ma!-ma!*, *ma!-ma!*. Таким образом, звукоподражания, междометия в узком смысле слова, словечки, с которыми обращаются к домашним животным, когда их подзывают или подгоняют, образуют совершенно особый раздел словаря, для которого обычная фонологическая система оказывается недействительной.

С диахронической точки зрения считается, что характерная особенность междометий заключается в устойчивости их звукового состава в ходе эволюции. "Эта устойчивость объясняется стремлением говорящих поддерживать между формой и семантической функцией особое отношение (междометность), которое проявляется в экспрессивности и символическом эффекте самого сочетания звуков этих семантем".¹⁾ Устойчивость звукового состава междометий тем больше, чем выше степень экспрессивности и символического эффекта данного сочетания звуков. К сожалению, об устойчивости звукового состава междометий судить очень трудно, поскольку у М.А.Кастрена и Г.Н.Прокофьева зафиксировано мало междометий.

1) I.M. Kořinek, *Průběhy k metodice etymologizování*. "Slovo a slovesnost", Praha, 1936, N 2, 81.

Бросается в глаза наличие полных и усеченных вариантов: *lun* и *lunua* (а также *lunuyuk*); *qenlan* и *qenal*.

Некоторые звукоподражания, призывные слова, а нередко и глагольные междометия обычно представлены в виде повторов: *шай-шай*, *кус-кус*! *qag-qag-qag*! *qogā-qogā-qogā*; *qāq-qāq-qāq*, *tugā-tugā-tugā-tugā...* (ор. *уха-уха!*).

В связной речи междометия выступают или в качестве отдельного слова в составе предложения или в качестве целого самостоятельного предложения, выражающего эмоции или побуждение к действию. Входя в состав предложения, междометия не связываются синтаксически с другими словами в предложении и не являются членом предложения; хотя на первый взгляд кажется, что они употребляются в функции прилагательного определения: *Quqūj-quqūj!* - *šaqafa kukta* "Ку-ку - кукушка кукует". В качестве такого изолированного слова междометие может быть вставленным (лат. *interiectus*) между двумя членами предложения нередко для того, чтобы живее выразить отношение говорящего к происходящему. При этом междометие выделяется интонационно: *Meŋku šorā šorūmra* "Ветер - ш-ш-ш - шумит"; *Qukē! sazuq šya* "Брр, холодно!" *tū cattuyuty las, tō cattuyuty las* "Суда бросил - бух! туда бросил - бух!" *štā ūtqup qālymra qogā* "Олень в воде бредет - хлнт-хлнт" (потенциально такого типа междометия могут быть образованы от любого звукоподражательного глагольного корня).

Исключение составляют междометия со значением волеизъявления, которые, являясь самостоятельными высказываниями, могут подчинять себе другие слова, например: *Kuasa, wešāš!* "Ну-ка, вставай!" *Awē ūku mēty!* "Перестань, не делай!"

Выразительность таких междометий часто дополняют мимика и жест. Решающую роль играют контекст и ситуация.

3.8. Морфемный состав селькупского языка. Словообразование

Морфемная структура слов селькупского языка может быть представлена в виде $R + S + r$, где R – корень (один или два), S – суффикс (один или несколько) и r – окончание.

Морфемный анализ, заключающийся в выявлении напластования всех возможных суффиксов в слове методом сопоставления однокоренных слов с учетом критериев фонетического и семантического сходства сравниваемых единиц и формального критерия (критерия непротиворечивости выделенных единиц существующим в языке другим корневым морфемам и аффиксам), позволяет дать общие сведения о морфемном запасе селькупского языка (в тазовском диалекте).

По нашим сведениям, в тазовском диалекте селькупского языка слова (в объеме приблизительно 20 тысяч) конструируются на базе около 2500 корней, выделенных синхронно. Количество аффиксов достигает почти 200, причем подавляющее большинство из них – аффиксы с реляционным значением (то есть окончания и аффиксы глагольного видообразования), и только около 60 – деривационные суффиксы, либо способные к образованию новых слов, либо уже омертвевшие, вычленимые лишь при морфемном анализе, но не используемые в словообразовании.

В данном разделе речь пойдет только о суффиксах с деривационным значением (о реляционных морфемах см. 3.1. и 3.2.).

Выделение "омертвевших" суффиксов, нередко сросшихся с корнем или производящей основой, затруднительно: так, в словах $i\bar{g}\bar{a}n\bar{a}$, $ri\bar{n}\bar{a}$, $r\bar{o}n\bar{a}$ можно было бы, казалось, выделить суффикс $-n\bar{a}$, но, учитывая параллельные формы $s\bar{e}l\bar{u}m\bar{a}$ и $s\bar{e}l\bar{u}n\bar{a}$, $q\bar{a}g\bar{a}$ и $q\bar{a}g\bar{u}n\bar{a}$, разумнее говорить о двух суффиксах: $-n$ (используемом факультативно) и $-n\bar{a}$. Точно так же возможно рассматривать суффикс необладания $-kyt\bar{y}l$, оформляющий прилагательные, как один суффикс или как последовательность двух суффиксов, поскольку имеется суффикс существительного $-kyt\bar{a}$ и суффикс прилагательного $-l$ (ср. аналогично: суффиксы $-s\bar{u}m\bar{y}l$ и $-s\bar{u}m\bar{a}$), и т.д.

Суффиксы, выделенные в результате морфемного анализа, но не участвующие в настоящее время в процессах образования новых слов, обычно бывают единичными или, по крайней мере, редкими (и в этом смысле дискутируемыми), как, например: $-nu$ ($q\bar{a}n\bar{u}$ "березовый лес" при $q\bar{a}$ "береза"), $-su$, наблюдающийся в существительных

(qāzū "густой березняк" при qā "береза"), -na (алма "голод" при amqo "есть, кушать"), -ma oo значением агентивности (kūny-ma "бродяга" при kūnyqo "удрать"), -taq (paltaq "на коленях, коленопреклоненно" при pūly "колени").

Корни при этом часто являются связанными, например: корень moq-, встречающийся в словах moqyг "обух (топора)" и "спинка (рибы)" (суффикс -г), moqal "спина" (суффикс -al), moqy "задняя часть чего-либо" (основа послелога); корень aql-: aqlaityqo "удивить", aqlumtqo "удивиться".

Большинство суффиксов селькупского языка может быть отнесено строго к той или иной части речи. Однако многие суффиксы в отглагольных существительных или отыменных глаголах, естественно, сохраняют в своем составе суффиксы своей производящей основы, являющейся другой частью речи, что чаще наблюдается при вторичном глаголообразовании, то есть в этом смысле суффиксы не специфичны для какой-либо одной части речи, например: am-qo "кушать, есть" - am-yг-qo "кушать" - am-yг-sa "деревянная миска, посуда"; mir-qo "отругать", mir-sat "рубанок", mir-sat-ty-qo "работать рубанком".

Встречаются также случаи оформления разнокоренных слов различных частей речи внешне одним суффиксом, например, суффикс -q, который может быть суффиксом существительного, наречия и глагола: žnyty-q "клеимо" (žnytyqo "клеимить"), ara-q "по-осеннему" (ara "осень"), ipay-q "густо, часто" (ipay "густой, частый"), qorty-q-qo "кастрировать" (qorty "бык"), žty-q-qo "верить" (žty "слово"), canty-q-qo "промокнуть" (cantal "мокрый"). Учитывая типы чередования q в разных суффиксах, можно, однако, утверждать, что это - омонимичные суффиксы.

Аналогичные примеры можно привести на суффикс -l, который обычно оформляет формы адъективной репрезентации (pū-l "каменный", pū "камень"; pō-l "годовой", pō "год") и изредка существительные (žəyky-l "иглыница в виде подушечки" при žəyky-qo "втыкать иглу"; tanty-l "быль", tanty-qo "рассказывать").

Суффиксы селькупского языка, выделяемые как словообразовательные элементы, обычно бывают характерны для той или иной части речи, в связи с чем рассмотрение наиболее продуктивных и активных из них следует давать в рамках этих частей речи - существительных, глаголов, прилагательных, наречий.

Для имени существительного можно указать около трех десятков продуктивных и достаточно широко упот-

рабительных суффиксов. Некоторые из этих суффиксов, возможно, следует отнести к суффиксоидам (полусуффиксам), так как по своему происхождению они связаны с самостоятельными словами — существительными, которые первоначально, видимо, выступали вторым элементом сложных слов, но постепенно утратили свое лексическое значение и превратились в аффиксальные элементы с новым категориальным значением (см. о них I.3). Другие издавна воспринимаются как аффиксы, имеющие определенные значения.

1) Значение уменьшительности (реже ласкательности) передается чаще всего суффиксом *-la* (в Ратте *-ja*), присоединяемым ко второй и очень редко к первой основе: *mōt* "чум", *mōtyla* и *mōtla* "чумик, маленький чум"; *ama* "мама", *amala* "мамочка"; *qoru* "кожа", *qorula* "кожица"; *toru* "нога", *torula* "ножка".

В Ратте было зафиксировано слово с уменьшительным суффиксом *-ja*, изменившее свое лексическое значение в результате прибавления этого суффикса к основе слова: *qumuja* "кукла" (буквально "маленький человечек") от *qum* "человек".

Изредка встречаются случаи рекурсии уменьшительного суффикса: *tuka* "крошка", *tukala* "крошечка" и *tukalala* "совсем маленькая крошечка".

Значение уменьшительности передается и другими суффиксами — суффиксом *-āu* (после гласных *-u*), прибавляемым ко второй основе, суффиксом *-ka/-ka* и *-eko*, также присоединяемым ко второй основе (иногда с усечением): *soka* (*soka*) и *soeko* "сосенка"; *rika* "осинка", *qaka* "березка", *siyuka* "птичка" (*siyut* "птица, зверь"), *tutuko* "кедрик" (*tutut* "кедр"), *pylak* "мостик" (*pyly* "мост"), *tētuntāu* "рябинка" (*tētunta* "рябина"), *qūtaū* "елочка" (*qūt* "ель"), *baqāu* "тундрочка" (*baqu* "тундра"). Эти суффиксы со значением уменьшительности явно менее продуктивны, чем суффикс *-la*.

2) Суффикс *-līru*, выступающий одновременно и как самостоятельная лексема со значением "кусоч, обрывок" (*kāsyat līru* "кусоч железа"), также имеет значение уменьшительности. В отличие от рассмотренных ранее суффиксов уменьшительности, передающих уменьшение в размере, объеме предмета, суффикс *-līru* нередко означает уменьшение в количестве, например, *ūtūlīru* "немного воды", *kuqalīru* "малость". Кроме того, суффикс *-līru* имеет значение уменьшительно-уничтожительное, тогда как суффиксы *-la*, *-eko*, *-ka* можно назвать уменьшительно-ласкательными. Так, *ira*, *iraqota* "старик", *iralīru* "старичка", *imaqota* "старуха".

imaqota-līru "старушонка".

3) Суффиксам уменьшительным может быть противопоставлен увеличительный суффикс $-i\grave{g}a$, развившийся из существительного $i\grave{g}a$ "мужчина, старик" (и потому не употребляемый при наименованиях лиц), и присоединяемый к первой основе. Связь с существительным $i\grave{g}a$ прервана как семантически (произошло так называемое "семантическое выветривание"), так и фонетически: в позиции после согласных суффикс имеет вид $-i\grave{g}a$, а после гласных $-j\grave{g}a$ с предшествующим изменением $a > \varepsilon$, $\bar{a} > \bar{\varepsilon}$ или $y > \bar{\varepsilon}$: loqa "лиса" - loqa + $i\grave{g}a > loq\varepsilon j\grave{g}a$ "большая лиса, лисица"; wenty "нелма" - wenty + $i\grave{g}a > wentj\grave{g}a$ или wentj\grave{g}a "нелмшица". Точно так же: lauy "язы" - laujj\grave{g}a "большой язык"; piisa "щука" - piis\varepsilon j\grave{g}a "большая щука"; tama "мышь" - tamaj\grave{g}a "большая мышь"; tārāk "белка" - tārāj\grave{g}a "большая белка"; qorqu "медведь" - qorqij\grave{g}a "медведище". Ср. неодушевленные существительные: mōt "чум" - mōtij\grave{g}a "большой чум, домик"; hāh "хлеб" - hāhij\grave{g}a "хлебище".

4) В селькупском языке имеется несколько суффиксов со значением единичности предмета, выделяемого из общей массы, или совокупности однородных элементов, воспринимаемых как единое целое. К суффиксам сингулятивов относятся $-laka$, по свидетельству Г.Н.Прокофьева (1935, стр. II5), $-saju$ (из существительного $saju$ "глаз") и $-qu$ (возможно, связано с существительным qu "стебель"). Все они происходят из имен. Сложные образования с ними утратили внутреннюю форму, а сами они - свои значения, и потому их можно считать полусуффиксами (или суффиксоидами).

Сингулятивы чаще всего образуются с помощью $-laka$ от существительных *Singularia tantum* с вещественным значением или от обычных существительных со значением предметности: hāhlaka "буханка (хлеба)"; hāhyullaka, wεsyllaka "кусочек мяса"; буквально мясной кусок, ūtyllaka "капля"; ulqallaka "льдина".

Иногда суффикс $-laka$ бывает факультативным при единичных предметах, то есть возможны параллельные употребления существительного с $-laka$ и без него: rep и rūnyllaka "одна бородавка"; marky и markyllaka "один остров"; mayu и mayyllaka "одно бревно"; mūmlaī kōsyūa и mūmlaī kōsyullaka "погремушка"; hūtyūf mōt и hūtyūf mōtllaka "балаган, шалам из травы"; maktyn oiy и maktyn oiyllaka "кочка". Изредка наблюдается расхождение по смыслу образования с $-laka$ и без него, происходит семантическое противодействие: mō "дыра"; mōllaka "vulva"; muqquyl "узел" и muqquyllaka "связка, вязанка"; kōsyu "железо" и kōsyullaka "наковальня";

pō "дерево" и pōllaka "деталь упряжи"; tīmu "зуб" и tīmyllaka "челюсть";

В ряде случаев -laka придает существительным значение совокупности однородных элементов, составляющих единое целое: pakur-laka "книга", "тетрадь"; tīmyllaka "челюсть"; oyllylaka "череп".

Подсуффиксы -saju и -qu также имеют значение единичности, однако употребляются менее часто, чем -laka и, как правило, коррелируют с формой того предмета, который передан сингулятивом, например: soruntāssaju "дождевая капля" (дождя глаз), sугуssaju "снежинка" (снег - глаз), pūfēaju "градинка" (каменный глаз), tūssaju "искра" (огонь - глаз), hūtytqu "травинка", tūfrotqu "хвоинка, игла хвои", ōptytqu "волосинка, один волос", ūtytqu "струя", sūfrotqu "спичка", pōlqu "бревно".

Из приведенных примеров видно различие между суффиксоидами -saju и -qu: первый оформляет названия предметов, имеющих округлую форму, второй - удлиненную. Отклонения от этого правила, случаи неразличения формы единичных предметов очень редки, как, например, sугуssaju и sугytqu "снежинка". От сингулятивов возможны уменьшительные существительные: ōptyt-qu-lā "один волосок, одна волосинка", soruntāt-qu-lā "дождевая струйка", pūl-laka-lā "камешек".

Употребление какого-либо корня с двумя различными суффиксами единичности (что случается довольно редко) всегда приводит к расхождению значений слов, но не к синонимичным формам, например: tūllaka "факел"; а tūssaju "искра, огнишка"; pōllaka "деталь упряжи"; а pōlqu "бревно"; pūllaka "камень"; а pūfēaju "град, градина"; soruntāssaju "дождевая капля"; а soruntātqu "дождевая струйка" и т.д.

5) Очень продуктивны в селькупском языке существительные с суффиксами обладания и необладаия.

Существительные необладаия образуются с помощью суффикса -kyta, прибавляемого к первой основе: ēty "слово", ētykyta "немой"; moqal "спина", moqalkyta "горбун", saju "глаз", sajykyta "слепой".

6) Суффикс обладания -suma также прибавляется к первой основе: sōlmu "обман", sōlmusuma "лгун, обманщик", tēnu "ум", tēnusuma "умный, умник", ima "жена", imasuma "женатый".

7) Суффиксами действующего лица в селькупском языке можно считать морфему qum и суффиксы -ńsa/ńsa, а также непродуктивные -aš, -āška. Суффикс qum, фактически утрачивающий в сло-

ных словах свое лексическое значение "человек", присоединяется к первой, второй или усеченной основе существительного, либо, что бывает значительно чаще, к форме прилагательного и причастия, выступая в этом последнем случае в функции суффикса отглагольного словообразования, например: *olɣur* (*olɣur* и *olɣurɔ*) "начальник, хозяин" (*olɣ* "голова"), *parkutɣur* "доярка" (*parkutɣ* "доющий"); *šolɣur* "селькуп" (*šol* "таежный").

Агентивные суффиксы *-fisa* и его вариант *-āfisa* и *-aš*, *-āka* также являются суффиксами, прибавляемыми обычно к основе глагола, хотя изредка они встречаются и при именных основах (*širafisa*, *šamafisa* — названия птиц, происходящие от названий птиц, или зверей, на которых эти птицы охотятся: *šira* "утка", *šama* "мышь"). Многие из отглагольных названий лиц имеют оттенок пренебрежительно-уничижительный: *olɣurɔ* "плакать", *olɣāfisa* "плаков", *kōɣurɔ* "обижаться", *kōɣāfisa* "обидчивый", *kūɣurɔ* "писать", *kūɣāfisa* "тот, кто много пишет" (аналогичные формы: *šāfisa* "тот, кто всего боится, трус", *šāfisa* "хохотун", *šolmāfisa* "лгунишка", *šolɣfisa* "чрезмерно стыдливый". Ср. *šilɣāfisa* "пчела" (*šilɣurɔ* "жалить").

Суффиксы *-aš/-āka* встречаются сравнительно редко: *tēlāka* "ворюшка" (*tēlɣurɔ* "украсть"), *šolmāka* и *šolmāš* "болтун, лгун".

8) Суффиксы селькупского языка обладают различной продуктивностью в зависимости от семантической сферы употребления этих суффиксов. Некоторые суффиксы встречаются только в пределах какого-либо одного семантического поля и, следовательно, их продуктивность обусловлена и ограничена количеством слов поля. Таковы, например, суффикс *-ku* в пределах группы имен родства со значением приобретенного родства: *əɣu* "мать", *əɣuku* "мачеха", *əɣu* "отец", *əɣuku* "отчим" (реже может быть форма *araku* с тем же значением от *ara* "папа!"), *paɣa* "дочь", *paɣaku* "падчерица", *iɣa* "сын", *iɣaku* "пасынок". Суффикс *-ɣu* (обычно в сочетании с показателями Дл. *-ɣuqāqɪ* и Pl. *-ɣyt*) передает значение взаимной собирательности в узком кругу слов-терминов родства.

9) Многие суффиксы, образующие имена существительные, присоединяются не к именным, а к глагольным основам. К числу таких суффиксов относится, например, суффикс места действия *-mo*, который образует существительные от глагольных основ на *-r*: *ūtɣurɔ* "тащить волоком" — *ūtɣurmo* "волок", *paɣurɔ* "заходить (о солнце)" — *paɣurmo* "запад", *šinɣurɔ* "промышлять" — *šinɣurmo* "охотничьи угодья", *amɣurɔ* "кушать, есть" — *amɣurmo* "водопой, место, где обычно питаются звери". Суффикс малопродуктивен, есть случаи, ког-

да глагольная основа не сохранилась, например: *takkurmo* "место для собраний", *aturmo* "место для рыбной ловли, атарма". В единичных словах встречается суффикс *-ma* с тем же значением, но он не образует заново слов от глагольной основы, а лишь вычленяется в слове в результате морфемного анализа: *rūma* "ток" от *rūqo* "копоятся, совокупляются" (ср. *qurma* "смерть" от *quqo* "умереть").

Ю) Отглагольные существительные с предметным значением могут быть образованы с помощью суффикса *-h* и *-h̄*: *šūtqo* "шить", *šūtyh* "шов", *qaryqo* "латать", *qaryh* "заплата", *šyūqo* "связать", *šyūh* "связка", *tōttuqo* "низать", *tōttuh* "низка, нить, на которой что-то нанизано". Е.Д.Прокофьева (1949, стр.354) приводит аналогичное образование: *qūtyu* "нагрудник шамана, то, что защищает, делает бесчувственным" (от глагола *qūtyqo*. Ср. глагол *qutquciqo* "обесчувствовать, упасть в обморок"). Однако по собранным нами материалам "передник, нагрудник шамана" — *qutyu*, "болеть" — *qūtyqo*, а "упасть в обморок" — *qutkūqo*, *qutkucyqo*.

На суффикс *-š* в отглагольных существительных примеров еще меньше: *tōqqah̄*, *taqqah̄* "подстилка" от *tōqquqo* "подстелить", *hūryūh̄* "подкладка" от *hūryuqo* "слоить, делать в несколько слоев", *rūryūh̄* "пеленка" от *rūryuttuqo* "пеленать".

Неясно, следует ли в настоящее время выделять суффикс *-h* в существительных со значением названия частей тела, имеющих уральские и самодийские параллели, и суффикс *-š* с предметным значением, или эти суффиксы давно слились с корнем: *kosuh̄* "сустав", *šōh̄* "пупок", *kalpōh̄* "почки", *qōlyuh̄* "подмышки" (ср. также *qūtyh̄* "шалам из словых веток при *qūt* "есть"), *rayuh̄* "коса (волосы)", *ryryuh̄* "факед", *taruh̄* "лыжи, подобие камысом".

II) Столь же регулярны суффиксы с первичным значением орудия действия *-san*, *-sa* и *-s*. По своему происхождению все эти суффиксы связаны, видимо, хотя и в разной степени, с суффиксами дестинативного причастия *-psa*, *-pso* (см. 3.2.3.).

Суффикс *-san*, например, представлен в таком ряде слов, как *qorasan* "тесло", *mirsan* "рубанок", *pūntsan* "кузнечные меха", *qal-san* "приспособление для поддержки упряжи", *katsan* "звук" и некоторые другие. Однако в существительных *qorasan*, *qalsan* суффикс *-san* не образует заново слова от других слов, а вычленяется в них по аналогии с существительными *katsan*, *mirsan*, *pūntsan*, где он является словообразующим: *katsan* образовано от *kātyqo* "воспитать" (буквально значит "то, что подлежит выращиванию").

мообразующими.

Многие из них образуют довольно длинные ряды слов, но с очень нечетким лексическим значением, например, суффикс *-ɣ-*, образующий глаголы от прилагательных (с предварительным отпадением *-ɪ*) и от второй основы существительных: *hūɣuqo* "стать хозяином" (*hūɣu* "хозяин"), *qortuqo* "кастрировать" (*qortu* "холостой бык"), *ētɣuqo* "верить" (*ētɣu* "слово"), *ɔɪɣuqo* "ослабеть" (*ɔɪɣu* "слабый"), *ɕɪntɣuqo* "промокнуть" (*ɕɪntaɪ* "мокрый"), *taɣuqo* "обрастать шерстью" (*taɣ* "шерсть"), *qosɣuqo* "пожарить" (*qosɣu* "жареное"), *miɣuqo* "продать" (*miɣ* "цена").

Едва ли не единственная группа слов, в которой суффикс *-ɣ-* имеет более или менее четко формулируемое значение, — это группа имен родства, от которых образуются глаголы на *-ɣ-* со значением "сделать кого-то своим родственником или свойственником": *paɪaɣuqo* "удочерить" (от *paɪa* "дочь"), *iɣaɣuqo* "усыновить" (от *iɣa* "сын"), *iɣaɣuqo* "взять в мужья" (от *iɣa* "муж"), *imaɣuqo* "взять в жены" (от *ima* "жена"), *əɣuqo* "взять в отцы" (от *əɣu* "отец"), *əɣuqo* "взять в матери" (от *əɣu* "мать"). Ср. *kuɣaɣuqo* (от прилагательного *kuɣa* "маленький") "взять в свои семья маленького брата или сестру".

Русские заимствования (переходные глаголы) также часто оформляются суффиксом *-ɣ-*: *məɣaɣuqo* "мешать", *gəɣuqo* "решить", *veɣiɣuqo* "верить", *uɣuqo* "учить", *leɣuqo* "лечить".

Столь же трудно сформулировать общее значение, которое придает словам суффикс *-ɣu* (способ образования слов с ним такой же, как и с *-ɣ-*). Для части из них, по крайней мере, это значение можно сформулировать как "сделать каким-то (слабым, жирным, искаленным, закаленным)": *ɔɪɣuɣuqo* "ослабить" (*ɔɪɣu* "слабый"), *ɕəɣuɣuqo* "ожиреть" (*ɕəɣu* "жир"), *ɣaɣuɣuqo* "искалечить" (*ɣaɣuɣu* "искалеченный", в.-таз.), *ɣaɣuɣuqo* "закалить" (*ɣaɣuɣu* "камень"), *ɣaɣuɣuqo* "оповестить" (*ɣaɣu* "слово"). Однако для таких слов с суффиксом *-ɣu*, как *ɣaɣuɣuqo* (*ɣaɣu* "пир") "устраивать пир", *kuɣaɣuqo* (*kuɣa* "маленький") "притворяться маленьким" и другие это толкование не применимо.

Возможно, что *-ɣu* сложный суффикс, то есть *ɣ + u* (< *ttɣu*).

Такая же ситуация, то есть наличие относительно больших рядов слов с четко выделяемым суффиксом, способным к дальнейшему пополнению ряда, но невозможность формулирования какого-либо общего для всех слов ряда значения суффикса, наблюдается в суффик-

сах -ш- и -л-.

Суффикс -ш- образует глаголы от второй основы существительного: *imamqo* "состариться" (о женщине, от *ima* "женщина"), *iramqo* "состариться" (о мужчине, от *ira* "мужчина"), *ogumqo* "вырасти" (от "сила"), *ǝgumqo* "посторониться" (*ǝgum* "поперек", *ǝr), *taɣumqo* "настать" (о лете, от *taɣu* "лето"), *ǝoqqamqo* "засмеяться" (*ǝoqqa* "смешинка", "нечто смешное").

Суффикс -л- образует глаголы от второй основы существительного, возможна редукция основы: *aptalqo* "пахать" (*aptu* "запах"), *ǝlalqo* "шагать" (*ǝlay* "шаг"), *ǝkalqo* "зевать" (*ǝkyu* "сон"), *qǝsalqo* "ошкуривать дерево" (*qǝsu* "кора"), *qytalqo* "прикрыть мхом" (*qyt* "мох"), *kakkalqo* "измучить" (*kakky* "страдание"), *kǝtalqo* "огородить" (*kǝt* "загон"), *kǝlalqo* "положить на грудь" (*kǝly* "грудь"), *qǝlalqo* "отрыбачить, выловить всю рыбу в определенном месте" (*qǝly* "рыба"), *muɣkalqo* "положить за пазуху" (*muɣkun* "пазуха"), *ǝmalqo* "бодаться" (упереться рогами друг в друга, *ǝmtu* "рог").

Суффикс -ǝlty- встречается у глаголов со специфической структурой производящей основы, обязательно кончающейся на плавный г, л или f. Как правило, эта основа бывает связанной. Иногда глаголы с суффиксом -ǝlty- имеют значение "придавать чему-либо какой-нибудь вид или позу", но в целом значение суффикса столь же трудно определимо, как и двух предыдущих: *ruɣkylǝltyqo* "округлить" (ср. *ruɣkylumruqo* "катиться"), *retuɣǝltyqo* "поставить задом" (ср. *retuɣumruqo* "пятиться"), *komruǝltyqo* "повернуть" (ср. *komruɣqo* "перевернуться"), *tukylǝltyqo* "накрошить" (ср. *tukylǝltyqo* "раскрошиться"), *ǝoqylǝltyqo* "вымазать; промакнуть, промазать при выстреле" (*ǝoqylqo* "намазать"), *ɣukylǝltyqo* "свернуть, спутать" (ср. *ɣukylaltuqo* "перепутать"), *wutylǝltyqo* "обкатать" (ср. *wutylaltuqo* "сделать гладким").

К числу очень широко распространенных суффиксов можно отнести целый суффиксальный пучок -ttu/tu/-t-. Суффикс -ttu-, присоединяемый к первой (редко - ко второй) основе имени (отглагольные образования с помощью суффикса -tu- рассматриваются в разделе 3.2.), выступает в виде -tu- после согласных и образует обычно непереходные глаголы со значением "действие, производимое определенным орудием или предметом", или "состояние, поведение человека": *kakkyttuqo* "мучиться" (*kakky* "мученье, страдание"), *imat-tuqo* "искать жену, жениться" (*ima* "женщина, жена"), *werqyttuqo* "важничать, задаваться" (*werqu* "большой"), *qolmuttuqo* "неприлич-

но вести себя, развратничать" (qolma "женщина плохого поведения, проститутка", kertyqo "аргашить, кочевать" (kery "аргаш"), qetyqo "причалить боком, примкнуть" (qo "бок").

Этот же суффикс оформляет русские заимствования - непереходные глаголы: torowajtyqo "здороваться", sabirajtyqo "собирать-ся", usyttyqo "учиться", lecytyqo "лечиться".

Некоторые из перечисленных глагольных корней одновременно оформляются и суффиксом -у-, usyуqo "учить", lecyуqo "лечить" (ср.: mēbarqo "мешать", reууqo "решить", veriуqo "верить").

От суффикса -tty-/-ty- трудно отличить суффикс -ty-, оформляющий переходные глаголы типа mirtуqo "уплатить" (mir "цена"), (nirtуqo "назвать, дать имя" (nir "имя"). Определить значение этого суффикса практически невозможно, хотя можно привести много примеров образования переходных глаголов от усеченных основ, в которых отбрасывается конечный гласный у: lōstyqo "крестить" (lōsy "черт"), lēntyqo "нанять" (lēny "плата"), qētyqo "предсказывать" (qēty "шаманская мудрость"), qostуqo "жертвовать" (qossy "жертва").

В ряде случаев при переходных глаголах вместо -ty- употребляется -tty-: smyttyqo "найти скротам мать" (smu "мать"), kof-myttyqo "петь" (kofma "песня"), kotyttyqo "зацеплять крюком" (koty "крюк").

Переходные глаголы (реже непереходные) могут оформляться и с помощью суффикса -t-, прибавляемого к основе существительного на -у и часто означающего также "производить, делать нечто с помощью X": lūmy-t-qo "рыбачить переметом" (lūmy "перемет"), roq-qu-t-qo "рыбачить сетью" (roqqu "сеть"), qaty-t-qo "сирексти, паропать" (qaty "ноготь, коготь"), cīmy-t-qo "клеить" (cīmy "клей"), āīmy-t-qo "пепелить" (āīmy "пепел"). В некоторых глагольных суффиксах можно (в отличие от перечисленных) четко определять их значение.

1) Так, суффикс -by- в отличие от расплывчатых по значению предыдущих суффиксов имеет вполне четко определяемое значение - "пахнуть или иметь вкусовые качества X". С помощью суффикса -by- образуются глаголы от второй основы имени: artу-by-qo "пахнуть" (arty "запах"), onā-by-qo "пахнуть своим, родным" (onāy "я сам"), kana-by-qo "пахнуть собачиной" (kanaу "собака"), rигqu-by-qo "пахнуть дымом" (rигqu "дым"), qamrī-by-qo "пахнуть тряпкой" (qamrī "тряпка; платок"), šuкуbyqo "пахнуть гарью,

горелым" (šurky "гарь"), šurky-šy-qo "сладить" (šurk "сахар"), raty-šy-qo "горчить" (raty "желчь"). Ср.: qəšy-šy-qo "плохо пахнуть" (от прилагательного qəšyk "плохо"), raty-šy-qo "горчить".

2) Не менее продуктивен суффикс -šy-, присоединяемый ко второй основе, со значением "производить заготовки чего-либо, собирать воедино что-либо": salty-šy-qo "заготавливать пни" (salty "пень"), rə-šy-qo "заготавливать дрова" (rə "дерево"), šyry-šy-qo "удить с целью заготовки рьон впрок" (ср. šyryšqo - то же самое значение) untu-šy-qo "выскивать вещей" (untu "вещь"), šarka-šy-qo "коллекционировать марки".

3) Интересное значение сформировалось у суффикса -š-, в наибольшей степени характерного для производящих основ со значением "промысловые звери и птицы, заготавливаемые впрок ягоды...". Для этой группы слов суффикс -š- продуктивен и означает "промышлять, готовить запасы". Шире значение суффикса -š- можно истолковать как "делать что-то, направленное на получение I"; например: alqu-š-qo "охотиться на турпана" (alqu "турпан"), wentu-š-qo "ловить нелму" (wentu "нелма"), antatyr-š-qo "охотиться на ондатр" (antatyr "ондатра"), ima-š-qo "свататься" (ima "женщина"), šima-š-qo "пойти за молоком" (šima "молоко"), ср. также примеры на стр. 33-34.

Суффикс -š- присоединяется ко второй основе во всех словах, кроме основы tə "береста", где происходит наращение: tətəšqo (вместо təšqo) "собирать бересту".

Суффикс -š-, присоединяемый к глагольной основе (обычно связанной), означает просто часто повторяемое действие, например, oqušqo "прилагать усилие, силиться", artyšqo "нохать", wentušqo "приставать".

4) Высоко продуктивными являются суффиксы -šy/šī со значением "превратиться во что-то, образоваться чему-то, приобрести свойства или признаки I". Обычно они образуют глаголы от второй основы имени, но в двусложных словах на r - от первой основы. Иногда возможны образования глаголы на -šy/šī от прилагательного, в котором отпадает конечный i. Наиболее обычная форма употребления - 3sg. на -šra: tama "мышь" tamaššira "стала мышью"; šarku "остров" - šarkuššira "оброс прутьями, ветками, стал островом" (ku šarkuššira "на реке возник остров"); rə "камень" - rəššira "стало много камней"; qəly "рыба" - qəlyššira "образовались мальки"; tənoly "облако" - tənolyššira "образу-

ются облака, затягивает небо тучами"; айгур "птица, зверь". айгуайира "зарождается птенец в яйце" (можно различить его контуры); тетту "земля" - теттуайира "зарастает место, оставленное людьми"; ле "кость"; лэууира "окоотенело, образовалась кость"; қәу "кора" - қәууайира "появилась кора" (на зачищенном месте); әәуг "сахар" - әәугәууира "засахарился"; кем "кровь" - күмуууира "образовался кровоподтек"; тукур "труха" - (рә) тукугууира "(дереву) стало трухлявым, отрухлявело"; үтуҫ қору "мозоль" - үтуҫ қоруууира "мозоль образовалась"; үтуллака "водяная мозоль" - үтуллакаууира "мозоль появилась"; рйу "ворс, пушок" - рйуууира "(шерсть) свалилась"; аагу "красный" - (қору) аагуууира (корка) покраснела"; әйра "утка" - әйраууира "появились яйца у утки"; рагу "колтун" - рагууууира "спутались" (волосы, шерсть, нитки). Ср. также: раууайира "лопнула, треснула" (почка, кора дерева).

5) Глаголы с суффиксом -күлүм, реже его вариантом -күлүм, означают "лишиться чего-либо". Суффиксы присоединяются к первой основе имени. По своему происхождению это, видимо, два суффикса -күл + -м (см.): илу-күлүм-сак "я лишился рассудка", үт-күлүм-рак "у меня нет воды" (буквально "я обезводился"), ааа-күлүм-ра "хлеба нет" ("обесхлебился"), ҫнту-күлүм-ра "лезвия нет" ("обезлезвился"), қомтә-күлүм-ра "обезденежал", огуыкүлүм-ра и огукуууира "обессилел", рақукуууира "лишился рукоятки".

Составной суффикс -күл-ту- (-күл-ту-) образует переходные глаголы с тем же значением: илу-күлту-сам на қашур "лишил человека души"; огу-күлту-ауту "он сделал его бессильным", "обессилил". Суффикс -күлту- в переходных глаголах малопродуктивен и малоактивен.

6) Суффикс -г, весьма древний и имеющий в некоторых словах самодийские параллели, образует глаголы от второй основы имени. Его вариантом, по-видимому, является суффикс -аг. Суффиксы -г/аг означают, главным образом, "стать имеющим нечто": йагаго "стать с зародышем (о яйце)" (йа - "ребенок"), әйрагаго "стать с зародышем (об утином яйце)" (әйра "утка"), қәуыгаго "стать шершавым (о коже)" (қәу "кора"), теттагаго "стать богатым" (тетта "богач"), ментагаго "стать старым, состариться" (ментәй "старый"), унтугаго "завшиветь, стать со вшами" (унту "вошь"), сәуыгаго "ожиреть, стать жирным" (сәй "сало"), улгагаго "обледенеть" (улга "жид"). Ср. также: қотарго "кашлять" (қот

"сопли"), kejaŋqo "дышать" (keju "дыхание"), antaŋqo "ездить на ветке" (antu "челнок, ветка"), apuŋqo "пахать" (apu "запах"), ɛtuŋqo "уговаривать" (ɛtu "слово"), captaŋqo "рассказывать сказку" (capta "сказка").

7) Суффикс -ry, образующий глаголы от второй основы имени, в прошлом, видимо, был продуктивен и активен, но в настоящее время новых глаголов почти не образует, хотя сохранился в длинных рядах слов: keŋuŋqo "перезимовать" (ke "зима"), qaŋuŋuŋqo "проясниться" (qaŋuŋ "ясный"), ɛɛruŋuŋqo "мочь, быть в состоянии" (ɛɛru "возможность"), tɛŋuŋqo "квасить" (tɛ "гноить"), taŋuŋuŋqo "летовать" (taŋu "лето"), ɔɔŋuŋqo "переварить (пищу в желудке)", paŋuŋuŋqo "править, рулить, выпрямлять, выправлять".

Напротив, от глагольных основ (обычно от непереходных, реже - от переходных) суффикс -(y)ŋ очень активно образует переходные глаголы, сохраняя, как правило, то же лексическое значение, например, ɛuŋuŋqo "вариться", ɛuŋuŋuŋqo "сварить", но иногда допуская семантические отклонения от значения производящей основы: lɔŋqo "стоять" - lɔŋuŋuŋqo "воткнуть", piŋqo "открыть" - piŋuŋuŋqo "отгадать", ɛɛtuŋqo "уронить" - ɛɛuŋuŋqo "свалить, убить (крупного зверя)".

8) Наконец, в пределах глагольного словообразования селькупского языка следует указать бессуффиксальный способ, при котором показатель инфинитива -qo присоединяется прямо к основе имени (обычно - к первой) или к основе прилагательного, утрачивающего при этом суффикс -l: apuŋ-qo "пахать" (apu "запах"), tɛŋ-qo "гноить" (tɛ "гноить"), qũtuŋ-qo "болеть" (qũtu "болезнь"), tɛŋuŋ-qo "наполняться" (tɛŋuŋ "совокупность чего-либо"), tɛŋuŋ-qo "загородить, загромождать" (tɛŋuŋ "узкое место, перешеек"), ɛuŋ-qo "делать нечто" (ɛu "нечто"), ɛɛɛŋuŋ-qo "потеть" (ɛɛɛŋuŋ "пот"), ɛɛkuŋ-qo "писать" (ɛɛkuŋ "письмо"), ɛuŋuŋuŋ-qo "кончиться" (ɛuŋuŋuŋ "нутро"), ɛɛtuŋuŋ-qo "стать с настом" (ɛɛtuŋuŋ "наст"), ɛɛɛuŋ-qo "плевать" (ɛɛɛuŋ "плевок"), kiŋuŋ-qo "ободрать" (kiŋuŋ "ободранный, драный"), ɛɛŋaŋ-qo "хромать (о животном)" (ɛɛŋaŋ "хромой"), ср.: puŋkuŋ-qo "пугаться" (puŋkaŋ "пугливый").

Различия в значении глагольных суффиксов становятся особенно очевидными при сравнении однокоренных слов с разными суффиксами, например: apuŋ-ɛuŋ-qo "издавать запах" - apuŋ-ɛŋ-qo "вдыхать" - apuŋ-ɛŋ-qo "вдыхать запах, вникаться", tɛŋ-qo "гноить" - tɛŋ-ɛuŋ-qo "квасить"; iŋaŋ-qo "уяснить" - iŋaŋ-ɛuŋ-qo

"стать с зародышем"; $\dot{\text{I}}\text{ga-}\dot{\text{p}}\text{-qo}$ "взять в мухья" - $\dot{\text{I}}\text{ga-m-qo}$ "со-стариться (о мухчине)"; $\dot{\text{e}}\text{ty-}\dot{\text{p}}\text{-qo}$ "верить" - $\dot{\text{e}}\text{ty-mty-qo}$ "оповестить" и другие.

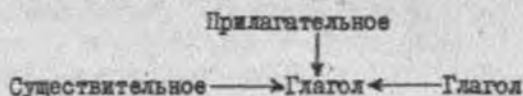
Иногда суффиксы меняют значение слова до противоположного, как в случае mty-hyr-qo "выскивать вней" и mty-r-qo "завешивать, появиться вней" или $\text{q}\dot{\text{z}}\text{a-al-qo}$ "опкурить (дерево)" и $\text{q}\dot{\text{z}}\text{ay-ay-qo}$ "появиться коре". Порою, наоборот, суффиксы (имеются в виду только словообразовательные) оказываются синонимичными, а если значение слов с ними тождественно значению слова с тем же корнем, но без суффикса вообще, то семантическая нагрузка такого суффикса становится несущественной, например: apty-qo "нехать" aptalqo "нехать" (возможно, "понюхать") - apty-r-qo "вдыхать запах, нюхать".

Сведения о глагольном словообразовании (по материалам только рассмотренных суффиксов) можно подытожить в следующей таблице, из которой видно, от каких основ происходит преимущественно образование глагола:

	Производящая основа			Четкость выражения значения
	1 основа имени	2 основа имени	Основа прилагательного	
tty/ty	+	(+)	+	
hy		+	(+)	+
hyr		+		+
$\dot{\text{a}}$		+		
$\dot{\text{ay}}/\dot{\text{s}}\dot{\text{I}}$	+	+	(+)	
kylym/kulym	+			+
r/ar/yr		+		+
ry		+		
$\dot{\text{p}}$	+		+	
$\dot{\text{p}}$		+	+	(+)
mty		+	+	
m		+		
l		+	(+)	

Учитывая вторичное глаголообразование, о котором упоминалось вскользь, и рассматривая более подробно образование глаголов от

имени, можно указать следующую модель образования глаголов:

Продуктивных суффиксов, оформляющих прилагательные, в селькупском языке меньше, чем глагольных или именных. Большинство из них — элевые (см. 3.3).

Беззевые прилагательные могут приобретать суффикс *-i-*. Так, наряду с *werqu* "большой", *sewu* "узкий", *simru* "длинный" встречаются *werquḭ*, *sewuḭ*, *simruḭ* и т.п. Характер этого явления не вполне ясен. Возможно, что в нем проявляется тенденция к обобщению *-i-* как показателя всего грамматического класса прилагательных, но не исключено также, что прилагательные типа *werquḭ* являются на самом деле производными не от самого беззевового прилагательного, а от совпадающего с ним имени (*werqu* "величина, размер") и значат не "большой", а "размерный", то есть являются относительными прилагательными и в качестве таковых должны быть интерпретированы как адъективные формы существительного. Это предположение отчасти подтверждается употреблением данных прилагательных в конструкциях вида *ṭimnantu werquḭ hebba* "сестра одного возраста с братом" (буквально "брата ее /одно/ размерная сестра") или *mṭut simruḭ iṭsu* "чорт размером с чум". Впрочем, в употреблении некоторых других пар, например, *kosu* и *kosuḭ* "многочисленный", различий такого рода не отмечено.

Среди словообразовательных суффиксов прилагательных можно назвать следующие.

1) Прилагательные на *-quḭ* образуются от глагольных основ: *seḭsuquḭ* "гладкий, ровный" (*seḭsumṭqo* "стать гладким"), *gorququḭ* "слабо натянутый" (*gorsumṭqo* "обвиснуть") и т.п. Тот же суффикс прибавляется к формам адъективной репрезентации на *i*, но значение его при этом меняется — слова с ним начинают означать "содержащий в себе что-то": *ṭtuḭ* "водный" — *ṭtuḭquḭ* "водянистый"; содержащий в себе много воды (о рыбе, мясе); *tuququḭ* "трухлявый" — *tuququḭquḭ* "сгнивший, имеющий в себе много трухи" (о человеке — "неуклюжий").

2) Прилагательные оформляются также с помощью суффикса *-tuḭ*, присоединяемого к первой основе ограниченного количества существительных (этот суффикс совпадает с суффиксом причастия — см. 3.2.8). Значение суффикса — "предназначенный для изготовления X", что может

быть передано и конструкцией с прилагательным, образованным от послелого *сѣту*, в том числе и от русских заимствований: *antytyŕ* "челночный, предназначенный для изготовления челнока", *narapotyŕ* "предназначенный для изготовления хорей", *tšntypotyŕ* "предназначенный для изготовления стола", *ricutyŕ* "предназначенный для изготовления топора", *qaršyntyŕ* "предназначенный для изготовления колотушки", *qaqlytyŕ* "предназначенный для изготовления нарт", *porqutyŕ* (*qору*) "предназначенная для шитья парки" (шкура), *okoŕkatyŕ sčkyŕa* или *okoŕkat sčtyŕ sčkyŕa* (и даже *okoŕkat sčty ŕtyŕ sčkyŕa*) "стекло, предназначенное для окна".

Иногда суффикс *-tyŕ* выступает как оформитель прилагательного с другим значением, за отсутствием достаточного количества примеров трудно формулируемым: *lšm* "столик в чуме" - *lšmtyŕ* (иногда *lšmty*) "ровный" (о местности); или: *mina* "острый" - *mintyŕ* (*minytyŕ*, *minyntyŕ*) "острый".

3) Суффиксы необладания и обладания представляют собой производные на *-i* от суффиксов существительных *-kyta* и *-suma*. С точки зрения словообразовательного процесса, происходящего в образованиях на *-kytyŕ* и *-sumyŕ* обычно следует говорить о последовательном присоединении суффиксов *-kyta + i*, *-suma + i* (*šajusajukyta* - *šajukytyŕ*; *lšm* - *lšmasuma* - *lšmasumyŕ*), но в ряде случаев образования прилагательных происходят не от существительных на *-kytr*, *-suma*, которых нет вообще, а прямо от первой основы имени или от основы прилагательного с помощью оросшегося воедино суффикса *-kytyŕ* или *-sumyŕ*: *werqu* "большой" - *werqukytyŕ* "небольшой", *šary* "крепкий" - *šarykytyŕ* "непрочный", *mu* "ничто" - *mušumyŕ* "ничто имеющий".

В связи с этим обстоятельством в дальнейшем речь пойдет о суффиксах *-kytyŕ* и *-sumyŕ*, рассматриваемых как единые суффиксы безотносительно к конкретному способу создания слова.

Существительные с суффиксом необладания *-kytyŕ*, означающим "лишенный чего-либо, не имеющий кого-чего-либо", образуются от первой основы существительного и от субстантивированных прилагательных: *тору* "нога" - *торуkytyŕ* "относящийся к безногому" (*торуkyta* "безногий"), *ūt* "вода" - *ūtykytyŕ* "безводный", *esy*, "отец" - *esykytyŕ* "безотцовский", *hantū* "толщина" - *hantūkytyŕ* "нетолстый", *ūty* "рука" - *ūtykytyŕ* "относящийся к безрукому" (*ūtykyta* - "безрукий"), *mšt* - "дом, чум" - *mštkytyŕ* "бездомный, не имеющий чума". Конструкции "прилагательное с суффиксом

-kytyl' + существительное" легко трансформируются в конструкции "существительное + каритивная адвербиальная форма" (и наоборот): ср. rōkytyl' tatty "лишенное деревьев, безлесное место" и tatty rōklyl' ĭpa "Место без деревьев (есть)"; utykytyl' qur "безрукий человек" и qur utyklyl' ĭpa "Человек без рук (есть)".

Форма прилагательного на -kytyl' обладает определенной самостоятельностью по отношению к именной основе, от которой она образована. Характерно, например, что понятие "глухой" выражается словом qōkytyl', хотя обычное название уха - ūkylysa (слово qō "ухо" употребляется в основном в верхнетазовском говоре).

4) Антонимичный суффиксу -kytyl' суффикс -ayumyl' (суффикс обладания, означающий "снабженный чем-либо, имеющий кого-что-либо") присоединяется к первой основе имени: kanayumyl' "обладающий собакой" (kanak "собака"), ĭtayumyl' "обладающий оленями" (ĭtā "олень"), yayumyl' "имеющий отца, с отцом" (ay "отец"), mōayumyl' "обладающий чумом" (mōt "чум"): ony mōayumyl' qur "человек со своим чумом", mōayumyl' qālyk "ненец с чумом", tanyl' mōayumyl' ĭra "старик с летним чумом", или "старик, имеющий летний чум".

Форма на -ayumyl' может быть соотнесена с существительным в Instr., на что указывает взаимная трансформируемость конструкций с этим падежом и с адъективной формой на -ayumyl': ср. ūayumyl' torqu "сосуд с водой" и torqu ūayā ĭpa "Сосуд с водой (есть)"; kanakayumyl' qur "Человек с собакой" и qur kanakā ĭpa (qālymra) "Человек с собакой (есть, идет)". Соотнесенность, однако, не является полной, поскольку в конструкциях, где Instr. имеет орудийное (а не социативное) значение (например, kīrakā qāttuqo "ударить кулаком"), он не может быть трансформирован в форму прилагательного на -ayumyl'.

Довольно многочисленны случаи, когда рассматриваемая форма, помимо значения, непосредственно определяемого семантикой именной основы, приобретает и переносное значение: olyayumyl' "имеющий голову; умный" (oly "голова"); wettykayumyl' "имеющий дорожку; полосатый" (wettyka "дорожка"); ūayumyl' "имеющий жир; жирный, упитанный" (ūr "жир"). Можно отметить ряд случаев, когда форма на -ayumyl' является широко употребительной, в то время как другие аналогичные формы используются крайне редко: catkayumyl' "быстрый" (слово catku "скорость, быстрота" используется преимущественно лишь в форме Instr. catkayā "быстро"). В нескольких изолированных

случае именная основа без показателя $-ayuy$ не употребляется: $ayuyuy$ "боязливый" (ср. $ayuy$ "бояться"; слова $*ayuy$ не существует). Благодаря суффиксам обладания и необладания в языке возникают примитивные антонимичные пары, например, $oguyuy$ - $ogayuy$ "бессильный" - "сильный" (см. I.2.2).

5) Для образования форм адъективной репрезентации часто используется причастие ity "существующий, являющийся", которое одновременно выступает как полусуффикс (типа qum , oly , $pō...$) после наречий и послелогов, придавая новый смысл всему образованию:

$mēity$ ("всегда") + ity	$mēityity$	"постоянный";
$saka$ ("временно") + ity	$sakaity$	"временный";
yuy ("все еще") + ity	$yuyity$	"продолжающийся";
$pūt$ ("потом") + $city$ ("для") + ity	$ruscicity$ ($ayuy$)	"(еда) на потом".

6) Помимо алавых прилагательных, в тазовском диалекте селькупского языка встречаются производные беззвоные прилагательные. Суффикс $-ka$ является суффиксом усиления признака и присоединяется к беззвоным прилагательным: $wagyu-ka$ "очень большой", $qōpty-ka$ "очень низкий", $hanty-ka$ "очень толстый", $āery-ka$ "очень легкий" (в противоположность $āerylyuy$ "менее легкий").

Сопоставление суффиксов $-ka$ и $-lyuy$ может привести к выводу о том, что это суффиксы сравнения (разные его степени), что утверждается и у Г.Н.Прокофьева (1935, стр.52). Однако это вопрос спорный.

7) Наконец, в Ратте были отмечены примеры с суффиксом $-сук$, означющим ослабление признака, выраженного беззвоным прилагательным (у Г.Н.Прокофьева (1935, стр.52) $-сук$ - суффикс сравнительной степени, то есть суффикс не словообразовательный, а словоизменительный): $riqy$ "высокий" - $riqysuka$ "высоковатый", $simyru$ "длинный" - $simrusuka$ "длинноватый".

Итак, образование прилагательных с помощью перечисленных наиболее активных суффиксов (более редкие опущены) может происходить практически от всех частей речи.

Основным способом образования наречий является суффиксация, используемая наряду с некоторыми аналитическими или аналитико-синтетическими способами (адвербиализация падежных форм рассматривается в 3.1.3.).

1) Наибольшей регулярностью обладают наречия, которые образуются с помощью показателя $-kōlyu_2$ (то есть $-kōlyu$ ~ $-kōlyuk$) или $*-kōl$, присоединяемого к первой основе существительного и имеюще-

го значение "без кого-либо, чего-либо": *qumkʒlyu* "без человека, без людей" (*qum* "человек"); *qumkʒlyu ila* "без людей, одиноко живет"; *qumkʒlyu ʒra* "без людей"; *ʒrtukʒlyu* "без лезвия" (*ʒrtu* "лезвие"); *paɣu ʒrtukʒlyu suɣra* "Нож без лезвия стал, затупился"; *ʒumukʒlyu* "бесшумно" (*ʒumu* "шум, звук"); *ʒumukʒlyu tulyara* "бесшумно приблизился".

Допустима трактовка каритивной адвербиальной формы как особого лексического падежа (или каритива), предложенная в ряде работ последних лет (Беккер 1978, стр.155-159). Мы, однако, воздерживаемся от ее выделения как особого падежа, поскольку такой падеж оказался бы "дефектным" в виду отсутствия различающихся по числам и по лицам форм.

Среди обработанных И.Эрдей селкупских текстов встретились (в "Книге для чтения" Е.Д.Прокофьевой) по крайней мере две формы, которые следовало бы, по-видимому, трактовать как каритивные адвербиальные формы 1sg.: *mat ʒaʒnikʒlik*, *ʒaʒnikʒlik ilak* "Я живу без (моего) отца, без (моей) матери" (Эрдей 35,36), ср. (по нашим материалам) *ʒaɣkʒlyu* "без отца" (*ʒaɣ* "отец", Gen.Sg. + P1Sg. *ʒaʒnu*), *ʒumkʒlyu* "без матери" (*ʒumu* "мать", Gen.Sg. + P1Sg. *ʒaʒnu*). Однако в современном тазовском диалекте подобные формы не употребляются. Связанные корни также могут оформляться благодаря суффиксу *-kʒlyu*: *ʒumkʒlyu* "голодно" (ср. *ʒaɣo* "скушать, съесть"), *ʒnu-kʒlyu* "безбоязненно" (ср. *ʒnuɣo* "бояться"), *ʒuʒkʒlyu* "здорово".

2) Значение суффикса *-rʒu* трудно сформулировать, хотя слов с ним встречается много, например: *tʒtʒarʒu* "неприлично, бесстыдно"; *tʒnturʒu* "нарочно, назло"; *kʒtugarʒu* "по плохой примете"; *ruʒarʒu* "от нечего делать".

3) Уменьшение признака в наречиях передается с помощью суффикса *-lʒu* или его усеченного варианта *-lʒ*: *rʒrtylʒ* "низко склонившись"; *ʒlralʒu* "немного в сторону"; *ruʒylʒu* "повыше"; *ruʒuklʒu ʒuɣlʒa!* "повыше" (залезь!).

4) Деепричастия на *-lʒ* обычно функционируют в качестве наречия: *tʒtʒlʒ*.

Форма *ʒlʒ* (деепричастие от глагола *ʒo* "быть"), используемая в сочетании с существительным или наречием, практически срastaется с ними, так что можно говорить не об аналитическом способе образования наречий с помощью вспомогательного деепричастия *ʒlʒ*, а о морфологическом с помощью суффикса (точнее, полу-суффикса) *ʒlʒ*: *takklʒ* "по течению" (*takku* "вниз"), *ʒtʒlʒ* "в сторону чума" (*ʒtʒ* "чум"), *qʒntʒlʒ* "на бок".

СИНТАКСИС

Селькупский синтаксис за последнее время претерпел значительные изменения. Так, в настоящее время почти не встречается отрицание с помощью частицы *hi*, помещаемой после отрицаемого члена предложения¹⁾; порядок слов в селькупском предложении является более свободным, чем засвидетельствованный Г.Н.Прокофьевым²⁾. В то же время большое развитие в языке получили так называемые простые осложненные предложения: помимо обстоятельственных оборотов с именем действия и деепричастием, в текстах встречается много инфинитивных обстоятельственных конструкций. Развивающееся явление представляет собой и сложные союзные предложения. В отрицательных предложениях в ряде случаев используется в качестве сказуемого имя действия. Некоторые новые факты селькупского синтаксиса могли возникнуть под влиянием русского языка. К таким, вероятно, относится постпозиция определения.

Однако следует заметить, что записанные нами в полевых условиях тексты — примеры устной речи, которая обладает своей спецификой по сравнению с письменной и быстро изменяется. Возможно, именно по этой причине утверждение Г.Н.Прокофьева о фиксированном порядке слов в селькупском предложении не совпадает с нашими данными.

Учитывая уже имеющиеся исследования по самодийским языкам, мы не останавливаемся подробно на тех вопросах, которые получили достаточное освещение в других работах. Отсюда краткость в описании типов простого предложения, синтаксических отношений между членами предложения. Наибольшее внимание уделено менее изученным вопросам (способы выражения прямого дополнения, отрицательные предложения, обстоятельственные обороты).

Простые предложения селькупского языка рассматриваются нами с трех различных точек зрения: с точки зрения цели высказывания, структуры, а также с точки зрения выражения отношения

1) Н.М.Терещенко. Синтаксис самодийских языков. Л., "Наука", 1973, стр.85.

2) Г.Н.Прокофьев. Селькупский (остяко-самодийский) язык. "Языки и письменность народов Севера", ч.1, М.-Л., Учпедгиз, 1937, стр.118.

говорящего к действительности. По цели высказывания предложения делятся на три группы: повествовательные, вопросительные и побудительные. Каждый из этих типов предложений может произноситься с особой эмоциональной окраской, с особой интонацией, то есть может стать восклицательным предложением.

По структуре селькупские простые предложения могут быть односоставными или двусоставными. В зависимости от наличия второстепенных членов предложения подразделяются также на распространенные и нераспространенные. Кроме того, по составу (содержанию) предложения бывают полными и неполными.

С точки зрения того, как выражается в речи отношение говорящего к реальной действительности, предложения подразделяются на утвердительные и отрицательные. Все указанные выше типы предложений могут быть как утвердительными, так и отрицательными.

4.1. ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ТИПЫ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

4.1.1. ПОВЕСТОВАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Повествовательные предложения имеют целью сообщить что-либо; сказуемое в таких предложениях выражается глаголом в различных наклонениях, чаще всего - в индикативе: *Imaqota moqunā qenna* "Старуха домой пошла"; *Ima simty konnā wescuputy, qisutur aratyqolamnyty* "Женщина ведро с очага сняла, людей кормить начала".

Повествовательные предложения, как уже говорилось, могут быть не только утвердительными, но и отрицательными: *tī terur ašša qontšlyt* "Вы его не найдете".

4.1.2. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Вопросительные предложения выражают вопрос. Характеризуются они вопросительной интонацией - повышением тона на последнем слове предложения. Порядок слов в селькупском вопросительном предложении остается таким же, как в повествовательном. Обычно вопросительные предложения содержат вопросительные слова (местоимения), которые очень разнообразны - в зависимости от того, к какому члену предложения ставится вопрос.

Кроме того, вопросительные предложения могут содержать во-

просительную частицу *qaj*, которая только усиливает вопрос, не относя его к какому-либо члену предложения. Частица *qaj* ставится перед сказуемым¹⁾: *Ica, tat qaj mšmantu?* "Ича, ты с ума сошел?"; *Kuntu qaj tšnyr:ntuymu?* "Долго ли будем думать?"

Вопросительные местоимения стоят на том месте, где должен был бы стоять член предложения, к которому задается вопрос: *Tat na ššār qajšā qəšal?* "Ты эту копилку чем убила?"; *tššam qaj oqulraty?* "Стрелу что схватило?"; *Kuty tar cəly mākka tūray?* "Кто сегодня ко мне приходил?"

Вопросительные местоимения обычно выделяются интонационно.

Вопросительные предложения могут быть также и отрицательными: *Tat qumutyr qajytqə aššā aratyal?* "Ты людей почему не накормила?"; *Aššā man šlāk?* "Уж не я ли буду?"

4.1.3. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Побудительные предложения разнообразны по значению. Они могут выражать приказание, просьбу, призыв, совет, разрешение, запрет. Порядок слов в побудительном предложении тот же, что и в повествовательном. Единственное отличие в порядке слов побудительных предложений от повествовательных заключается в следующем: превербы в побудительном предложении иногда стоят после глагола (*qättätu šlā!* "Убей!"), чего почти не бывает в повествовательных предложениях.

Для побудительных предложений характерна постановка глагола в императиве. Наиболее часто используется форма 2 лица, что соответствует цели побудительного предложения — призвать к чему-либо собеседника. Подлежащее в побудительном предложении, как правило, опускается: *tē šjasyūš moqūš qəpūš šəantū mšty* "Вы с сыном домой идите в отца вашего чум"; *Olār untaltū* "В голове моей вшей поими" (буквально "голову мою от вшей очисти").

В побудительном предложении сказуемое может быть представлено также глаголом в оптативе. В этом случае предложение выражает более мягкую просьбу: *Tar qəly tultylāl šā* "Эту рыбу донес бы ты".

Наряду с формами 2 лица императива (или оптатива) в побудительных предложениях могут использоваться форма 1 и 3 лица.

1) Следует отличать вопросительную частицу *qaj* от вопросительного местоимения *qaj* "что".

но гораздо реже: *Imuŋa, tar qumur roŋa tattyŋi* "Бабушка, этого человека на улицу вынесем /давай/"; *Imu qumŋmut tʃi' pəŋi kyt pəŋŋmut toruŋa kurainiʃtʃyt* "Остальные люди ниже по другому берегу пешком /пусть/ идут".

В побудительном предложении, кроме императива и оптатива, возможно будущее время изъявительного наклонения, которое используется обычно для I лица: *tʃi qontaiŋntʃmʃi, niŋqaltentʃmʃi* "Теперь посним, отдохнем /давай (ми-двое)/"; *ʃtət tʃŋmut kəntaiŋntʃmʃuŋ* "За оленями подкрадемся /давайте (ми-многие)/".

Побудительные предложения могут иметь в своем составе междометия или частицы, выражающие побуждение. Самым распространенным из таких междометий является куэа "ну-ка", "давай": *mʃttu kuŋa qəŋi* "В дом давай войдем"; *Kuŋa, qəŋaʃ moqunʃi* "Ну-ка, иди домой"; *Təmaŋ ukʊt mʃtu ʃaŋaŋumʃi*. "Пусть сперва войну изведает" (буквально "попробует").

При наличии в предложении побудительной частицы (междометия) повышение тона наблюдается именно на ней, остальная часть предложения произносится ровно (с возможным повышением тона на глагольной форме). В случае отсутствия междометий повышение тона происходит, как правило, на глаголе. Если смысловой акцент приходится на какие-либо другие слова, то повышение тона возможно и на них. В отрицательных побудительных предложениях, выражающих запрет, повышение тона может быть на отрицательной (запретительной) частице *uku*.

4.1.4. ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Любое предложение, произнесенное с усиленной эмоциональностью, может быть восклицательным. Восклицательные предложения характеризуются прежде всего особой интонацией: они произносятся более высоким тоном, кроме того, повышение тона может происходить на словах, которые говорящий хочет подчеркнуть. Восклицательные предложения могут содержать различные междометия, усиливающие восклицание: *ŋa, qəʃuk iʃaŋ* "Эх, плохо!". Особенно часто восклицательными предложениями бывают предложения, содержащие вопрос (а вместе с ним и вопросительные слова): *Tat tar-ŋtyŋi iŋi kunu iʃtytyŋi* "Такой, как ты, откуда возьмет!"; *Tat kunu qontaiʃ* "Ух где тебе найти!"

Восклицательное предложение может состоять иногда только из междометия или устойчивого фразеологического оборота: *Tŋu,*

lattar an! "Тыфу, черт возьми!"

4.2. ТИПЫ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СТРУКТУРЕ

4.2.1. ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Односоставные предложения имеют один главный член (чаще выраженный глаголом). Структурная особенность таких предложений заключается в том, что второй главный член в них или не может быть вообще, или формально мог бы быть, но существенных изменений в предложении не внесет. Поэтому односоставные предложения являются по содержанию полными предложениями.

В селькупском языке односоставные предложения представлены следующими типами: безличные, неопределенно-личные, включенно-личные, номинативные.

4.2.1.1. Безличные предложения

В зависимости от того, чем выражен главный член, безличные предложения разделяются на пять основных типов. Предложения первого типа характеризуются тем, что в качестве главного члена в них выступает глагол, обозначающий какое-либо явление, происходящее в природе (lurkumtqo "стемнеть"; sēlurqo "рассветать"; taqamtiqo "наступить лету" и т.п.). Такой глагол в качестве главного члена безличного предложения имеет форму, совпадающую с формой 3 sg.: ūtyt lurqumtāja "Вечером стемнело"; wēryk sēlurpa "Совсем рассвело"; Nōty ūettyrtuqolampaty "Вот весна стала наступать".

Главным членом в безличных предложениях первого типа может быть также глагол turgurqo "наставать", "наступать" (о времени): turgurpa rēbēlarp tō īqo "Настало /время/ пшеницу убирать".

Во втором типе безличных предложений главный член выражен предикативной формой прилагательного, совпадающей с 3 sg. Эти предложения служат для передачи информации о различных природных явлениях, а также явлениях, не зависящих от какого-либо субъекта: qōk īnta "Плохо будет"; Rōqut luryk īqa "На улице темно". Предложения этого типа встречаются в селькупском языке довольно часто.

К третьему типу безличных предложений относятся такие, в которых роль главного члена играет предикативное наречие nōtna "нужно": qēnqo nōtna "Взять нужно"; ūi qaj aī nōtna "Ничего

не нужно".

Четвертый тип безличных предложений характеризуется следующей структурой: главным членом в них является 3 sg. глагола *ĩqo* "быть" с отрицанием *aĩa* (*aĩa ĩqa* "невозможно", буквально "не есть"), перед которым ставится инфинитив: *Amqo aĩa ĩqa* "Кушать невозможно"; *Iluyqo aĩa ĩqa* "Жить невозможно". Этот тип безличных предложений может содержать косвенное дополнение, обозначающее лицо, для которого то или иное действие невозможно, недопустимо: *Maĩkĩ iluyqo aĩa ĩqa* "Мне жить невозможно"; *Teyupuk tymty ĩmtuyqo aĩa ĩqa* "Ему здесь сидеть невозможно". По значению такие предложения близки к двусоставным предложениям типа *mat iluyqo tascapak* "Я жить не могу", но о той разнице, что наличие подлежащего в последних указывает на активность субъекта.

В последнем /пятом/ типе безличных предложений главный член представляет собой сочетание существительного в Instr. или Car. с глаголом *ĩuyqo* "становиться" в форме 3 sg. *ĩũtupĩĩ mĩtqun carũĩĩ i qurĩĩ ĩyuka* "Вечерами в доме становилось шумно илюдно"; *Pĩqut qumũĩĩluyqo ĩyupĩ* "На улице стало безлюдно".

Кроме того, к безличным следует также отнести предложения, имеющие в качестве главного члена существительное *cũly(ty)* "день", "солнце" в вербальной форме 3 sg. с определяющими словами: *Tar cũly woma cũlyty* "Сегодня хорошая погода" (буквально "день").

4.2.1.2. Неопределенно-личные предложения

В неопределенно-личных предложениях главный член выражается глаголом в форме 3 pl. Глагол в этом случае обозначает действие, совершаемое неопределенными или неизвестными лицами, то есть основное внимание обращается на действие, процесс, а не на субъект действия: *Laqqa, tat qajqo naĩaak ũt topty ĩĩcany? Na ĩĩnty qettuntĩtyt. - aĩa, naĩaĩr aĩa qettĩtyt* . "Друг, ты зачем так к краю воды лез? Тебя убьют" - "Нет, меня не убьют". *Matqo pũĩ pĩĩĩr "ĩmat amũĩĩ pĩĩĩtqo" qerĩtyt* "Поэтому восток "женщиной съединной стороной" называют".

4.2.1.3. Включенно-личные предложения

Включенно-личные предложения представляют собой один из самых распространенных видов предложений 3 селькупском языке.

Это связано с тем, что личные формы глагола, которыми выражается главный член таких предложений, содержат информацию о лице и числе субъекта. Таким образом, нет необходимости выражения субъекта отдельным словом (местоимением). По своему значению включенно-личные предложения почти не отличаются от двусоставных предложений, в которых роль подлежащего играют личные местоимения. Разница между этими типами предложений лишь в том, что двусоставные употребляются тогда, когда требуется специально подчеркнуть субъект действия, обратить на него особое внимание.

Главный член включенно-личного предложения - глагол или имя действия - чаще всего имеет показатели 3 лица: *n̄ny imaty ʒōttu pōtqo qonifina. Ukkyr tōt ʒontōqyt ʒuʒar tattynuty* "Потом жена его в лес за дровами ушла. На этот раз копылуку принесла она"; *ʒutyf qōt nāfat ʒolataf muh keʒur aʒ mykat ʒeŋkyf ʒaŋka ɪptātut* "Царской дочери золотое кольцо и игольницу он не взял"; *Kanaɪam aratymrōtyt* "Собачку они накормили"; *lāʒa ʒinty kekaltentak* "Не искалечу я тебя"; *ʒōtqyn ɪgannanty* "В лесу ты заблудишься".

4.2.1.4. Номинативные предложения

Главный член номинативного предложения - имя существительное в Nom. Этот тип предложений редко встречается в селькупском языке. Очень немногочисленны номинативные предложения, которые называют предмет или явление (подобно русским: "Тишина. Старый дом" и т.п.): *Tanta, qenna. Pity. ɪgāty qōtympa* "Вышел, поехал. Ночь. Месяц светит".

Особую группу составляют номинативные предложения, являющиеся названиями сказок, рассказов. В качестве главного члена в этих предложениях часто используется имя собственное героя или действующего лица (одного или нескольких), нередко с поясняющими словами (приложение и т.п.): *qenta* "Кэнта"; *ɪckaska* "Ичкачка"; *ʒomaɪ porqy ɪga* "Старик-Заяцье Пальто"; *n̄kyr tīm-ʒasut, ukkyr ʒeɪbaɪaty* "Три брата, одна сестренка их".

Многие сказки имеют названия, состоящие из атрибутивного сочетания со словом *ʒap̄tā* "сказка" в качестве определяемого (последнее является главным членом предложения): *mytyf ʒap̄tā* "Сказка о войне" (буквально "военная сказка"); *ɪckaskat ʒap̄tā* "Сказка об Ичкачке" (буквально "Ичкачки сказка"); *masyf lōsyf imaf ʒap̄tā* "Сказка о лесной чертовке".

4.2.2. ДВУСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Двусоставные предложения имеют два главных члена – подлежащее и сказуемое, каждый из которых выражен отдельным словом:

Nūnu loqa lōa-if'santu qoru kiruqolashnuty "Тогда лиса медвежьей шкуру обдирать начала"; *Ter pesyt ūkty nū omta* "Он к печному отверстию туда сел".

Особый интерес представляют селькупские двусоставные предложения, равные по значению русским односоставным обобщенно-личным предложениям. В таких селькупских предложениях два главных члена – подлежащее и сказуемое, причем подлежащее выражено существительным *qim* "человек" в Sg. или Pl. В этом случае лексическое значение слова *qim* несколько "ослабевает": *mīlcyk qim aīā tūka-īttylā tūka. qimup mōttu tūkkōtyt, nūtyqyt amurkōtyt* "Так не приходит (буквально "так человек не приходит") – в гости приходят. В дом приходят (буквально: "люди в дом приходят"), там едят".

4.2.2.1. Неполные предложения

В отличие от полных предложений неполные предложения характеризуются отсутствием тех или иных членов (главных или второстепенных). Смысл неполного предложения обычно ясен из контекста. В разговорной речи, в силу ее специфики, неполные предложения очень распространены. Чаще других встречаются такие неполные предложения, в которых опущено сказуемое: *tīmhāty laqal-tā'ca*. Кура *tīmhā cīrupu* "Брат его тронулся в путь. Младший брат сзади". *ūkōn mat tūak. Sērylaq īlā tem* "Вначале я пришел. Немного погода – он".

4.2.2.2. Отрицательные предложения

Селькупский язык отличается разнообразием и многочисленностью средств выражения отрицания, поэтому представляется уместным особо остановиться на устройстве отрицательных предложений.

Отрицание в селькупском предложении осуществляется с помощью отрицательных частиц *aīā*, *uku*, *hi*, союза *hi... - hi...* Что касается отрицания с помощью специальных глаголов, то оно также возможно, хотя в этом случае так называемый отрицатель-

ний глагол ¹⁾ *saŋkuqo* в форме 3 *sg* функционально является частицей. Вообще говоря, считать отрицательными предложения, содержащие в качестве сказуемого глаголы со специфической семантикой (*tasaŋqo* "не мочь, не быть в состоянии (сделать что-либо)"; *saŋkuqo* "не иметься, отсутствовать") было бы неверно. То есть такие предложения, как *ŋjamu ŋaitu saŋka* "Ребенка у меня все нет" (буквально: "ребенок мой все отсутствует"); *mat tuntu iluqo tasaŋrak* "Я здесь жить не могу"; — структурно не являются отрицательными, хотя семантически безусловно содержат своего рода отрицание.

Отрицание может быть при любом члене предложения, но наиболее часто оно бывает при сказуемом, так как отрицание при сказуемом относится ко всему предложению в целом.

Для отрицания значения, выраженного в сказуемом, используется частица *aŋŋa*, которая может стоять перед всеми видами сказуемого, кроме простого глагольного, выраженного именем действия, а также простого глагольного, представленного императивом: *Nūn ŋja rōtruŋ' roŋqur aŋŋa tokkaleytu* "Сын Бога теплой шубы не надел"; *Na ŋja aŋŋa weŋq ŋqa* "Этот ребенок не большой"; *Maŋ aŋŋa loŋaŋak* "Я не лиса".

Если в качестве сказуемого используется глагол в императиве, то постановка частицы *aŋŋa* невозможна; здесь для отрицания используется частица *uku*: *Ti mat ŋoman ŋja uku ŋiŋqaltuŋiŋi* "Вы моего зайчонка не испортите!"; *tat kuntŋktu uku qeŋŋa* "Ты далеко не уходи!"

Если сказуемое в побудительном предложении выражено оптативом глагола, то здесь также используется для отрицания частица *uku*: *tūnu ŋiŋŋa mat uku ŋiŋtu oŋtuŋak* "Впредь бы мне не встречать тебя!"

При использовании в функции сказуемого имени действия отрицание осуществляется с помощью формы 3 *sg* глагола *saŋkuqo*, которая в данном случае функционально является отрицательной частицей. Эта частица может стоять как до, так и после указанного типа сказуемого (см. 4.2.2.3.2.).

1) См. Н.М.Терещенко. Синтаксис самодийских языков. "Наука", Л., 1973, стр.82.

Со всеми другими членами предложения в качестве отрицания употребляется частица *ašša*, которая всегда находится в препозиции к отрицаемому члену предложения: *ašša tat mōlmyšā tēpantū?* "Не лжешь ли ты?"; *Mat pintap tī cōty weny' tnyllaka, ašša solatai' - olqa tē* "Я снесу для вас другое яйцо, не золотое - простое яйцо".

Что касается частицы *hi*, то ее можно считать отрицанием в тех случаях, когда она входит в состав отрицательных местоимений, то есть точнее говорить, что для отрицания используются отрицательные местоимения: *hi kussa qentī* "Никуда не пойдем" (буквально "никуда пойдем"). В приведенном примере отрицание дается только при обстоятельстве, выраженном местоимением. Такое явление нетипично для селькупского языка: напротив, отрицательные местоимения, какую бы синтаксическую функцию они ни выполняли в предложении, способны только дублировать основное отрицание, стоящее при сказуемом. Таким образом, селькупскому отрицательному предложению свойственно двойное отрицание: *tat hi qajym ašša tēnymal* "Ты ничего не понимаешь"; *Man mōtqāk hi kutu ašša issa* "В мой дом никто не ходит".

Постановка отрицательных местоимений возможна и в том случае, когда сказуемое выражено специальными глаголами (*tacalqo*, *caṇkuqo*): *hi kutu caṇka, mōluty mōl caṇka* "Никого нет (буквально "никто отсутствует"), звука все нет"; *hi qajyī' qur caṇka* "Никакого человека нет" (буквально "никакой человек отсутствует").

Отрицание с помощью частицы *hi*, которая ставится после соответствующего слова¹⁾, по нашим данным, практически не встречается в тазовском диалекте селькупского языка.

Усиление отрицания способствует и постановка сочинительного повторяющегося союза *hi... - hi...*, вероятно, заимствованного из русского языка. Вся конструкция в этом случае можно рассматривать как кальку с русского: *hi mōqunā wettyty caṇka, hi fiṇnā wettyty caṇka* "Ни назад дороги нет, ни вперед дороги нет". Заимствование частицы *hi* и союза *hi... - hi...*, если и имело место, то, по всей видимости, довольно давно, так как и та, и другой имеют большое распространение и широкое использование в селькупском языке. Более того, существует и такая

1) Н. М. Терещенко. Синтаксис самодийских языков. "Наука", Л., 1973, стр. 85.

конструкция с союзом *hi*, которая представляет собой собственное селькупское синтаксическое явление: союз *hi* (уже в одиночном варианте) ставится один раз - между однородными членами предложения, относясь при этом к обоим однородным членам и подчеркивая основное отрицание: *Tərytyn muqyt Ijaty hi ketsatty saŋŋum-ra* "У них ни детей, ни внуков не было" (буквально "ребенок их ни внук их отсутствовал").

Для усиления отрицания часто в начале предложения ставится частица *aŋŋa* или глагол *saŋkuqo* в форме 3 Sg - *saŋka*. Последний может быть в сокращенном виде - *sa* (то есть должен рассматриваться как отрицательная частица): *Aŋŋa, mat tərut aŋŋa ūtəntar* "Нет, я его не пушу"; *sa, ruŋkamū saŋka* "Нет, ружья у меня нет". Частицы *aŋŋa* и *sa* способны составить и целое отрицательное предложение (например, при ответе на вопрос), которое следует считать неполным: *s31' polu ŋqa?* - *sa* "Спички у тебя есть? - Нет!"; *tat qaŋ qənnantū?* - *Aŋŋa* "Ты пойдешь ли? - Нет".

Частицы *aŋŋa*, *uku*, *hi* стоят непосредственно перед тем членом предложения, к которому относится отрицание. Единственная допустимая вставка между частицами *aŋŋa* или *uku* и сказуемым - прямое дополнение, выраженное усеченной формой личного местоимения 1 Sg или 2 Sg. Провербы, обладающие достаточной свободой расположения в предложении, помещаются перед отрицательными частицами: *qajqə tūŋkamū aŋŋa ŋpr qəttylorūŋba?* "Почему мой брат меня не убивает?" (буквально "не меня убивает"); *Aŋŋa ŋinty kekkaŋtentak* "Я тебя не замучаю" (буквально "не тебя замучаю"); *tə ŋku ŋpr cattaŋuk!* "Не бросай меня!" (буквально "прочь не меня бросай").

4.2.2.3. Главные члены двусоставного предложения

Подлежащее и сказуемое являются главными членами селькупского двусоставного предложения. Находясь в тесной смысловой связи и имея соответствующие грамматические показатели, подлежащее и сказуемое составляют семантическую и структурную основу двусоставного предложения.

4.2.2.3.1. Подлежащее

Подлежащее - это главный член двусоставного предложения, связанный со сказуемым, обозначающий предмет высказывания и вы-

ражаемый обычно именем существительным или любой частью речи в субстантивной репрезентации. Иными словами, подлежащим может быть любое слово (словосочетание) со значением предметности (в самом широком смысле).

Селькупский язык относится к языкам с номинативным строем предложения, поэтому существительное или другая склоняемая часть речи, будучи подлежащим, имеет форму основного падежа - *Nom.*

Чаще всего подлежащее бывает выражено именем существительным - нарицательным или собственным: *Ijaia moqunā qeppa* "Парень домой пошел"; *Ica ilumra imuʔantysā* "Ича или со своей сабушкой"; *siʔuʔi moʔygaā ʔata* "Сичиль-мотырса сидит".

Нарицательные существительные в роли подлежащего могут стоять как в непосессивной, так и в посессивной форме. Это зависит исключительно от смысла предложения, не меняя ничего в его структуре. Но, вообще говоря, подлежащее, выраженное посессивной формой существительного, более конкретно, определено, чем то же в непосессивной форме: *weqy tɪmʔaty laqaltɪʔca* "Старший брат-его в путь тронулся"; *ʔtai saʔka* "Оленя-твоего нет" (буквально "олень-твой отсутствует").

Обычны в роли подлежащего местоимения - в силу своей способности замещать существительные. Это относится прежде всего к личным местоимениям. Однако нельзя сказать, что употребление личных местоимений в качестве подлежащего - распространенное явление в селькупском предложении. Показатели лица и числа содержатся в глаголе, таким образом, личные местоимения оказываются лишними, а потому нередко опускаются. Но если требуется специальное указание на лицо или число, противопоставление одного лица (числа) другому, то личные местоимения употребляются: *təp maŋ nɪnu aʔʔa ogaʔ ija* "Он не сильнее меня"; *maŋ tɪ tɪtɪlār ʃikāt sɪmu!* "Я тоже выташу-ка черемуху!".

В подобных же случаях в роли подлежащего используется лично-определятельные местоимения, которые также подчеркивают то или иное лицо и число субъекта (подлежащего): *onty nɪnu rakta* "Сам он оттуда убежал"; *onək ʔinty itak* "Сам я тебя возьму"; *Nɪnu ontyn moqunā qenqolampɪtyt* "Потом сами они домой уходить стали".

В качестве подлежащего могут использоваться различные указательные местоимения: *toplamy ijaiaŋ olɔmynty oʔicalnyty* "То

ребенку на голову (буквально "по голове") наступил"; *hāmy qāpā* "Этот ушел".

Подлежащим может быть отрицательное местоимение, что общно для отрицательных предложений: *hī kutu āāa kyka* "Никто не хочет".

В вопросительных предложениях в роли подлежащего нередко выступают вопросительные местоимения (если вопрос ставится к подлежащему): *qaj āir tokkumūntu?* "Что меня давит?"

Подлежащее может быть представлено неопределенным местоимением: *kutu kov tūntu īpāny* "Кто-то здесь есть"; *qaj kov īpāi-rūntu* "Что-то заклопало".

В роли подлежащего используются и другие разряды местоимений, например определительное неизменяемое местоимение *hūntuk* "весь", "всё", "все": *hūntu hūntuk nakygrūshūntu* "Там всё написано".

Любая субстантивированная часть речи может служить подлежащим в селкупском предложении. Так, подлежащее иногда выражается субстантивированным числительным. Чаще других числительных в этой роли выступает числительное *āittu* "два", оформленное показателем двойственного числа (*āittāqi* "двое"): *āittāqi hānnā qānnāqī* "Двое вперед пошли".

Числительное может субстантивироваться посредством прибавления к нему частицы *-ny*. В этом случае числительное также может выступать в предложении как подлежащее, обозначая неодушевленный предмет: *ūkkur ny īqa* "Одна штука есть" (буквально "один есть").

Субстантивация числительного происходит и при добавлении к нему местоимения *hā(ty)*. Такие числительные обозначают одушевленный предмет и также могут использоваться в качестве подлежащего: *ūkkur hāty nī'cyk lankūbba...* "Один (из них) так кричит..."

Подлежащее может выражаться и субстантивированными причастиями. Субстантивация причастия возможна при добавлении к нему существительного *qur* "человек", утратившего в этих случаях свое значение и выполняющего роль морфемы: *ūāāgrūtyī qur īr-rūmra* "Пьяный лежал"; *tētyrūtyī qur āmra* "Шаман (буквально "заманяющий человек") поет".

Нередко подлежащее бывает выражено словосочетанием. Чаще других в этой функции встречается сочетание числительного с существительным: *nōkur tīmbasut masā īccōtyt* "Три брата в лес ходят"; *tētyrūnt nōttu tūpāqi āittu qūwōqi* "В их дом при-

ли два человека".

Возможны в роли подлежащего устойчивые сочетания адъективной и субстантивной форм существительного, обозначающие определенную совокупность лиц, предметов (iraŋ' iŋasuyqāqi "супруги", eŋyŋ' eŋyŋy "родители", roŋqyŋ' rēŋy "одежда и обувь" и т.п.): Tamyt tēty tō ilyntōqi iraŋ' iŋasuyqāqi "До сих пор там живут супруги".

Иногда в функции подлежащего употребляются глаголы в субстантивной репрезентации. Так, в роли подлежащего выступает имя действия: Man ulyŋ' roŋ pōŋy ilurŋā aŋŋā ūnta "От моей работы проку (буквально "жизнь") не будет". В селькупском предложении встречается также подлежащее, выраженное инфинитивом. Обычно при таком подлежащем стоит сказуемое, представляющее собой устойчивое сочетание адвербиального типа: Namur zaŋaŋo kiŋ ūlā ūŋa "Пробовать это бесполезно".

4.2.2.3.2. С к а з у е м о е

Сказуемое — это главный член двусоставного предложения, связанный с подлежащим и выраженный обычно личной формой глагола или любой частью речи в вербальной репрезентации.

Средства выражения сказуемого в селькупском языке очень разнообразны: кроме личных форм глагола, сказуемое может быть выражено именем существительным в предикативной форме, именем действия в посессивной форме, а также другими частями речи.

По структуре сказуемое может быть двух типов: простое и составное. По лексико-грамматическому признаку оба эти типа подразделяются на именное и глагольное сказуемое. Следовательно, для селькупского языка возможны четыре типа сказуемого: простое глагольное, простое именное, составное глагольное и составное именное.

Простое глагольное сказуемое представляет собой одиночный глагол в личной форме, имеющей в селькупском языке, кроме того, показатели числа, времени, наклонения, вида. Таким образом, простое глагольное сказуемое селькупского предложения отличается большим разнообразием форм выражения.

Mat tāly qaryt quntak "Я завтра утром умру"; Nūny temqušyŋ ūja na tūŋaynty "Потом купца сын пришел"; Man nymty ūsak "Я там был"; Tat, ūŋa, na ŋenkur qaŋŋā qēssal? "Ты, невестка, этого глухаря чем убила?"; Pōqyt tūŋbat tūntōtyt

"Снаружи братья приходят".

В некоторых отрицательных предложениях встречается простое глагольное сказуемое, выраженное именем действия в посессивной форме Nom., то есть имя действия имеет в данном случае показатель лица и числа субъекта. Перед таким сказуемым стоит, как правило, личное местоимение в Nom., которое таким образом, является подлежащим: Taqaltā, mat saḥka tokalturtār "Погоди, я не одет" (буквально "я отсутствует одевание-мое"); nā'isuk qutur mē qontugut saḥka "Такого человека мы не видели" (буквально "мы видение-наше отсутствует").

На первый взгляд может показаться, что личные местоимения mat "я", mē "мы" в данных предложениях являются определениями к отглагольному имени, то есть mat ... tokalturtār означает "мое одевание". Иными словами, создается впечатление, что личное местоимение mat указывает на притяжательность, т.е. имеет здесь форму Gen., а не Nom. (эти формы внешне совпадают у личных местоимений I-го и 2-го лица). А это, в свою очередь, может означать, что имя действия в данном случае не является сказуемым, тем более что в качестве отрицания в таких предложениях никогда не употребляется частица aḥḥa, а отрицание осуществляется с помощью формы 3 sg глагола saḥkuqo "отсутствовать". Таким образом, перед нами двусоставное предложение, где подлежащее представлено именем действия, а сказуемое — соответствующей формой глагола saḥkuqo. Однако для современного селькупского языка такая трактовка неверна по следующим двум причинам. Во-первых, нельзя считать, что личные местоимения в указанном положении стоят в форме Gen., так как если в подобном положении употребляются не личные местоимения, а существительные или местоимения других разрядов, у которых формы Gen. и Nom. различны, то мы наблюдаем здесь только Nom.: ḥuy' hāty nā'āmtu sā qortāty "Мать дочь свою не узнала"; nī kutu īptāty saḥka "Никто не взял" (буквально "никто взятие-его отсутствует"). Ср.: Nī kutu aḥḥa itututy "Никто не возьмет", где в качестве сказуемого употреблена личная форма глагола. Следовательно, местоимения здесь стоят в Nom., то есть являются подлежащим.

Во-вторых, форма 3 sg глагола saḥkuqo — saḥka в современном селькупском языке представляет собой застывшую форму и потому ближе к частице, чем к глаголу. В пользу этого говорит и существование усеченной формы этого глагола sā, которая играет роль исключительно отрицательной частицы.

Остается признать, что приведенные и им подобные предложения являются двусоставными, где в роли сказуемого выступает имя действия.

Простое именное сказуемое выражается в селькупском языке существительным в вербальной (предикативной) форме¹⁾. Mat ašša jaryk qumžk "Я не другой человек"; Jesi tat imačotaqāntu, mequbun itantu amanyto "Если ты старуха, нам будешь матерью".

Составное глагольное сказуемое образуется личной формой глаголов ukytaltuqo "начать" или qūqyl-qo "закончить", выполняющими часто грамматическую функцию (функцию связи) и деепричастием того глагола, который является носителем лексического значения сказуемого. В составном глагольном сказуемом деепричастие предшествует вспомогательному глагоду: qumyt amyrilā ukytaltityt "Люди есть начали" (буквально "кушая начали"); qumyt amyrilā qūqylityt "Люди есть закончили".

Составное именное сказуемое состоит из именной части и глаголов itqo "быть" или auyqo "стать" в соответствующем времени, наклонении, лице и числе.

Именная часть составного именного сказуемого может быть представлена существительным в Nom., чаще с определяющими словами: Na mityi qumyt pšasaayū qur arpa "Эти воинов тридцать человек было" (буквально "эти воины тридцатый человек был").

В именной части может использоваться существительное в Transl. auytu iraliputqo ašumra "Отец его стариком стал"; Ter aoma qumytqo ity "Он был хорошим человеком"; Na nātā man imaqo sta "Эта девушка моей женой будет".

В именной части бывает существительное в Instr.: kinnāt mat tēnuā itak "Впредь я буду умен" (буквально "с умом"), а также в Car.: Kura tūmbatu imakilyk arpanu "Младший брат его неженат был".

В именной части может стоять местоимение, существительное в адъективной локативной форме, в субстантивной форме с послелогом: Ter qūlōquī saḡa itanu "Он словно рыба"; Mat taḡa ita "Он как

1) Иногда с предикативной формой существительного возможен глагол-связка itqo "быть". Здесь мы имеем своеобразное составное именное сказуемое. Глагол-связка необходим для передачи временных отношений, не имеющих выражения в предикативной форме имени: qajyū qumun ijanātaty itandy? "Какого человека сын-ты был?"

я"; *təp tɪmbəny tərɪ tɪy* "Он был как мой брат".

Очень часто именная часть составного именного сказуемого бывает выражена существительным в адвербиальной форме: *təpɪt wɔntɪ tərɪtɪ tɪɹə* "Его лицо покрыто шерстью".

В качестве составного именного сказуемого могут использоваться прилагательные в вербальной репрезентации: *Naməntɪ wɔm ɛqantɪ!* "Какой ты красивый!"; *mat ɛtɪp ɛar tɪɹə* "Мое слово твердое".

В случае опущения связки иногда изменяется порядок слов, то есть сказуемое (точнее – его именная часть) предшествует подлежащему, что, как правило, приводит к образованию восклицательных предложений: *Soma kɔɪnəl!* "Хорошая твоя песня!"; *Tat wɔlmɪzɪmɪ!* *ɛtɪ!* "Твоя речь хитрая!" Интересно отметить, что в случае отсутствия глагола-связки именная часть сказуемого может быть выражена социативной (как в последнем примере) или каритивной формой адъективной репрезентации существительного. При наличии связки вместо указанных форм были бы употреблены *ɪnatɹ* и *Sar*.

4.2.2.3.3. Согласование подлежащего и сказуемого

В двусоставном селькупском предложении подлежащее и сказуемое согласуются в лице и числе. Соответствующие показатели лица и числа присоединяются к простому глагольному, именному сказуемому, а в случае составного сказуемого – к глаголу-связке: *Mat na qənnɪp-tak tɪ* "Я уйду сейчас"; *Tat mɛɛɹ qərantɪ* "Ты меня зовешь"; *Nɪnu tɛm tɔ ɪɹɪtɪ kɛɪtɪ pəqantɪ* "Тогда он снял кольчугу"; *qɪ-mɪt pɔɹɪnu mɛttɪ ɛɛrɛɪɪn-tɛttɪ* "Люди снаружи в дом войдут"; *mat hi qəɹɪp ɛəpka tɔmtɪp* "Я ничего не сказал" (буквально "отсутствует говорение-мое").

Согласование в лице является регулярным. При согласовании в числе могут быть различные варианты. Здесь можно выделить два типа согласования: грамматическое и семантическое.

При грамматическом согласовании показатели числа, присоединяемые к сказуемому, отражают грамматическое число подлежащего. Этот тип согласования можно считать основным для селькупского языка.

Из особых случаев грамматического согласования следует отметить такой, когда подлежащее выражено сочетанием существительного с числительным. В селькупском языке существительное после числительного всегда стоит в единственном числе. Исключение составляет только числительное *ɛttɪ* – "два", после которого возможно и един-

ственное, и двойственное число существительного. Сказуемое в этом случае повторяет грамматическое число существительного, входящего в группу подлежащего: ¹⁾ oŋa, tat cīqāntu pōwaryi' qumyi' mīty qā-qylymnyty (Sg) "Невестка, в твоём котле тридцать воинов отражается"; šitty qum na tīmsynty (Sg) terynyk "Два человека пришли к нему"; šitty tīmhasyqāqi (Du.) arpyntšyqī (Du) "Двое братьев было".

Следует заметить, что более молодые информанты-селькупы допускают в таких случаях и семантическое согласование.²⁾

При семантическом согласовании показатели числа сказуемого отражают действительное, семантическое, а не грамматическое, число подлежащего. Семантическое согласование наблюдается тогда, когда существительное, являющееся в предложении подлежащим, обозначает совокупность, множественность лиц или предметов³⁾: mīty ukkurna cūqštyt (Pl) "Войско непрерывно стреляет"; qēštyt tamtyr oraštyt (Pl) /šyn kōwum/ "Городской народ ловит /кольцо/"; lōs-irat qēnty (Sg) pīlsyk ogyhštyt (Pl) "Чёрта пёпел так говорит".

Кроме того, подлежащее и сказуемое согласуются по семантическому признаку тогда, когда подлежащее выражено местоимением mīntuk "все" или данное местоимение входит в группу подлежащего: nā-tāk moqōqyt mīntuk tantštyt (Pl) "Вслед за девушкой все вышли";

- 1) Иногда там, где по общему правилу должен быть Du сказуемого, находим Pl, хотя в подлежащем Du не только формально выражен, но и присутствует в семантике: Iŋgarūt ilymrštyt (Pl) imasy-qāqi (Du) "Давно жили супруги". Наличие таких примеров может показывать, что двойственное число в селькупском языке менее устойчивая категориальная форма, чем единственное и множественное.
- 2) Очень редко при подлежащем, выраженном конструкцией "числительное+существительное", бывает Pl сказуемого. Это не отступление от грамматического согласования подлежащего и сказуемого, так как в таких случаях существительное после числительного стоит в Pl. Последнее как раз и есть отход от нормы построения сочетаний числительного с существительным: tīpa aškyr qumyt (Pl) na koršōqynty šatštyt (Pl) "Эти три человека на этом месте сидят".
- 3) Здесь, как исключение, возможно грамматическое согласование: mīty ny cattymraty (Sg) "Войско туда выстрелило".

ном Бога жить стала"!) (Ср. русск.: "Жил старик со старухой").

Таким образом, для современного селькупского языка можно считать преобладающим грамматический тип согласования между подлежащим и сказуемым. Семантическое согласование следует отнести к развивающимся явлениям в языке, это подтверждается значительным количеством отклонений, встречающихся в текстах.

4.2.2.4. Второстепенные члены предложения

Предложения селькупского языка бывают нераспространенными, то есть содержат только главные члены, и распространенными, то есть включающими также второстепенные члены. Распространенными могут быть как двусоставные, так и односоставные предложения. Например, включенно-личное предложение "qoǵkǵly natqylpal annamty" ("Плохо намазал ты свою ветку") содержит второстепенные члены qoǵkǵly (обстоятельство) и annamty (прямое дополнение), каждый из которых зависит от главного члена natqylpal:

qoǵkǵly ← natqylpal → annamty
плохо намазал ты свою ветку

Второстепенные члены относятся к главным членам и поясняют их. В свою очередь второстепенные члены могут иметь при себе поясняющие слова, которые также носят название второстепенных членов. Таким образом, главные члены в распространенном предложении окружены второстепенными, находящимися в определенной синтаксической иерархии. Так, в двусоставном предложении "tattysāqyl tytyt aetqum tem qātālpaly" "Ближних кедров шишки он обколотил" вокруг сказуемого группируются прямое дополнение, определение к прямому дополнению и определение к определению:

qātālpaly → aetqum → tytyt → tattysāqyl
обколотил шишки кедров ближних

Вопрос о том, какие следует выделять второстепенные члены предложения, является, пожалуй, одним из самых сложных в синтаксисе самодийских языков. Исследователи руководствуются при реше-

- 1) Надо отметить то обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев косвенное дополнение и подлежащее расположены дистантно, таким образом, уже порядок слов определяет возможность использования того или иного вида согласования.

нии этого вопроса разными критериями выделения второстепенных членов предложения, поэтому существующие классификации в известной степени отличаются друг от друга. Г.Н.Прокофьев отмечает для селькупского предложения три типа второстепенных членов: определение, прямое дополнение и обстоятельственное дополнение.¹⁾ Н.М.Терещенко относит прямое дополнение к главным членам предложения, опираясь в основном на данные ненецкого языка, а к второстепенным — определение (при имени и при глаголе) и обстоятельственное дополнение.²⁾

Трудности при классификации второстепенных членов предложения возникает из-за того, что нет взаимнооднозначного соответствия между семантикой словосочетания,³⁾ с одной стороны, и 1) средствами выражения данного второстепенного члена (части речи, грамматические формы), 2) средствами выражения доминанты словосочетания, 3) синтаксической связью доминанты с второстепенным членом, — с другой стороны. Так, например, член предложения, который с семантической точки зрения следует расценивать как определение, может быть выражен *Gen* (или *Nom*) существительного (*esut* мѣт "отцов дом, дом отца", *lōa-lra* мѣт "дом черта"), адъективной формой существительного (*сiрōquf* мѣт "крайний дом"), личным местоимением (*man* мѣлау "мой дом"), прилагательным (*кура* мѣт "маленький дом"), причастием (адъективной формой глагола) (*taifalturyf* мѣт "разрушенный дом") и т.д. Синтаксическая связь в приведенных примерах также различна: в случае с прилагательным — примыкание, в случае с субстантивной формой существительного в *Gen* — управление, в случае с местоимением — управление и согласование. Следовательно, если мы будем исходить только из одного формального признака — способа выражения второстепенного члена, то полного описания не получим или же получим слишком дробную классификацию, в какой-то мере нарушающую семантическую тождественность словосочетаний. Не лучше будет, если взять за основу классификации тип синтаксической связи между

1) Г.Н.Прокофьев. Селькупская грамматика. Л., 1935, стр. 85-91.

2) Н.М.Терещенко. Синтаксис самодийских языков. "Наука" Л., 1973, стр. 198.

3) Имеется в виду словосочетание, состоящее из какого-либо второстепенного члена и того члена предложения (назовем его для краткости доминантой словосочетания), которому данный второстепенный член подчинен.

доминантой и соответствующим второстепенным членом. В этом случае мы оторвемся и от семантики, и от морфологии, так как все виды синтаксической связи в селькупском языке многозначны (управление, например, возможно между именами, между глаголом и именем и всякий раз имеет несколько значений). Семантический признак, взятый отдельно, также не даст удовлетворительных результатов, так как способен объединить синтаксически различные словосочетания.

При описании второстепенных членов предложения мы учитываем следующие факторы: морфологический (а) средства выражения того или иного второстепенного члена, б) средства выражения доминанты), семантический (семантика словосочетания) и отчасти синтаксический (тип связи между доминантой и второстепенным членом).

Сказанное не означает, что все перечисленные признаки принимаются равноценными при классификации. В каждом случае предпочтение отдается какому-либо одному, наиболее важному для этого случая критерию.

Предлагаемая ниже классификация не вносит нового в терминологию и с содержательной точки зрения не слишком отличается от имеющихся. Тем не менее мы считаем необходимым пояснить основания приводимого деления второстепенных членов.

Классификация второстепенных членов предложения, по нашему мнению, должна быть построена на различительных признаках, получаемых путем рассмотрения системы оппозиций словосочетаний селькупского языка. Поясним изложенное примерами.

Рассмотрим словосочетания: *zoma qur* "хороший человек", *rui' a:t* "каменный дом", *amugaa qely* "тарелка с рыбой", *asyt sty* "отцовское слово, слово отца", *qerqyt taryi' porqu* "одежда из медвежьей шерсти", *rozu wargu tymba* "самый старший брат". Эти сочетания объединены семантическим признаком (общее значение определения), но способы выражения определения различны. Однако — и это самое важное — доминанты всех словосочетаний выражены именем. По этому признаку приведенные примеры противопоставлены словосочетаниям типа *zomak usyqo* "хорошо работать", где семантика примерно та же. Следовательно, по признаку "иметь в качестве доминанты имя" (и с учетом значения конструкции) можно выделить второстепенный член **определение**.

Далее проанализируем словосочетания, имеющие в качестве доминанты глагол¹⁾: *zomak usyqo* "хорошо работать", *iprupra a:tqanty*

1) Здесь не рассматриваются конструкции с наречием в качестве доминанты, что объясняется частично особым положением наречия как части речи в селькупском языке.

"он лежал в доме", *taquntı kuntı pötürü* "летом (буквально "в течение лета") было тепло", *mıtım taııaltıqo* "разрушать дом", *raquıa mıtıqo* "разрезать ножом", *pöıä ücylä* "работая палкой", *tımtı ılıqo* "здесь жить", *mëduhın mırpatı* "нам дал", *amırılä pılä qanıu* "поев ушел", *ılırtär köpütılä* "жители заметив", *şıır qatqo* "зверя бить", *setqın şattırqo* "орех грызть", *şıın ertı ılıntı* "с отцом жил он", *şııntınuk kätıqtı* "отцу своему сказал он" и т.д. Среди них можно выделить группу (*mıtım taııaltıqo*, *ılırtär köpütılä*, *şıır qatqo*, *setqın şattırqo*), которая отличается от других словосочетаний семантикой (второстепенный член обозначает логический прямой объект действия). Кроме того, в этой группе второстепенный член имеет ограниченное количество форм выражения, причем основная, наиболее распространенная из них – существительное в Acc: *mıtım taııaltıqo*, *setqın şattırqo*, *şıır qatqo* и т.п. Именно по этому признаку – "быть выраженным именем в Acc" (и с учетом семантики) – можно выделить прямое дополнение.

Наконец, оставшиеся после вычленения прямого дополнения словосочетания, противопоставлены семантически: одни из них обозначают предмет, связанный с действием не прямо, а опосредованно, частично (*raquıa mıtıqo*, *pöıä ücylä*, *mëduhın mırpatı*, *şıın ertı ılıntı*, *şııntınuk kätıqtı*); другие означают образ совершения действия, место или время действия, а также другие условия протекания действия (*şamak ücıqo*, *tımtı ılıqo*, *amırılä pılä qanıu*, *ırırır şıtqantı*, *taquntı kuntı pötürü*). В первой группе мы имеем второстепенный член косвенное дополнение, во второй – обстоятельство. Семантический критерий в данном случае оказывается решающим, так как никакие другие признаки (морфологические, синтаксические) не дают лучшего разграничения, хотя в известной мере сопутствуют семантическому противопоставлению. Так, косвенное дополнение бывает выражено преимущественно косвенными падежами существительных и местоимений и связано с доминантой непосредственным (беспоследовательным) управлением (*şııntınuk kätıqtı*). Обстоятельство имеет более широкий круг средств выражения: косвенные падежи существительных и местоимений (*ırırır şıtqantı*), последовательные конструкции (*taquntı kuntı pötürü*), наречия (*şamak ücıqo*), но с преобладанием последних. Следовательно, обстоятельство не ограничено и типом синтаксической связи с доминантой: это может быть и непосредственное, и опосредованное (последовательное) управление, и примыкание.

Таким образом, на основе указанных противопоставлений второстепенные члены предложения подразделяются на следующие типы: определение, прямое дополнение, косвенное дополнение и обстоятельство.

Приведенные противопоставления в большинстве случаев достаточно удовлетворительно разграничивают типы второстепенных членов

Все-таки в ряде случаев (впрочем, немногочисленных) границы типов второстепенных членов остаются нечеткими. Это касается больше всего косвенного дополнения и некоторых видов обстоятельства, где ни морфологический, ни семантический критерий не дает достаточно четких результатов. Тип синтаксической связи, как указывалось выше, также не является достаточным для разграничения этих второстепенных членов. Например: *kyrunt̃tyt teruŋ qaqlonty* (111) "Они привязали его к нартам". По значению *qaqlonty* "к нартам" может быть отнесено как к косвенному дополнению, так и к обстоятельству места. Основываясь на типичной форме выражения - косвенный падеж без послелога - мы относим данный член предложения к косвенному дополнению, то есть руководствуемся здесь морфологическим фактором. Подобные промежуточные случаи встречаются и тогда, когда соответствующий второстепенный член предложения выражен существительным в *Acc*, *ProI* или в *Gen* с послелогом. Для таких случаев принимается специальное решение, которое, тем не менее, не является единственным.

4.2.2.4.1. Определение

Определением называется второстепенный член предложения, относящийся к члену предложения, выраженному именем, и характеризующий его с точки зрения признака, качества, количества, принадлежности.

Определениями в селькупском предложении могут быть имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения различных разрядов, одиночные причастия и причастные обороты. Во всех случаях, за небольшим исключением (см. 4.2.2.5) определительные отношения выражаются синтаксически предпозицией определения.

В роли определения очень часто выступают имена существительные в *Gen*. Определение-существительное может иметь как непосессиивную, так и посессиивную форму (что, впрочем, не имеет специального синтаксического значения). Определение, выраженное существительным в *Gen*, указывает на принадлежность в широком смысле:

nūn ija "сын Бога"; iran ēty "слово старика"; qumun wetty "след человека"; imanty laqussa "крик его жены"; iiscanty kifcy "запор его дедушки".

Иногда Gen. определения заменяется на Nom (см. 3.134.). Чаще такая замена происходит в тех случаях, когда определением обозначено одушевленное существо, так как при этом невелика возможность спутать определение и определяемое. Постановка в Nom особенно характерна для собственных имен-определений: iōa-iga mōt "дом черта"; qai-iga nāia "дочь ненца"; salaqoj mōt "дом Салакоя"; nātaaka nāia "дочь Нэтенки".

Особый интерес представляет определительная конструкция, где определение выражено существительным, обозначающим сосуд, меру и стоящим в Nom, а определяемое представляет собой существительное со значением вещества, продукта. В этом случае определение характеризует определяемое с количественной стороны: rakai cōj "кружка чаю" (точнее, "чай в количестве кружки"), amurga qēly "тарелка рыбы"; putylka nima "бутылка молока". Основанием для такой трактовки этой конструкции служат немногочисленные примеры типа amurga qēlytqo (Transl) mōtyma "Он просит тарелку рыбы", где управляемым словом является qēly "рыба".

Наряду с этим существуют семантически сходные определительные словосочетания, где в функции определения используется относительная адъективная форма существительного с лексическим значением "вещество, материал", а определяемое слово означает емкость. В этом случае определение препозитивно: ūtyi' roska "бочка воды"; kebyi' kalan oly "ложка супа". Однако изредка встречается и постпозиция такого определения: ēitty tartika areyi' "две тарелки еды", — которая могла возникнуть как результат контаминации первой и второй конструкции (tartika qēly + qēlyi' tartika — tartika qēlyi'). Кроме того, зафиксированы постпозитивные определения, выраженные существительным в Instr: ci ūsai "ведро воды" (что, возможно, является синтаксической калькой с русского языка). Сосуществование таких конструкций и возможность постпозитивного определения допускают иную трактовку сочетаний типа tartika qēly: в качестве определения здесь выступает существительное в Nom, стоящее в постпозиции к определяемому (в таком случае управление словом qēly следует признать исключением, тем более что такое управление встречается крайне редко и, вероятно, отражает исчезающее явление селькупского синтаксиса). Несмотря на то, что грамматического различия между определением и определяемым в конструкции tartika qēly

нет и, кроме того, нарушается общее правило препозиции определения, значение сочетания разночтений не вызывает в силу семантики входящих в него слов.

Следует отметить, что определительные конструкции, где в качестве определяемого используется относительная адъективная форма существительного, обозначающего вещество, материал, не ограничиваются описанным выше значением. Такое определение может характеризовать определяемое и с точки зрения физических свойств (материал, из которого сделан предмет, обозначенный определяемым): *pōi' amurea* "деревянная миска" (а не "миска с деревом"). Вообще же значение данной конструкции зависит от семантики определяющего слова.

В случае, когда относительная адъективная форма существительного обозначает какой-либо предмет (явление), определение, выраженное ею, означает принадлежность к чему-либо, предназначенность для чего-либо: *mūtyi' qamut* "военные люди", *ima'i' porqu* "женская одежда".

Во всех нижеследующих случаях значение определения полностью зависит от семантики слова, которое используется в качестве определения.

Если определением служит локативная адъективная форма существительного, то такое определение указывает на нахождение в каком-либо месте, принадлежность к какому-либо времени: *šetturgzi' cōlytu* "весеннее солнце (то есть солнце во время весны)", *qalaq-qu'i' mōt* "крайний (то есть находящийся на краю) дом".

Определение, выраженное социативной адъективной формой, характеризует определяемое с точки зрения наличия чего-либо (кого-либо), обладания чем-либо (кем-либо): *ima'umuyi' qur* "женатый человек", *satku'umuyi' šta* "быстрый олень". Определение, предтащенное каритивной адъективной формой, указывает на отсутствие чего-либо (кого-либо), необладание чем-либо (кем-либо): *šmtykutyi' qorty* "безрогий бык", *utykutyi' qur* "безрукий человек".

Иногда в функции определения используется координативная адъективная форма существительного (обычно с зависимыми словами). Такое определение имеет значение сравнения с чем-либо (кем-либо) по какому-нибудь признаку: *qamut ri'gu'āi' pō* "дерево высотой с человека".

Определения часто бывают выражены прилагательными. В этом случае определение характеризует определяемое по какому-либо

признаку, качеству (величина, цвет, форма и т.д.): кура рō "маленькое дерево"; аеру ётаі "белый олень твой"; аома қур "хороший человек".

Определения могут быть порядковые числительные в адъективной форме. Такие определения указывают на то, которым по счету является предмет (или явление) в ряду ему подобных предметов (явлений): пōкуртаіуі' тішлату "третий брат его"; аіттунтаіуі' ріту "вторая ночь".

Определения могут быть выражены местоимениями различных рядов. Личные и лично-определятельные местоимения характеризуют определяемое по принадлежности: ман мōіму "мой дом"; тап імаі "твоя жена"; опāk таттам "моя-собственная земля"; опāнту рікаі "твой-собственный топор". Личные местоимения могут стоять в сочетании с лично-определятельными: ман опāk іјат "мои мои-собственные дети". Если в качестве определения употребляются личные или лично-определятельные местоимения, то между определением и определяемым наблюдается согласование в лице и числе обладателя (определяемое в таких случаях стоит в посессивной форме): ман ітар "моя рука-моя"; ман іјаіму "мои дети-мои" (сочетание суффиксов -і- му указывает на Sg. обладателя и Pl. предмета (лица), выраженного данным существительным). Другие разряды местоимений не согласуются с определяемым словом.

Определение, выраженное указательным местоимением, только указывает на предмет или его свойства, не называя их. Но в силу семантики указательных местоимений такое определение может давать информацию о большей или меньшей удаленности, определенности и т.п. предмета, обозначенного определяемым: на тіаа "эта стрела"; тап татту "эта земля"; памуааі сагуту інтуаауту "такой звук услышал". Часто тот признак, качество и т.д., на который указывает определение, выраженное местоимением, раскрывается дальнейшим контекстом: кіісуі' іма таттушунтуту - қур аомак амыртанта "Такую жену он привез - человек хорошо есть будет".

Определения могут быть выражены отрицательными (обычно в отрицательных предложениях) и вопросительными (в вопросительных предложениях) местоимениями: кі қажуі' қур аааа туса "Никакой человек не пришел"; қутуі' вәттōмүт қақытта? "По какой дороге он идет?"

Определение, выраженное неопределенным местоимением, указывает на неопределенность предмета (лица): қажуі' қос қәтту "какой-то город"; куту ішуі' қур "какой-нибудь человек".

В качестве определения употребляются различные определительные местоимения: *isū cāly* "каждый день"; *jaruk ima* "другая женщина"; *shintuk arsyū* "вся еда".

Определение может выражаться причастием; в данном случае определение характеризует состояние предмета (лица), обозначенного определяемым: *qetruy' qur* "убитый человек"; *taif'alturyi' mēt* "разрушенный дом"; *ilyuyi' i'ca* "живший старик". Определением может быть не только одиночное причастие, но и причастный оборот: *se'cy pōt tšqyt qetruy' tšmbal* "семь лет назад ушедший брат твой"; *qumytur qetruy' mity* "людей убившее войско"; *lumty tšty' qur* "находящийся там человек". При наличии в причастном обороте существительного, обозначающего субъект действия, данное существительное ставится в Gen, реже - в Nom (см. 3.1.3.1.): *imat (Gen) amruy' pslātqo /qetštyt/* "женщиной съеденной стороной /называют/" *esy-mu (Nom) ketruy' saltar* "отцом моим завещанный (буквально "сказанный") пенъ".

Причастие, формирующее причастный оборот, всегда находится на последнем месте в этом обороте, то есть стоит непосредственно перед определяемым словом. В большинстве случаев причастный оборот, как и другие виды определений, препозитивен, но изредка может быть в постпозиции: *šitty hōmāqī contōmyt racalrutyi'* "два зайца, посередине разрубленные".

До сих пор речь шла об определении к субстантивной форме имени существительного. Но определение может быть и при адъективной форме существительного, и при имени прилагательном. Обычно это бывает в случае нескольких последовательных определений, где всякое определение помещается непосредственно перед определяемым. В таких конструкциях прилагательное может иметь при себе в качестве определения наречие (*kortukšly haqusa nātāk* "совсем голая девушка"), некоторые местоимения (*pōsy kura tšmbaty* "самый младший брат"). Адъективная форма существительного определяется порядковыми числительными (*pškurtālyi' pi' cuntu* "третьей ночи лошадь (то есть лошадь, которая была в третью ночь)"; местоимениями в Gen (*namut kēryi' šūgur* "такой большой зверь"), субстантивной формой существительного в Gen (или Nom) (*štat taryi' roqcy* "одежда из оленьей шерсти"), адъективной формой существительного (*solata' untyi' ūkyi' ira* "старик с золотой бородой", где *untyi' ūkyi'* следует считать одним словом - "борода").

Все приведенные примеры не допускают отнесения первого слова как определения к третьему, то есть *pškurtālyi' pi' cuntu* не

может означать "третья ночная лошадь".

Определяемым очень редко бывает имя действия - в тех случаях, когда оно полностью субстантивировалось: *zoma ximpta* "хорошая песня". Все сказанное об определении к субстантивной форме существительного верно и для таких имен действия.

4.2.2.4.2. Прямое дополнение

Прямым дополнением называется второстепенный член, относящийся к члену предложения, выраженному глаголом, представленный преимущественно *acc* имен и обозначающий объект, на который непосредственно направлено действие.

В большинстве случаев прямое дополнение связано с доминирующим словом управлением. Прямое дополнение могут иметь при себе транзитивные глаголы в различных репрезентациях (вербальной, адъективной, адвербальной, субстантивной): *seis'caitent* *styp toru-gum* "раздавят ягоду"; *stär qetruj' qur* "олень убивший человек"; *qorqum aratyla* "медведя кормя"; *qelur amugaqak* "когда я ел рыбу" (буквально "рыбу (в) едение-мое").

Наиболее распространенной, типичной формой выражения прямого дополнения является *acc* существительных (и местоимений). Остальные способы выражения прямого дополнения используются значительно реже и зависят от каких-либо особых условий (например, специфика управления глагола, возможность замены *acc* на *nom*).

Обычной формой выражения прямого дополнения является субстантивная репрезентация существительного в *acc*: *Nyru Isa qelur qettuqolamtytu* "Потом Ича рыбу ловить начал"; *Orqu'nytu Ija'ar* "Он схватил парня".

В функции прямого дополнения могут использоваться местоимения различных разрядов (личные, указательные, вопросительные, отрицательные и другие), которые в этом случае также имеют форму *acc*: *Tašinty moquna qegätut* "Тебя домой зовут"; *wettöqyt tarutym witympaty* "По дороге он их нагоняет"; *Mat tamtum wintar ukkyr beqyntyt* "Я это дам одному из них"; *Mat qos qajur qo'cyn-tar* "Я что-то увидел"; *Mat kutykar tar cely qontyrsar?* "Кого я сегодня видел?"; *Wergu timbaty hi qajum ašša ketyquty* "Старший брат ничего не говорит".

Существует ряд особенностей выражения прямого дополнения существительными и местоимениями.

acc. существительных и неличных местоимений в определенных

случаях заменяется на *Nom*. Такая замена обязательна при императиве: *Ti oštāyuk!* "Огонь загни!"; *Togā yku mēpylyt!* "Беды не натворите!" (ср. использование *Ass.* с индикативом: *Ukōt mat to-gam na mētar* "Вначале я беду натворил"); *Namū tultātū* "Это при-неси"; *Namū yku tomtū!* "Этого не скажи!" (Правило замены *Ass* на *Nom*. при императиве не распространяется на 3-е лицо императива: *Na pūllakalar hi kutū yku tēnumyt!* "Об этих камнях (буквально "эти камни") пусть никто не знает.")

Однако замена *Ass* на *Nom* невозможна, если прямое дополнение выражено личными местоимениями. Это правило распространяется и на те случаи, когда в качестве управляющего слова употребляется императив: *Mašip tyaty etylyt* "Меня здесь ждите"; *Kussā šip qennenta?* "Куда меня повезет?"; *Mat tašinty amtak* "Я тебя озем"; *Ter oštūpyty tarur* "Он встречает ее".

Возможно, подобное положение объясняется тем, что из-за относительно свободного порядка слов в селькупском предложении при постановке *Nom* прямого дополнения нельзя было бы отличить подлежащее от прямого дополнения, как, например, в последнем из приведенных предложений.

Если прямое дополнение выражено личными местоимениями I-го или 2-го лица в *Ass*, то оно может входить в предложение дважды: первый раз в полной форме (*mašip*, *tašinty* и т.д.), второй раз — в усеченной (*šip*, *šinty* и т.д.). При этом усеченная форма стоит непосредственно перед глаголом, а полная — ближе к началу предложения: *Ti mašip tō šip taršaltūpylyt* "Вы меня прочь(меня) отвяжите"; *Mašip boma šip šalsy* "Меня заяц (меня) обманул"; *Mat tašinty aš šinty šaltentak* "Я тебя не (тебя) обману".

Остальные местоимения, употребляемые в функции прямого дополнения, указанной особенностью не обладают.

У существительных замена *Ass* на *Nom* не допускается, если вследствие такой замены получаются двусмысленные конструкции. Например в предложении *werqu tūmhaty mōtra кура tūmhar*¹⁾ "Старший брат бил младшего брата", — невозможна замена *Ass* существительного, употребленного в функции прямого дополнения, на *Nom*. Иными словами, для селькупского языка недопустимо предложение:

1) Здесь прямое дополнение стоит после глагола-сказуемого, то есть порядок слов отличен от обычного, а в таких случаях употребляется, как правило, *Ass*.

werqu tɪmbatɪ mɔtra kura tɪmba, имеющее дословный перевод: "Старший брат был младший брат". В этом случае невозможно было бы отличить подлежащее от прямого дополнения, и, таким образом, смысл предложения был бы неясен.

Невозможна замена Acc на Nom для прямого дополнения перед причастием в причастном обороте, так как в противном случае могли бы не различаться субъект и объект действия: ʒtār qatruɪ' qur "олена убивший человек" (если бы был Nom прямого объекта, то фраза значила бы "оленом убитый человек").

Во всех других случаях, если не возникает двусмысленных конструкций, происходит свободная замена Acc на Nom (это справедливо и для существительных в субстантивной репрезентации, и для неличных местоимений). Однако предпочтение здесь отдается все-таки Acc (из 413 проанализированных случаев только 53 с Nom, что составляет около 13%). Никаких различий в использовании Nom и Acc в таких случаях не наблюдается.

Н.М.Терещенко в "Синтаксисе самодийских языков" отмечает, что Nom ставится тогда, когда внимание говорящего сосредоточено именно на прямом дополнении или когда о предмете известно из предыдущего текста, то есть прямое дополнение в Nom характеризуется большей определенностью¹⁾.

Из наших данных такой вывод не следует. Так, информантам-селькупам предлагались для перевода с русского языка на селькупский связные тексты с подбором таких фраз, где о каком-либо предмете неоднократно упоминается. Результаты этих исследований показывают, что в случае большей определенности предмета, о котором уже известно из контекста, существительное (или местоимение), обозначающее этот предмет и играющее в предложении роль прямого дополнения, ставится преимущественно в форме Acc (что, вообще говоря, только подтверждает общее правило, а отнюдь не является специфической особенностью данной ситуации): pūn ʒittɪ mappuɪmumra qəquɪ' ʃɪɪm, kərtumratɪ aɪ ukkur tytɪm: "Namum ʃɪ ʃilä taɪaɪ-tantar" "Потом оглядел окружающий лес, заметил еще один кедр: "Этот тоже обсыпало"; Mat nātaɪa ɪqak aɪɪɪlakala, ʒettyrqɪ' sɛ-lyntuɪa pəttumra." pūɪɪɪty bārquɪ' ɪqətyt. ɪraɪmɪqə ʒntalɪqɪ, ɪmɪqɪ tərɪm, ɪra tamtylratɪ aɪɪɪlakam polotenzəquɪntɪ "И де-

1) Н.М.Терещенко. Синтаксис самодийских языков. "Наука", Л., 1973, стр.181.

вочка Снегурочка, вешним солнцем согрета". Щеки у нее красные. Старички обрадовались, взяли ее, старик завернул Снегурочку в полотенце".

Таким образом, можно говорить о параллельном использовании в роли прямого дополнения при индикативе Acc и Nom (для существительных и неличных местоимений), но с преимуществом для Acc: wəɣu wəɣku (Nom) tātuydyt "Большого глухаря принесла она"; wəɣu wəɣkur (Acc) qəssal "Большого глухаря убила ты".

Что касается выражения большей определенности предмета (лица), обозначенного прямым дополнением, то здесь во всех без исключения случаях используется посессивная форма существительных: mapnywpaty kificumty "Смотрит забор свой". Причем, если требуется специальное указание на определенность, посессивная форма используется даже тогда, когда по смыслу не должно бы быть никаких лично-притяжательных показателей. Это верно и для императива в роли управляющего слова: Imu'a, mēakly mōtyt tultāt "Бабушка, мешок-твой в чум внеси"; Tar qumly mōsə tultyal zai "Этого человека-твоего с чумом донес бы ты!"

Кроме названных способов выражения прямого дополнения, используются — хотя значительно реже — и другие. Так, в ряде случаев прямое дополнение бывает представлено адъективной формой существительного. Это зависит от глагольного управления: некоторые глаголы (например: mēqo "делать"; mirəytytqo "строгать"; ūcyqo "делать, изготавливать, работать"; iqo "брать"; rēɣuqo "искать") требуют постановки прямого дополнения в адъективной форме: wəɣu tūmhaty wəɣarəf mirəytta "Старший брат хорей строгает"; mōtyl' ūcētut "Дом строят".

При императиве такое управление сохраняется: qaqlyl' mōty "Нарты сделай". Следует, однако, отметить, что такой способ выражения прямого дополнения при указанных глаголах не является единственным: наряду с ним возможен и Acc (а в случае с императивом — Nom) соответствующего существительного в субстантивной репрезентации: Qaqly mōty "Нарты сделай".

Помимо этого существует ряд переходных глаголов, управляющих не только Acc, но и каким-либо другим падежом (чаще Instr). Например, глагол miqo "дать", при котором прямое дополнение может стоять как в Acc, так и в Instr. Соответственно выбираются глагольные формы: с Instr используется субъективный тип спряжения, с Nom — объективный тип спряжения: (šar) miqa qoruzai "Мне дала

она шкуру" (буквально: "меня дала шкурой"); *ṡākṡā qorut mīṡutu* "Мне шкуру дала она". Здесь наблюдаем совпадающие по значению, но синтаксически различные конструкции с прямым дополнением. В первом предложении логический прямой объект выражен существительным в *Instr.*, а логический косвенный объект имеет вид усеченной формы *Ass* личного местоимения *I Sg.* Во втором предложении прямое дополнение стоит, по общему правилу, в *Nom.*, а косвенное - в *Dat - All.*

В силу своеобразия управления указанных глаголов различаются также синтаксически (при семантическом сходстве¹⁾ следующие конструкции с прямым дополнением: (1) *ḥāḥuṡ' Ity* "хлеб бери"; *ṡīṡroṡ' Ity* "спички бери"; (2) *ḥāḥ Ity, ṡīṡro Ity*; (3) *ḥāḥ Ijāṡ, ṡīṡro Ijāṡ*. В первых двух случаях глагол стоит в форме императива объектного спряжения, но в (1) прямое дополнение выражено адъективной формой существительного, а в (2) *Nom.* субстантивной формы; в последнем случае глагол стоит в форме императива субъектного спряжения и имеет в качестве дополнения *Nom.* субстантивной формы существительного (адъективная форма здесь не употребляется).

Итак, при использовании в качестве прямого дополнения имен существительных и местоимений форма выражения прямого дополнения зависит в основном от управления глагола.

Очень редко в функции прямого дополнения используется субстантивная репрезентация глаголов - имя действия (обычно полностью субстантивированное) и инфинитив. Имя действия подчиняется тем же правилам, что и существительное: *ṡākṡā ṡumṡtā ketāṡ* "Мне песню спой" (буквально "скажи"). Инфинитив в этом случае не приобретает каких-либо показателей: *ṡērṡo ṡṡṡa tṡṡumṡr* "Войти не могу"; *ṡetṡum ṡattṡṡṡo kṡṡṡtṡt* "Орехов пощелкать хотят".

Заметим также, что в отрицательных и вопросительных предложениях постановка прямого дополнения остается такой же, как и в утвердительных и повествовательных.

1) Некоторые информанты-селькупы формы императива субъектного спряжения считают более вежливыми.

4.2.2.4.3. Косвенное дополнение

Косвенным дополнением называется второстепенный член, относящийся к члену предложения, выраженному глаголом и обозначающий предмет, который не связан с действием прямо, но который действием в какой-то мере затронут.

Косвенное дополнение так же, как и прямое, может относиться к любому члену предложения, выраженному глаголом в различных репрезентациях. Возможно также косвенное дополнение при оказуемом, выраженном прилагательным в вербальной репрезентации: *Koľmu som ľpa loqanyk* "Песня нравится (буквально "хороша есть") мне".

По своему значению косвенные дополнения очень разнообразны: они могут обозначать предназначенность, адресат, орудие, средство действия и т.п. Как указывалось выше, иногда косвенное дополнение семантически обближается с некоторыми видами обстоятельств.

Чаще роль косвенного дополнения в предложении играют имена существительные или местоимения в косвенных падежах - *Dat.-All., Ill., Instr., Prol.* В этих случаях косвенное дополнение связано с доминантой непосредственным (беспоследним) управлением. Для выражения косвенного дополнения используются также последские конструкции: существительное (или местоимение) в *Gen.* + *послед.*

Косвенное дополнение, выраженное *Dat.-All.* существительных и местоимений, обозначает адресат действия: *Īscantyuk mēakty mīquty* "Своему дедушке мешок он дал"; *Teryuk ketyuty* "Ему он сказал"; *qēlyssyġ qumtyukini setqyr tattykkyty* "Рисакам орехи он приносил". Кроме того, косвенное дополнение в *Dat.-All.* может обозначать направление действия: *qsyntyuk qanna* "К отцу своему он пошел"; *Rōntāġ rōn tīmbamy mākkā tursy* "В прошлом году мой брат ко мне приезжал".

Косвенным дополнением может быть существительное или местоимение в *Ill.* Такое дополнение, как и дополнение в *Dat.-All.*, обозначает адресат действия или направление действия. При этом косвенное дополнение в *Ill.* указывает на более конкретное направление - обычно с достижением предмета, к которому направлено действие: *Ica pamty panicenta* "Ица к нему спустился"; *Tmtanka kētyuty iġquty* "Томтенка говорит своему мужу"; *qsyty iġquty ketyuty* "Отец говорит своему сыну"; *Orqynty mun kēym utquty* "Он схватил кольцо в свою руку".

Широко распространенной формой выражения косвенного дополнения являются имена (или местоимения) в Instr. Такое дополнение может иметь собственно инструментальное значение — обозначать орудие, средство действия: *Wennynty ajsiaa mytyrpaty* "Свое лицо он измазал углем"; *Pōāā mōtraty imaqtar* "Палкой побил он старуху"; *Syntysā qēnāā* "Ловедья (на лошади) езжай". Дополнение в Instr. означает также совместность: *Kuttar tīmbantysā ilantōmyn?* "Как с твоим братом жить будем?"; *Tasāā qēntak* "С тобой пойду"; *Ickaska yntysā āōtty qēpra* "Ичкачка с луком в лес пошел".

Косвенное дополнение может стоять в форме Transl., в этом случае оно обозначает предназначение объекта: *Žmyt' qōt nāfar illā imantō qēnnyrpaty* "Царскую дочь в жени он увез"; *Sorantū rulytqē rinpōtyt* "Его брата мостом (то есть как мост) положили". Дополнение в Transl. может выражать состояние, новое качество: *Ica žmyt' qōtqē omta* "Ича царем стал" (буквально "сел"). Реже такое дополнение обозначает цель действия: *Ima āōtty pōtqē qēnibba* "Женщина в лес за дровами сходила".

Косвенное дополнение, представляющее собой имя в Prel., может обозначать объект воздействия: *Oqylnuty komar āitty ārkyl-āāmynty* "Он схватил зайца за два уха".

Косвенное дополнение, выраженное формой kl., встречается, видимо, только в одной конструкции, а именно при сравнении, обозначая предмет, с которым другой предмет сравнивается: *Žuty mīra īja qōmāquny* "Словно дорожке денет".

В качестве косвенного дополнения используются существительные или местоимения с различными послелогоми. Значение косвенного дополнения в таких случаях зависит от семантики послелога. Дополнения, выраженные послеложными конструкциями, могут означать совместность (*Nūn ījan ēpti ilyqolamma* "С сыном Бога начала она жить"); предназначенность (*Mat qēssar qōlyp tī cōty* "Я наловил для вас рыб"); замещение (*Imat cōty muntuk mēprōtyt* "За женщину все сделали"); уточнение места совершения действия (*Tettyt city qāttynuty* "О землю ударил он"); предмет, в направлении от которого совершается действие (*Man iran āōny qēntak* "Я ушел от старика") и т.д.

4.2.2.4.4. О б о с т о я т е л ь с т в о

Обстоятельством называется второстепенный член, относящийся к члену предложения, выраженному глаголом, и характеризующий обстановку протекания действия (то есть способ совершения, место, время и т.п. с которыми связано действие). Связь обстоятельства с доминирующим словом чаще происходит по способу примыкания, реже – опосредованного (последозного) или непосредственного управления.

По значению обстоятельства очень разнообразны: они подразделяются на обстоятельства времени, места, цели, причины, образа действия, степени и меры.

Обстоятельства могут быть выражены наречиями, существительными в различных падежах, последозными конструкциями, деепричастиями, именами действия, инфинитивами, а также разнообразными обстоятельственными оборотами.

Наиболее типичная форма выражения обстоятельств – это наречия. Значение обстоятельств, выраженных наречиями, зависит полностью от семантики самих наречий. В случае наречия времени обстоятельство обозначает время протекания действия: Ukōn tūeak Natāqun "Я давно приехал из Ратти"; Ukur sentōqun nātāk nīf nu ketuntutu... "Однажды девушка так говорит..."; tī qentōmut "Теперь пойдем". Если обстоятельство выражено наречием места, то оно обозначает место действия: Lōs-ira nūnu kattālū ullīja "Медведь тогда подалше отплыл"; Konnā qēpra "От берега ушел"; Utuā laqurta nāccātālā "Рукой машет туда (в сторону)". В роли обстоятельств нередко используются наречия образа действия: tattu utuī torun nūka "На четвереньках стоит"; qōākōl ilak "Плохо я живу"; tōlyt ketōtut "Тайком говорят". Обстоятельства, выраженные наречиями степени и меры, обозначают количественную характеристику действия: Šēryalāmutu tulybba "Достаточно (то есть в достаточной мере) подошел"; Курақаң қәттүрәтү "Тихонечко бьет".

Обстоятельства могут быть выражены также именами существительными в адвербиальной репрезентации (Štykōlyk Štāmtu tagāaltututu "Молча (буквально "без слов") оленя он распряг"; Ogun māšīr kōtratu "Он сильно меня побил") или имеющими адвербиализованный характер: Sēlyu Šmtōtut nōkur tīmbasut "Днем сидят три

брата"; *Ėettyqyt qennōtyt* "Весной они поехали"; *Sinty qortyra satkua* "Лошадь бежит быстро".

Многие виды обстоятельств выражаются субстантивной формой существительных в различных падежах. Существительные в Nom. (обычно с зависимыми словами) играют роль обстоятельства времени (*Mukyltīgyt sēly mat ūsuzak* "Целый день я работал") или обстоятельства меры (*Saīcy pōr ėittusumra* "Семь раз он проснулся"). Существительные в Coord. обозначают обстоятельства образа действия (*Sēlyntyāk taqtultumra* "Он одет по погоде (соответственно погоде)"). В роли обстоятельств места используются существительные в Ill. и Loc.: *Paktyptā qālyt mūtonty* "Бегание (буквально) к ненавскому войску"; *Qēlyr rāq cinty pottāquty* "Рыбу в котел она положила"; *Wettyqyt rūf mōtyfa itynty* "На дороге каменный домик будет". Кроме того, Loc. существительных может выражать обстоятельства времени: *Kōt savaqun mōty qentak* "В десять часов я пойду домой". Если роль обстоятельства играет существительное в Kl., то такое обстоятельство обозначает место, являющееся отправной точкой действия: *Rūf relāqquny sasyqūt mēky mēkumraty* "С востока подул холодный ветер"; *Mōtquny ropā tanta* "Из чума на улицу она вышла". Обстоятельство, выраженное Procl. существительного, означает место, по которому, вдоль которого совершается движение: *Karōmyt qaqlytta* "По тундре едет"; *qēttyt kēmyt moqun kōfūmōtĵa* "По половине города назад он повернул". Существительное в Procl. изредка выполняет функцию обстоятельства со значением обоснования, причины: *Direktoryt tomruĵ ėtōmyu muntuk qentōmyu ūsyla* "По приказу (буквально "сказанному слову") директора мы все идем работать".

Обстоятельства могут быть представлены местоимениями-наречиями: *Tōpnamu pamōnty tērup kōfiraĵtymraty* "Тот уж очень (буквально "в такой мере") ее обхаживает".

Часто обстоятельства образуют выражены послеложными конструкциями. Значение таких обстоятельств зависит от семантики послелогов: *Pin ukōt arēlyt* "До ночи вы поели"; *Mat saīcy rōnty kunty ėarēumōttyt qumōk* "Я в течение семи лет истощившийся человек"; *Kōkĵaqūt sara lankuĵa* "По-ковачьи кричит"; *Ėtāt tarā qortyra* "Он бежит, как олень".

Обстоятельства могут быть выражены одиночными деепричастиями. Такие обстоятельства имеют несколько значений.

Обстоятельство, выраженное деепричастием одновременности,

обозначает цель действия: Mat qentak poqquĩlā "Я пойду рыба-
чить"; Loqam bolā rakta "Лису догонять он побегал". Помимо этого,
деепричастие одновременности может характеризовать действие с
точки зрения способа его совершения: Lōa-ira tūntylorgussa ašarūlā
"Черт подходит распевая"; Imaqotar soqqolā qettituty "Старуху
тыкая (то есть тычками) он убил". Обстоятельство, представленное
деепричастием, может выражать причину, обусловленность действия:
Ira šebhušlilā laŋqušqolamtu "Старик, рассердившись, кричать
начал"; Komaš poquty nutquĩlā qalynty "Его заячье пальто, пор-
вавшись, осталось".

Возможен такой случай, когда действие, выраженное деепри-
частием, не имеет субъекта. Такие деепричастия образуются от гла-
голов со значением каких-либо природных явлений и обозначают вре-
мя совершения действия: Nūnu ūtyt lurkumšlilā na qentalmyntštyt
"Потом вечером, когда стемнело, они подкрались"; Qajqo ašša
tūšanty šālymrylā? "Почему ты не пришел, когда было светло?"

Обстоятельство, выраженное деепричастием предшествования,
также обозначает время совершения действия — оно указывает, после
какого действия совершено действие, выраженное сказуемым:
Amurilā rūlā qenny "Поев (то есть после того как поел) он ушел".

Деепричастие может иметь поясняющие его слова, то есть об-
разуется деепричастный оборот, который также используется в ка-
честве обстоятельства. Деепричастный оборот может обозначать
способ совершения действия (qalympa Iškaskar wəssumrylā "Он идет,
неся Ичкачку"; Nātak picar wəssylā konnā tanta "Девушка, дуку
подняв, на берег вышла"), время действия (nūm Ija qəllā rūlā
imaqota šərna "После ухода сына Бога старуха вошла"; Mat konnā
tantylā šjnty mōttak "Я, на берег выйдя, тебя побью").

В функции обстоятельства может быть глагольный инфинитив.
Инфинитивом обозначается обстоятельство цели: qəguquty šntyrqo
"Он зовет играть"; Lōa-ira šħsa qontyrqo "Черт лег спать". Инфи-
нитив может иметь посессивную форму, в этом случае он указывает
на субъект действия: Iħsa šħsumynty nāšqaltqyntōqo "Дед лег
отдохнуть" (буквально "ему отдохнуть"); Olynty pinnyty untalqyn-
tōqo "Голову кладет, чтобы вшей искать" (буквально "вшей ей ис-
кать"). Инфинитив может иметь зависимые слова, благодаря чему
формируется обстоятельственный инфинитивный оборот (также со зна-
чением цели): Nātak pōr tultyqo mōt šərna "Девушка входит в
дом, чтобы занести дрова"; Mat tūšak tašjnty qetqylōqo "Я при-

шел, чтобы тебя убить" (буквально "тебя мне убить").

Обстоятельства нередко выражаются именами действия в косвенных падежах или сочетанием имени действия с послелогом.

Обстоятельство, представленное именем действия в Loc., обозначает время протекания действия, выраженного сказуемым: Na pūntu laka qonturāqāntu ūqāntu ultu pīntu "Этот-камень, когда спить ляжешь (буквально "/в/ укладывании твоём спить")", под подушку положи"; Žeulī qurtāqyt qaj toraŋty? "Ваш отец, когда умирал (буквально "/в/ умирании")", что сказал?" Имя действия в Loc. может иметь при себе зависимые слова, образуя обстоятельственный оборот с тем же значением — времени протекания действия: Iliā māīp ūturtāqūntu moqūnā tūqyt "Когда меня похороните (буквально "меня /в/ хоронении-моём"), домой придите"; Nūp Ijāntu qentāqyt mērkēla "Когда ушел сын Бога (буквально "Бога сына /в/ уходе"), подул ветер". Как видно из примеров, имя действия в Loc. может передавать отношения одновременности с действием оказуемого или предшествования действию сказуемого. То или иное значение определяется исключительно контекстом, так как имя действия не имеет категории времени. Для более точного обозначения времени иногда используются конструкции, состоящие из имени действия в Gen. и послелога: Nūpu sumptāntu kūntu qāšyrgūqyt "Потом, когда он пел (буквально "пения-его в течение"), остановился".

Обстоятельства, представляющие собой сочетание имени действия в Gen. с послелогом, имеют разнообразие значения, что определяется семантикой послелога. Как указывалось выше, такая конструкция может обозначать время действия (послелог kūntu "в течение"), а может обозначать цель действия (послелог cēty "для"): Na qūmyt wūlymruptāt cēty cattūqyt "Чтобы этот человек заговорил (буквально "этого человека говорения для"), он выстрелил".

Большое распространение в селькупском языке имеют обстоятельства, выраженные Transl. имен действия в посессивной форме. Такие обстоятельства обозначают причину, с которой связано действие, выраженное сказуемым. Часто после обстоятельства-имени действия в Transl. ставится местоимение на В Transl. — natqo, усиливающее значение причинности: qāštyrgurtānōqo natqo na wūrgp qettūntam "Так как я часто хожу, я убиваю зверей"; Uciptānōqo wētar woma qaqly "Так как я работаю, то и сделал хорошие нарти"; Sumrykkošumruptānōqo natqo wōšmy rassēra "Так как я много пел, мое горло сорвалось".

Предложения, содержащие обстоятельственные обороты, подобные вышеописанным (см. также 4.2.2.4.1.), называют иногда "простыми осложненными предложениями" (Терещенко, 1973, стр. 297). Такое название вполне уместно, так как указанные предложения по своей структуре являются простыми, но при этом по значению приближаются к сложным предложениям. Однако нельзя не отметить относительной самостоятельности таких обстоятельств. Например, обстоятельство со значением времени, выраженное именем действия в Loc., как правило, имеет указание на субъект (что внешне проявляется в наличии показателей посессивности — лица и числа субъекта). Таким образом, отличие включенно-личных предложений от таких обстоятельств невелико: субъекты действия и в том, и в другом случаях выражены в глагольной форме. Тем более "независимыми" представляются обстоятельства со значением причины, выраженные именем действия в Transl. (по крайней мере возможность постановки местоимения *natqo*, функционально в этой конструкции похожего на *sova*, говорит именно в пользу самостоятельности такого рода слова-предложения). Но — и это главное — ни имя действия, ни инфинитив, ни деепричастие не содержат показателей времени, иными словами, не обладают предикативностью, и потому рассматривать предложения, содержащие такие обороты, как сложноподчиненные было бы неверно.

Кроме того, простые осложненные предложения в большинстве случаев имеют аналоги среди сложноподчиненных: простому предложению с обстоятельственным оборотом, имеющим в качестве стержневого слова имя действия в Loc., соответствует сложноподчиненное предложение с союзом *kiebat* "когда" (или *kekkuza* "едва", *car* "как только" и другие — в зависимости от соотношения во времени действия придаточной части с действием главной части). Таким образом, простые осложненные предложения занимают промежуточное место между простыми и сложноподчиненными предложениями.

Простые осложненные предложения широко употребительны в селькупском языке, они составляют одну из характерных особенностей всех самодийских языков. Следует отметить, что наличие простых осложненных предложений не препятствует развитию сложных предложений в селькупском языке. Напротив, в некоторых случаях, как нам кажется, обстоятельственные обороты способствуют созданию сложноподчиненных предложений. Так, поскольку не выражается время в имени действия, образующем обстоятельственный оборот, а

иногда возникает необходимость указания на время (предшествование, следование или одновременность), большое распространение в языке получают сложноподчиненные предложения с придаточными времени. В этих предложениях используются различные подчинительные временные союзы, которые и передают временное соотношение действий главной и придаточной частей.

С другой стороны, наличие некоторых типов простых осложненных предложений делает излишним употребление сложных предложений. Именно поэтому в селькупском языке отсутствует сложноподчиненные предложения с придаточным цели — цель действия обычно обозначается инфинитивом или именем действия с послелогом, а временные отношения здесь не слишком важны.

4.2.2.4.5. Сравнительные обороты

Как указывалось выше, селькупское предложение может быть осложнено различными обстоятельственными оборотами. К таковым относятся и сравнительные обороты. Но они обладают большей самостоятельностью в предложении по сравнению с другими оборотами и часто используют союзы, что роднит их с придаточными сравнительными.

Сравнительные обороты обычно относятся к сказуемому, характеризуя его с точки зрения способа совершения действия. Вводятся такие обороты с помощью союза *mity* "как", "словно". От придаточных сравнительных эти обороты отличаются отсутствием в них сказуемого: *Vašutka tōtymra, mity wəŋqy qum* "Васютка бранился, словно взрослый". Сравнительный оборот всегда следует за сказуемым (но не обязательно непосредственно): *Kukumraty kumtyk koqumruqo mity ietamityŋ əŋqut qur* "Он любил долго разговаривать, как всякий таежный человек". Нередко сравнительный оборот относится к составному именному сказуемому, имеющему в качестве именной части указательное местоимение. В этом случае сравнительный оборот раскрывает значение сказуемого, так как указательные местоимения служат только указанием на какое-либо качество: *tōəat niŋcyk iŋa, mity qəŋat tōəat* "Шея такая (есть), словно хуравлиная шея"; *setqyl iakaŋ mu kurasty niŋcyk iəy, mity lōqat mōt* "Шинки по виду такие были, словно осинные соти" (буквально "оси дом").

Иногда встречаются сравнительные обороты с союзом *kuttar* "как": *Təm raktyumra catkysə, kuttar əŋrup* "Он бежал сист-

ро, как птица". Возможно, такая конструкция представляет собой кальку с русского языка (что отчасти подтверждается несвойственным селькупскому языку порядком слов в приведенном примере).

4.2.2.5. Порядок слов в простом двусоставном предложении

Селькупский язык характеризуется относительно свободным расположением членов предложения. Существует только две строгие синтаксические закономерности: 1) непосредственное предшествование определения определяемому; 2) предшествование подлежащего сказуемому. Однако можно отметить предпочтительный порядок слов для селькупского предложения. Если мысленно представить себе предложение, содержащее главные и все второстепенные члены, то их преимущественное расположение можно показать следующей схемой:¹⁾

Место в предложении	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Члены предложения	обстоятельство времени	обстоятельство места	обстоятельство причины	подлежащее	косвенное дополнение	прямое дополнение	обстоятельство образа действия, степени, меры	сказуемое	обстоятельство цели

Из схемы видно, что подлежащее в селькупском предложении предшествует сказуемому: *Suntu mōttu rōgamut rakta* "Лошадь по верху дома прыгнула"; *Ukkur rōr ijaŋa komafantusa roŋa tanta* "Однажды мальчик со своей стрелочкой на улицу вышел". Иногда встречается обратный порядок слов, причем постановка подлежащего в конец предложения обычно связана с тем, что говорящему необходимо акцентировать внимание на подлежащем. В одном из текстов, например, рассказывается о приходе различных зверей и повторяется фраза со сказуемым *tūnta* "пришел": *tūnta loqa* (homa qoŋqu, ʔaʔa amuyut ŋūrup) "Пришла лиса (заяц, медведь, волк)". В данном случае для говорящего важно отметить, кто именно приг.

¹⁾ В схеме не указаны определения, так как вследствие их фиксированного места они не меняют общей картины.

поэтому подлежащее ставится на несвойственное ему место — после сказуемого. Вообще же инверсия подлежащего и сказуемого наблюдается в основном в нераспространенных предложениях, а в распространенных бывает довольно редко.

Дополнения, как следует из схемы, обычно предшествуют сказуемому, помещаясь между ним и подлежащим, причем прямое дополнение стоит ближе к сказуемому, чем косвенное: *Isuŋfantunuk fi qajum aŋŋa ketuŋutu* "Бабушке своей ничего не говорит". Меняться местами, находясь перед сказуемым, косвенное и прямое дополнение практически не могут, но изредка встречается такой порядок слов: косвенное дополнение — сказуемое — прямое дополнение. Например: *Ira paŋarosaŋ mottitutu na quraŋ qajur* "Старик палкой побил этого хромого неница"; *Ketvattunuk miŋutu haŋ qamrim* "Внуку он дал красный платок". Если же в предложении имеется только косвенное или только прямое дополнение, то возможна их постановка после сказуемого, в большинстве случаев обусловленная коммуникативным заданием.

Наибольшей свободой расположения обладают обстоятельства, хотя и для них можно отметить определенные тенденции. Так, обстоятельство времени чаще стоит в начале предложения: *qarut Isa inŋa waŋa* "Утром Ича встал". Расположение обстоятельства места равновероятно как перед подлежащим, так и между подлежащим и сказуемым, ближе к сказуемому: *Imu qaqiŋ ŋu karŋaŋ ɛrra* "Некоторые нарти наверху были". Если в предложении имеются одновременно обстоятельство места и обстоятельство времени, то обстоятельство времени предшествует обстоятельству места: *tɪ aŋ fiŋna qantɪmɪt* "Теперь опять вверх поедem".

Обстоятельства со значением степени, меры и образа действия обычно предшествуют сказуемому: *Qaiŋ ŋitɪ kɔrtɪkɔlyk qɛttur ɔɛtta* "Ненецкое войско дотла город сожгло". В подавляющем большинстве случаев этот тип обстоятельств стоит непосредственно перед сказуемым: *terur piŋsuk ɔŋqɪnɔtyt* "Его так схватили".

Обстоятельства со значением причины могут стоять только перед подлежащим (а в односоставных предложениях — перед главным членом): *Pɛŋrɪtɔŋqɔ natqɔ na qɔntar kɔssu torɪŋɪm* "Так как я искал, то и нашел много ягод".

В особом положении находится определение. Оно должно стоять на фиксированном месте, так как в большинстве случаев не имеет грамматических показателей, отличающих его от определяемого.

Обычно определительная связь выражается только синтаксически - постановкой определения непосредственно перед определяемым.¹⁾ Изменение порядка слов может повлечь за собой изменение значения словосочетания *wəqy fəmat oly* "большого зайца голова" (*fəmat wəqy oly* значило бы "зайца большая голова"). В случае нескольких однородных определений, представленных прилагательными, ближе к определяемому находится то, которое обозначает материал, этого предмета, цвет и т.п., в отличие от прилагательных, обозначающих, например, размеры: *wəqy ruf ɔt* "большой каменный дом", кура *fəg qəmri* "маленький красный платок".

Если одно определение выражено прилагательным, а другое - существительным в Gen. или Nom., то ближе к определяемому стоит то, которое выражено прилагательным: *roqquɔtu ŋquɪ lɔmpɪ laka* "сети последний поплавок", *ɪsat wəqy tuty* "Ичи большой карась".

Определение, выраженное указательным местоимением, стоит дальше от определяемого, чем все другие определения: *na oqəmpuɪ qəɪuɪ ɔtɔɪ* "этот сильный ненецкий богатырь"; *taɪ roqquɔtu lɔmpɪ laka* "этот сети поплавок" (в последнем примере указательное местоимение *taɪ* может относиться и к следующему за ним слову: "этой сети поплавок").

Определение, представленное причастием или причастным оборотом, составляет некоторое исключение - оно, хотя и редко, может следовать за определяемым: *ɪsa lɔs-ɪrap qəntɔtuɪ qəntu* "Ича увидел черта опящего"; *ɔtət tɔf oɪly ɔɔɔmpuɪwɪɪ wɪɪkɔtɔt* "Олени, вчера привязанные, стоят".

В заключение можно отметить, что порядок слов остается одинаковым в повествовательном, вопросительном или побудительном предложении.

1) Об определительных конструкциях с постпозицией определения см. 4.2.2.4.1.

4.3. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Кроме простых осложненных предложений, в селькупском языке существуют и сложные предложения. Г.Н.Прокофьев отмечал для селькупского языка наличие сложных бессоюзных и союжных предложений. Последние подразделялись им на сочиненные и подчиненные (Прокофьев 1937, стр.121). Но, по наблюдениям Г.Н.Прокофьева, сложные предложения представляют собой редкое явление в селькупском языке, средства связи частей сложного предложения ограничены количественно, типы сложноподчиненных предложений немногочисленны.

По материалам наших исследований сложные предложения в селькупском языке также встречаются нечасто, хотя нельзя не отметить появления новых типов сложного предложения, расширения сферы их употребления.

Относительно редкое употребление сложных предложений объясняется прежде всего тем, что все самодийские языки, и в частности селькупский, характеризуются наличием разного рода обстоятельственных и определительных оборотов, делающих в ряде случаев излишним использование сложных предложений. Кроме того, часто оказывается трудно определить, имеем ли мы сложное предложение или ряд простых. Нередко едва ли не единственным показателем границ предложения является интонационное оформление. Но вопросы интонации в селькупском языке слабо изучены, поэтому мы не принимаем интонацию в качестве критерия выделения предложений. По другим же признакам выяснить, где проходит граница между предложениями, во многих случаях затруднительно. Так, например, если рядом стоят простое двусоставное и включенно-личное предложение, то можно их рассматривать и как одно предложение с однородными сказуемыми. Бывает, что включенно-личные предложения следуют одно за другим, образуя длинную цепь высказываний, причем иногда высказывания начинаются с союза. Таким образом, предложения "наизываются": говорящий высказывает какую-либо мысль, следом за этим сообщает нечто, связанное с ней или противопоставленное ей и т.д.

Однако в определенных случаях можно говорить и о наличии сложных предложений. На это указывает смысловая связь между частями предложений, а также формальные средства связи частей (союзы, относительные местоимения, определенное соотношение времен и наклонений глагола в разных частях предложения).

В последнее время отмечено усложнение синтаксических кон-

струкций в самодийских языках. Н.М.Терещенко объясняет этот процесс "необходимостью в иных приемах выражения связанных между собой действий"¹⁾ и указывает на формирование нового для самодийских языков типа предложения - сложноподчиненного предложения. Развитие сложных предложений в селькупском языке отмечает А.И.Кузьмина (Кузьмина 1974, стр.9). Наши данные также подтверждают это явление.

Для селькупского синтаксиса характерны отсутствие единства в оформлении сложных предложений (в особенности это касается подчинения) и разнородность средств связи частей (используются как союзы, так и частицы, по функции близкие к союзам, и местоимения). В ряде случаев заметно влияние русского языка на построение сложных предложений (это проявляется прежде всего в структуре относительных предложений). Все сказанное показывает, что сложное предложение в селькупском языке находится в стадии становления.

В развитии селькупского сложного предложения можно отметить две различные тенденции. Первая заключается в том, что с усложнением, расширением коммуникативных потребностей возникает необходимость в выражении семантико-синтаксических отношений, которые ранее не реализовывались в языке; в этом случае появляются новые синтаксические конструкции, использующие уже имевшиеся, но функционировавшие в другом качестве средства. Так, появились сложноподчиненные предложения с придаточными уступительными, где в роли уступительного союза выступает частица *сар*. Вторая тенденция проявляется в стремлении к уточнению, дифференциации значения уже имеющихся конструкций. Например, на основе временных обстоятельственных оборотов с именем действия или с деепричастием в роли стержневого слова образуются сложноподчиненные предложения с временными придаточными, использующие для связи частей разнообразные союзы: *сар* "как только", *тагу* "пока", *kekkuai* "едва" (первоначально - это частицы, наречия). Такие сложноподчиненные предложения указывают на различное соотношение во времени действий главной и придаточной частей, что не всегда может быть выражено в обстоятельственных оборотах.

1) Н.М.Терещенко. Синтаксис самодийских языков, Л., "Наука", 1973, стр.310

Сложные предложения селькупского языка по способу соединения частей могут быть разделены на бессоюзные, относительные (то есть использующие для связи частей относительные местоимения) и союзные. По типу отношений между частями союзные сложные предложения подразделяются на сложносочиненные и сложноподчиненные.

4.3.1. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Бессоюзные предложения являются наиболее употребительным типом сложных предложений в селькупском языке.

Применительно к бессоюзи мы не рассматриваем деления на сочинение и подчинение. Наиболее целесообразным представляется описание бессоюзных предложений с точки зрения открытости/закрытости структуры.

К предложениям открытой структуры относятся такие бессоюзные предложения, части которых обладают однородным строением и относительной самостоятельностью. Такие предложения по семантическому содержанию близки сложносочиненным предложениям, отличаясь от последних только отсутствием союзов: *mēlly cāpka*, *tāl cāpka* "Чума твоего нет, оленя твоего нет"; *Amurlā pūlā tūny qantak, tat massā qannāntu* "Поев, я уйду, ты со мной уйдешь".

К бессоюзным сложным предложениям закрытой структуры относятся также, части которых не обладают однородностью строения и самостоятельностью. Большинство предложений закрытой структуры имеют формальные различия в построении частей. К таковым относятся: употребление в разных частях различных наклонений глагола; наличие в одной из частей слова, семантика которого требует дальнейшего раскрытия; наличие в одной части соответствующих частей.

Особый интерес представляют предложения, где формальным различием является закономерное соотношение форм глаголов-сказуемых в разных частях. К ним относятся бессоюзные условные предложения, в которых отношения условия передаются различными наклонениями глагола. Существует два основных типа таких предложений.

Первый тип характеризуется тем, что в одной из частей (будем называть ее посылкой) выражено ирреальное условие, таким образом, другая часть (назовем ее заключением) обозначает ирреальное, не совершившееся, а только желаемое действие. В предложениях такого типа возможно следующее соотношение наклонений: I) в посылке глагол стоит в опативе, в заключении — в конъюнктиве (*tāi' cāly*

ворунтā сākylā, mat qonjāaā anā masonty "Если бы вчера не было дождя, я сходил бы в лес"; Untyty eīā ny, muntyk āintyt qezaa anā "Если бы у меня был лук, я бы всех вас уби-л"; 2) В послыке и в заключении глагол имеет форму конъюнктива (soma eēlyty īaan anā, mat masonty qezaa anā "Если бы была хорошая погода, я пошел бы в лес").

Второй тип бессознанных условных предложений имеет следующее строение: в послыке выражено действие, являющееся условием (без указания ирреальности) выполнения какого-либо другого действия, а именно - того, которое выражено в заключении. В таких предложениях в послыке употребляется кондиционалис, а в заключении - любое наклонение, кроме конъюнктива: qontām īsmā, man na ītar hāhup "Если у меня будут деньги, я ~~пойду~~ хлеба"; Tap eēly voruntā sākumā, mat masa qantak "Если сегодня не будет дождя, я пойду в лес".

Другим видом бессознанных предложений закрытой структуры являются такие предложения, которые содержат в составе одной из частей указательное местоимение (Merky namuēāa tsuura - ponā aēā tannanta ira "Ветер такой стал - на улицу не выйдет старик") или глагол со значением мысли либо чувственного восприятия (Tinumat: taēinty amtak "Знай: тебя съел"; qontylā īnkapaty: kuty kos sūra "Во сне (буквально "спя") слышит: кто-то плачет").

Наконец, возможны бессознанные предложения, содержащие в одной из частей различные частицы. В зависимости от семантики частиц эти предложения выражают причину, обоснование, следствие или степень того действия или качества, которое обозначено в другой части предложения: Tēr ogeā mōsaā - natqaj toruty sūā "Он сильно хромает - значит ноги у него болят"; Mēlytqo ila hāgōqut - natqo somak ēyūhā aj qēlyhā "Он все время в тундре живет - потому он хорошо охотится и рыбачит"; Namuēāak sākārtuura - muqaj qālyf rōgy qāllēpra "До того он торопится - даже бегом бежит он"; Kanat muqyt cūpru māsāty - muqaj tēmbūp īruty "У собаки длинный хвост - даже по земле она волочит".

4.3.2. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Относительные предложения относятся к сложноподчиненным предложениям и характеризуются тем, что средством связи частей в них служат относительные местоимения (союзные слова), которые помещаются в придаточной части. В главной части могут быть соответствующ-

щие указательные местоимения. Этот тип сложных предложений довольно распространен в селькупском языке, но не представляет большого интереса, так как такие конструкции, вероятно, являются синтаксической калькой с русского языка: *Kuty kyka, nyliscāy* "Кто хочет, привстань"; *Kuttar ilyaylī, nīysuk aj ilyaylī* "Как вы жили, так и живите"; *Nātak kut robyrna, nū tulybba* "Девушка где дрова рубит, туда он подъехал". Как видно из примеров, особенности селькупских относительных предложений по сравнению с русскими являются более свободное расположение относительных местоимений (они могут быть и в начале, и в середине – но не в конце – придаточной части). Обычно относительные местоимения стоят на том месте, где должен был бы находиться член простого предложения, замененный этим союзным словом (местоимением).

4.3.3. СОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

4.3.3.1. Сложносочиненные предложения

Сложносочиненные предложения в селькупском языке немногочисленны. Они представлены в основном сложными предложениями с повторяющимися союзами: соединительными *hi... - hi...* "и...-и..." (*Sūmykōlyuk īca: hi kapañ aāa mīta, hi tama aāa karhūma* "Тихо: ни собака не лает, ни мышь не скребется"); разделительными *šmu... - šmu...* "то...-то..." (*šmu sōlytu qētūma, šmu soruntā īca* "То солнце светит, то дождь (есть)"), и *qaj... - qaj...* "то ли...-то ли..." (*ter qaj masonty qēpa, terum qaj qēprōtyt kussā kos* "То ли он в лес ушел, то ли его увезли куда-то").

Встречаются также сложносочиненные предложения с одиночными союзами: соединительным *aj* "и" (*Ūtyt lyrkumētīja, aj moqunā qēnpōqī* "Вечером стемнело, и они домой пошли"; *mañ ūgar sāpka, aj tap ūgal sāpka* "Мне дела нет, и тебе дела нет" (буквально "Мое дело отсутствует, и твое дело отсутствует"), а также противопоставленным из русского языка противительным союзом *a* (*Xura tīmbaty qala, a wēqy tīmbaty laqaltāfca* "Младший брат его остался, а старший брат его поехал").

Следует отметить, что союзное сочинение слабо развито в селькупском языке, хотя сложносочиненные предложения с союзом *aj* встречаются довольно часто. Это находит объяснение в том, что наши исследования опирались на материалы устной речи, а е-й, как упоминалось выше, свойственно цепное "наизывание" предложений.

4.3.3.2. Сложноподчиненные предложения

В зависимости от значения союзов, соединяющих главную и придаточную части, сложноподчиненные предложения селькупского языка подразделяются на следующие типы: сложноподчиненные предложения с придаточными временными, уступительными, условиями, сравнительными и изъяснительными.

Большая часть сложноподчиненных предложений обладает негнбкой структурой, то есть придаточная часть стоит на фиксированном месте относительно главной. Во всяком случае почти всегда то или иное место для придаточной части предпочтительней (обычно препозиция, а в случае сравнительных и изъяснительных придаточных — постпозиция).

Наиболее развитым типом являются сложноподчиненные предложения с придаточными в р е м е н и.

Придаточные времена вводятся с помощью союзов *kuššat* "когда", *сар* "как только", *kekkyšä* "едва", *kuttar* "как, когда", *qäntyk* "как, когда", *tary* "пока".

Самым широким значением обладает союз *kuššat*; он может указывать на: одновременность действий, выраженных в главной и придаточной части (*Kuššat ter mōtqyn šmtyša, kanaŭty masonty raktyuštyn* "Когда (=пока) он в доме сидел, его собаки в лес убежали"); на предшествование во времени действия придаточной части действию главной (*Kuššat tūnta tūlham, mē masonty qentšm* "Когда придет мой брат, мы в лес пойдем"). Иногда в главной части используется указательное местоимение — наречие *paššä(qy)t* "тогда"; таким образом, предложение становится относительным — *kuššat* в этом случае следует считать союзным словом: *Kuššat mōtty tultymštut šuryŭatyn, paššäqyt saupra toŕä* "Когда впустили (буквально "внесли") зверят в дом, тогда случилась беда".

Остальные временные союзы имеют довольно узкое значение. Союз местоименного происхождения *kuttar* и *qäntyk* означают предшествование действия придаточной части действию главной части. Никакого различия между этими союзами обнаружить не удалось (кроме того, что предложения с союзом *kuttar* значительно употребительней, чем с союзом *qäntyk*): *Kuttar qōsyty štaŭ amuryŭ šūŕp. ter raktyŭ qessa* "Как (=когда) увидел он волка, он убежал" (буквально "бежа ушел"); *Kuttar mē amuryqo omšantymyt, kanat mūtšyt* "Как (=когда) мы сидим есть, собаки лают"; *qäntyk tū qartŭnta, mat*

qentak "Как (=когда) огонь погаснет, я уйду".

Если придаточное временное вводится союзом kekkuŋa, то действие придаточной части непосредственно предшествует действию главной, временной промежуток между этими действиями незначителен: kekkuŋa mat weŋyukak, mat wiŋyukkar aream "Едва я встал, я готовлю еду"; kekkuŋa tar masōqut rilykŋlun qalyura, tar rēqolam-raty wettur woqunā "Едва он остался в лесу один, он начал искать дорогу домой".

Придаточные времени, соединенные с главной частью при помощи союза car, отличаются от предыдущих меньшим временным разрывом между действием придаточной и главной частей. Кроме того, союз car отличается от других более свободным расположением в придаточной части — он может стоять где угодно, но не в конце придаточной части: Ijaŋam car oŋuŋanta, ŋcenta "Мой сынок как только вырастет, работать будет"; Car rōqŋmut ŋinty qattuyak, tat illā ŋŋoyantū "Как только я по голове тебя ударил, ты упал".

Если в придаточной части стоит временной союз car, то в главной не может быть отрицания при сказуемом, так как это привело бы к изменению смысла, к появлению другого типа сложноподчиненного предложения — с придаточным уступительным.

В сложноподчиненных предложениях с союзом tary действие главной части одновременно действию придаточной части: tary taruty ŋaŋŋōlunruŋa "Пока лето было, светло было". Если же в обеих частях предложения с союзом tary стоит отрицание, то это означает, что действие главной не может совершиться раньше, чем действие придаточной части: Tary kanapmu aŋŋa arentar, qentyqo aŋŋa ŋŋcentak "Пока собаку свою не накормлю, спать не лягу".

Сложноподчиненные предложения с придаточными уступительными и используются для связи частей союзом car "хотя". Подавляющее большинство таких предложений содержит в главной части отрицание при сказуемом (в этом состоит отличие уступительных предложений от временных с союзом car "как только"): Car casyq ŋnta, man aŋ nuykumottak "Хоть холодно будет, я не испугаюсь"; Mat sam ŋtāŋa mizam, tar cā qentāty "Хоть я дал оленя, он не уехал"; Tar car weŋq ŋ, ukkumŋinty tanykŋi ŋŋa "Он хоть большой, все равно бестолковый".

Соединение придаточных уступительных с главной частью при помощи сложного союза qatamra car "хотя, несмотря на" встречается крайне редко: ŋtā kintyk qatamra car qallŋruŋa, aŋŋa nupŋzy "Олень хоть долго бежал, не устал".

Придаточные условные соединяются с главной частью посредством союзов *qata(mol)* "если" и *sālsā* "если". Союз *sālsā* используется преимущественно с оптимативом и кондиционалисом в придаточной части: *sālsā tat ātāl sīcy amīāl, tat laryrsā īnnanty* "Если ты олене сердце съешь, ты станешь ловким"; *sālsā kanaqly āšā sattymsā, mōtty māšīr ūtanta* "Если твоя собака не кусается, в дом меня впустит".

Союз *qata(mol)* обычно используется с индикативом и латентивом: *qata tat kanaqly āšā satta, mōtty māšīr ūtanta* "Если твоя собака не кусается, в дом меня впустит"; *qatamol mat zubympak, natqaj mat iprak* "Если я дышу, значит я лежу". Засвидетельствовано употребление союза *qata(mol)* с кондиционалисом и конъюнктивом, следовательно, союзные предложения в какой-то мере дублируют бессоюзные условные. Однако существует между ними небольшое отличие: во всех случаях употребления союзов, значение того или иного условия, передаваемое соответствующими наклонениями глагола, несколько "ослабевает". Союзные условные предложения в большинстве своем означают самое общее реальное условие: *qatamol kanaqly mōtlytqo amnat ila, tēr hēhāz īkka* "Если собака постоянно голодает, она бывает злая".

Придаточные сравнительные вводятся союзом *mity(mol)* "будто", реже — союзом *kuttar* "как". Нередко в главной части присутствует указательные местоимения, что по значению приближает данный тип придаточных к придаточным степени: *nīfcyū zoryntā īsy, mitymol kutyka okoškam monnyty* "Такой дождь был, будто кто в окошко стучал"; *lettymraty aj āmty kāsāaltymraty, mitymol mīšālnyty āstyn oly* "Прицелился и языком щелкнул, будто нажал на курок".

Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными не имеют четко установившейся структуры. Средства связи частей такого предложения очень разнородны: в придаточной части вопросительного характера используется союз-частица *qaj* "что", "ли". (Тер *āšā tēzūmraty, qaj imaty qenta qēttonty tērsā* "Он не знает, поедет ли жена с ним в город"); в придаточных изъяснительных, содержащих оттенок сомнения, предположения, употребляется союз *mity(mol)* "будто" (*Imaty mōlmytta, mitymol tēr qūta* "Его жена врет, что (будто) он болеет"; Тер *qomraty, mity imanty oīdyt kyg* "Он увидел, что (вроде) у жены на голове рана"). Придаточные изъяснительные, передающие чужую речь, могут использовать

для присоединения к главной части различные частицы, которые в этом случае выполняют функцию союзов: Тер тошуту, мошра а́йаа тапушуту (3Sg.) ошту ёшту "Он говорит, что, мол, не знает *своего* собственного языка"; Тер тошуту, мута масо́шт сётушрату (3Sg.) qorqur "Он говорит, что, мол, в лесу встретил он медведя" (ср.: Тер тошуту, мута т́ау маса́ qantak (1Sg.) "Он говорит: мол, в лес пойд́у"). Использование в придаточных частях 3-го лица глагола-сказуемого говорит о том, что это именно сложные предложения с придаточными изъяснительными, а не просто передача прямой речи. По-видимому, сложноподчиненные предложения этого типа под влиянием русского языка развиваются за счет введения различных частиц-союзов из конструкций, передающих чужую речь.

Таким образом, в настоящее время в селькупском языке сложное предложение представляет собой развивающееся явление: появляются новые типы сложноподчиненных предложений; используются для соединения частей сложного предложения различные части речи (частицы, наречия, местоимения), функционально приближающиеся в этом случае к союзам. Вместе с тем четкие структурные формы для некоторых типов сложных предложений еще не установились.

Подводя итоги, можно отметить, что селькупский синтаксис развивается в сторону усложнения конструкций.

СОКРАЩЕНИЯ

Грамматические термины

буд.вр.	- будущее время	Du.	- двойственное число
наст.вр.	- настоящее время	El.	- элатив
непер.	- непереходный (глагол)	Gen.	- генетив
несов.	- несовершенный (вид)	Ill.	- иллатив
об.спр.	- объектное спряжение	Instr.	- инструменталь
перех.	- переходный (глагол)	Loc.	- локатив
прош.вр.	- прошедшее время	Nom.	- номинатив
сов.	- совершенный (вид)	Pl.	- множественное число
суб.спр.	- субъектное спряжение	Px.	- посессивный показатель
Acc.	- аккузатив	Sg.	- единственное число
Car.	- каритив	Transl.	- транслатив
Coll.	- собирательная форма	Voc.	- вокатив
Coord.	- координатив	Vx.	- личный предикативный показатель
Dat.-All.	- датив-аллатив		

Языки и диалекты

англ.	- английский	сельк.	- селькупский
бел.	- белорусский	слав.	- славянский
венг.	- венгерский	ср.-таз.	- среднетазовский
в.-таз.	- верхнетазовский	ст.-сл.	- старославянский
др.-греч.	- древнегреческий	ст.-укр.	- староукраинский
др.-русс.	- древнерусский	с.-х.	- сербскохорватский
лат.	- латиноский	укр.	- украинский
лит.	- литовский	фин.	- финский
манс.	- мансийский	франц.	- французский
нган.	- нганасанский	ф.-у.	- финно-угорский
нем.	- немецкий	хант.	- хантыйский
нен.	- ненецкий	чеш.	- чешский
обск.	- обский	эвен.	- эвенский
польск.	- польский	эвенк.	- эвенкийский
русс.	- русский	эв.	- энецкий

- Беккер 1978 - Э.Г.Беккер. Категория падежа в селькупском языке. Томск, 1978.
- ВЯ - "Вопросы языкознания".
- Кузмина 1974 - А.И.Кузмина. Грамматика селькупского языка. Ч.1. Новосибирск, 1974.
- НАС - "Происхождение аборигенов Сибири и их языков".
- Прокофьев 1935 - Г.Н.Прокофьев. Селькупская грамматика., Л., 1935.
- Прокофьев 1937 - Г.Н.Прокофьев. Селькупский (остяко-самоедский) язык. "Языки и письменность народов Севера" Ч.1. Л., 1937, стр.91-124.
- Терещенко 1959 - Н.М.Терещенко. В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык. (Опыт сопоставительной грамматики ненецкого и русского языков). Л., 1959.
- Терещенко 1973 - Н.М.Терещенко. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973.
- ЯН СССР - Языки народов СССР. Т.III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.
- Castrén 1854 - M.A. Castrén. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854.
- Castrén 1855 - M.A. Castrén. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. SPb., 1855.
- Castrén-Lehtisalo 1960 - M.A. Castrén, T. Lehtisalo. Samojedische Sprachmaterialien. Helsinki, 1960.
- Collinder 1956 - B. Collinder. Fenno-Ugric Vocabulary, An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm, 1955.
- Erdélyi 1969 - I. Erdélyi. Selkupisches Wörterverzeichnis (Tas-Dialekt). Budapest, 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
I. ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА	12
I.1. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА	12
I.2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА	18
I.2.1. Полисемия	18
I.2.2. Антонимия	27
I.2.3. Синонимия	31
I.3. СЛОЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ	36
I.4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЛЕЙ СЛОВ	45
I.4.1. Виды лексических полей	45
I.4.2. Календарные названия	51
I.4.3. Лексическое поле географических терминов	59
I.4.4. Глаголы движения	77
I.4.5. Термины родства и свойства	88
I.4.6. Заукоподражательная лексика	94
2. ФОНОЛОГИЯ	118
2.1. ФОНЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ	120
2.1.1. Противопоставленность согласных фонем по месту образования	120
2.1.2. Противопоставленность согласных фонем по способу образования	121
2.1.3. Противопоставленность гласных фонем по ряду	123
2.1.4. Противопоставленность гласных фонем по подъему	123
2.1.5. Противопоставленность гласных фонем по лабиализации	124
2.1.6. Напряженные и ненапряженные гласные	125
2.1.7. Противопоставленность гласных фонем по долготе	127
2.2. НЕФОНЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ. АЛЛОФОНЫ ФОНЕМ	128
2.2.1. Некоторые правила дополнительного распределения аллофонов согласных фонем	128
2.2.2. Аллофоны согласных фонем	129
2.2.3. Аллофоны гласных фонем	133

2.3. УДАРЕНИЕ	135
2.3.1. Качественные особенности ударных гласных	135
2.3.2. Место ударения в слове	136
2.3.3. Правила акцентуации	137
2.4. НОСОВЫЕ И СМЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В КОНЦЕ СЛОВА	141
2.5. ФОНОТАКТИКА И ФОНОСТАТИСТИКА	145
2.5.1. Позиционные возможности фонем	145
2.5.2. Некоторые фоностатистические данные	147
2.6. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ	152
2.7. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРХНЕТАЗОВСКОГО ГОВОРА	154
3. МОРФОЛОГИЯ	157
3.1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	159
3.1.1. Морфология формообразования существительных	162
3.1.2. Категория числа	167
3.1.3. Категория падежа	171
3.1.4. Категория посессивности	184
3.1.5. Предикативные формы существительных (вербальная репрезентация существительных)	188
3.1.6. Адъективная репрезентация существительных	190
3.1.7. Адвербиальная репрезентация существительных	196
3.1.8. Образцы парадигм	197
3.2. ГЛАГОЛ	203
3.2.1. Морфология формообразования глаголов	206
3.2.2. Категория вида	209
3.2.3. Категории залогового характера	211
3.2.4. Категория совершаемости	217
3.2.5. Категории лица, числа и типа спряжения	234
3.2.6. Категории наклонения и времени	235
3.2.7. Субстантивная репрезентация глаголов	249
3.2.8. Адъективная репрезентация глаголов	253
3.2.9. Адвербиальная репрезентация глаголов	256
3.2.10. Образцы парадигм	258
3.3. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	265
3.4. НАРЕЧИЕ	268
3.4.1. обстоятельственные наречия	269
3.4.2. Определительные наречия	281
3.5. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ	285

3.5.1. Количественные числительные	285
3.5.2. Порядковые числительные	287
3.5.3. Краткие числительные	287
3.6. МЕСТОИМЕНИЕ	288
3.6.1. Личные местоимения	288
3.6.2. Местоимения с основой оп-	290
3.6.3. Указательные местоимения	293
3.6.4. Вопросительные местоимения	296
3.6.5. Отрицательные местоимения	298
3.6.6. Неопределенные местоимения	299
3.6.7. Определительные местоимения	300
3.7. СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ	300
3.7.1. Частицы	301
3.7.2. Модальные слова	308
3.7.3. Превосхи	310
3.7.4. Послелог	314
3.7.5. Союзы	324
3.7.6. Междометия	329
3.8. МОРФЕМНЫЙ СОСТАВ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА. СЛОВСОБРАЗОВАНИЕ	334
4. С И Н Т А К С И С	354
4.1. ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ТИПЫ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	355
4.1.1. Повествовательные предложения	355
4.1.2. Вопросительные предложения	355
4.1.3. Побудительные предложения	356
4.1.4. Восклицательные предложения	357
4.2. ТИПЫ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СТРУКТУРЕ	358
4.2.1. Односоставные предложения	358
4.2.2. Двусоставные предложения	361
4.3. СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	398
4.3.1. Бессоюзные сложные предложения	400
4.3.2. Относительные предложения	401
4.3.3. Союзные сложные предложения	402
СОКРАЩЕНИЯ	407